

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музологии

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных трудов

ВЫПУСК 6

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2011

УДК 902(08)
ББК 63.4я43
Т338

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **В.В. Горбунов**;
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук **Н.Н. Крадин**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадалов**;
доктор исторических наук **А.А. Тишкин** (отв. ред.);
доктор исторических наук **А.В. Харинский**;
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**

Т338   **Теория и практика археологических исследований** : сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Вып. 6. – 212 с.: ил.; цв. вкл.

ISBN 978-5-7904-1196-0

В очередном выпуске сборника научных трудов кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ представлены актуальные, дискуссионные и информационные статьи, в которых отражены различные аспекты изучения археологических материалов.

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся теоретическими, методическими и практическими проблемами археологии.

УДК 902(08)
ББК 63.4я43

Сборник научных трудов подготовлен при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проекты «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья», шифр 2010-1.2.1-300-028-022; «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности», шифр 2009-1.1-301-072-016) и в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ по теме «Изучение этногенетического и социокультурного развития древних и средневековых народов Алтая»

ISBN 978-5-7904-1196-0

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АРХЕОЛОГИИ	
<i>Савинов Д.Г.</i> О знаковом изображении колесниц эпохи доандроновской бронзы	7
<i>Тишкин А.А., Серегин Н.Н.</i> Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации	14
ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Сарианиди В.И.</i> Археологические свидетельства раннего зороастризма в Каракумах (III–II тыс. до н.э.)	33
<i>Дубова Н.А.</i> Погребения знатных воинов на Гонур Депе (Туркменистан)	47
<i>Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С.С., Гребенников И.Ю.</i> Раскопки поселения Баян Булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн)	58
<i>Серегин Н.Н.</i> Проблемы и перспективы изучения погребальных комплексов тюркской культуры Монголии	94
<i>Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Эрдэнэболд Л.</i> Предварительные результаты исследования вала городища Эмгэнтийн хэрэм	100
<i>Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д.</i> Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н.э.	107
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Кунгуров А.Л.</i> Палеолитическая стоянка Усть-Машинка-3 (Рудный Алтай)	123
<i>Переводчикова Е.В.</i> Скифский звериный стиль Евразии и Китая: некоторые особенности диалога	137
<i>Рыбаков Н.И.</i> Опыт реконструкции чужеродной религиозной традиции. Июсская иконография	143
<i>Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В.</i> Тюркские оградки памятника Белый Бом-II	152
ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	
<i>Грушин С.П., Тишкин А.А.</i> Результаты определения находок древесины из памятников ранней бронзы Верхнего Приобья	161

<i>Тишкин А.А.</i> Деревянные находки из памятника Яломан-II на Алтае	165
<i>Соенов В.И., Штанакова Е.А.</i> Деревянная посуда из погребений могильника Курайка	177

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Шайхутдинов В.М.</i> К вопросу об истории изучения металлургии населения елунинской культуры Лесостепного Алтая	187
<i>Лихачева О.С.</i> Комплекс вооружения быстринской культуры северных предгорий Алтая	192

РЕЦЕНЗИИ

<i>Игнатьева О.В.</i> Рецензия на книгу К.А. Руденко «Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова» (Казань, 2010)	200

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Тишкин А.А.</i> Д.Г. Савинов – юбиляр	202
Список сокращений	211

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда на нашей кафедре было принято решение издавать сборник научных трудов «Теория и практика археологических исследований», то жесткий график ежегодных выпусков не предусматривался, хотя такая возможность имелась и имеется до сих пор. В 2010 г. очередной (шестой) том не вышел в свет. Своевременная публикация была сорвана из-за неблагоприятной ситуации, сложившейся в системе расходования финансовой поддержки, которая выделяется научным проектам. Под предлогом рачительности государственных средств обозначились существенные препятствия. В ходе тендеров и аукционов, на организацию которых требуется существенное количество времени, предусмотрен вариант закупа более дешевого оборудования, товаров, услуг и т.д. Вся эта процедура порой доведена до абсурда, а ее итог часто оказывается неудовлетворительным для заказчика. Исследователи, пройдя уже конкурсный отбор на получение финансируемого гранта или программы, вынуждены заниматься не выполнением научных задач, а решением навязанных проблем, которые сдерживают эффективность реализации государственного заказа. В конце 2010 г. получилось так, что объявленный аукцион на выполнение работ по научно-редакционной подготовке и тиражированию нескольких монографий, учебного пособия и сборников статей, подготовленных кафедрой археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, не состоялся! Причиной случившегося стало то, что конкурсная документация была размещена на электронной площадке одного из банков, на которой ни одна издательская фирма г. Барнаула не была зарегистрирована, а времени для реализации такой процедуры оказалось мало. В результате никто из потенциальных исполнителей не смог выйти со своими предложениями, а научные труды, созданные не только коллективом нашей кафедры, но и многочисленными коллегами, не были напечатаны. В первой половине 2011 г. дважды предпринимались попытки издать подготовленный сборник, но тендеры оба раза не состоялись. Дело в том, что за прошедшее время стоимость необходимых услуг увеличилась, а предлагаемая цена все время запаздывала из-за бумажной волокиты и организационной процедуры. Преодолеть этот барьер можно было только путем доплаты наличными все время обозначавшейся разницы. Ситуация изменилась в ноябре 2011 г., когда появилась возможность расходовать средства, выделенные по грантам РГНФ и РФФИ, в соответствии с утвержденной сметой. Но это способствовало лишь частичному решению имеющихся противоречий и препятствий. На самом деле целый ряд проблем остался. Но лучше перейдем непосредственно к содержанию сборника.

Книга открывается статьей Д.Г. Савинова в разделе «Теоретические и методические аспекты в археологии». Данный факт в определенной мере знаковый. Дело в том, что в 2011 г. Дмитрий Глебович отметил свой 70-летний юбилей. Несмотря на возраст, ученый находится в авангарде актуальных исследований. В своей статье он излагает варианты поиска и предлагает ряд методических приемов по выявлению, фиксации и интерпретации свидетельств наличия колесниц в доандроновское время.

Указанный раздел продолжает статья, демонстрирующая возможность решения одной из важных проблем средневековой археологии Азии – обоснование выделенного раннего этапа формирования и развития тюркской культуры (авторы – А.А. Тишкин и Н.Н. Серегин). Основой проделанной работы стала систематизация инвентаря из памятников Алтая.

Раздел «Зарубежная археология» уже становится постоянным. Он имеет перспективы существенного расширения за счет приглашения иностранных специалистов. Такая ситуация отражает объективную реальность. В последнее десятилетие активно устанавливаются связи и контакты российских исследователей с зарубежными коллегами. В нынешнем варианте подготовленного раздела отражены работы в Туркменистане и Монголии. Особенно потрясающими выглядят результаты раскопок под руководством В.И. Сарияниди. Они отражены в статье Виктора Ивановича, а также в публикации Н.А. Дубовой. Не менее важными являются результаты, полученные в Монголии и продемонстрированные в следующих статьях. Одна из них (авторы – А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар, С.С. Матренин и И.Ю. Гребенников) демонстрирует результаты раскопок на территории Южногобийского аймака. В ней представлен значительный объем полученного материала, а также дается интерпретация изучаемого памятника на основе китайских письменных источников. Другая работа авторского коллектива (Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев, А. Очир, С.А. Васютин, Л. Эрдэнэболд) посвящена исследованиям крупного городища Эмгэнтийн хэрэм. В статье А.В. Харинского и Д. Эрдэнэбаатара представлены важные сведения о погребениях монгольского времени, исследованных в Северном Прихубсугулье. Проблемы и перспективы изучения погребальных комплексов тюркской культуры Монголии изложены Н.Н. Серегиным.

В разделе «Результаты изучения материалов археологических исследований» размещены научные работы разного характера. Две из них отражают публикацию материала, а другие направлены на поиск решения обозначенных проблем на основе уже известных данных. Все они являются важным вкладом в изучение разных исторических периодов (эпоха камня, ранний железный век и средневековье).

Отдельный раздел, подготовленный при частичной поддержке РФФИ (проект №10-06-00476-а), посвящен результатам изучения деревянных изделий, обнаруженных в древних памятниках Приобья и Алтая.

Следующая часть сборника включает две статьи молодых исследователей из числа магистрантов, специализирующихся на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ. Они демонстрируют возможности и потенциал подрастающего поколения специалистов в области археологии.

В этом выпуске есть рецензия О.В. Игнатъевой на книгу К.А. Руденко «Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова» (Казань, 2010).

В разделе «Персоналии» помещена краткая биографическая справка о Д.Г. Савинове. Редколлегия сборника присоединяется к многочисленным поздравлениям юбиляра, желает ему здоровья, семейного благополучия и всего самого наилучшего.

Порядок расположения статей в перечисленных разделах выпуска соответствует хронологическому определению представленных материалов. Авторы публикуемых научных трудов представляют различные учреждения таких городов России, как Санкт-Петербург, Москва, Казань, Барнаул, Горно-Алтайск, Красноярск, Иркутск, Владивосток. Кроме них, участвовали коллеги из Монголии, с которыми налажено плодотворное сотрудничество. На цветной вклейке демонстрируется портрет Д.Г. Савинова, а также размещены фотографии археологических материалов, о которых идет речь в представленных публикациях.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АРХЕОЛОГИИ

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

О ЗНАКОВОМ ИЗОБРАЖЕНИИ КОЛЕСНИЦ ЭПОХИ ДОАНДРОНОВСКОЙ БРОНЗЫ

<i>Вывозит мощный Митра</i>	<i>И спереди копыта</i>
<i>Свою легковезомую,</i>	<i>Их золотом одеты,</i>
<i>Златую колесницу,</i>	<i>А сзади серебром.</i>
<i>Красивую прекрасную,</i>	<i>И впряжены все четверо</i>
<i>И колесницу эту</i>	<i>В одно ярмо с завязками</i>
<i>Везут четыре белых,</i>	<i>При палочках, а дышло</i>
<i>Вращенных духом, вечных</i>	<i>Прикреплено крюком.</i>
<i>И быстрых скакуна,</i>	

Авеста. Яшт. 10

(перевод И.М. Стеблин-Каменского. М., 1993)

Это прекрасное по своей эпической выразительности и точности воспроизведения деталей описание относится ко времени, образно названному в истории Древнего мира «эпохой колесниц». В изобразительной традиции различных областей данное важнейшее культурное завоевание отразилось по-разному: в архитектурном декоре, росписях, барельефах, печатях и вазовых композициях искусства высоких цивилизаций [Горелик, 1985; Нефедкин, 2001]; в наскальных изображениях, гравировках и предметах мелкой пластики Евразийских степей.

Произведения изобразительного искусства в археологических памятниках вообще встречаются сравнительно редко и поэтому привлекают к себе самое пристальное внимание исследователей. Объяснение их внутреннего содержания и назначения может строиться на различных основаниях: сравнительно-историческом и иконографическом анализе, условиях (контекст), этнографических параллелях и др. Один из возможных подходов – особая знаковая сущность подобных изображений, обозначающих, как наиболее значимые, «узловые» элементы или образы каких-то древних не сохранившихся мифов. Важное значение при этом имеют различного рода детали (поза, положение рук или какой-либо сопутствующий знак), которые при условии их повторяемости приобретают характер идеограммы, создают определенное поле «узнаваемости» подобных изображений или соответствующих им атрибутов.

С этой точки зрения несомненный интерес представляют изобразительные материалы, относящиеся к эпохе бронзы и связанные с начальным периодом распространения колесниц в восточных районах Евразийских степей. Наскальные изображения колесниц, свидетельствующие о значении их в жизни древних скотоводов, известны в достаточно большом количестве в петроглифах Монголии и Тувы, Средней Азии и Казахстана. При этом, скорее всего, наиболее распространенные приемы их изображения – плановое и профильное – могли иметь не только изобразительное, но и семантическое значение.

Само название «колесницы», как элемент воинской субкультуры, носит в известной мере условный характер, так как функционально подобные средства транспорта, известные по наскальным изображениям, могли иметь различное назначение (не только боевые, но и погребальные, свадебные колесницы, праздничные кортежи и т.д.), что, по-видимому, и определило типологические различия их воспроизведения в петроглифах [Новожинов, 1994; Кожин, 1987; Черемисин, 2007; Балонов, 2000; и др.].

Согласно исследованиям Е.Е. Кузьминой [2008 и др.], наскальные изображения колесниц (в широком значении этого термина) – в основном плановые – относятся к андроновской культуре и связываются с продвижением индоариев на Восток. Э.А. Новгородова [1984, 1989 и др.] относит те же изображения к более позднему времени и рассматривает их как одно из наиболее ярких проявлений монгольского очага формирования карасукской культуры. Та и другая точки зрения равнодоказуемы, но фиксируют период широкого распространения колесниц, а не время их первого появления в степных просторах Азии. Однако сами колесницы, несомненно, появляются там раньше, о чем свидетельствуют находки в таких удаленных друг от друга памятниках, как Синташта в Южном Приуралье и погребения с колесницами (чемакены) в Иньском Китае. Только с использованием колесницы или других средств колесного транспорта могли быть освоены обширные территории группами населения сейминско-турбинской, кротовской, самусьской и окуневской культур, относящихся к одному хронологическому пласту, весьма точно и образно названному В.В. Бобровым эпохой доандроновской бронзы.

Отдельные виды колесного транспорта, очевидно, чисто утилитарного назначения, главным образом четырехколесные повозки – фургоны, нашли отражение в изобразительной традиции окуневской культуры на Енисее. Таковы, например, изображения Минусинской котловины [Леонтьев, 1980], рисунки на известной Знаменской стеле, а также фигурки возничих в характерной сидящей позе с вытянутыми вперед руками на одной из плит могильника Черновая-VIII [Савинов, 1997, рис. 10]. Но указанных изобразительных материалов пока еще очень мало или они остаются не выявленными. Это дает возможность предполагать, что в период начального освоения колесниц в степной части Азии для их изображения могли использоваться какие-то иные, условные или знаковые средства выражения.

Примеры подобного рода изображений (в гравировках, декоративном убранстве керамики и металлопластике) немногочисленны, дискретны, но все же, будучи рассмотрены под определенным углом зрения, приоткрывают очень важную, пока еще скрытую страницу духовной культуры населения эпохи доандроновской бронзы. Такие знаковые элементы с колесничной символикой объединяют разнокультурные и, на первый взгляд, не связанные между собой изображения. Среди них – Галичский «идол», мотивы орнаментации самусьской керамики, навершия некоторых сейминско-турбинских ножей и др. Все они относятся к одному культурно-историческому периоду (2-я четверть – середина II тыс. до н.э.), соответствующему понятию доандроновской бронзы.

Комплекс находок из знаменитого Галичского клада наиболее подробно рассмотрен в работах С.В. Студзицкой и С.В. Кузьминых [2001; Studzitskaya, Kuzminykh, 2002]. В результате всестороннего анализа всех составляющих его компонентов авторы пришли к выводу о том, что имеется «достаточно оснований, чтобы предположительно рассматривать Галичский «клад» как шаманский комплекс» [Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 157]. Жемчужиной этой коллекции являются две антропоморфные фигуры («идолы»), выполненные с высоким художественным мастерством. «Древний мастер стремился передать образ

мужчины атлетического телосложения, подчеркнув особенно мускулы рук и ног. Фигурки сформированы в одинаковой характерной – танцующей или камлающей – позе, с согнутыми в коленях ногами, которые внизу соединены перемычкой. Талия – узкая; руки, согнутые в локтях, соединены «в замок» и нависают над бедрами. Кисти рук и ступни не выделены» [Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 146]. На голове – в одном случае три, в другом – пять фигурных выступов, которые авторы трактуют как «лунницы», а сами фигуры – как древнейшие изображения шаманов [Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 150–153].

Не оспаривая предложенную трактовку галичских «идолов» как изображения шаманов, а связанных с ними по условиям нахождения предметов – как шаманских атрибутов (а она действительно подтверждается набором представленных в них образов), можно привести и некоторые другие изображения, имеющие отношение к рассматриваемой теме. Так, соединенные «в замок», согнутые в локтях и слегка вытянутые на уровне тазовых костей руки являются явной демонстрацией удержания в них чего-то весомого, требующего значительного напряжения. Об этом же свидетельствуют согнутые в коленях, как бы «упертые» в планку ноги, и подчеркнутая мускулатура изображенного персонажа (рис. 1.-6). Именно эти иконографические особенности, в наибольшей степени соответствующие образу управляющего колесницей, колесничего, придают галичским «идолам» особую выразительность и динамичность.

Вряд ли они имеют отношение к изображению танцующего человека. Об этом еще раньше писал П.М. Кожин [1993, с. 34], отметивший, что «руки, сложенные на поясе, напряженные и резко подчеркнутые мышцы голени присогнутых ног – это не поза шамана в момент камлания, а поза саамов, мчащихся за оленем на построжке». Последняя аналогия навеяна сравнением с известным изображением Ростовкинского «лыжника» (рис. 1.-7) [Матющенко, 1970; Матющенко, Синецкая, 1980, рис. 7], которую П.М. Кожин [1993, с. 34] считает «полным аналогом» Галичскому идолу. Несмотря на различную интерпретацию, предложенную по поводу уникальной композиции из Ростовки (существование своеобразного «лыжного» транспорта в упряжке с конем, охота, приручение дикой лошади и др.), подход к пониманию той и другой фигуры – Галичского «идола» и конного «лыжника» из Ростовки – представляется наиболее близким к действительности.

«Лунницы» на голове Галичских «идолов» с равной долей вероятности можно ассоциировать с изображением лучей или солнечной «короны»*. В таком случае речь может идти об изображении какого-то обожествленного «солнечного» персонажа, однако не обязательно «шамана». Не развивая далее эту тему, следует отметить, что других данных о столь раннем появлении персонифицированного шаманства у нас нет, что не исключает возможности существования уже в это время каких-то основополагающих элементов шаманистского мировоззрения, затем (и пока неизвестно когда) инкорпорированных в практике персонифицированного шаманства. Для стадияльно ранних этапов развития космогонических представлений медиативные функции жрецов, служителей каких-либо астральных культов, а также кузнецов и будущих шаманов могли совпадать или быть нерасчлененными.

В этой связи отказ от рассмотрения других вариантов объяснения семантики Галичских «идолов», которые, по А.М. Тальгрену, «выражали древневосточную концепцию божества, переосмысление фигуры солнечного божества на колеснице с поводьями в руках» (со ссылкой на работу А.М. Тальгрена – Tallgren, 1925), на том основании, что «они

---

* В рассматриваемом контексте есть смысл связывать такие изображения в качестве иллюстрации волос колесничего. – *Прим. отв. ред.*

принадлежат к совершенно различным и не взаимосвязанным друг с другом иконографическим комплексам» [Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 147], представляется излишне категоричным. На наш взгляд, именно указанные особенности изображения Галичских «идолов» – сомкнутые перед собой руки, слегка присогнутые напряженные ноги, солнечная «корона» – являются знаковыми обозначениями мифологического образа, которого с наибольшим основанием, хотя и условно, можно назвать «колесничим». По выделенным признакам с фигурами Галичских «идолов» сопоставимы некоторые другие изобразительные материалы, уже хорошо известные, но еще не рассматривавшиеся в данном контексте. Так, из разрушенного погребения в могильнике Кораблик-1 (р. Чумыш, Алтайский край) происходит костяная пластина с антропоморфным изображением, в котором можно «узнать» те же иконографические особенности (рис. 1.-5): согнутые в коленях ноги (внешний контур нижней части пластины), опущенные и соединенные перед собой руки (гравировка в виде изогнутых под углом линий в средней части пластины), которые авторы публикации трактуют как «условное оформление ожерелья из бус» [Грушин, Кокшенов, 1994, с. 43]. Однако если такое определение может быть уместно по отношению к верхней из этих линий (с отверстиями на концах), то нижняя изогнутая под острым углом линия вместе с абрисом самой пластины в большей степени ассоциируется с условным изображением опущенных до уровня пояса рук. В опубликованной таблице, где указаны возможные аналогии элементам плоскостной скульптуры из Кораблика-1 [Грушин, Кокшенов, 2004, рис. 8; Грушин, 2004, с. 231], круг приведенных сравнительных материалов (петроглифы и мелкая пластика Прибайкалья, гравировки окуневской культуры, красочные рисунки на стенках каменных ящиков из Каракола и др.) излишне широк. Из них по выделенным выше признакам наибольшей степенью сходства обладают рассмотренный выше Галичский «идол» и, очевидно, не случайно оказавшиеся рядом антропоморфные изображения на самусьской керамике. Что касается восточных, прибайкальских параллелей, то С.П. Грушин совершенно прав, считая, что «вопрос о наличии многочисленных аналогий отдельных элементов скульптуры из Кораблика-1 в изобразительной традиции Восточной Сибири требует специального рассмотрения» [Грушин, Кокшенов, 2004, с. 48]. Добавим, что именно они акцентируют и предлагаемую шаманскую атрибуцию самих Галичских «идолов».

Изображения на керамике из поселения Самусь-IV [Матющенко, 1973, рис. 19–21; Косарев, 1974, рис. 10–12] вообще исключительно вариативны [Есин, 2009, с. 68–76; рис. 24–36 и сл.]. Среди них один из основных мотивов – это фигура человека с «лучами»-отростками на месте головы, опущенными, слегка расставленными руками и согнутыми в коленях ногами, уже сопоставлявшиеся в этом плане с изображениями Галичских «идолов» [Есин, 2009, рис. 42]. Такие фигуры располагаются в ряд стоящими на тулове сосуда, иногда горизонтально, по венчику или радиально по кругу на доньшке сосуда (рис. 1.-1). Подобное разнообразие положений свидетельствует, что первичное содержание данного образа было уже в какой-то мере потеряно и характерные для него иконографические особенности приобрели больше декоративное значение. Однако их повторяемость говорит об устойчивости связанных с ним представлений и, возможно, исходя из генерирующей семантики самого сосуда, об их охранительной функции.

Из других изобразительных элементов, относящихся к данному комплексу представлений, следует выделить кресты (или пересеченные крестами прямоугольники) и антиподально расположенные головки лошадей [Есин, 2009, рис. 42]. Те и другие располагаются обычно по венчику, при этом пересеченные крестом прямоугольники

оказываются «в ногах» показанных горизонтально антропоморфных фигур. Можно предположить, что, собранные вместе, они олицетворяют собой конфигурацию, символизирующую основные составляющие элементы колесницы: прямоугольник, пересеченный крестом, или просто крест – платформа колесницы, антиподальные

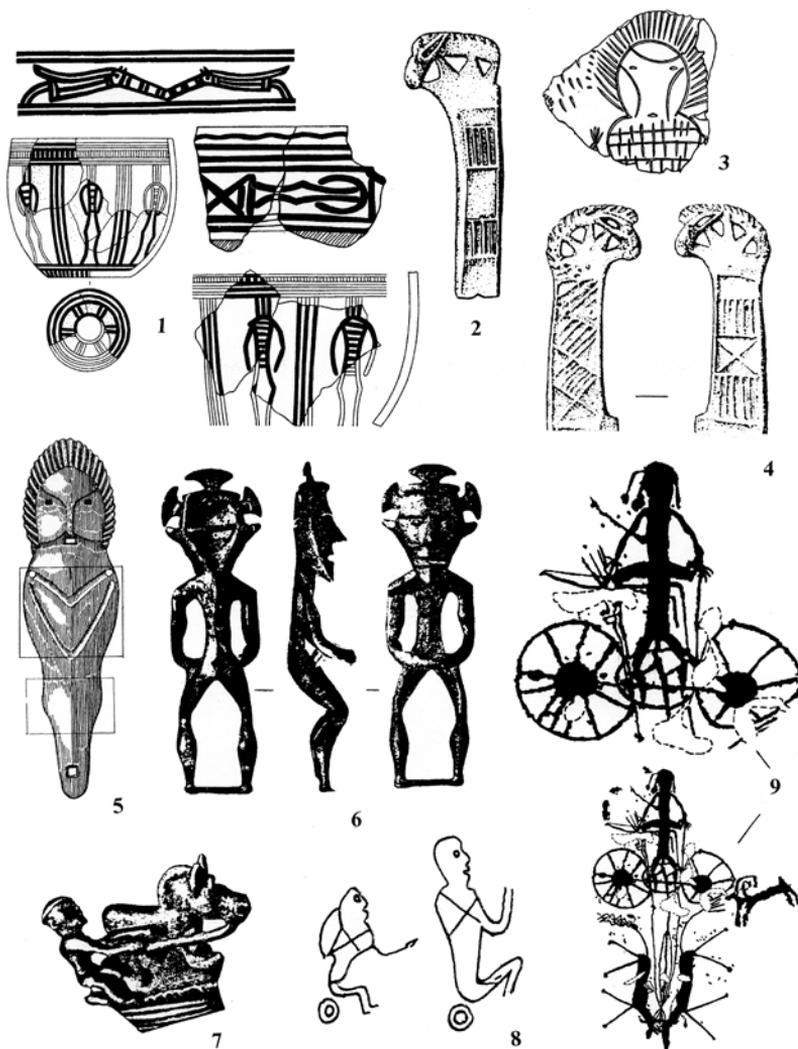

Рис. 1. Некоторые знаковые обозначения колесниц эпохи доандроновской бронзы:
1 – поселение Самусь-4, изображения на керамике (по: [Есин, 2009]);
2 – навершие ножа из Усть-Муты (по: [Кирюшин, 2002]); 3 – рисунок на обломке глиняного сосуда из ПМК-6 (по: [Паульс, 1997]); 4 – навершие ножа из Елунино (по: [Кирюшин, 2002]); 5 – костяная пластинка с антропоморфным изображением из мог. Кораблик-1 (по: [Грушин, 2004]); 6 – Галичский «идол» (по: [Студзицкая, Кузьминых, 2001]); 7 – фигурная композиция на навершии ножа из мог. Ростовка (по: [Studzitskaya, Kuzminykh, 2002]); 8 – фигурки «возничих» на плите из мог. Черновая-VIII (по: [Савинов, 1997]); 9 – Наскальное изображение из Монгольского Алтая, Цаган-Гол (по: [Jacobson-Tepfer, Kubarev, Tseveendorj, 2006]) (без масштаба)

головки лошадей – парная запряжка, расположенная горизонтально антропоморфная фигура с руками «на поясе» и слегка согнутыми ногами – колесничий. Конечно, подобного рода выборка нескольких элементов из всего многообразия орнаментальных мотивов самусьской керамики является в известной степени «насилием» над материалом. Однако в общей системе предполагаемых знаковых обозначений именно они, в первую очередь, могут относиться к кругу представлений, связанных с колесницей.

Очень близко к такому решению подошел Б.Н. Пяткин, в одной из его работ был поставлен вопрос о классификации символов, в которых «записан «текст», связанный с колесницей на бронзах сейминско-турбинского круга памятников». Согласно этому мнению, «скульптурные навершия в виде пары или одного коня, орнамента рукоятки, наличие каменных пластин, заканчивающихся кружками, помещенными на гарду, позволяют утверждать: нож является моделью колесницы, семантически замещает ее и одновременно служит символом принадлежности обладателя его к определенной социальной группе» [Пяткин, 1987, с. 127]. Сказанное полностью относится к декорировке ножей из Елунино и Усть-Муты [Кирюшин, 2002, рис. 148–150], увенчанных стилизованными фигурками лошадей (или онагров). Ниже их располагаются геометрические фигуры в виде заштрихованного прямоугольника и косоугольного креста, в которых, в свете приведенного мнения Б.Н. Пяткина [1987], следует видеть символическое изображение платформы колесницы (рис. 1.-2, 4). При этом вполне возможно, что ажурный, в виде расходящихся «лучей» способ передачи фигурок лошадей отражает контаминацию образов коня и солнечной «короны» колесничего, изображение которого опущено в этой краткой записи «текста».

Отдельные элементы данного «текста» встречаются и в других изобразительных памятниках. В иной стилистической манере, но с теми же знаковыми обозначениями выполнены упоминавшиеся выше фигурки возникших на плите из могильника Черновая-VIII (окуневская культура) – вытянутые вперед руки, косоугольный крест на туловище, колеса-кружки, расположенные ниже обозначенных фигур (рис. 1.-8) [Савинов, 1997, рис. 106]. В серии петроглифов Монгольского Алтая (Цаган-Гол) имеется одно уникальное изображение [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2006, №627], на котором представлена колесница со всеми деталями (очень редкий случай!) и фигура стоящего на ней колесничего – с руками, держащими поводья на уровне пояса, и согнутыми в коленях, напряженными, упершимися в передок платформы ногами, которую по этим иконографическим особенностям вполне уместно поставить рядом с фигурой Галичского «идола» (рис. 1.-9).

С некоторыми допущениями к тому же кругу памятников можно отнести изображение на стенке глиняного сосуда из могильника ПМК-6 [Паульс, 1997, рис. 4], к сожалению, сохранившееся фрагментарно. Оно представляет верхнюю часть фигуры человека-воина в солнечной «короне», облаченного в пластинчатый доспех, стилистически наиболее близкую персонажу на костяной пластине из могильника Кораблик-1 (рис. 1.-3). Значительное количество костяных панцирных пластин, по-видимому, от такого же доспеха было найдено в могильнике Ростовка около Омска [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 61–66], откуда происходит и нож с изображением Ростовкинско-го «льжника». Не исключено, что подобные панцирные доспехи также можно включить в число атрибутов колесничего.

Из всего сказанного выше следует несколько предварительных выводов, каждый из которых, в случае дальнейшего развития данной темы, может служить ориентиром для будущих исследований.

1. На раннем этапе освоения колесниц в степных, восточных районах Евразии, в отличие от высоких цивилизаций Древнего мира, изображений колесниц, как таковых, практически не производилось. Вместо этого существовала определенная, знаковая система обозначения основных элементов, составляющих колесничий комплекс, включая фигуру самого колесничего и ее наиболее значимые атрибуты. Возможно, это объясняется или отсутствием соответствующих архитектурных ансамблей, где изображения колесниц играли символическую роль определения статуса победителя, или изначальной сакрализацией образа колесницы, когда ее изобразительное воплощение могло быть табуировано.

2. «Узнаваемость» и сакрализация образа колесничего выразились в сочетании и повторяемости определенной системы знаковых обозначений – солнечная «корона», характерная передача «державных» поводья рук и «упершихся» в передок платформы полусогнутых ног. Данные иконографические особенности, вместе со знаковой передачей самой колесницы, определяют круг изображений, который можно рассматривать в данном контексте.

3. Все приведенные примеры подобного изображения колесниц так или иначе связаны с сейминско-турбинскими древностями, что указывает на лидерство «сейминско-турбинцев» в освоении нового вида транспорта. В свою очередь, это можно рассматривать как одно из вероятных объяснений столь быстро, часто археологически неуловимого, распространения бронзовых изделий сейминской металлургии [Черных, Кузьминых, 1989].

4. Говорить о семантической составляющей данного образа сложно. По авторитетному мнению Е.Е. Кузьминой [1974, с. 83], «все боги индоевропейского пантеона характеризуются определенным отношением к колеснице». На наш взгляд, прототипом подобного изображения можно считать колесницу солнечного божества Митры, одного из главных персонажей индоиранской мифологии, столь образное описание которого содержится в Авесте. Возможно, что это говорит об определенной языковой и этнокультурной среде, в которую были включены и носители сейминско-турбинской традиции. Дальнейшее развитие данного образа можно видеть в античном Гелиосе, также изображавшемся в виде солнечного божества в сияющих доспехах, на колеснице.

Библиографический список

- Балонов Ф.Р. Колесницы и колесничие в петроглифах Евразии: семантика с точки зрения экстраверта // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: КемГУ, 2000. Т. II. С. 50–55.
- Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тыс. до н.э. // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 183–202.
- Грушин С.П. Антропоморфная скульптура из Среднего Причумышья // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб.: ЭлексиПринт, 2004. С. 229–233.
- Грушин С.П., Кокшенов В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 35–48.
- Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: ТМЛ-Пресс, 2009. 524 с. (Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ; Т. II).
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 292 с.
- Кожин П.М. Колесничие сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 109–126.
- Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 16–41.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 162 с.
- Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. №4. С. 68–87.

- Кузьмина Е.Е. Индоарии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 556 с.
- Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. С. 65–84.
- Матющенко В.И. Нож из могильника у дер. Ростовка // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 103–105.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. II: Самульская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 139 с. (Из истории Сибири. Вып. 10).
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 132 с.
- Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 528 с.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 166 с.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 381 с.
- Новоженков В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: Аргументы и факты Казахстана, 1994. 265 с.
- Паульс Е.Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 123–127.
- Пяткин Б.Н. Пвозка – колесница – «скифский Арес» (трансформация семантики мотива) // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. 1. С. 125–127.
- Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 202–212.
- Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад» (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.
- Черемисин Д.В. Проблемы изучения наскальных изображений колесниц (по материалам петроглифов Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 261–274.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 319 с.
- Jacobson-Tepfer E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest Haut Tsagaan Gol // Repertoire des Petroglyphes D'Asie Centrale. Paris, 2006. Tome V, fasc. 7.
- Studzitskaya S.V., Kuzminykh S.V. The Galich Treasure as set of Shaman articles // Fennoscandic archaeologica. 2002. XIX. S. 13–35.
- Tallgren A.M. The Copper Idols from Galich and Their Relatives // Studia Orientalia. Helsinki. 1925. №1.

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ПАМЯТНИКОВ
КЫЗЫЛ-ТАШСКОГО ЭТАПА ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации***

Средневековые памятники Алтая уже изучаются довольно длительное время. В результате зафиксировано значительное количество разновременных археологических комплексов [Тишкин, 2007, с. 185–234, 286–288]. Лишь во 2-й половине XX в. материалы, полученные при обследованиях и раскопках, позволили исследователям

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

детально решать проблемы культурно-хронологического определения выявленных объектов на основе имевшегося тогда практического и теоретического опыта [Гаврилова, 1965; Савинов, 1984; и др.]. Дальнейшее накопление археологических источников обозначило необходимость продолжения такой деятельности. С целью всесторонней характеристики и создания более полной картины этнокультурного развития Алтая в эпоху средневековья стала детально разрабатываться современная схема изучения истории средневековых кочевников Алтая. Сначала она была кратко опубликована [Тишкин, Горбунов, 2002; Горбунов, Тишкин, 2003], а затем последовательно дано ее развернутое наполнение в серии публикаций, в том числе монографического плана [Горбунов, 2003, 2006; Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, 2007, 2009]. Основой проделанной работы стала систематизация и типология инвентаря из погребальных комплексов, содержавших наиболее массовый и представительный материал [Тишкин, Горбунов, 2002]. Реализованный подход оказался довольно эффективным при демонстрации целостной картины поэтапного развития культур не только в рамках эпохи средневековья [Тишкин, 2006; 2007]. Следует указать, что развернутая публикация обозначенной концепции продолжается. Один из результатов этой работы – данная статья.

Наиболее актуальной проблемой раннесредневековой археологии уже давно стал комплекс вопросов, связанных с определением компонентов, времени и места сложения тюркской археологической культуры, носители которой стали основателями крупнейшей кочевой империи 2-й половины I тыс. н.э. Опыт реконструкции начальных этапов истории данной общности осуществлен целым рядом исследователей. Большинство специалистов пока поддерживает концепция С.Г. Кляшторного [1965, с. 281], выделившего в ранней истории тюрков два периода: ганьсунско-гаочанский и алтайский. К настоящему времени археологическими материалами обеспечен лишь второй. Отечественными исследователями предлагались различные варианты интерпретации памятников Алтая, относящихся к середине I тыс. н.э. Анализ материалов, накопленных к началу XXI в., позволил выделить ранний период тюркской культуры [Горбунов, Тишкин, 2002а–б; 2003; Тишкин, Горбунов, 2002]. Он был обозначен как *кызыл-ташский этап* и датирован 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. Данная точка зрения нашла отражение в монографиях [Горбунов, 2003, 2006; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 145, 161; Тишкин, 2007, с. 193–194] и докторских диссертациях авторов концепции [Тишкин, 2006, с. 33–34; Горбунов, 2006, с. 9]. В настоящее время актуальным является характеристика особенностей существования культуры тюрков на раннем этапе ее развития. В предлагаемой статье представлен результат рассмотрения предметного комплекса из памятников 2-й половины V – 1-й половины VI в., отражающий специфику процессов, которые происходили на Алтае в то время и оказали серьезное влияние на историю народов сопредельных территорий.

Итоги изучения материальной культуры раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского нагорья представлены в многочисленных научных статьях, разделах монографий и отдельных книгах [Гаврилова, 1965, с. 79–98; Худяков, 1986, с. 137–168; 2004, с. 55–83; Овчинникова, 1990; Горбунов, 2003, 2006; Кубарев Г.В., 2005, с. 26–137; и др.]. Выводы исследователей учитывались в ходе нашего анализа. Вместе с тем получение новых материалов вполне закономерно обозначило некоторую корректировку представлений о хронологии появления и бытования отдельных групп изделий. Сопроводительный инвентарь из погребальных и «поминальных» памятников кызыл-ташского этапа тюркской

культуры представлен следующими категориями вещей: снаряжение верховой лошади, снаряжение человека, орудия труда и предметы быта, вооружение. Ниже представлена характеристика обозначенных находок с акцентом на решение вопросов хронологии предметного комплекса.

Снаряжение верховой лошади. Одними из распространенных категорий находок в комплексах кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая являются предметы, относящиеся к конскому снаряжению. Данный показатель отражает не только большое значение лошади в жизни кочевников, но и демонстрирует ее важную роль в ритуальной практике кочевников раннего средневековья. В археологических памятниках 2-й половины V – 1-й половины VI в. широко зафиксированы *удила* из двух звеньев, каждое из которых заканчивается кольцом, предназначенным для формирования узды (рис. 1.-1–3). В этих кольцах нередко находят псалии и фиксируют дополнительные детали.

Удила с однокольчатыми окончаниями не являются узко датированными изделиями, так как они использовались кочевниками Алтае-Саянской горной страны и сопредельных регионов со 2-й половины I тыс. до н.э. и до VIII–IX вв. н.э. [Савинов, 1984, с. 134]. В связи с этим основным показателем для уточнения времени бытования конского снаряжения становится оформление *псалиев*, обнаруженных в комплекте с удилами. Исследователи уже отмечали, что наиболее архаичными псалиями из археологических комплексов Южной Сибири 2-й половины I тыс. н.э. являлись роговые (костяные) изделия [Гаврилова, 1965, рис. 16.-2; Овчинникова, 1990, с. 97]. В памятниках кызыл-ташского этапа зафиксировано несколько вариантов оформления подобных предметов. Первый представлен роговыми стержневыми (иногда с несколько загнутыми концами), двухдырчатыми псалиями (рис. 1.-4–7). В ряде случаев один конец изделия слегка заострен. Роговые двухдырчатые псалии появились и бытовали на Алтае и сопредельных территориях в скифо-сакский и «гунно-сарматский» периоды [Кляшторный, Савинов, 2005, рис. 2.-7; 3.-11]. Такие находки обнаружены в памятниках претюркского времени. Они зафиксированы в археологических объектах 2-й половины IV – 1-й половины V в. (см., например: [Соенов, 1998, рис. 1.-9]), ныне относящихся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Тишкин, 2007, с. 179]. Подобные изделия продолжали использоваться и во 2-й половине VI – 1-й половине VII в., о чем свидетельствуют предметы из исследованных погребальных и «поминальных» комплексов [Киселев, 1929, табл. V.-13; Гаврилова, 1965, табл. VII.-1, XX.-36; Суразаков, 1982, рис. 2.-7; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 17.-9; Худяков, 1999, рис. 2.-2]. В памятниках катандинского этапа развития тюркской общности они уже не встречаются, так как в то время использовались роговые псалии с железными скобами [Гаврилова, 1965, рис. 8.-10; Грач, 1960б, рис. 95; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9.-7; и др.].

Другой вариант роговых псалиев, обнаруженных в памятниках кызыл-ташского этапа, представлен находками с одним ровным и другим резко заостренным концом (рис. 1.-8–9). Исследователи обозначают подобные изделия как «карандашевидные» [Овчинникова, 1990, с. 97] или «клыковидные» [Кубарев Г.В., 2005, с. 120]. По всей видимости, у всех таких псалиев были проделаны по два отверстия, которые не всегда сохраняются из-за того, что заостренный конец находок обламывался [Кубарев Г.В., 2005, с. 121]. Роговые псалии рассматриваемой формы, судя по имеющимся материалам, появились на кызыл-ташском этапе и продолжали существовать вплоть до середины VIII в. [Могильников, 1983, рис. 19.-3; Грач, 1960а, рис. 38; Кубарев Г.В., 2005, табл. 60.-1, 3; 102.-1, 3; 106.-4–5; и др.].

Вторая группа псалиев из комплексов Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. представлена крупными железными кольчатыми витыми (ложновитыми) изделиями (рис. 1.-10–12). Во всех случаях на удилах с такими псалиями имелись восьмерковидные гладкие или витые петли. Похожие петли зафиксированы на удилах из памятников Алтая 2-й половины IV – 1-й половины V в. [Соенов, Эбель, 1992, рис. 33.-5; Соенов, 1998, рис. 1.-9; 2000, рис. 7.-8; 10.-6; Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491]. Большие кольча-

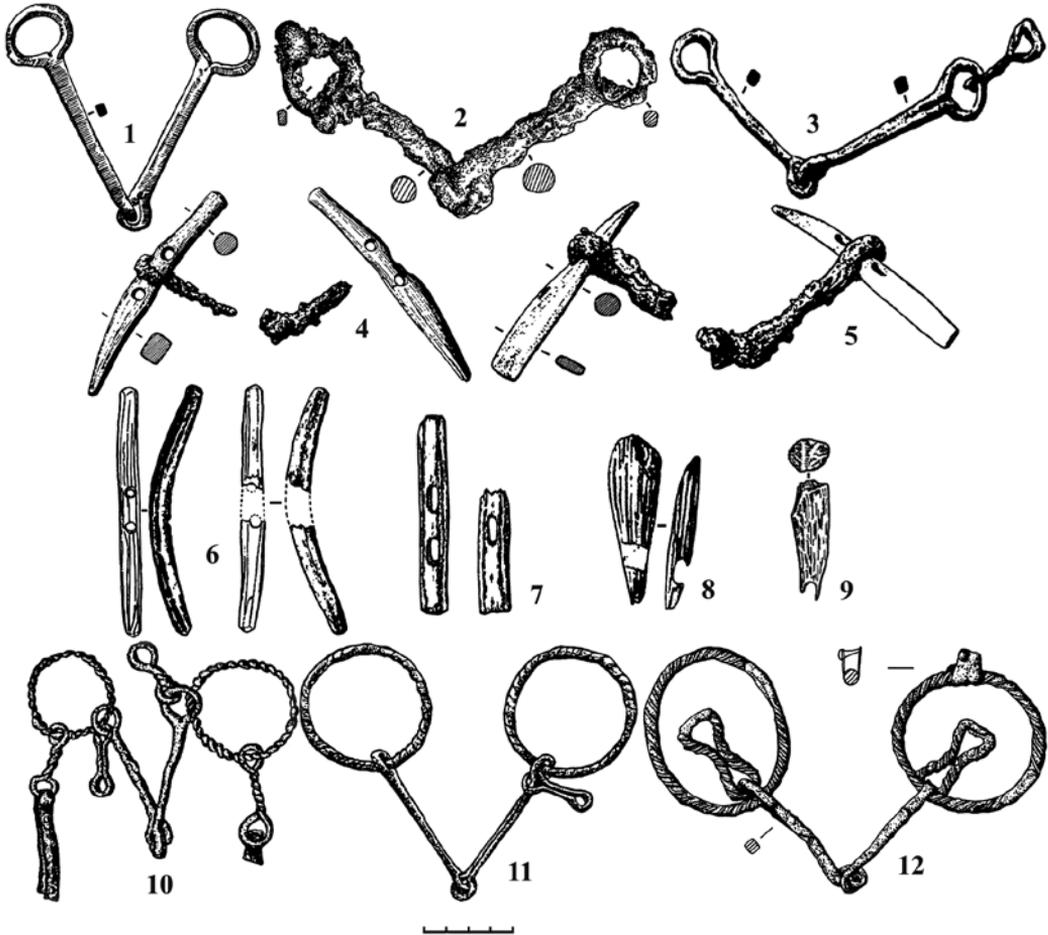

Рис. 1. Удила и псалии из памятников кызыл-ташского этапа:

1 – Кудыргэ, оградка №XV (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-4]); 2 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 28.-1]); 3–5 – Кара-Коба-I, оградки №86 и 88-2, курган №90 (по: [Могильников, 1994, рис. 14.-1; 19; 25]); 6 – Тыткескень-6, курган №5 (по: [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-23]); 7 – Узунтал-I, курган №1 (по: [Савинов, 1982, рис. 3.-2]); 8 – Кара-Коба-I, оградка №84 (по: [Могильников, 1994, рис. 9.-3]); 9 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-6]); 10 – Кудыргэ, оградка №102 (по: [Илюшин, 2000, рис. II.-5]); 11 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14]); 12 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-1]) (1–3, 10–12 – железо; 6–9 – кость, рог; 4, 5 – железо, кость, рог)

тые псалии обнаружены в погребениях [Сорокин, 1969, рис. 23.-1], ныне относящихся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской общности. Такие же, но витые (ложновитые) изделия известны в материалах кокзельской культуры Тувы [Вайнштейн, 1970, рис. 51.-8–9]. Судя по имеющимся материалам, наиболее архаичные для раннего средневековья кольчатые витые псалии обнаружены в «поминальной» оградке комплекса Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II.-5] (рис. 1.-10), которая, по нашему мнению, сооружена на кызыл-ташском этапе. Несколько более поздним временем, но также в рамках 2-й половины V – 1-й половины VI в., датируются находки ложновитых кольчатых псалиев из памятников Кок-Паш [Илюшин, 1990, рис. 1.-5; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14] (рис. 1.-11) и Боротал [Кубарев В.Д., 1985, рис. 5.-2; Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-1] (рис. 1.-12). Подобные находки бытовали вплоть до середины VII в. [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 24; Могильников, 1990, рис. 5.-1; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI.-24–25; Худяков, Цэвендорж, 1999, рис. 5.-10; Худяков, 2003, рис. 5]. Отметим, что в памятниках катандинского этапа тюркской культуры они уже не встречаются.

Основным новационным элементом в материальной культуре населения Южной Сибири в середине I тыс. н.э. стало появление металлических *стремян*. Их использование серьезным образом повлияло на развитие военного дела, увеличив возможности конного боя [Вайнштейн, 1966, с. 74; 1991, с. 220–226; Кирпичников, 1973, с. 43; и мн. др.]. В настоящее время вполне определенно рассматривается распространение металлических стремян с IV в., и связывается этот процесс с военно-политической доминантой державы Сяньби [Комиссаров, Худяков, 2005, с. 264–266; Комиссаров, 2006, с. 20–21]. На территории Алтая ранние находки пока фиксируются только в памятниках кызыл-ташского этапа тюркской культуры*.

Первая группа рассматриваемых изделий представлена железными плоскими стременами с «Г-образной» подножкой (рис. 2.-1–6). Такие предметы датируются большинством исследователей 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. [Грач, 1982, с. 163; Могильников, 1994, с. 111; Шульга, Горбунов, 1998, с. 101; Гричан, Плотников, 1999, с. 77]. Все подобные находки из комплексов тюркской культуры, за единственным исключением [Грач, 1982, рис. 2.-6–7], обнаружены на территории Алтая и происходят из «поминальных» оградок, сооруженных кочевниками рассматриваемой общности. Верхнюю хронологическую границу существования плоских стремян с «Г-образной» подножкой демонстрируют находки из погребения кургана №7 могильника Кудыргэ, относящегося ко 2-й половине VI в. [Гаврилова, 1965, табл. XIV.-7]. В памятниках Алтая 1-й половины VII в. подобные экземпляры уже не фиксируются.

Ко 2-й половине V – 1-й половине VI вв. также относятся пластинчатые стремена из «поминальных» оградок памятников Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-9] (рис. 2.-7) и Кара-Коба-I [Могильников, 1994, рис. 7.-1] (рис. 2.-8). Об этом свидетельствуют сочетания ранних признаков изделий (узкая прямая плоская подножка, высокая узкая «шейка» и высокая вертикальная пластина) [Васютин А.С., 1994, с. 61; Неверов, 1998, с. 148], а также то, что обозначенные находки обнаружены в рамках одного археологического комплекса с рассмотренными выше плоскими стременами с «Г-образной» подножкой.

* Известны также вотивные пластинчатые стремена раннего типа из памятников таштыкской культуры Среднего Енисея [Тетерин, 2007, рис. 19.-9]. Миниатюрные изделия с петельчатым ушком из склепов Минусинской котловины относятся к более позднему времени и являются копиями предметов, датирующихся не ранее 2-й половины VI – 1-й половины VII в. [Савинов, 2005, с. 133; Азбелев, 2008, с. 67].

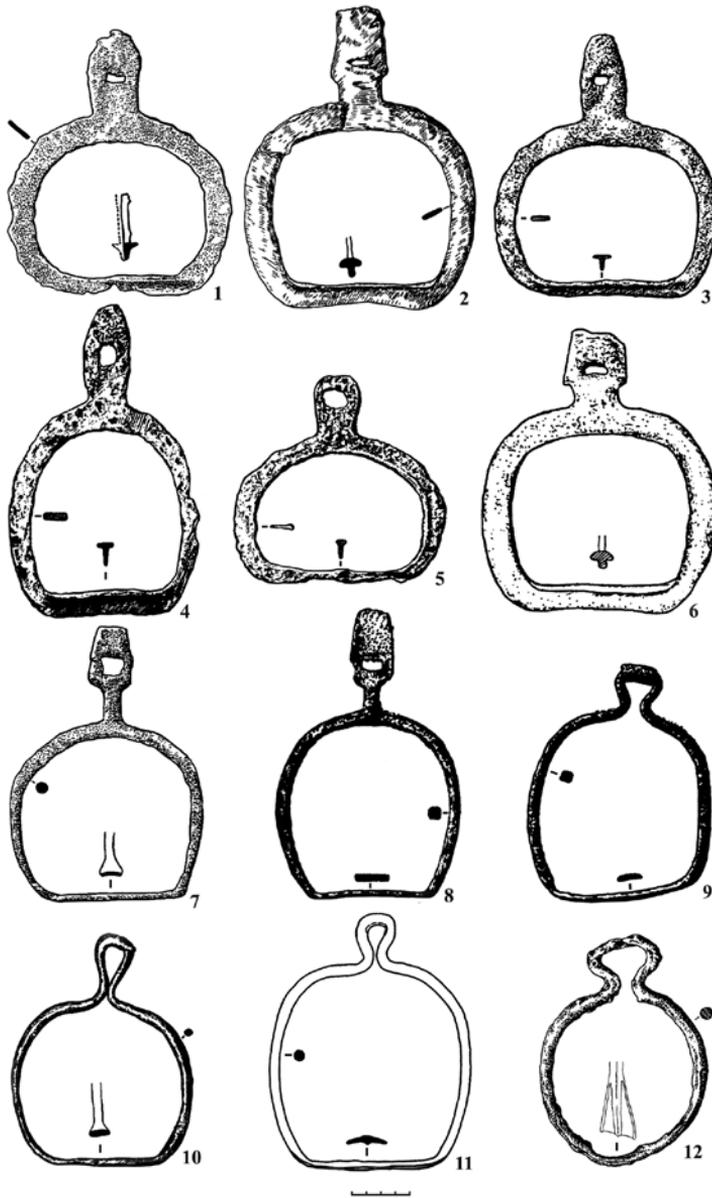

Рис. 2. Стремена из памятников кызыл-ташского этапа:

- 1 – Кок-Паш, оградка А-2 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-8]);
 2 – Усть-Карасу, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-7]);
 3–5 – Кара-Коба-I, оградки №86-I–III (по: [Могильников, 1994, рис. 13.-2; 14.-2; 13.-3]);
 6 – Усть-Карасу, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-8]);
 7 – Кок-Паш, оградка А-3 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-9]);
 8–9 – Кара-Коба-I, оградки №76 и 69-A (по: [Могильников, 1994, рис. 7.-1; рис. 2.-1]);
 10 – Усть-Карасу, оградка А-2 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-11]);
 11 – Кызыл-Таш, оградка №1 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3]); 12 – Тыгкескенъ-6, курган №5 (по: [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-7]) (1–12 – железо)

Вторая группа стремян из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая представлена изделиями с петельчатым ушком (рис. 2.-9–12). До настоящего времени наиболее распространенной точкой зрения являлось определение периода появления подобных находок рамками VI–VII вв. В свое время эту идею высказал С.И. Вайнштейн [1966, с. 66]. По его мнению, стремяна впервые начали использоваться алтайскими тюрками, что подтверждалось находками на могильнике Кудыргэ. В таблице, составленной А.К. Амброзом [1973, рис. 2.-19, 42], наиболее ранние петельчатые стремяна датированы VII в. К этому же времени появление подобных предметов относят и китайские специалисты [Комиссаров, Худяков, 2005, табл. 1.-31]. В обозначенных работах в качестве основного примера ранних петельчатых стремян выступают изделия из некрополя Кудыргэ, исследованного на Алтае. Рассмотрение материалов, накопленных к концу 1980-х гг., позволило С.П. Нестерову [1988, с. 177–178] сделать важный вывод о том, что стремяна с петельчатым ушком впервые стали использоваться на территории Южной Сибири и произошло это, по его мнению, не ранее VI в. Д.Г. Савинов [1996, с. 20] предположил, что петельчатые стремяна появились под влиянием изделий с высоким пластинчатым ушком восточноазиатского происхождения в V–VI вв. В качестве примера стремян этого времени он привел предметы из Минусинской котловины – изделие из памятника Усть-Тесь и случайную находку [Савинов, 1996, рис. 1.-2–3]. Общую характеристику ранних форм петельчатых стремян отразил в ряде работ А.С. Васютин [1994, с. 59; 2003, с. 59], датировав подобные находки «кудыргинским» временем (VI–VII вв.). Примером наиболее раннего петельчатого стремени исследователь посчитал находку из памятника Усть-Карасу [Васютин А.С., 1994, рис. 1.-12; 3.-15; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 57.-12; 58.-8]. Это же стремя, но почему-то обозначенное как предмет из комплекса Кок-Паш, П.П. Азбелев [2008, с. 61, рис. 2.-8] отнес к наиболее ранним изделиям с петельчатым ушком. По его мнению, раннесредневековые материалы обозначенного памятника следует датировать 1-й половиной VII в.

Анализ материалов раскопок на территории Алтае-Саянской горной страны и сопредельных регионов, введенных в оборот в течение двух последних десятилетий, позволяет уточнить обозначенные выше точки зрения. Представляется возможным утверждать, что наиболее ранние из петельчатых стремян датируются концом V – 1-й половиной VI вв. н.э. Рассматриваемые находки этого времени имеют ряд характерных признаков, сочетание которых позволяет осуществить их довольно точную атрибуцию. Одним из важных показателей является оформление ушка изделия. Петля у стремян – вертикально-вытянутая либо чуть приплюснутая и несомкнутая в основании. Подножка ранних находок – прямая, узкая и плоская [Васютин А.С., 1994, с. 53; Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, с. 166; Неверов, 1998, с. 146; Азбелев, 2008, с. 61]. Кроме того, проем, образуемый дужками у таких стремян, в ряде случаев имеет несколько вытянутые очертания. Подобные находки обнаружены при исследовании памятников Кара-Коба-I [Могильников, 1994, рис. 2.-1] (рис. 2.-9) и Усть-Карасу [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-11] (рис. 2.-10), расположенных в Центральном Алтае. К 1-й половине – середине VI в. относятся стремяна из «поминальной» оградки Кызыл-Таш [Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3] (рис. 2.-11) и кургана №10 могильника Тьткескен-VI [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-7] (рис. 2.-12). В первом случае фиксируется появление такого конструктивного

элемента, как ребро жесткости (нервюра) при сохранении небольшого проема петли, вытянутого контура изделия и прямой узкой подножки; во втором отмечается изгиб подножки и расширение петли. Обозначенные показатели получают дальнейшее развитие в форме стремян уже во 2-й половине VI – 1-й половине VII в.*

Характерной особенностью памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры является то, что в погребениях и «поминальных» оградках встречено по одному стремени [Горбунов, Тишкин, 2002б, с. 45; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 23, с. 144]. На последующих этапах развития рассматриваемой общности на территории Алтая подобные случаи редки. Помещение только одного стремени, по мнению В.А. Могильникова [1994, с. 109], может объясняться реализацией ритуальных действий, связанных с порчей вещей перед помещением их в захоронение. На наш взгляд, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах тюркской культуры обусловлена сохранением практики использования одного стремени в качестве подножки, что отражает особенности первоначального использования данной категории изделий в качестве приспособления для посадки на лошадь. Таким образом, наличие только одного стремени в погребении или «поминальной» оградке является характерным признаком памятников раннего кызыл-ташского этапа тюркской культуры.

Украшения конского снаряжения в памятниках рассматриваемого периода зафиксированы только однажды. К ним относятся круглые бляхи-накладки «с умбоном» из «поминальной» оградки памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II.-4] (рис. 3.-1). Точные аналогии таким изделиям в комплексах тюркской культуры нам пока не известны. Подобная находка имеется в материалах памятника Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13.-27; 56.-1–3], относящегося к позднему этапу булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161].

Другой группой предметов для снаряжения лошади, встреченной в объектах кызыл-ташского этапа тюркской культуры, являются **подпружные пряжки**. Подобные изделия с подвижным язычком из рога (кости) использовались на протяжении длительного промежутка времени. Имеющиеся наблюдения об эволюции признаков рассматриваемой группы находок [Савинов, 1984, с. 137; Неверов, 1985, с. 200–202; Овчинникова, 1990, с. 117–119] не всегда находят подтверждение на конкретном археологическом материале [Кубарев Г.В., 2005, с. 135]. Экземпляры из памятников кызыл-ташского этапа (рис. 3.-2–5) имеют близкие аналогии в поздних булан-кобинских комплексах [Тишкин, Матренин, 2010, рис. 1.-4, 6; 2.-6–9], и по деталям оформления они могут быть датированы в рамках V–VII вв. [Неверов, 1985, с. 200–202]. Также весьма широкой является хронология железных подпружных пряжек. Находки, аналогичные большинству подобных изделий из комплексов Алтая кызыл-ташского этапа (рис. 3.-6–19), использовались населением тюркской культуры с VI по XI в. [Овчинникова, 1990, с. 120–121, рис. 49.-1–18]. Необычную форму имеет «восьмеркообразная» пряжка из «поминальной» оградки памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. V.-5] (рис. 3.-20). Изделия с вогнутыми сторонами рамки встречены в отдельных объектах тюркской культуры 2-й половины VI – 1-й половины VII в. [Илюшин,

* К середине VI в. относятся также петельчатые стремяна, обнаруженные на территории Минусинской котловины [Тишкин, Ожередов, Серегин, 2009, рис. 1.-1–2; Серегин, 2009б, рис. 1–2]. Рассматриваемые экземпляры сочетают как наиболее ранние признаки (прямая плоская и узкая подножка, несомкнутое ушко), так и позже появившуюся округлость дужек и приплюснутость ушка-петли.

1995, рис. 1.-4; Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 5.-9]. Еще более редкими находками для памятников раннего средневековья являются подпружные пряжки с длинным пластинчатым щитком-зажимом и округлой или вытянутой рамкой (рис. 3.-21–23). Изделия, схожие по ряду показателей (система крепления, форма, длина щитка), встречены в серии погребений [Сорокин, 1977, рис. 6.-6–7; Соенов, 2000, рис. 10.-7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7.-27, 16.-24, 17.-27; Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491], которые относятся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161]. В памятниках же тюркской общности подобные находки единичны [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VIII.-5; Худяков, Борисенко, 1997, рис. 2.-4].

К снаряжению лошади также принадлежат своеобразные роговые пряжки, обычно обозначаемые как **блоки для чумбура** [Овчинникова, 1990, с. 123]. Они использовались, судя по всему, для фиксации и регулировки различных ремней. «Блоки для чумбура» с четким оформлением щитка, рамки и наконечника (рис. 3.-24–27) характерны для раннего средневековья и не встречены в памятниках предшествующих хронологических периодов, хотя, очевидно, имеют прототипы в изделиях раннего железного века [Кубарев Г.В., 2005, с. 137]. Распространение роговых **застежек для пуг** (цурок) трапециевидной формы в памятниках Алтая и сопредельных территорий также относится к середине I тыс. н.э. (рис. 3.-28–31). Следует отметить, что подобные изделия найдены в комплексах булан-кобинской культуры, но они отличаются от раннесредневековых экземпляров разомкнутым верхним краем над выемкой для ремня [Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 144]. Рассмотренные элементы снаряжения («блоки для чумбура» и застежки от пуг) представляют собой достаточно четкие показатели археологических комплексов раннего средневековья.

Снаряжение человека. Редкой группой предметов из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая являются элементы **поясной гарнитуры**. Бронзовая пряжка из оградки №104 памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. V.-7] (рис. 4.-1) с округлой рамкой, неподвижным шпеньком и прямоугольным плоским щитком, с обеих сторон которого нанесены поперечные «насечки», относится к изделиям, обычно обозначаемым как «типично таштыкские» [Кызласов, 1960, с. 36]. Подобные находки широко зафиксированы в склепах Минусинской котловины [Кызласов, 1960, рис. 7.-4, 7–8; Грязнов, 1979, рис. 71.-5; Вадецкая, 1999, табл. 9.-1; 137.-4; Митько, 2007, рис. 22.-5; Тетерин, 2007, рис. 19.-6]. Их датировка, согласно современным представлениям, определяется в рамках V–VI вв. [Вадецкая, 1999, с. 122–123]. В указанной «поминальной» оградке памятника Кудыргэ обнаружена бронзовая пряжка весьма редкой формы: ее щиток дополнен двумя поперечно расположенными рамками [Илюшин, 2000, рис. V.-10] (рис. 4.-2). Точная аналогия данной находке зафиксирована в одном из таштыкских склепов могильника Маркелов Мыс-I, датированном V–VI вв. [Тетерин, 2007, рис. 19.-7]. Бронзовые бляхи с рамкой В-образной формы, подобные экземплярам из оградок памятников Кара-Коба-I [Могильников, 1992, рис. 14.-1] (рис. 4.-3) и Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. III.-1] (рис. 4.-4), были распространены на обширных территориях в V – начале VII в. [Генинг, 1979, табл. 1; Азбелев, 1993, с. 92; Вадецкая, 1999, табл. 90]. Такие изделия обнаружены и в отдельных комплексах тюркской культуры Алтая, относящихся ко 2-й половине VI – VII в. [Овчинникова, 1990, с. 25, рис. 21.-18–19; Могильников, 1997, рис. 4.-11].

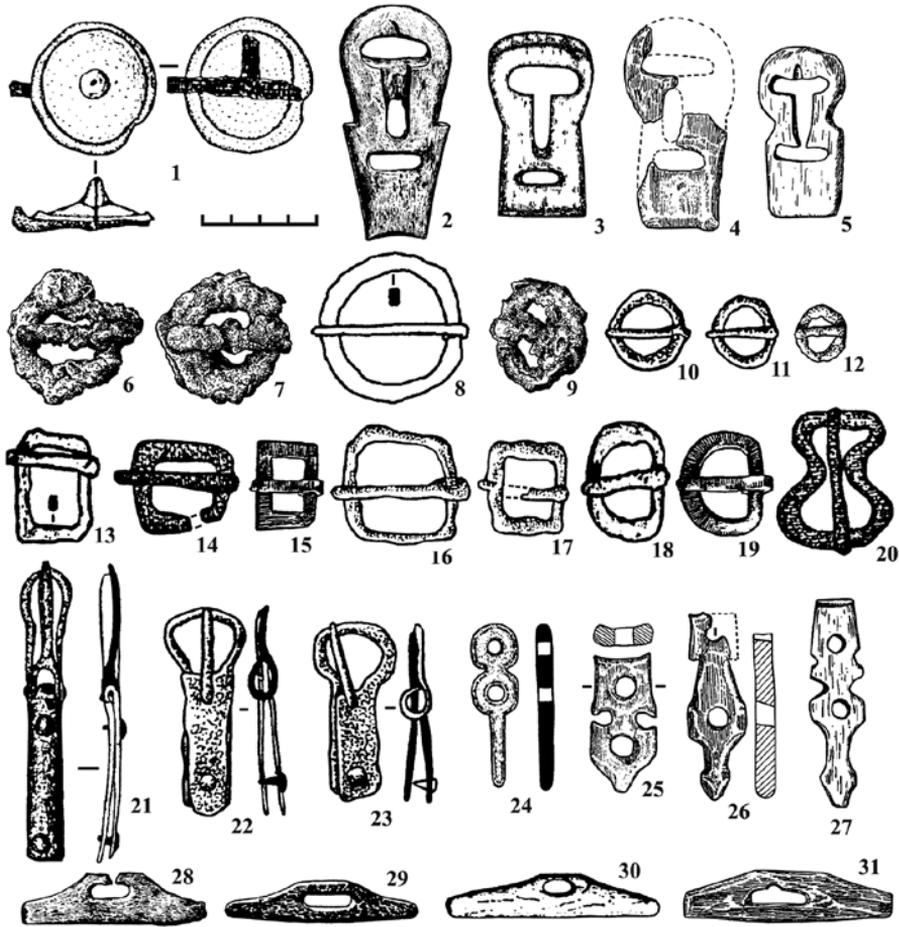

Рис. 3. Предметы конского снаряжения из памятников кызыл-ташского этапа:

- 1 – Кудыргэ, оградка №102 (по: [Илюшин, 2000, рис. II.-4]); 2 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 27.-3]); 3 – Узунтал-I, курган №1 (по: [Савинов, 1982, рис. 3.-1]); 4 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-7]); 5 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-2]); 6–7 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 27.-1–2]); 8 – Кызыл-Таш, оградка №1 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-1]); 9 – Усть-Бийке-III, курган №6 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 31.-9]); 10–11 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-19, 17]); 12 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-14]); 13 – Кара-Коба-I, оградка №86-IV (по: [Могильников, 1994, рис. 15.-3]); 14 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-4]); 15 – Кудыргэ, оградка №XV (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-5]); 16–17 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-5–6]); 18 – Кара-Коба-I, оградка №81-II (по: [Могильников, 1994, рис. 9.-2]); 19 – Кудыргэ, оградка №XV (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-6]); 20–21 – Кудыргэ, оградки №104 и 102 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-5; II.-1]); 22–23 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-18, 16]); 24 – Ороктой, курган №1 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5]); 25–26 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-12–13]); 27 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-12]); 28 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 28.-5]); 29 – Тьгкескенъ-6, курган №5 (по: [Кирушин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-6]); 30 – Кара-Коба-I, курган №90 (по: [Могильников, 1994, рис. 25.-2]); 31 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-8])
(1 – бронза; 2–5, 24–31 – рог, кость; 6–23 – железо)

Украшениями *стрелкового пояса* являлись бронзовые бляхи-накладки, обнаруженные в кургане №5 могильника Усть-Бийке-III [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-3–7] (рис. 4.-5). Они имеют прямоугольную форму и по одному шпеньку в центре для крепления к ремню.

Обнаруженные *колчанные крюки* с поперечной планкой, подобные находкам из «поминальных» оградок памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II.-6; V.-9] (рис. 4.-6–7), характерны для комплексов Южной Сибири сяньбийско-жужанского периода [Грач, 1966, рис. 30.-1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 10.-27, 32; 15.-16; 16.-41; Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491]. Другим элементом стрелкового пояса, не фиксируемым ранее, являются бронзовые крюки-застежки, Г-образный стержень которых заканчивается шаровидным навершием [Кубарев В.Д., 1985, рис. 10.-3; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-3; Кубарев Г.В., табл. 111.-11] (рис. 4.-8–9). Такие изделия обнаружены в памятниках тюркской культуры Алтая, Тувы и Тянь-Шаня, относящихся ко 2-й половине VI – 1-й половине VIII в. [Гаврилова, 1965, табл. XIX.-6; Овчинникова, 1990, рис. 14; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 21.-5]. Колчаный крюк из погребения могильника Яконур [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 4.-6] (рис. 4.-10) также имеет аналогии в материалах раскопок некрополей рассматриваемой общности более позднего времени [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 3.-15].

Орудия труда и предметы быта. Универсальными орудиями труда являлись железные черешковые *ножи* (рис. 4.-11–16). Подобные изделия обычно маловыразительны в плане хронологии. Экземпляры, обнаруженные в памятниках кызыл-ташского этапа, бытовали в среде кочевников Южной Сибири на протяжении всей 2-й половины I тыс. н.э. [Овчинникова, 1990, с. 56]. Исключение представляет нож серповидной формы [Гаврилова, 1965, табл. V.-1] (рис. 4.-16), не характерный для раннего средневековья и имеющий аналогии в комплексах жужанского времени [Грач, 1966, рис. 29.-2; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-19]. Костяные *наконечники стрел*, зафиксированные в памятниках кызыл-ташского этапа, по характеру насада делятся на втульчатые (рис. 4.-17–19) и с раздвоенным насадом (рис. 4.-20, 21). Подобные изделия встречены в комплексах булан-кобинской культуры Алтая, относящихся ко II–V вв. н.э. [Худяков, 1986, с. 150, рис. 58.-7, 13–14; Тетерин, 2004, рис. 7.-8, 15, 18], и выглядят архаичными в памятниках раннесредневековых тюрок 2-й половины VI – середины VII в. [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-5; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IX.-11–12; Кубарев Г.В., 2005, табл. 4.-8].

Вооружение. Предметы вооружения, обнаруженные в археологических объектах Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в., подробно изучены В.В. Горбуновым [2003, 2006]. Исследователь отметил, что комплекс наступательного и оборонительного вооружения тюрок сформировался на основе традиций, характерных для населения булан-кобинской культуры и при участии сяньбийского импульса [Горбунов, 2003, с. 91; 2006, с. 91]. Важной тенденцией, фиксирующейся на материалах середины I тыс. н.э., является «доживание» на Алтае прежних форм рассматриваемой категории изделий. Обозначим некоторые наиболее яркие примеры архаичных предметов вооружения, встреченных в памятниках тюркской культуры Алтая кызыл-ташского этапа. Мечи с навершием в виде кольца или несомкнутого крюка, подобные находке из «поминальной» оградки памятника Кызыл-Таш [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-1] (рис. 5.-10), получили распространение в археологических комплексах Южной Сиби-

ри II–V вв. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. VIII.-5; Худяков, 1986, рис. 40.-2–3; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 15.-21; Горбунов, 2006, с. 64, рис. 48.-2–3]. В обозначенном сооружении встречена также миниатюрная модель копья [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-2] (рис. 5.-11). Помещение votивных изделий в погребальные и «поминальные» объекты является нетипичной чертой ритуала для населения Алтае-Саянской горной страны раннего средневековья. Данный показатель зафиксирован в обрядовой практике кочевников региона в хуннуско-сяньбийско-жужанское время

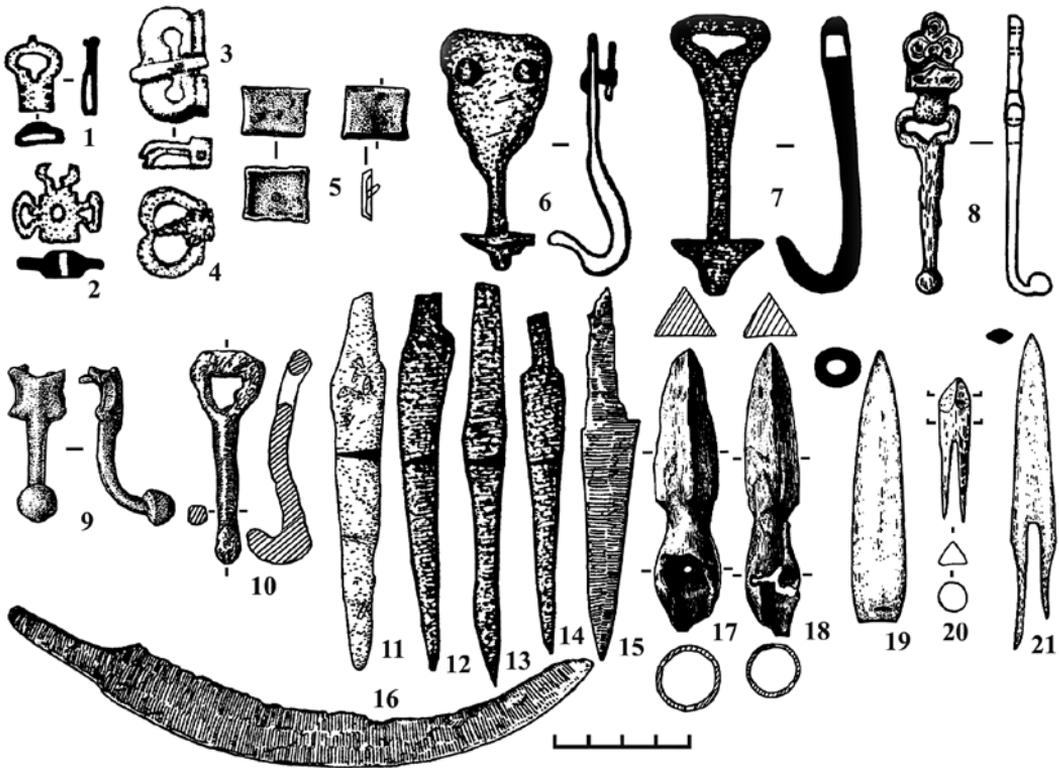

Рис. 4. Поясная гарнитура, предметы быта и орудия труда из памятников кызыл-ташского этапа: 1–2 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-7]); 3 – Кара-Коба-I, оградка №109 (по: [Могильников, 1992, рис. 14.-1]); 4 – Кудыргэ, оградка №103 (по: [Илюшин, 2000, рис. III.-1]); 5 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-3, 4]); 6 – Кудыргэ, оградка №102 (по: [Илюшин, 2000, рис. II.-6]); 7 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-9]); 8 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-11]); 9 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-2]); 10 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 4.-6]); 11 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-15]); 12–14 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-12–14]); 15–16 – Кудыргэ, оградки №XII и XIV (по: [Гаврилова, 1965, табл. IV.-9; V.-3]); 17–18 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-6–7]); 19 – Ороктой, курган №1 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5]); 20 – Булан-Кобы-IV, оградка №6 (по: [Мамадаков, 1994, рис. 2.-12]); 21 – Ороктой, курган №1 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5]) (1–3, 5, 8, 9 – бронза; 4 – бронза, железо; 6, 7, 10–16 – железо; 17–21 – рог, кость)

(кокзельская и таштыкская культуры). Наиболее массовое использование железных «ярусных» наконечников стрел – также характерный показатель материальной культуры кочевников обозначенного хронологического периода [Худяков, 1986, рис. 26, 36.-7–21], в том числе номадов Алтая [Тетерин, 2004, рис. 4.-1–4; Горбунов, 2006, с. 38]. В памятниках тюркской культуры 2-й половины I тыс. н.э. подобные изделия не получили распространения [Худяков, 1986, рис. 64; Овчинникова, 1990, рис. 12; Горбунов, 2006, рис. 26–28]. Вероятно, обнаружение архаичного «ярусного» наконечника стрелы в погребении кызыл-ташского этапа на памятнике Яконур [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 2.-3] (рис. 5.-1) определенным образом отражает преемственность традиций в военном деле населения Алтая предшествующего времени и раннего средневековья. Многочисленные аналогии в погребениях позднего этапа булан-кобинской культуры [Неверов, Степанова, 1990, рис. 1.-3, 5; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 8.-11, 18.-2; Тетерин, 2004, рис. 4.-14, 15.-11; и др.] имеют небольшие по размеру асимметрично-ромбические наконечники стрел, встреченные в «поминальной» оградке памятника Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1994, рис. 2.-11] (рис. 5.-2).

Характерным показателем археологических комплексов кочевников булан-кобинской культуры является обнаружение боевых ножей с череном, наклоненным в сторону лезвия [Мамадаков, 1985, рис. 4.-10; 7.-1; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 134, рис. 21.-13; Горбунов, 2006, рис. 63.-2, 3, 5; и др.]. В памятниках тюркской культуры подобный предмет вооружения встречен только однажды – в ходе раскопок погребения кызыл-ташского этапа на могильнике Яконур [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 4.-1] (рис. 5.-9). Весьма редки боевые ножи обозначенной формы и в раннесредневековых комплексах Южной Сибири в целом [Евтюхова, 1948, рис. 30; Худяков, 2003, рис. 6.-1]. По мнению Г.В. Кубарева [2008, с. 69–72], осуществившего анализ изображений «коленчатых» кинжалов на каменных изваяниях, подобные предметы могут быть хронологическими маркерами археологических памятников VI–VII вв. н.э.

Новации в военной сфере, произошедшие в середине I тыс. н.э. и связанные со становлением и развитием на Алтае тюркской культуры, также получили отражение в формах предметов вооружения. Важной тенденцией считается появление в памятниках кызыл-ташского этапа более коротких, по сравнению с предшествующим временем, роговых накладок на лук [Горбунов, 2006, с. 15, 17–18] (рис. 5.-14–16). Во 2-й половине V – 1-й половине VI в. фиксируется укрупнение размеров наконечников стрел, а также распространение их новых форм: четырехугольных, шестиугольных и арочных, с геометрической формой пера [Горбунов, 2006, с. 39–40] (рис. 5.-3–8). Особенностью археологических комплексов кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая является сравнительно частое, по сравнению с более поздними объектами данной общности, обнаружение фрагментов доспеха [Гаврилова, 1965, табл. V.-1; Илюшин, 1990, рис. 1.-8; Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-5–12; 1997, рис. III.-1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-20] (рис. 5.-12–13). Интересно, что все подобные находки зафиксированы в ходе раскопок памятников, не связанных напрямую с «классическими» погребениями, – в «поминальных» оградках и «ритуальном» кургане. В дальнейшем отмеченная традиция получила своего рода продолжение. Панцирные пластины только однажды встречены в захоронении тюркской культуры [Кубарев Г.В., 2002], а во всех остальных случаях подобные находки сделаны в ходе раскопок кенотафов и «поминальных» оградок [Серегин, 2008, с. 148].

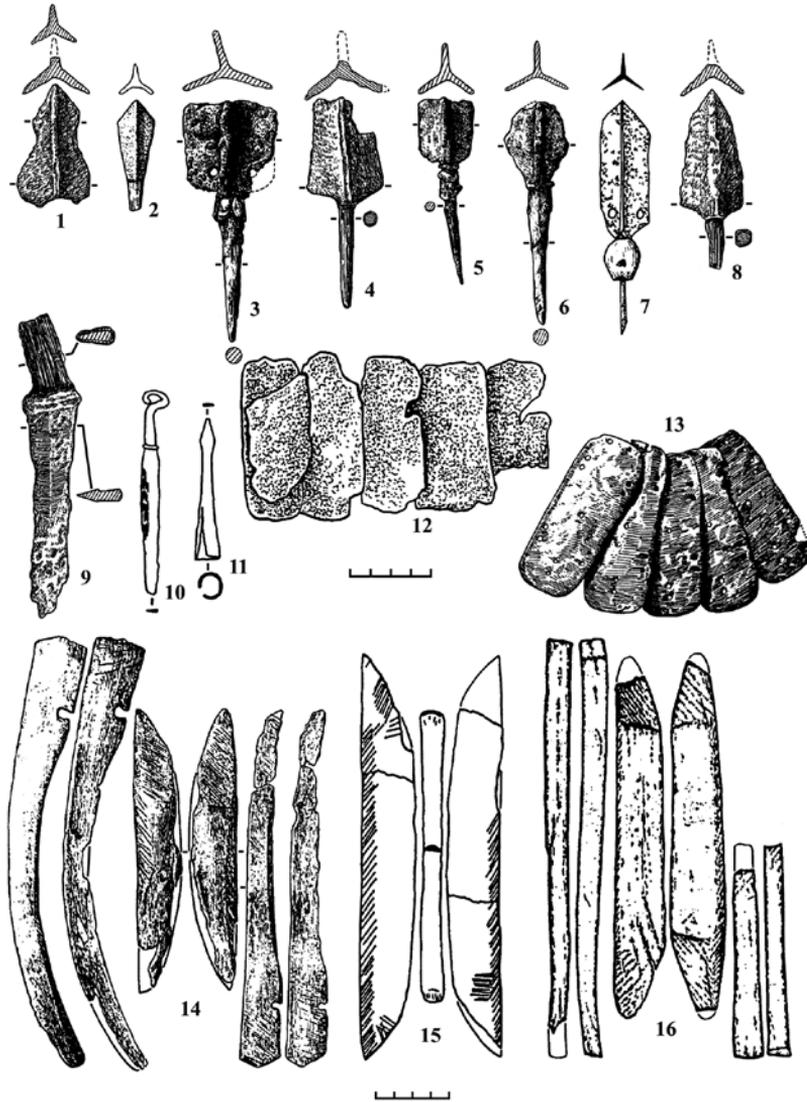

Рис. 5. Предметы вооружения из памятников кызыл-ташского этапа: 1 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 2.-3]); 2 – Булан-Кобы-IV, оградка №6 (по: [Мамадаков, 1994, рис. 2.-11]); 3 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-1]); 4 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 2.-1]); 5 – Усть-Бийке-III, курган №6 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 31.-4]); 6 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-3]); 7 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 121.-1]); 8-9 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2.-2; 4.-1]); 10-11 – Кызыл-Таш, оградка №2 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-1-2]); 12 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-20]); 13 – Кудыргэ, оградка №XIII (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-1]); 14 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 26]); 15 – Кызыл-Таш, оградка №1 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 2]); 16 – Узунтал-I, курган №1 (по: [Савинов, 1982, рис. 3.-3]) (1-13 – железо; 14-16 – рог, кость)

Рассматривая в целом предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры, следует обратить внимание на его гораздо меньшее разнообразие, по сравнению с материалами рассматриваемой общности более позднего времени. В погребениях и «поминальных» оградках Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. почти полностью отсутствуют украшения, предметы торевтики, изделия из цветных и драгоценных металлов, импорт. Судя по всему, это является одним из отражений положения тюрков до создания Первого каганата в условиях определенной зависимости от Жужанской державы, ограниченности внешних контактов и др. Возможно, что данное заключение сформировалось из-за небольшого количества раскопанных объектов и дальнейшие исследования позволят скорректировать его.

Вместе с тем набор предметов из памятников Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. достаточно выразителен для определения хронологии комплексов. В составе инвентаря из погребений и «поминальных» оградок кызыл-ташского этапа тюркской культуры представляется возможным выделить две основные группы вещей. Первая отражает окончание традиций хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, представленным главным образом в материалах раскопок памятников булан-кобинской культуры и особенно объектов ее позднего (верх-уймонского) этапа (2-я половина IV – 1-я половина V в.) [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Тишкин, 2007, с. 179].

К *первой группе* предметов относятся роговые стержневые и изогнутые псалии, большие кольчатые витые (ложновитые) псалии, восьмерковидные гладкие и витые петли, застежки для пут, круглые бляхи-накладки «с умбоном», бронзовые пряжки со шпеньком и дополнительными поперечно расположенными рамками, колчаные крюки с поперечной планкой, костяные наконечники стрел с втульчатый или раздвоенным насадом, серповидный нож, «ярусные» наконечники стрел, меч с крюковым навершием, боевой нож с череном, наклоненным в сторону лезвия, а также votивные копии предметов вооружения. Большая часть обозначенных изделий уже практически не встречается в памятниках следующего кудыргинского этапа тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII в.).

Вторая группа предметов сопроводительного инвентаря демонстрирует приход на Алтай во 2-й половине V в. н.э. нового населения и совершенствование сложившейся материальной культуры. Отметим следующие изделия: пластинчатые стремена (пелтьчатые стремена, судя по имеющимся данным, могут являться «изобретением» ранних тюрков Алтая), «блоки для чумбура», прямоугольные бронзовые бляхи-накладки, бронзовые крюки-застежки с шаровидным навершием, более короткие накладки на лук и комплекты только из срединных накладок, наконечники стрел крупных пропорций с новыми формами пера. Перечисленные предметы не известны в памятниках Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Они получили дальнейшее развитие в кудыргинском и последующем этапах тюркской культуры.

Выделенные группы вещей в составе инвентаря из памятников кызыл-ташского этапа отражают участие в формировании тюркской культуры двух основных компонентов – местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого не обеспечена пока археологическими материалами. Следует отметить, что изложенные наблюдения, которые основаны на изучении предметного комплекса, находят подтверждение при изучении особенностей погребального обряда

и характерных конструкций «поминальных» объектов Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Матренин, Сарафанов, 2006, с. 207, 210; Серегин, 2009а, с. 47–48; и др.].

Результаты анализа археологических материалов могут быть сопоставлены со сведениями письменной истории [Тишкин, 2007, с. 187–192]. Согласно информации, приведенной в китайских летописях, в 460 г. жужане (жуаньжуань) переселили на Алтай племя Ашина. Имеются основания для утверждения того, что это и было пришлое население, давшее толчок для формирования тюркской общности.

Библиографический список

Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. 1999. Вып. 3. С. 89–93.

Азбелев П.П. Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 56–68.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // Советская археология. 1973. №4. С. 81–98.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.: (погребения кызылганской и сыын-чюрексской культур) // Труды ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 7–79.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Труды ТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 185–291.

Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 55–68.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. 55 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002а. С. 174–180.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002б. С. 43–46.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 227–229.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды ТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. I. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды ТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. Т. I. С. 73–150.

- Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // Труды ТКАЭЭ: материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 81–107.
- Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.
- Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 76–77.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.
- Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Б.и., 1995. Вып. V, ч. 1. С. 122–125.
- Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с. (САИ. ЕИ-36).
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.
- Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 1–162.
- Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.
- Комиссаров С.А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 4: Востоковедение. С. 20–23.
- Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 136–148.
- Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара: Б.и., 2008. С. 68–72.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 197 с.
- Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–191.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
- Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс-II: материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по материалам склепа №8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 39–61.

- Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. С. 52–89.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 175–212.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
- Могильников В.А. Курган №85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.
- Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.
- Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.
- Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремён в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 16–20.
- Савинов Д.Г. Миниатюрные стрремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.
- Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.
- Серегин Н.Н. Булан-кобинская и тюркская культуры Горного Алтая: проблема преемственности // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография). Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. ун-та, 2009а. С. 46–50.
- Серегин Н.Н. Ранние стрремена из коллекции С.И. Руденко // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009б. Вып. 5. С. 172–177.
- Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. 1969. Т. X. С. 208–236.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 16. С. 57–67.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 62–88.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ роговых пряжек хуннского и жужанского времени из могильника Яломан-II (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 220–228.

Тишкин А.А., Ожередов Ю.И., Серегин Н.Н. Коллекции С.И. Руденко в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 36–40.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. Вып. 1. С. 99–109.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 293 с.

Худяков Ю.С., Цэвдорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. С. 82–90.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 99–101.

В.И. Сарияниди

*Маргианская археологическая экспедиция
Института этнологии и антропологии РАН, Москва*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РАННЕГО ЗОРОАСТРИЗМА В КАРАКУМАХ (III – II тыс. до н.э.)

Многолетние, а главное крупномасштабные археологические работы на поселении бронзового века Гонур Депе в Туркменистане привели практически к его полному и всестороннему изучению. Памятник расположен в юго-восточной Туркмении и имеет общую площадь около 30 га. В центральной части поселения Гонур Депе располагается монументальный дворец, включенный внутрь почти квадратного, укрепленного башнями каре и обведенного внешней «обводной стеной» с четырьмя воротами, но без боевых башен (рис. 1). Раскопки начались в 1972 г., ведутся два раза в год (весна–осень) и продолжаются до настоящего времени ежегодно. Раскопанные помещения, архитектурные комплексы, сделанные находки уже получили свои первые публикации. Учитывая ограниченный объем статьи, опустим общую характеристику памятника, тем более что о нем писалось уже многократно [Сарияниди, 1990, 2001–2002, 2004–2008; Sarianidi, 2007–2008].

Благодаря проведенным раскопкам стало возможным говорить о верованиях и ритуалах, в том числе погребальных, о культовых обрядах и обычаях, бытовавших в стране Маргуш*. Они обнаруживают много общих черт с таковыми же первой мировой религии откровения – с зороастризмом. Как я попытаюсь показать далее, находки на Гонуре позволяют говорить о том, что многие религиозные представления, ритуалы, обряды ее населения могли быть именно той благодатной почвой, на которой через тысячу лет собственно и вырос сам зороастризм. В таком случае мы имеем полное право именовать религию древних маргушцев раннезороастрийской или протозороастрийской.

Но перейдем к сравнительному анализу археологических материалов и сходных письменных данных Авесты.

I. КУЛЬТ ОГНЯ. В зороастризме Огонь – сын верховного бога Ахура-Мазды. До самого последнего времени считалось, что самый ранний храм Огня относится к самому началу I тыс. до н.э., но после раскопок в Маргиане стало очевидным, что наиболее ранние Храмы Огня существовали на Гонуре уже, по крайней мере, в конце III тыс. до н.э.

1. ХРАМЫ ОГНЯ. С восточного фаса к дворцу Гонура были пристроены друг над другом последовательно три (а возможно, даже четыре) Храма Огня, имевшие исключительно прямоугольной конфигурации подземные алтари, обложенные изнутри кирпичами со следами сильного воздействия Огня. В этих алтарях огонь горел постоянно, т.е. был «Вечным».

---

* Гонур – самое крупное, по-видимому, столичное поселение среди более 200 выявленных в древней дельте р. Мургаб. Эта страна в настоящее время устойчиво идентифицируется, несмотря на отсутствие синхронных письменных свидетельств, со страной Моуру Авесты, Маргианой греческих и страной Маргуш персидских авторов.

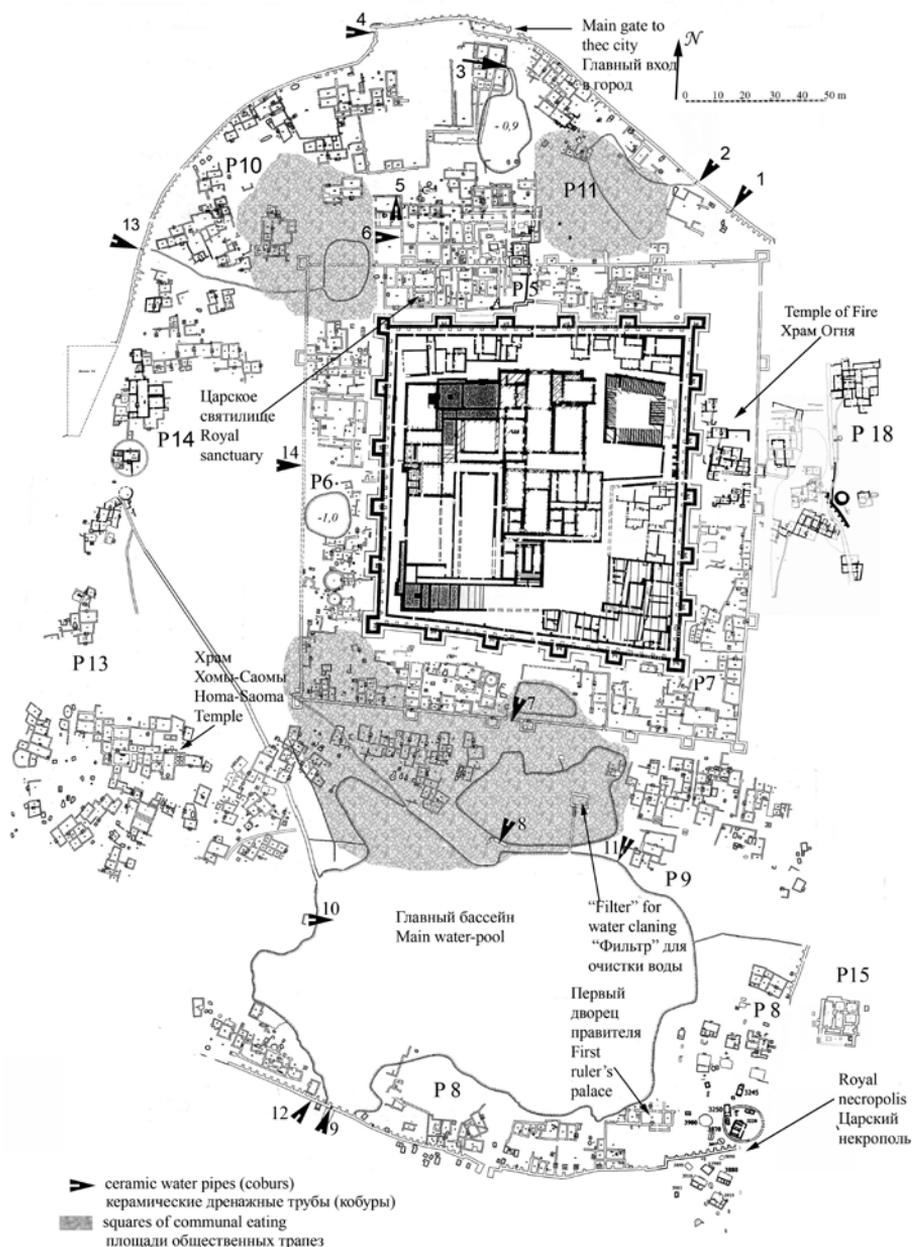

Рис. 1. План центральной части дворцово-храмового комплекса Северного Гонура, 2010

2. АЛТАРИ. В Маргиане, кроме ПРЯМОУГОЛЬНЫХ, были и КРУГЛЫЕ, наземные, алтари, в которых имелись культовые печи и совершались жертвоприношения (рис. 2). На Гонуре нам известно семь круглых и четыре прямоугольных алтаря, два круглых – на Тоголок-21 и по одному прямоугольному – на Тоголок-21 и в теменосе Гонура (см. фото 1 на цв. вкл.). Оба типа алтарей существовали одновременно почти до ахеменидского времени. Судя по тому, что подобного типа алтари не были извест-

Рис. 2. Алтари Северного Гонура:
слева – прямоугольные алтари огня в Храме Огня
на восточном фасе (раскопки 1990-х гг.);
сверху – Большой круглый алтарь
на восточном фасе (2010 г.)

ны в предшествующее время на территории современного Туркменистана, оба типа алтарей существовали на далекой прародине пришлых племен и были принесены ими в Маргиану уже в «готовом виде».

3. ХРАНИЛИЩА СВЯЩЕННОЙ ЗОЛЫ. На многих территориях маргианских храмов рядом с прямоугольными алтарями «вечного Огня» располагаются подземные, вырытые в материке и обложенные изнутри кирпичами так называемые хранилища священной золы. В момент раскопок они оказались заполнены чистой, без примесей, белой золой, а некоторые из них сплошь заложены сверху кирпичами для большей сохранности в будущем от людей и животных. Наряду с такими подземными сооружениями существовали и надземные «хранилища священной золы» (теменос Гонура). Подземные «хранилища священной золы» имеются также в Северной Бактрии (Южный Узбекистан).

4. ПАВИ (или иначе «чистое место») – это своеобразные прямоугольные, выстроенные из кирпича «площадки», высота стен которых не превышает полуметра и которые не имеют никакого перекрытия сверху. По поверьям зороастрийцев, на них незримо восседают боги, в честь которых горят огни алтарей и возносятся молитвы.

5. КУЛЬТОВЫЕ ДВУХКАМЕРНЫЕ ПЕЧИ. Двухкамерные печи составляют подавляющее большинство печей во всех помещениях. Они разделены внутри невысокой глиняной перегородкой на «топку» и «духовку» и служили, по-видимому, для приготовления жертвенного мяса, так как именно эта конструкция препятствует соприкосновению священного огня напрямую с «греховным», кровавым мясом. В помещении №300 на северо-западе Гонур Деде внутри одного помещения находилось четыре культовых печи, указывая на ритуальное, а не бытовое их назначение. Наряду с такими печами, в топках которых были найдены сгоревшие дрова, имеются единичные печи, вместо перегородки в них сделан специальный «уступ», и остались следы сгоревших, возможно ароматических, трав. Такие печи встречены исключительно в помещениях особого, культового назначения (в алтарных печах, в «Царском святилище», в «царских гробницах» и др.).

Таким образом, в Маргиане, а по-видимому, и в Бактрии, с самого начала существовал культ Огня.

II. КУЛЬТ ВОДЫ. Согласно М. Бойс, «ритуальные приношения воде, совершаемые в конце богослужения, готовили из молока, веток одного растения и сока, наподобие Сома-Хаома. Как божественный священнослужитель Хаома получал свою долю от каждого жертвоприношения». Из перечисленных ингредиентов ни один фактически не оставляет после себя почти никаких органических остатков и не может быть зафиксирован археологически. Тем не менее важное место, которое занимала Вода и, скорее всего, ее культ у жителей Гонура, нам удалось косвенно подтвердить.

1. **БАССЕЙНЫ ДЛЯ КУЛЬТОВЫХ ОМОВЕНИЙ.** На существование «культа Воды» документально указывают прежде всего бассейны, расположенные внутри Гонура. Только на Северном Гонуре выявлено семь разного размера бассейнов. Из них два главных бассейна имеют, скорее всего, естественное происхождение. У каждой так называемой площади общественных трапез были вырыты небольшие искусственные бассейны, в которых, вероятно, совершались культовые омовения перед самими трапезами.

2. **«ФИЛЬТР» ДЛЯ ОЧИСТКИ РЕЧНОЙ ВОДЫ.** В «Малом южном бассейне» был сооружен «отстойник» из сырцового кирпича (или «фильтр»), куда вода поступала через специальный желоб из «Большого бассейна». В «фильтре» мутная вода из протоки р. Мургаб отстаивалась в срезанном камыше и уже чистой вытекала в «Малый бассейн», откуда бралась для приготовления жертвоприношений [Сарианиди, 2008, с. 135, рис. 56].

Думается, что «Большой бассейн» в основном служил для совершения обязательных, утренних молений (известно, что зороастрийцы не приступали к каждодневным работам, если перед этим не совершали обязательные моления и ритуальные жертвоприношения), а «Малый бассейн», в свою очередь, мог служить для приготовления ритуальной пищи, для которой нужна была особенно чистая и незамутненная вода.

3. **ХРАМ (КОМПЛЕКС) ВОДЫ.** Своеобразный Храм Воды был расположен на южном берегу «Большого бассейна» рядом с «внешней стеной». О том, что этот Храм был как-то связан с Водой, свидетельствуют комнаты, одна из стен которых, обращенная в сторону бассейна, отсутствует. Кроме того, в таких помещениях, как, например, №20 в восточной части Храма, имелось сразу три культовых двухкамерных печи, что, безусловно, свидетельствует о ритуальном назначении здания и о связи этих ритуалов с водой.

Еще одним свидетельством связи зданий, выстроенных на южном берегу большого бассейна вдоль южной части обводной стены, с «культом Воды» является тот факт, что «гонурцы» устраивали вдоль берега широкие террасы – площадки, на которых вырубали в материке небольшие «святотелища» с культовыми печами внутри. Когда вода все дальше «убегала вниз», ближе ко дну, «гонурцы» «догоняли» ее с помощью устройства по береговому склону святотелищ.

Таким образом, мы имеем достаточно оснований говорить о том, что у жителей Гонура вторым по значимости был «культ Воды».

III. КУЛЬТ ЗЕМЛИ. К земле древние огнепоклонники относились с особым благоговением, стараясь не осквернить ее ничем, особенно мертвым телом во время похорон.

1. ПРЕДОХРАНЕНИЕ ЗЕМЛИ ОТ МЕРТВОЙ ПЛОТИ. Как показали раскопки почти 4000 погребений на Гонуре, покойника в Маргиане хоронили на невысоком возвышении, сложенном из песка, иногда мусора, золы, или даже делали гипсовую обмазку на обычном грунте, которые препятствовали бы прямому контакту мертвого, разлагающегося тела с «чистой» землей. Из этих же соображений жители Гонура всегда обжигали докрасна всю могилу изнутри, прежде чем похоронить человека, имевшего при жизни какие-нибудь физические недостатки.

2. ПЛОЩАДКИ ДЛЯ ЗАКАЛЫВАНИЯ ЖИВОТНЫХ. Они выявлены на двух памятниках – в храмах Тоголок-1 и 21. В Тоголок-21 на территории «двора в обводе коридоров» в самый поздний период сооружена специальная площадка, которую сверху выложили крупными фрагментами пифосов. От «площадки» в сторону отходит желоб, перекрытый сверху обломками крупных сосудов. Есть основания предполагать, что эта площадка могла использоваться для закалывания жертвенных животных, а выкладки керамики предохраняли землю от стекающей «нечистой» крови жертв. В этом отношении М. Бойс [2003, с. 21] замечает: «Индоиранцы испытывали благоговейный страх и трепет, отнимая жизнь у животных. Они никогда не убивали без посвяжительной молитвы, благодаря которой, по их представлениям, душа животного продолжала жить».

Такая же «площадка», но выстланная кусками керамического шлака, была обнаружена при раскопках «сельского» храма Тоголок-1.

IV. КУЛЬТ СОМЫ-ХАОМЫ. В зороастрийской традиции Сомы-Хаома – триединный образ: растение, из которого его изготавливают, божество – персонификация растения – и алкалоидный напиток. По зороастрийским поверьям, посреди мирового океана Ворукаша растет дерево бессмертия – Хаома. Сторожить Хаому от дэвовских исчадий –

лягушек – и, по-видимому, от прочих пресмыкающихся должна была рыба Кара.

1. ХРАМЫ СОМЫ-ХАОМЫ.

Среди раскопанных к настоящему времени нескольких монументальных зданий Маргианы известны лишь один дворец на Северном Гонуре, три Храма Огня [Бойс, 2003, с. 21] и четыре Храма, посвященные Соме-Хаома, что указывает на то, какую важную роль у древних «маргушцев» имели эти растения и напиток и какой популярностью они пользовались [Сарианиди, 2008].

Самый ранний из всех известных в Маргиане подобных храмов (рис. 3) раскопан на восточной окраине Гонура, за пределами «обводной стены»

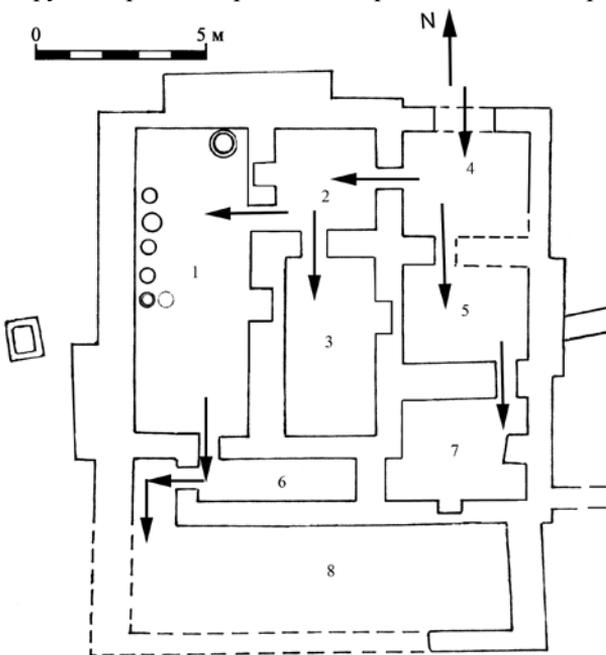

Рис. 3. План Храма Сомы-Хаома на раскопе №15 Северного Гонура

(раскоп №15). Как известно, растения, из которых готовился тонизирующий сок Сомы-Хаома, имели дурной запах и были очень жесткими. Поэтому перед изготовлением сока их веточки надо было долго отмачивать в воде, чтобы они стали более мягкими. Приготовление напитка занимало большой срок, примерно несколько недель, если не месяцев [Абдуллаев, 2009].

Этот процесс, по всей видимости, проходил в хумах, обмазанных изнутри толстым слоем гипса, чтобы воспрепятствовать просачиванию жидкости сквозь стенки. На полу центрального помещения храма на раскопе №15 Гонура стоят вкопанные в ряд пять больших пифосов, густо обмазанных изнутри многими слоями толстой белой гипсовой обмазки. В теменосе Гонура, выстроенном значительно позднее, уже во втором периоде жизни на памятнике было найдено более 30 подобных пифосов, «ванночек», чанов, также обмазанных изнутри подобным образом. Между слоями обмазки сосудов теменоса найдены семена эфедры и конопли (определение профессора МГУ Н.Р. Мейер-Меликян [Meyer-Melikyan, 1998; Meyer-Melikyan, Avetov, 1998]). Процесс отмачивания растений происходил в специальных так называемых белых комнатах, раскопанных в теменосе Гонура и Храмах Тоголок-1 и 21.

2. «ИНСТРУМЕНТАРИЙ» ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ТОНИЗИРУЮЩЕГО НАПИТКА СОМЫ-ХАОМЫ. После отмачивания на специальных давящих камнях (плоских, с полусферическим выступом в центре, встреченных в нескольких помещениях Гонура) из этих растений выдавливали сок. Важнейшим моментом ритуала было очищение полученного сока Сомы-Хаомы от сухих стеблей. Для этого сок процеживали через специальную ситечку (своеобразное сито со сквозными отверстиями на дне), прикрытую куском овечьей шерсти. Полученный сок смешивался с водой, молоком (в том числе кислым), ячменным зерном, в результате чего начинался процесс его брожения. В теменосе Гонура в одном помещении было обнаружено десять таких целых сосудов, предназначенных для отцеживания полученного сока от стеблей [Сарианиди, 2008, рис. 200]. Практически во всех могилах маргианской элиты были найдены воронки-ситечки, изготовленные как из бронзовых сплавов, так и из серебра. Из разграбленных могил Бактрии известны и экземпляры из золота.

Также в теменосе Гонура были найдены «керамические подставки», которые устанавливались над маленькими сосудиками, куда сцеживался готовый сок. Так, в храмах Маргианы впервые в археологической практике был обнаружен полный набор инструментария (каменные терки и давящие камни, ситечки и др.) для изготовления сока Сомы-Хаомы.

3. КУЛЬТОВЫЕ СОСУДЫ ДЛЯ СОМЫ-ХАОМЫ. Особое место среди предметов, связанных с изготовлением этого напитка, занимают культовые сосуды с процарапанными снаружи на стенках изображениями деревьев и другие – со скульптурными фризами по венчику. Показательно, что внутри таких изделий, на дне и на стенках встречаются наклепные фигурки распластанных лягушек и рыб, возможно, изображающие авестийскую рыбу Кару, а также извивающихся змей [Сарианиди, 1990, рис. 34.-7, 10]. Такие сосуды, безусловно, использовались для питья сока Сомы-Хаомы, они были найдены при раскопках в Храмах Тоголок-1, 21 и Гонур (рис. 4).

4. «ДРЕВО ЖИЗНИ». По представлениям индоиранцев, из мирового моря Ворукаша вытекает множество рек, которые несут воды по всему миру. Божество Вата проливает воду, смешанную с семенами растений, после дождя они пускают ростки.

Рис. 4. Объекты и предметы из памятников Маргианы, подтверждающие изготовление напитка типа Сомы-Хаомы

Семена эти происходят именно от «Древа всех семян», «Древа жизни», которое и растет в море Ворукаша. Ветры и дожди разносят семена по всему миру. На керамике страны Маргуш композиции, состоящие из центрального дерева, по бокам которого изображены рогатые козлы, стоящие на задних ногах, являются едва ли не единственными.

V. ПЛОЩАДИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАПЕЗ. Большое место на Гонуре занимают так называемые площади общественных трапез, расположенные со всех четырех сторон памятника и имеющие в некоторых случаях территорию около 1000 кв. м. Самая ранняя такая «площадь» располагается около «северных ворот» столичного Гонура. На дневной поверхности «площадей» нет абсолютно никаких архитектурных построек, и они представляют собой ровную, чрезвычайно плоскую поверхность. Культурный слой такой площади, достигающий толщины 1 м, содержит много костей животных и представляет своего рода «слоеный пирог» из обычных мусорных слоев, перемежающихся с черными, явно горелыми слоями. Похожая картина засвидетельствована в рукописях Мертвого моря, где говорится, что после проведения трапез на площадях горелые слои каждый раз специально засыпались сверху чистым песком,

для того чтобы собаки не растаскивали остатки по всему поселению и не захламляли его. Думается, и «гонурцы» также из гигиенических соображений засыпали горелые слои сверху чистым, возможно речным, песком.

Рядом с такими «площадями» «гонурцы» устраивали, как отмечалось выше, небольшие бассейны, в которые вода собиралась с окружающих Гонур ровных как стол такыров.

VI. ПРАЗДНИК НАУРУЗ. Как известно, у многих народов Востока праздник Науруз (Новый день) является центральным событием религиозного календаря. Науруз отмечается в первый день Нового года радостно, с множеством красивых обрядов, символизирующих обновление и блаженство. В этот день каждая община огнепоклонников присутствует на праздничном богослужении, а затем, как пишет известный специалист по зороастризму М. Бойс, собирается на веселое угощение, где все вместе едят пищу, благословенную во время богослужения. На празднество приходят и богатые и бедные. Это – время всеобщего благорасположения: прекращаются раздоры, возобновляются и укрепляются дружеские взаимоотношения. Науруз – главный из семи праздников, посвященных семи божествам. Они считались столь важными, что соблюдение их вменялось в религиозную обязанность всем верующим. Думается, описанные выше «площади общественных трапез» были необходимы для проведения таких празднеств. Скорее всего, именно с такого рода праздниками были связаны и

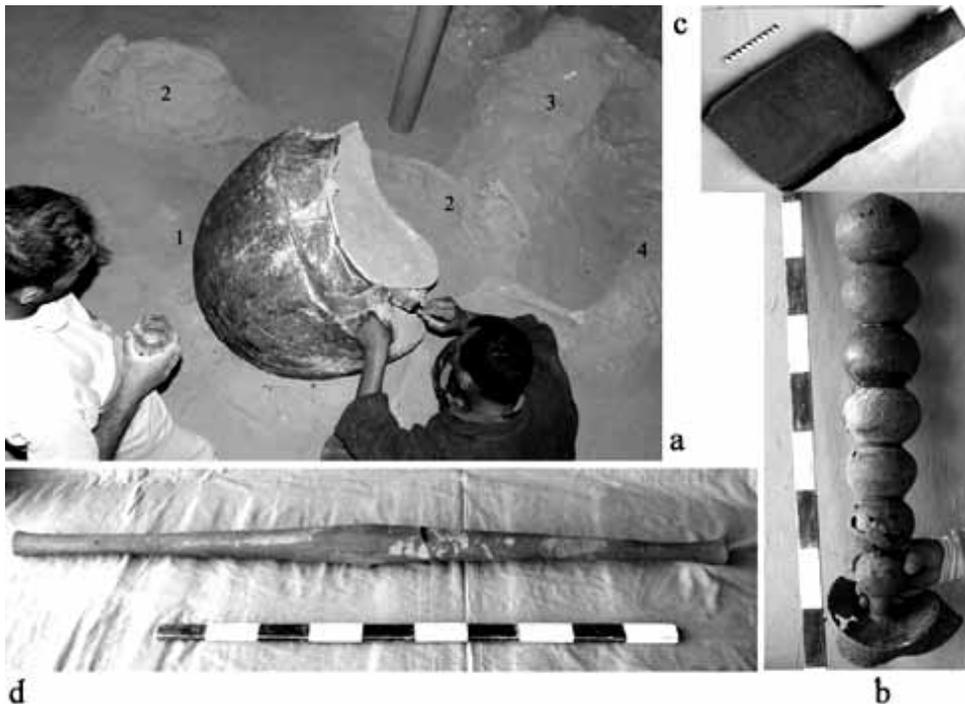

Рис. 5. «Инструментарий» для проведения общественных праздников типа Науруза из погребения №3900: *a* – реставрация большого бронзового котла в погребении (1 – котел; 2 – колеса повозки; 3 – сиденье повозки; 4 – скелет одного из верблюдов); *b* – бронзовый сосуд-«символ» из семи шарообразных емкостей; *c* – бронзовая лопата; *d* – один из двух каменных посохов

находки, которые были сделаны в уникальной инсцитной могиле-котловане на «царском некрополе» Гонура (№3900). Там были найдены огромный (около 200 л объемом) медно-бронзовый котел, бронзовая лопата, бронзовый «символ», состоящий из семи шаровидных емкостей и два каменных посоха (рис. 5). В том же котловане были захоронены семь убитых рабов (или слуг), семь собак, два верблюда и два осла [Дубова, 2009; Сарианиди, Дубова, 2010]. Вполне возможно предполагать, что повторение числа семь и набор погребального инвентаря и погребных людей с животными свидетельствуют о том, что это – «инструментарий» для проведения праздников типа Науруз.

VII. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. У древних огнепоклонников существовала вера в жизнь человека после смерти. Зороастрийская религия создала сложную систему погребальной обрядности. Надежду на счастливую загробную жизнь могли иметь лишь те, кто был в состоянии приобрести ее с помощью обильных жертвоприношений.

1. РАЗНООБРАЗИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ МАРГИАНЫ (рис. 6). Как стало ясно в результате археологических раскопок «Главного некрополя Гонура», захоронения совершались в разных по типу погребальных сооружениях, но с одинаковым обрядом: покойника помещали в скорченной позе с согнутыми руками и ногами (в позе спящего), головой на север, северо-запад. Большая часть (почти 85%) жителей Гонура были похоронены в так называемых шахтных могилах; «простые ямные» и «обожженные ямные» могилы составляют около 12% от общего числа найденных. Судя по погребальным приношениям, погребенные в «шахтных могилах» составляли «средний класс» древнего маргианского общества, тогда как скромные приношения ямных могил показывают, что они принадлежат беднякам [Сарианиди, 2001; Sarianidi, 2007]. В сильно обожженных изнутри ямах хоронились покойники, которые при жизни имели какие-то физические недостатки [Бабаков др., 2001; Васильев и др., 2002; Dubova, Rykushina, 2007; и др.].

Камерные могилы (Nurogaum), судя по всему, принадлежали маргушским аристократам. Они представляют собой одно- или двухкамерные подземные сооружения, выкопанные в земле. Большая часть таких гробниц не сохранила скелетов, в них имеется лишь «костяная пыль» от чисто убранных и перенесенных скелетов. Подобно

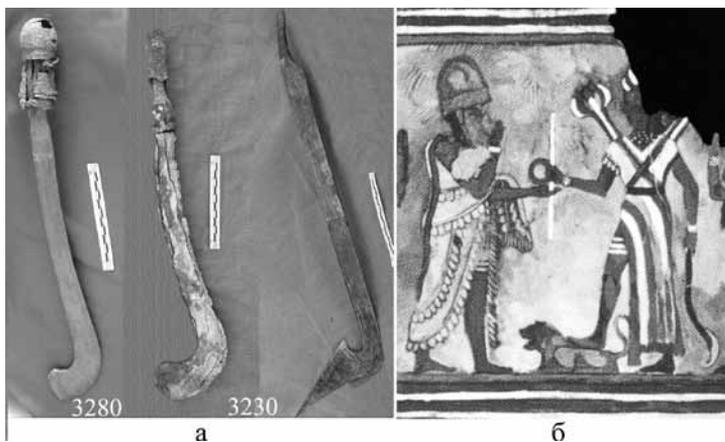

Рис. 6. «Гарпуны»-железы: а – погребения Северного Гонура; б – фрагмент настенной росписи из дворца Мари, Сирия (по: [Parrot, 2006, p. 268])

«царским» гробницам, судя по всему, это были «семейные гробницы», в которых совершались коллективные, возможно семейные, захоронения [Сарианиди, 2001, рис. 6–9]. Нельзя полностью исключить, что с этими камерными могилами были связаны так называемые фракционные захоронения, которых найдено в настоящее время на Гонуре всего пять. Столько же,

сколько и камерных могил на главном некрополе Гонура, найдено цист (по 2,5%). Подобных камерных могил и гробниц в Центральной Азии до сих пор не было известно. Они попали сюда, видимо, вместе с вышеупомянутыми племенами из Передней Азии. Сходные камерные гробницы, также передающие идею «спален», в самое последнее время открыты на среднем Евфрате (Халава, Лидар, Хадида). Они представляют собой коллективные, фамильные склепы с последовательным обрядом погребения. Особенно показательны гробницы из Барсипп, относящиеся к 2600–2000 гг. до н.э., принадлежавшие местной элите, так что северо-сирийское происхождение гонурских гробниц и камерных могил представляется наиболее вероятным. Еще более впечатляющие параллели с некрополем Гонура дает могильник Талл-Туттул также в Сирии, где имеются как шахтные могилы, так и камерные гробницы (Нурогаетум) [Сарианиди, 2001, с. 33]. Если учесть, что погребальные обряды и культы – самые консервативные, то станет понятным вся важность этих сирийско-маргианских сопоставлений и аналогий. На Гонуре не исключалось и сооружение кенотафов.

Совершенно очевидно, что существовало несколько социальных групп населения «страны Маргуш», которые имели право быть похороненными только одним способом, соответствующим его социальной группе: в «царских гробницах» либо в «шахтных погребениях»; в «ямных» либо в «камерных» погребениях; в «наземных цистах» или во фракционных (или частичных) погребениях.

2. «ДАХМА». Еще одной разновидностью погребальных сооружений, найденных во дворце Северного Гонура, являются открытые площадки, камеры, в которых совершались коллективные погребения только членов царской фамилии, но не простых общинников или даже аристократов. Учитывая, что она найдена во дворце, скорее всего, этот обряд существовал начиная с конца III тыс. до н.э. Судя по одной медной печати, на которой изображены покойники, грифы и собаки, уже в это время существовала практика «выставлять» покойников в места, где имелись грифы или специально обученные собаки, которые очищали тела от мягких тканей. Затем костные останки захоранивались в другом месте.

3. ПОГРЕБАЛЬНАЯ БРЕШЬ. В «комплексе погребальных ритуалов» дворца Северного Гонура было раскопано небольшое помещение, помимо парадной двери в котором, в соседней стене была пробита сквозная брешь. Учитывая назначение комплекса, можно предполагать, что в этом помещении без окон умерший человек мог находиться в свои последние часы перед погребением. Через упомянутую брешь останки покойника, по всей видимости, выносились из «комплекса погребальных ритуалов». В этой связи стоит вспомнить слова, сказанные Ахуро-Маздой и зафиксированные в Авесте: «И вот когда прилетят птицы, произрастут растения, растекутся лужи, ветер высушит землю, тогда пусть маздаяснийцы в этом доме брешь прорежут» [Рак, 1998, с. 277]. Этот широко распространенный у арийцев вынос мертвого тела из дома через окно или специально пробитую в стене брешь до сих пор практикуется в горном Таджикистане: как отмечает А. Джэксон, хозяина и хозяйку дома выносят через пролом (иначе брешь), сделанный в стене, в то время как всех остальных членов семьи выносят через дверь [Мейтарчиян, 1999, с. 115].

4. КИРПИЧ В ОЧАГЕ. В центре «комнаты с 12-ю нишами» (пом. 48) «комплекса погребальных ритуалов» дворца Северного Гонура на полу устроен круглый очаг. Внутри его в момент раскопок плашмя лежал слабообожженный кирпич. Он имеет

для нашей темы большое значение. Как отмечает В.Ю. Крюкова [1997, с. 222], по словам Садика Хидаята, у горных таджиков, «когда мертвого выносят из комнаты, на его место кладут кирпич». Этот обряд имеет большое значение и в погребальных обрядах Ирана. Для нашей темы в высшей степени интересно, что такие обряды упоминаются в Авесте (Вендидат), указывая на многотысячелетнюю древность подобных погребальных обрядов.

5. ИДЕЯ О ДУШЕ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЕ. Она была очень популярна среди зороастрийцев уже в раннезороастрийское время, начиная, по крайней мере, со II тыс. до н.э. В этом отношении весьма показательны глиняные и каменные модели обуви, находимые в могилах Маргианы и Бактрии. Думается, на то же указывают и повозки, которые были найдены в четырех гробницах «царского некрополя» Гонура и которые могли служить для загробных путешествий.

6) МУХА НАСУ. В храме Тоголок-21 на поверхности был поднят небольшой, квадратный амулет, на одной стороне которого изображено центральное дерево и пара стоящих по бокам на задних ногах козлов, а на обороте – мертвец в скорченной позе (!), на которых сверху набрасывается рогатое и хвостатое чудище. Близкое изображение имеется среди сиро-хеттских печатей, где двое сидящих на стульях людей потягивают через трубочки, по всей видимости, алкалоидный сок (предположительно типа Сома-Хаома), а сзади к ним осторожно подбирается чудище типа Насу, которая в Авесте называется «скверная трупная муха» (рис. 7). Оба чудища – трехлапые и имеют на конце хвостов шишечки,

a) Margiana

b) Syria

Рис. 7. Изображения мухи Насу

что до определенной степени сближает их между собой. В Авесте муха Насу («дэв осквернения») заключена в трупной плоти. Она способна умерщвлять человека и после смерти сразу набрасывается на него.

VIII. СВЯЩЕННЫЕ АГНЦЫ. Раскопки в Маргиане показали, какое большое место у «маргушцев» занимал «культ животных» и в первую очередь захоронения животных [Sarianidi, 1996; Сарианиди, Дубова, 2007, 2008; Сагаев, 2008; Дубова, 2008а–б; и др.]. Известно, что индоиранцы при жертвоприношениях преподносили и посвящали богу Хаома язык и левую челюстную кость каждого жертвенного животного, что находит прямые доказательства в многочисленных захоронениях ягнят и молодых баранов на Гонуре. Череп, челюсти и лопатки животных были найдены в Маргиане и внутри культовых печей.

IX. ДРУГИЕ МОМЕНТЫ СХОДСТВА культуры БМАК и зороастрийских традиций.

1. МРАМОРНАЯ ГОЛОВА БЫКА. Найденная в Храме Тоголок-21 мраморная голова быка удивительно близко напоминает наверхия жезлов с точно такими же скульптурными изображениями на концах, которые до настоящего времени исполь-

зуются жрецами при посвящении в зороастрийскую религию (рис. 8). Голова гладко заполирована до зеркального блеска с тыльной стороны и имеет три сквозных отверстия, через которые она прикреплялась к деревянному древку-ручке.

2. ПЕЧАТИ И АМУЛЕТЫ. Среди огромной коллекции печатей (рис. 9) и амулетов из Бактрии и Маргианы выделяются те из них, которые украшены сложными композициями с изображением различных зооморфных персонажей, находящихся в резко противоборствующей позиции. Наиболее распространены изображения мирных животных (баран, корова и др.), на которых нападают злые, змееподобные драконы, агрессивно тянущиеся к их задним ногам с целью похищения «живительного семени». Этот «фаллический символизм» (П. Амье) красной чертой проходит через многие композиции бактрийских и маргианских печатей и амулетов. Очевидно, что на таких композициях показана борьба добрых и злых сил или Добра и Зла в их космическом значении за обладание «живительным семенем», от которого, в конечном счете, зависит вся дальнейшая жизнь на земле. Как известно, эта идея – основа жизненной философии огнепоклонников.

3. КЭРЕСАСПА. Среди преимущественно каменных амулетов БМАК выделяется однотипное изображение звероподобного человека с волосами на голове, всегда разделенными на две пряди и слегка волнистыми на концах (рис. 10). Это – Кэресаспа, по словам М. Бойс, «величайший герой Авесты», который борется с противными человеку существами наподобие драконов.

4. ПОСЕЛЕНИЕ ВАРА. В Авесте вара – «крепость», «замок», – построенная Йимой. Судя по тексту Авесты, Вара состояла из трех концентрических кругов стен. Внешняя стена имела девять проходов, средняя – шесть и внутренняя – три прохода. Удивительно, но точно такое поселение, которое почти полностью повторяет именно эту общую планировку, было найдено и раскопано в Афганистане (Дашлы-3) [Сарианиди, 1977].

Итак, выше были перечислены наиболее схожие мотивы и композиции, которые, с одной стороны, упоминаются в священной Авесте, а с другой – имеют свои показательные соответствия в материальной культуре Маргианы и Бактрии, что, как представляется, мы наблюдаем впервые. Как видим, найденные на Гонуре артефакты и восстанавливаемые обряды древних «маргушцев более чем по тридцати позициям находят свои прямые и в высшей степени показательные соответствия в священной книге зороастрийцев Авесте, чем не может похвалиться ни одна другая археологическая культура в мире. Как известно, Авеста была записана сравнительно поздно – в парфяно-сасанидское время, и до нас дошла только одна четвертая ее часть. Многие из вышеприведенных параллелей между древними и современными огне-

Рис. 8. Каменная голова быка с Тоголок-21

Рис. 9. Прорисовка бактрийской печати из коллекции Р. Гарнера

Рис. 10. Изображения Керсаспы на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы

поклонниками Передней и Центральной Азией по отдельности могут быть отмечены в других археологических культурах, но пока они не встречены вместе ни на одном памятнике, и даже в археологической культуре народов древности. Необходимо особо подчеркнуть, что большая часть этих параллелей относится к концу III тыс. до н.э., т.е. ко времени, когда степные группы Евразии, как это ныне считается в целом признанным, еще были крайне далеко от земледельческого среднеазиатского юга.

Учитывая значительное число археологических параллелей в культуре древних Маргианы и Бактрии с археологическими комплексами Передней Азии, мне представляется наиболее вероятным, что именно там и надо искать родину раннего зороастризма. Вышедшие оттуда местные (возможно, древнесирийские племена), включившие при своем движении на восток народы южных и северных предгорий Копетдага, основали свое новое государство в древней дельте р. Мургаб. В этом отношении особенно интересны памятники типа Гонур в Туркменистане или Чога-Занбиль в Иране, представляющие собой не просто поселения, а дворцово-культурные ансамбли, требующие специального исследования усилиями археологов, лингвистов и антропологов. Только совместные исследования ученых разных специальностей позволят заглянуть в древнюю историю первой религии откровения, в зороастризм.

Библиографический список

Абдуллаев К. Культ Хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.: ил.

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медия, 2001. С. 105–132.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи [Boyce M. Zoroastrians: believes and customs]. М., 2003.

- Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б., Савинецкий А.Б. Антропологическое исследование погребений с обожженными стенками Гонурского некрополя (Туркменистан) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.: Наука, 2001. С. 7–19.
- Дубова Н.А. Ритуальное захоронение животных на Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008а. Т. 2. С. 50–60.
- Дубова Н.А. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-деде // Культура nomadov Центральной Азии. Самарканд, 2008б. С. 84–97.
- Дубова Н.А. Находка двух новых царских погребений на памятнике бронзового века Туркменистана Гонур Деде // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 278–281.
- Мейтарчиан М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.: Ин-т Востока РАН, 1999. 243 с.
- Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.: Журнал «Нева», «Летний сад», 1998. 555 с.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 171 с.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 314 с.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медия, 2001. 246 с.: ил.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное государство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2002. 360 с.: ил.
- Сарианиди В.И. Гонур-Деде. Город царей и богов. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2005. 328 с.: ил.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре (Royal necropolis in North Gonur) // Вестник древней истории. 2006. №2 (257). С. 155–192.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. 2007. №1. С. 49–63.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2008. 341 с.: ил.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур Деде (Туркменистан) // The Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methods and Practice. Irkutsk, 2007. P. 224–233.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Деде) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 149–152.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации: Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетей, 2010. Т. 3. С. 144–171.
- Сатаев Р.М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2008. Т. 2. С. 143–160.
- Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens: Kapon editions, 2007.
- Meyer-Melikian N.R. Analysis of floral remains from Togolok-21 // Sarianidi V. Margiana and protozoroastrism. Athens: Kapon editions, 1998. P. 178–179.
- Meyer-Melikian N.R., Avetov N.A. Analysis of floral remains in the ceramic vessel from the Gonur temenos // Sarianidi V. Margiana and protozoroastrism. Athens: Kapon editions, 1998. P. 176–177.
- Parrot A. Sumer. Paris: Gallimard, 2006.
- Sarianidi V. The Biblical lamb and the funeral rites of Margiana and Bactria // Mesopotamia. Firenze, 1996. Vol. XXXI. P. 33–48.
- Sarianidi V.I. Margiana and protozoroastrism. Athens: Kapon editions, 1998. 190 p.: il.
- Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Second Edition. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p., il.
- Sariannidis V.I. Zoroastrianism: a new motherland for and old religion. Thessaloniki: Kyriakidis Brothers s.a., 2008. 415 p.: il.
- Winkelmann S. Murgabo-baktrische Terrakotten im Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster // Boreas. Münsterische Beiträge zur archäologie. Munster, 1997. Bd. 20. S. 151–168.

Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТНЫХ ВОИНОВ НА ГОНУР ДЕПЕ (Туркменистан)*

Гонур Депе – известный памятник, датируемый концом III–II тыс. до н.э.^{**}, расположенный в 80 км к северу от г. Байрамали в юго-восточном Туркменистане. По мнению руководителя раскопок В.И. Сарияниди [2001–2002, 2005, 2007–2008; Sarianidi, 1998, 2007; Sarianidis, 2008], это был административный и религиозный центр древневосточного государства Маргуш в древней дельте р. Мургаб. Там, благодаря работам Маргианской археологической экспедиции, к настоящему времени выявлено более 4000 погребений. Самое большое число – 2853 погребальных сооружений^{***} – зафиксировано на Большом (или Главном) некрополе, раскопки которого полностью завершены. За пределами так называемой обводной стены памятника на всех фасах, ориентированных по странам света, также выявлено большое число погребений, а в самый последний период обитания на Гонуре захоронения проводились уже в руинах самого дворцово-храмового комплекса. На восточном берегу Большого (или Главного) бассейна Гонура, устроенного в южной части комплекса, раскопана серия самых богатых из всех известных на Гонуре погребений, получившая условное название «царский некрополь». Основные «царские» погребения были предварительно охарактеризованы в печати [Дубова, 2004; Сарияниди, 2004–2007; и др.]. Общая характеристика погребений Главного некрополя дана в работах В.И. Сарияниди [2001–2002; Sarianidi, 2005, 2007–2008]. Остальным могильникам пока не было уделено специального внимания, что, безусловно, будет исправлено в ближайшем будущем.

Как отмечает В.И. Сарияниди, изученный материал позволяет говорить о высокой социальной стратификации маргианского общества. Среди выявленных типов погребальных сооружений выделяется группа, в которой погребальные приношения крайне бедные (около 10%) – небольшие керамические сосуды, простенькие бусинки и редко мелкие бронзовые изделия типа булавок (захоронения в простых грунтовых ямах). Основная часть захоронений (85%) совершена в шахтных (или подбойных) могилах. Погребальные приношения (так же, как и размеры самих ям) в таких могилах сильно варьируют: от 1–2 керамических сосудов до богатых наборов каменных, бронзовых, а нередко и серебряных, золотых изделий. Еще 5% составляют погребения с самым роскошным инвентарем – одна половина из них (около 50 могил) представляет собой подземные модели домов, а вторая – цисты, т.е. надземные или подземные прямоугольные сооружения из сырцовых кирпичей, не имеющие входа. Несмотря на то, что подавляющее большинство этих (как, впрочем, и всех остальных) могил еще в древности были ограблены, в каждой из них найдены серебряные и золотые изделия, обрывки золотой фольги, другие ценные предметы.

---

* Работы ведутся при финансовой поддержке РФФИ (проект №10-06-00263а).

** Подробнее о датировке отдельных объектов памятника см.: [Зайцева и др., 2008].

*** Из этого числа в 218 случаях нельзя было определить тип могилы. 39 из них – так называемые поминальные лунки, т.е. небольшие ямки, в которых были найдены только обожженные кости животных. Из 196 обожженных ям только в 44 случаях найдены человеческие останки [Sarianidi, 2007].

Женские погребения обычно имеют значительно более богатый набор приношений. В то же время такие предметы, которые, с точки зрения современного человека, могли бы однозначно указывать на женский пол погребенного (например, каменные, бронзовые, костяные, керамические косметические флаконы с аппликатором – бронзовым стержнем, имеющим утолщенный конец, использовавшимся, возможно, для нанесения косметики на лицо и/или тело, бронзовые зеркала, шкатулки и др.), с той же частотой встречаются и в мужских могилах. Есть предметы, которые указывают на высокий социальный ранг погребенного: например, деревянные жезлы с бронзовыми или каменными навершиями, нередко имеющими форму голов животных, ритуальные топоры, близкие по назначению жезлам, длинные каменные посохи с окончанием в виде копыта. Таковые встречены только в мужских погребениях. Группа предметов, явно связанных с ритуальными действиями (каменные миниатюрные колонки, каменные диски, бронзовые или серебряные воронки-ситечки, палочки из слоновой кости и др.), также найдена лишь в мужских погребениях, причем совершенных в цистах или камерных могилах, в исключительных случаях – в подбойных.

Всего в шести могилах (из всех раскопанных 4000) были обнаружены особые предметы – бронзовые «лесенки», т.е. тонкие бронзовые пластины, имеющие одно или несколько прямоугольных отверстий. Принято считать, что они говорят о принадлежности погребенного к военному сословию, а число отверстий («просветов») свидетельствует о его военном ранге. Три такие «лесенки» были найдены в ритуальном погребении животных [Дубова, 2008], а остальные три – в богатых мужских погребениях, о которых и пойдет речь далее. Все три погребения, что особо ценно, зафиксированы «*in situ*». Такое же изделие было обнаружено и в одной из могил известного могильника Сапаллитепа в Северной Бактрии (Узбекистан).

Первое гонурское погребение, о котором пойдет речь, №2380 (рис. 1), расположено в южной части некрополя, почти на его границе. Могильная яма – шахтная, размеры 145x130 см (ширина дромоса – 50 см, подбоя – 80 см, высота уступа – 10 см). Глубина – 55 см. Захоро-

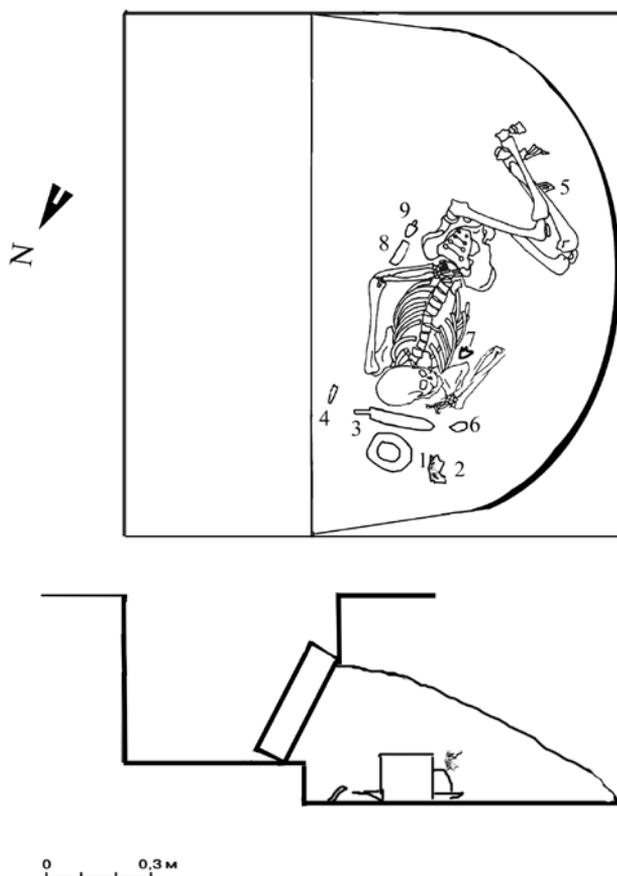

Рис. 1. Схема погребения №2380

ненный мужчина 40–50 лет лежал на спине головой на север–северо-запад. Все кости скелета – в анатомически правильном порядке. Его ноги, согнутые в коленях, лежали на правом боку. Кисть согнутой в локтевом суставе правой руки находилась около головы. Левая рука, также согнутая в локте, располагалась в области пояса. Голова лежала не на затылке, а в неестественном положении, как бы «свернутой» на правый бок, упиравшись подбородком в плечевой сустав. При антропологическом обследовании костяка было обнаружено, что первый и второй шейные позвонки находились около большого затылочного отверстия, а остальные шейные позвонки – под большим углом к ним и на неестественно большом расстоянии. Такая картина говорит о том, что у индивида незадолго перед смертью была сломана шея. Кроме того, имеется и специфическое повреждение правой стороны лицевого скелета: наружный слой кости был «срезан». Имелись слабые следы развития воспалительного процесса. Можно предполагать, что погребенный получил серьезную травму при падении на лицо, «проехав» на нем по земле какое-то расстояние.

Стоит отметить, что верхний и нижний края правой орбиты черепа мужчины за много лет до смерти были рассечены сильным секущим ударом острого оружия типа ножа или сабли. Рана была глубокой, но полностью заживлена, хотя правый глаз, скорее всего, был поврежден. Но наиболее вероятной причиной смерти был, конечно, перелом шеи.

Под левой частью затылка находились позвонки и ребра молодого барашка (ягненка), в области темени – лопатка того же животного. За теменем мужчины лежал

Рис. 2. Бронзовое навершие жезла в форме головы лошади из погребения №2380

согнутый бронзовый нож, чуть далее от него – бронзовый сосуд типа котелка с широким горлом, и рядом с ним упомянутое навершие жезла в виде головы лошади (рис. 2). Второе четырехзубое бронзовое навершие находилось около правой руки мужчины. Подобные навершия встречались и в других, преимущественно элитарных мужских погребениях Маргианы и Бактрии (см., например: [Pottier, 1984, pl. XLIII.-320]). К востоку от головы лежал похожий на цилиндр бронзовый артефакт неясного назначения. Около левого локтя находилась бронзовая прямоугольная пластина, а около левой стороны таза – бронзовый листовидный наконечник стрелы.

При расчистке костей ног под левой большой берцовой костью обнаружен фрагмент льняной ткани [Elkina, Golikov, 2007; Tsareva, 2007; Shangurova, 2007], которая была свернута в четыре слоя. Внутри ткани находился бронзовый предмет, напоминающий небольшую лестницу с одним целым, а вторым обрезанным отверстиями. По всей видимости, на мужчине были одеты льняные брюки, а пластина могла находиться или около голенища обуви, или в специально сделанном кармашке.

Среди выявленных погребений в северной части дворцово-храмового комплекса Гонура выделяется сохранившаяся неограбленной циста №2900* (рис. 3). Она устроена в руинах поминальника №85 в прямоугольном котловане (280x195 см при глуби-

* Более подробное описание этого погребения см.: [Sarianidi, 2007, p. 146–155].

не 90 см), стенки которого обложены сырцовыми кирпичами стандартных размеров*, уложенных плашмя кладкой в перевязку. Внутренняя поверхность стен не оштукатурена. Имеются три радиоуглеродные даты из этого погребения и одна из соседнего помещения (№70). Даты, полученные по костным останкам людей, погребенных в этой могиле (2δ (95%) – 2140–1750 гг. до н.э.), на 220–260 лет менее поздние, чем таковая, определенная по углю (1880–1450 гг. до н.э.). Учитывая, что серия AMS-дат в целом вообще несколько удревнила все помещения, откуда происходили образцы, а стратиграфическое положение и керамический комплекс, представленный в этом погребении, говорят о принадлежности его к последнему, третьему периоду обитания на Гонуре, видимо, более близкими к реальности следует считать верхние пределы AMS-дат по костям. Тем более что и уголь из поминальника №70 дает сходные пределы (2140–1740 гг. до н.э.) [Зайцева и др., 2008, с. 174–177].

Под полом цисты, а также среди раствора, скрепляющего кирпичи, обнаружено много зерен злаков. Так как эта могила сооружалась в то время, когда некогда действовавший на этом месте храм уже давно превратился в руины, ее пол находится практически на 0,5 м выше полов помещений. Большая часть заполнения представляет собой обычную землю, но слой, собственно подстилающий цисту, состоит из одних злаковых зерен. Толщина зернового слоя доходит местами до 7–8 см. Зерновки (семена) можно определить как ячмень – *Hordeum L.* [Афонин, 2008]. В окружающих помещениях каких-либо других зерен обнаружено не было. Раскопки в разных частях Гонур Деппе показали, что пшеница, ячмень и другие злаки занимали очень важное место в жизни жителей поселения. Так, например, во дворце Гонура были обнаружены две комнаты, полы которых устилал толстый, доходящий до 1 м толщины (!) слой пшеничных зерен. Очень высокого качества зерна ржи были найдены и в поминальнике №465 того же дворца [Афонин, 2008, с. 161]. Исходя из этого, можно предположить, что циста №2900 была специально размещена в том месте, где имелся запас хлеба, возможно, для создания благополучия умершему и на том свете.

* Размеры кирпичей 45x20x12 см.

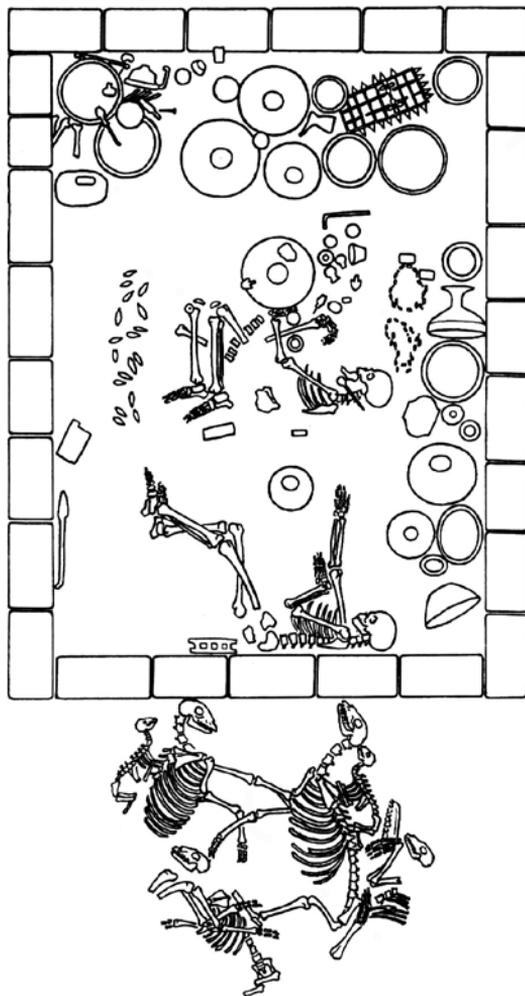

Рис. 3. Схема погребения №2900

Рис. 4.
Серебряная
булавка из
погребения
№2900

В этой цисте были захоронены два пожилых человека (старше 60 лет) – мужчина и женщина. Оба лежали в скорченной позе на правом боку, головой на север. Непосредственно под ногами мужского скелета находился полный скелет молодого ягненка. Вдоль северной и западной стенок цисты стояло 26 керамических сосудов, а около головы мужчины разместились его личные погребальные приношения – серебряные и фаянсовые браслеты, гребень из слоновой кости, фаянсовый (?) панцирь черепахи, серебряные кубок и стаканчик, бронзовые сосуды. Особое внимание обращают на себя великолепная серебряная булавка с навершием в виде гордо шагающего верблюда (рис. 4), находившаяся под самым подбородком мужчины и, видимо, закалывавшая ворот одежды, а также нагрудное украшение из полудрагоценных камней типа ожерелья с двумя быками в центре (см. фото 2.-а на цв. вкл.). Быки, стоящие головами друг к другу, искусно сделаны из серебра, их тела, глаза и хвосты инкрустированы вставками из бирюзы, сердолика и лазурита. Сами ожерелья сделаны из тех же

каменей, причем в отверстия каждой бусины с двух сторон были помещены бронзовые крепежные вставки, в которые вдевалась нить, что подчеркивает высокое мастерство маргианских ювелиров.

В юго-западном углу данной цисты был найден комплекс бронзовых предметов, получивший условное название «ритуальный набор» (рис. 5). В него вошли большой треугольник с петлями в каждом углу, два небольших круглых зеркала, косметический флакон с крышечкой, сосудик в виде почки, небольшая воронка с ручкой и ситом для процеживания жидкостей, блюдечко и большой нож, а также длинный серебряный аппликатор для нанесения краски на тело или лицо. Рядом с этим набором на полу цисты был сооружен глиняный лепной необожженный сосуд, в котором у его западной стенки стояла целая составная статуэтка. В момент расчистки на белой мраморной голове статуэтки была зафиксирована черная масса, изображающая, по-видимому, волосы

Рис. 5. «Ритуальный» набор бронзовых предметов из погребения №2900

или головной убор. Эта масса разрушилась под воздействием воздуха прямо в процессе расчистки. На стенках лепного необожженного сосуда сохранились фрагменты белой тонкой обмазки, со следами красной и черной краски. В настоящее время в музеях мира и в частных коллекциях имеется всего около семи десятков таких статуэток, но все они происходят из разграбленных могил Бактрии и Маргианы. Одна их самых известных представлена в экспозиции Лувра. Особенностью статуэтки из цисты №2900 является то, что она – единственная из всех известных науке, которая найдена «*in situ*».

В этом погребении обнаружены 31 кремневый и три костяных наконечника стрел, находившихся россыпью в основном в южной части цисты. Имеется медно-бронзовый так называемый секач и массивный наконечник копья (длина 33 см), стержень которого заканчивается загнутым концом. Сам наконечник имеет четко выделенное ребро и относится к тому типу оружия, которое было широко распространено в то время в передовых центрах Ближнего Востока, вплоть до восточного Ирана и в том числе Тепе Гиссара [Schmidt, 1937, pl. L; LI].

У восточной стенки цисты (прямо у ног женского скелета) находилась медная миниатюрная «лесенка», имеющая три больших квадратных «просвета». С обоих концов «лесенки» следующие отверстия обломаны.

Около кисти правой руки и головы мужского костяка найдены два слабоизогнутых медно-бронзовых четырехзубчатых навершия (рис. 6), так же, как и в случае с погребенным в могиле №2380 мужчиной, имевшие знаковое назначение.

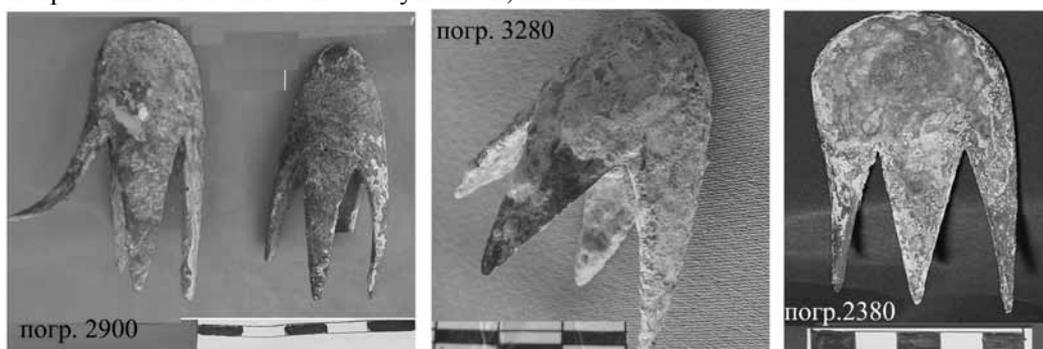

Рис. 6. Четырехзубчатые бронзовые навершия жезлов

Наконец, в северо-западном углу цисты среди керамических сосудов находился еще один предмет, показывавший высокий ранг погребенного – так называемая игральная доска (рис. 7). Инкрустация «игральной доски» представляет собой вытянутый прямоугольник, поделенный на почти квадратные клетки (5x6 см): в ширину расположено три клетки, в длину – восемь. В крайних рядах третья и четвертая клетки объединены, и на образовавшемся пространстве сделаны костяные же инкрустации в виде крестообразного четырехлепесткового узора. Кроме описанной «игральной доски», неподалеку от нее находилась плакетка, также инкрустированная палочками из слоновой кости. В погребении найдены и остатки погребальной пищи. Так, в коническом сосуде находились кости конечностей молодого барана, а между бронзовыми сосудами, около «игральной доски», – ребра барана. Под керамическим сосудом в юго-западном углу лежали кости задней части молодого барана.

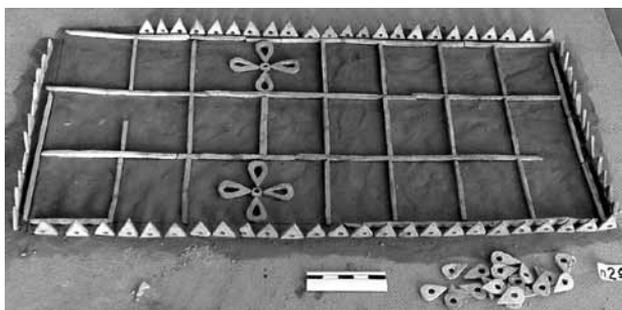

Рис. 7. «Игральная доска» из погребения №2900 (реконструкция из оригинальных костяных вставок)

Не исключено, что здесь мы видим парное погребение, в котором одновременно были за-

хоронены муж и, возможно, его неутешная в своем горе жена (судя по ее вытянутой в сторону воина правой руке). Но полное отсутствие у нее личных украшений и погребальных приношений не совсем понятно, учитывая богатство приношений именно в женских погребениях. Можно, по-видимому, предполагать, что эта женщина, скорее всего, была служанкой (рабыней, наложницей?), которая должна последовать за хозяином для помощи ему в мире ином. Косвенным подтверждением этой мысли является помещение ее, во-первых, на полу, а не на возвышении, как был похоронен мужчина, а во-вторых, – около восточной стены цисты, за которой, как оказалось, находилось коллективное погребение животных. Погребение состояло из двух взрослых баранов, лежавших головами на запад и мордами друг к другу. Передние ноги баранов переплетены между собой, в «позе объятия». За спинами животных лежало по одному маленькому ягненку, за задними ногами – две плохо сохранившиеся собаки, а около спины северного барана – нижняя челюсть лошади. Это погребение было устроено на том же толстом слое зерен, что и основная циста.

С цистой №2900 очень сходно двойное погребение №3280 (рис. 8) на восточном берегу малого бассейна (раскоп №9). Оно также не было ограблено. Радиоуглеродная дата по AMS, полученная в Королевском университете г. Белфаст (Северная Ирландия), – 2310–2030 до н.э. (2δ). То есть данное погребение было совершено приблизительно на 200 лет ранее, чем только что описанное.

Продольная ось могилы (165x 120 см при глубине 50 см) вытянута с севера на юг.

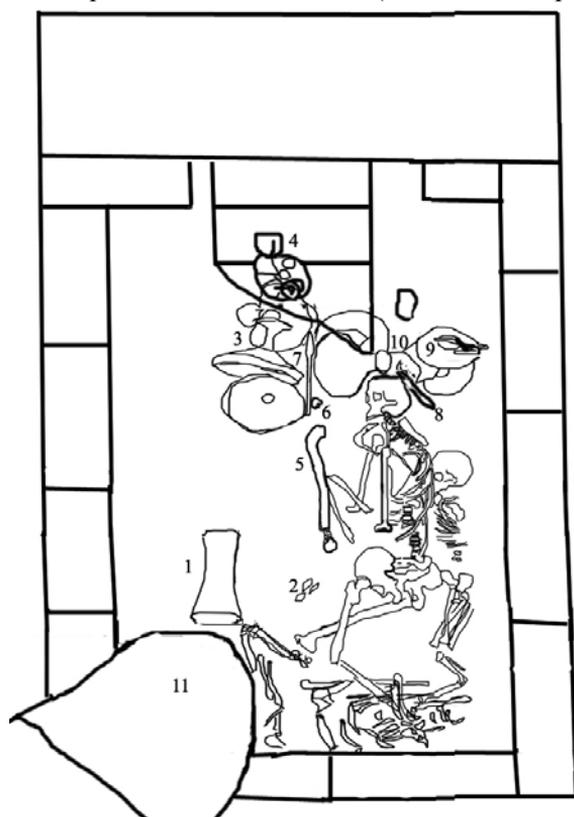

Рис. 8. Схема погребения №3280

Как и в других случаях, стены цисты были выложены сырцовыми кирпичами, уложенными плашмя. Северо-западный и юго-западный углы, а также западная стенка цисты не сохранились, хотя положение погребальных приношений свидетельствует, что они лежат на своих первоначальных местах. Юго-западный угол цисты был разрушен при устройстве очага, северная стенка которого всего на 15 см не достигла каменной миниатюрной колонки, уложенной на пол цисты, что, видимо, и спасло могилу от разграбления. Но этот же очаг разрушил скелеты животных, которые были некогда похоронены в ногах погребенных мужчины и подростка (см. далее).

В северо-западном углу цисты почти на древней дневной поверхности (т.е. на высоте 35–40 см от уровня пола цисты, благодаря устройству возвышения из двух пар сырцовых кирпичей) найдена группа пред-

метов, помещенных в широкую неглубокую лепную необожженную тарелку, покрытую изнутри несколькими слоями белого гипса. Там находились бронзовые круглодонный сосуд с ушками, косметический флакон в форме великолепно выполненной фигурки горного козла-архары с аппликатором (рис. 9), узкая «лесенка» (аналогичная найденным в цисте №2900 и погребении №2380 (рис. 10)), воронка-ситечко с ручкой и толстый Т-образный предмет с одной загнутой перекладиной.

Рис. 9. Бронзовый косметический флакон из погребения №3280 Северного Гонура

Центральное место в погребении занимает скелет мужчины 35–40 лет, лежащий на правом боку, головой на север. Его ноги согнуты в коленях таким образом, что голени лежат параллельно южной стенке цисты. Между этим скелетом и восточной стенкой цисты в таком же положении лежит скелет мальчика 7–8 лет, лоб которого находится на уровне грудной клетки мужчины. Кости ног мужчины и мальчика упираются в кости скелетов барана и двух собак разных пород: одна более массивная и коротконогая, а вторая – длинноногая. Черепа обнаружены не были. Кости животных сохранились плохо, точное их положение определить затруднительно, тем более что юго-западный угол цисты, как отмечалось, нарушен печью, разрезавшей ее стены и, по-видимому, уничтожившей часть скелетов. Можно лишь отметить, что как собаки, так и баран лежали вдоль южной стенки цисты. Кости ног и мужчины, и ребенка перекрывают их, поэтому животные были помещены в могилу раньше людей.

Судя по положению костей обоих скелетов, и мужчина, и юноша были положены в могилу одновременно. Как и в случае погребения №2900, все погребальные приношения «тяготеют» к мужскому костяку. Скорее всего, юноша, помещенный в могилу, был слугой мужчины, хотя точно ответить на данный вопрос, учитывая плачевное состояние костного материала, вряд ли когда-либо будет возможно.

Сразу за теменем мужчины расположены семь керамических сосудов. К востоку от них, ближе к затылку, лежат несколько бронзовых предметов. Широкий цилиндрический сосуд, по форме сходный с таковым из погребения №2380, положен на бок, к нему прислонена стоящая вертикально широкая плоская тарелка. Еще одна тарелка перекрывает эти сосуды сверху, а на ней лежит длинный рифленый штырь с загнутым как крюк концом. В цилиндрическом сосуде лежит бронзовый

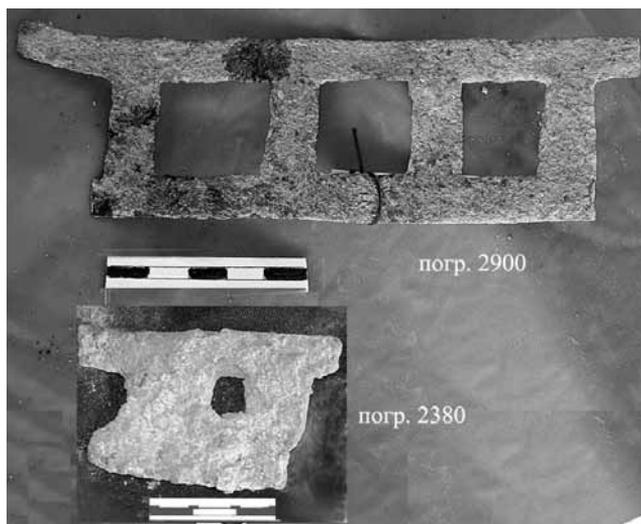

Рис. 10. Бронзовые «лесенки»

Рис. 11. Бронзовая пластина из погребения №3280

нож с сохранившейся фрагментарно деревянной ручкой и небольшой цилиндрический сосуд со сливом, а также ожерелье из одной нити полудрагоценных каменных цилиндрических бусин с подвеской (см. фото 2.-b на цв. вкл.). Подвеска сделана из серебра и представляет собой фигуры двух соколов с расправленными крыльями и головами, смотрящими прямо. Обе фигуры и окружающее пространство инкрустированы, аналогично

подвеске из цисты №2900, полудрагоценными камнями – сердоликом, бирюзой и лазурином. Небольшое отличие заключается в том, что часть инкрустаций подвески выполнена синей пастой, а не полудрагоценными камнями. Характерно, что нить данного ожерелья почти полностью совпадает по набору камней и их расположению с таковой из погребения №2900.

Между сосудами, сильно выдаваясь в северную часть цисты острием, на полу лежал бронзовый с позолотой наконечник копья длиной 45 см. Тело его четырехгранное, навершие – плоское с продольным рифлением, а конец загнут. Вдоль стержня с двух сторон идет широкий желоб. Расстояние от острия копья до коленей погребенного мужчины – около 150 см. Это, а также достаточно четко прослеживаемый на полу след круглой, длинной палки позволяют утверждать, что вдоль тела погребенного мужчины лежало копье или его фрагмент соответствующей длины. За плечами мужчины находилась бронзовая широкая пластина (рис. 11), согнутая вдоль длинной оси.

На правом предплечье мужчины вдоль грудной клетки лежал бронзовый с позолотой «гарпун», на который была надета частично сохранившаяся деревянная ручка, обернутая в 1,5 оборота тонким листом серебра. Сверху на ручку был надет круглый также серебряный набалдашник, сбоку которого имелось два круглых углубления. Кроме того, в месте соединения серебряных фрагментов сохранились тонкие (диаметром 1–1,5 мм) серебряные нити, сильно переплетенные и спаявшиеся между собой.

В 5 см к западу от вершины «гарпуна» найдено бронзовое навершие жезла. Его четыре острых зуба направлены в сторону грудной клетки мужчины. Длина рукояти жезла составляла, по-видимому, около 25–30 см, но не более 45–50 см, если, конечно, он не был положен таким образом, что грудная клетка его полностью перекрывала. Около бедренных костей мужчины на полу найдено четыре кремневых наконечника стрел. Их острия направлены в юго-западный угол могилы. Если наконечники были прикреплены к стрелам, то их древки должны были находиться под тазом мужчины. Напротив таза вдоль западной стенки цисты лежит миниатюрная колонка из серого камня. В ее дно упираются кости ног одной из упомянутых выше собак.

Следует особо подчеркнуть, что весь пол погребального сооружения тщательно обмазан толстым слоем глины (толщина 5–7 мм). Это особенно заметно на фоне песчаного грунта вокруг могилы. Поскольку на этом полу вполне отчетливо заметны следы, например, стеновых кирпичей, а также древка копья, можно предполагать, что погребение совершалось на еще не полностью высохший после обмазки пол.

Три приведенных описания могут, видимо, говорить о том, что присутствие среди погребального инвентаря бронзовой «лесенки» (рис. 10) говорит о связи погребенного именно с военной сферой деятельности, которая могла сочетаться с разными рангами в других социальных слоях. Так, мужчина, похороненный в подбойной могиле №2380, видимо, был мужественным защитником страны Маргуш, получившим ранения в сражениях. Но он был, если и не рядовым воином, то командиром далеко не самого крупного подразделения (скорее всего, имевшего отношение к коннице, если предположить ее существование уже в то время): среди его приношений присутствуют два жезла с разными бронзовыми навершиями, но нет ни миниатюрных колонок, ни богатых украшений, ни копья и только один бронзовый наконечник стрелы.

Ни одно из ранее или впоследствии открытых погребений, устроенных в руинах величественных дворца и храмов Северного Гонура, по богатству погребальных приношений не могло сравниться с цистой №2900.

Судя по приведенной датировке, это одно из самых поздних сооружений на Гонуре. Поэтому вполне логично предполагать, что в этом захоронении погребен последний правитель некогда столичного центра. Обращает на себя внимание отсутствие в его могиле таких предметов ритуальных культов, как каменные посохи, диски и миниатюрные колонки, которые имеются во многих могилах знати, но имеется особый набор бронзовых изделий, явно не бытового назначения. Наличие копья, игровой доски, богатых ювелирных изделий, большого числа наконечников стрел и «лесенки» говорит о том, что он имел, скорее всего, высокий военный ранг.

В погребении №3280 нашел свое упокоение также достаточно высокопоставленный мужчина. Бронзовая пластина, находившаяся за его плечом, правда, не имеющая ни одного отверстия («просвета»), может говорить о его принадлежности к воинам. Но, как отмечалось, еще одна «лесенка», узкая и тонкая, но с тремя отверстиями, была положена среди других бронзовых предметов на высоте около 35 см над уровнем пола могилы. В отличие от погребения №2900, здесь нет ни одного предмета из слоновой кости, малочисленны серебряные артефакты, имеется всего семь (против 27 в цисте 2900) керамических сосудов, четыре

Гонур, погр. 1500

Теменос Гонура

Гонур, погр. 2760

Рис. 12. Бронзовые ритуальные топоры

(против 32) кремневых наконечника стрел, отсутствуют браслеты и игральная доска. В то же время в погребении №3280 есть такие предметы, как каменная миниатюрная колонка и бронзовый, позолоченный жезл типа «гарпуна», которые свидетельствуют о его очень высоком социальном статусе (на настенной росписи в сирийском дворце Мари «высокопоставленный жрец» держит в руках точно такой же предмет).

Исходя из сказанного, можно предполагать, что отмеченные различия являются свидетельством, скорее всего, социально-профессиональной стратификации гонурского общества. Во всяком случае, миниатюрные колонки, скорее всего, являются признаками принадлежности погребенных к сословию, имевшему отношение к обрядовой деятельности. Жезлы с четырехзубчатыми навершиями, так же, как и копье, по-видимому, могут маркировать и военный, и административный ранг мужчины. Высокий именно административный ранг, вероятно, подтверждается жезлами типа «гарпунов». В заключение отметим еще одну категорию находок – бронзовые ритуальные топоры (рис. 12).

Библиографический список

- Афонин С.А. Анализ некоторых растительных остатков с памятника эпохи бронзы Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 161–162.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.
- Дубова Н.А. Ритуальное захоронение животных на Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 50–60.
- Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2008. Т. 2. С. 166–179.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медия, 2001. 246 с.: ил.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное государство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Turkmenöwlethabarlary, 2002. 360 с.: ил.
- Сарианиди В.И. Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Мирас (Ашхабад). 2004. №2. С. 84–97.
- Сарианиди В.И. Гонур-Депе. Город царей и богов. Ашхабад: Turkmenöwlethabarlary, 2005. 328 с.: ил.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре (Royal necropolis in North Gonur) // Вестник древней истории. 2006. №2(257). С. 155–192.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. 2007. №1. С. 49–63.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmenöwlethabarlary, 2008. 341 с.: ил.
- Elkina A.K., Golikov V.P. Study of a textile fragment from burial №2380, Gonur necropolis Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Second Edition. Athens: Kapon editions, 2007. P. 335–336.
- Pottier M.-E. Material funeraire de la Bactriane meridionale de l'age du Bronze. Paris: CNRS. Memoire 36. 1984.
- Sarianidi V.I. Margiana and protozoroastrism. Athens: Kapon editions, 1998. 190 p.: il.
- Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Second Edition. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p.: il.
- Sariannidis V.I. Zoroastrianism: a new motherland for and old religion. Thessaloniki: Kyriakidis Brothers s.a., 2008 (in English and Greek). 415 p.: il.
- Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.: il.
- Shangurova T.I. Investigation of a textile fragment // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Second Edition. Athens: Kapon editions, 2007. P. 337.
- Tsareva E. Gonur city linens of the second millennium BC // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Second Edition. Athens: Kapon editions, 2007. P. 330–334.

А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар, С.С. Матренин, И.Ю. Гребенников

*НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;
Улан-Баторский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ БАЯН БУЛАГ В ЮЖНОЙ ГОБИ (ханьская крепость Шоусянчэн)

В августе–сентябре 2009 г. Международная Центрально-Азиатская экспедиция СПбГУ (при участии Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов и Алтайского государственного университета) под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара провела раскопки укрепленного поселения западно-ханьского времени (I в. до н.э.) Баян булаг в Номгон сомоне Южногобийского аймака Монголии.

Местоположение памятника и природные особенности местности. Местность Баян булаг располагается в 26 км к югу от центра Номгон сомона, с юга от гор Хурхийн нуруу, на северном краю пустыни Бордзонгийн говь, в точке с координатами 42° 36' северной широты и 105° 10.5' восточной долготы. Там находятся пять родников (по-монгольски «баян булаг» означает «богатый родник»), истекающих на юг из центральной части выхода водоносного горизонта, протянувшегося с запада на восток более чем на 4 км. В общей сложности родники Баян булаг дают около 12500 литров воды в час (данные топокарты Генштаба ВС СССР К-48–55 масштабом 1:100000). Сегодня это место привлекательно для сельского хозяйства, активно используется местным населением для разведения овощей.

Тысячелетние произрастания растений на всем протяжении выхода водоносного горизонта создали предпосылки для сохранения плодородного слоя, полностью развеянного на окружающих территориях. Кроме того, растения задерживали навеваемый лёсс и песок, что привело к образованию эоловых отложений мощностью 1–1,5 м. В результате вдоль выхода водоносного горизонта образовалось вытянутое с запада на восток всхолмление, возвышающееся над окружающей местностью на высоту 2–5 м (далее – «терраса») (рис. 1.-1; 2.-1). С южной стороны это всхолмление обрывается крутым уступом высотой 2 м, проходящим ныне в 50–100 м к югу от родников.

Сохранившиеся в неприкосновенности культурный слой и остатки древних сооружений были прослежены нами только на территории вышеупомянутого всхолмления. В то же время многочисленные артефакты, обломки костей человека и животных были собраны предшествующими экспедициями, местным населением и нами также к югу от обрыва на огромной площади (около 4 кв. км). Шурфовка показала, что эти находки обычно залежали на глубине до 0,5 м от современной поверхности в полном беспорядке, а слои почвы там переотложены. Одной из причин появления здесь находок может быть смыв культурного слоя с верха обрыва. Однако столь многочисленные артефакты (по данным неофициальных источников, только за несколько дней работы с металлоискателем осенью 2008 г. грабители нашли не менее трех тысяч наконечников арбалетных стрел ханьского времени!) не могли появиться за счет смыва культурного слоя сверху. Как выяснилось в ходе наших раскопок, сохранившийся на «террасе» культурный слой был законсервирован эоловыми отложениями и прорезался лишь отдельными оврагами (сайрами). Единственным объяснением массовых отложений находок в переотложенном слое к югу от обрыва может быть только то, что 2000 лет назад естественное всхолм-

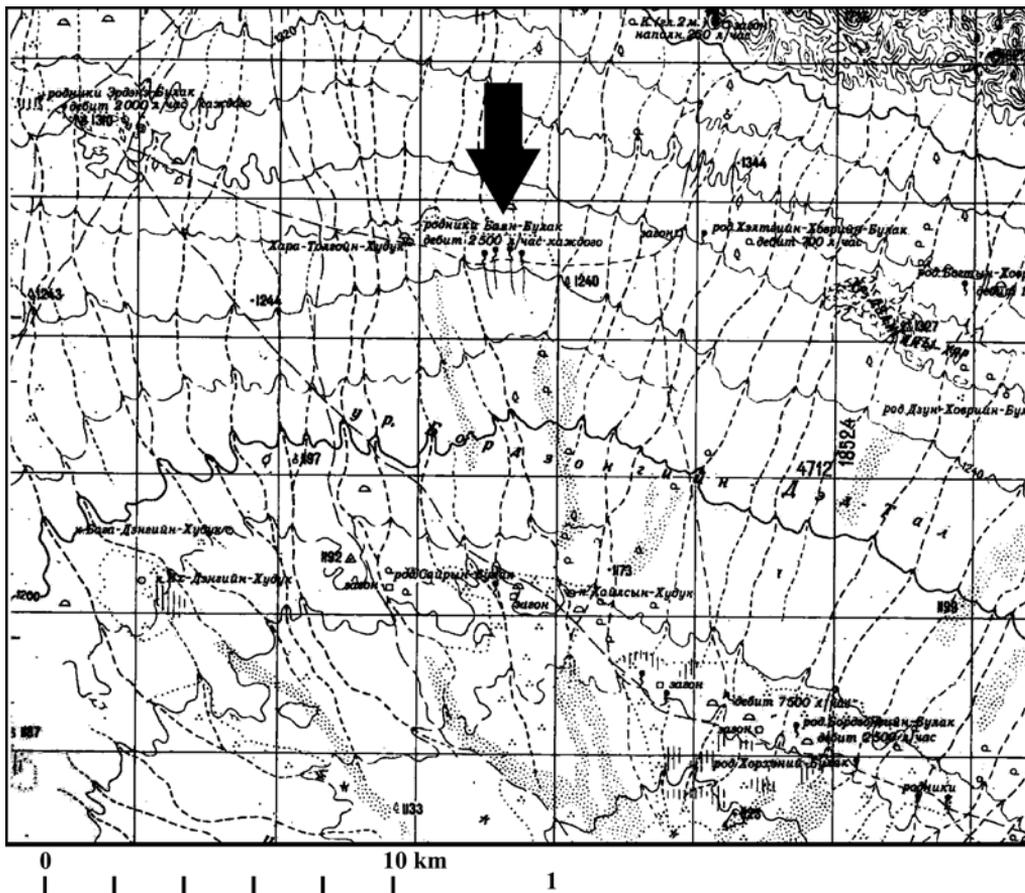
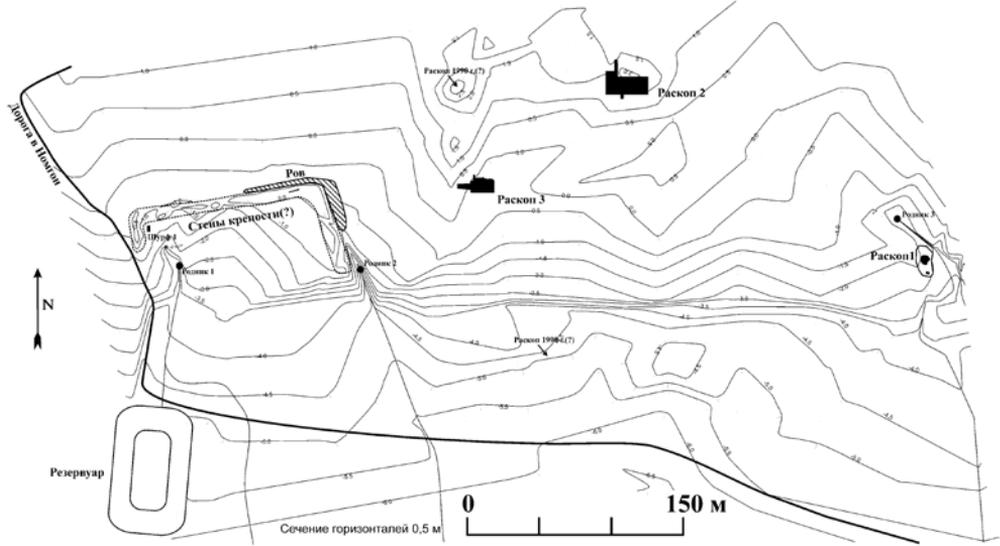

Рис. 1. 1 – карта района местоположения поселения Баян булаг;
2 – карта расположения ханьских укреплений в пустынях Гоби и Алашань

ление по линии выхода водоносного горизонта простиралось гораздо южнее, и до наших дней дошла только северная часть поселения, располагавшегося на его поверхности. Южная часть, по мере усыхания родников и исчезновения растительного покрова, удерживавшего почву от эрозии, была развееана. Артефакты постепенно «опустились» на уровень современной поверхности, на 2 м ниже. Насколько нам известно, изменения климата за истекшие 2000 лет были столь значительными, что привели к опустынива-

1

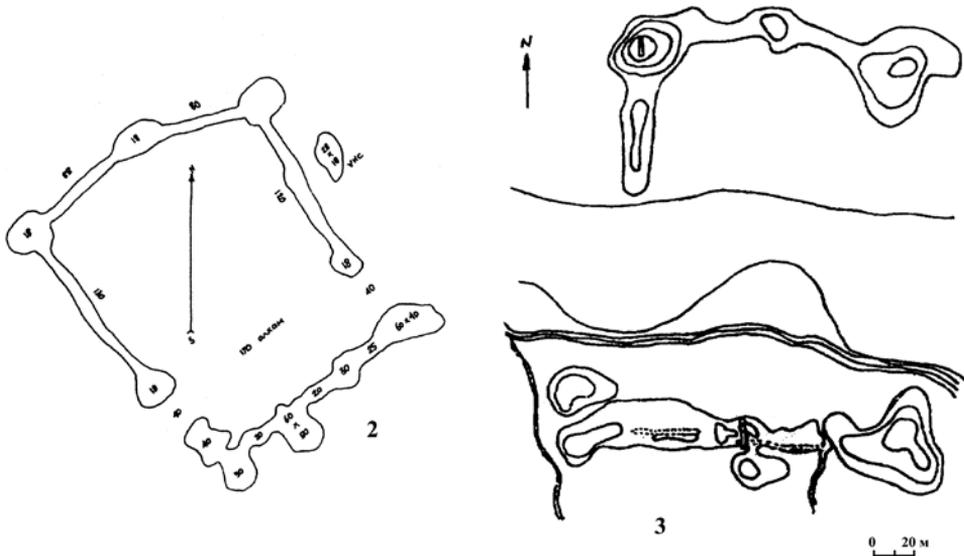

Рис. 2. 1 – План поселения Баян булаг (съёмка 2009 г.); 2 – план поселения Баян булаг (по: [Пэрлээ, 1962]); 3 – план поселения Баян булаг (по: [Цэвээндорж, Батсайхан, Турбат, 1994])

нию большей части Ордоса, где в ханьское время условия были еще благоприятны для выращивания культурных растений либо выпаса скота [Цзин Ай, 1999, с. 113–129]. Если дебет водоносного горизонта был в тот период больше современного, родников должно было быть больше, а растительность должна была сохраняться на большем их протяжении, что обеспечивало сохранение древних отложений на территории, простиравшейся к югу гораздо дальше, чем сейчас.

Обследование местности во время нашей разведки в 2007 г. и перед началом раскопок в 2009 г. выявило следующую картину, зафиксированную в итоге с помощью тахеометрической съемки (рис. 2.-1; фото 3 на цв. вкл.). На «террасе», непосредственно с востока от дороги, ведущей в Номгон (центр сомона), возвышаются три земляные стены подпрямоугольного сооружения (крепости?), ориентированного по сторонам света с отклонением примерно на 10° против часовой стрелки. Стены лучше всего сохранились в восточной части, западная часть сооружения сильно размыта. Наибольшая сохранившаяся высота стен – 2 м, ширина – до 8 м. Северная стена сохранилась по всей длине – около 130 м, от нее под прямым углом отходят западная и восточная стены, сохранившиеся соответственно на длину 24 и около 65 м. Западная и восточная стены обрываются на краю уступа «террасы». Таким образом, можно предположить, что южная часть сооружения была уничтожена эрозией, явившейся следствием усыхания родников. С северо-восточной стороны за стенами прослеживается ров шириной до 4 м и глубиной до 2 м. Внутри стен, с южной стороны, находится исток одного из родников Баян булаг, обозначенный нами условно как Родник-1. С востока от него, практически по центру «крепости», располагается плоская лужайка с сильно увлажненной почвой. Скорее всего, в древности здесь также били родники, заливая водой всю центральную часть сооружения. С востока от восточной стены, по линии рва находится ложбина, откуда берет начало Родник-2. В пределах стен было встречено немного находок на поверхности – отдельные фрагменты керамики и наконечники стрел. В северо-западном углу сооружения, где наблюдалась наибольшая концентрация наконечников (около 30 штук на поверхности), нами был заложен шурф 1 размерами 5x2 м, ориентированный длинными сторонами по линии Ю–С.

В 100 м к востоку от восточного угла «крепости» на современной поверхности было выявлено залегание слоя китайской черепицы. После снятия балластного слоя наносного песка с помощью бульдозера здесь с целью выявления архитектуры древнего сооружения был разбит раскоп 3. В итоге площадь раскопа составила около 180 кв. м, длина с запада на восток – 25 м, наибольшая длина с севера на юг – 12 м.

В 200 м к востоку–северо-востоку от северо-восточного угла «крепости» располагается всхолмление высотой от современной поверхности около 1,5 м, длиной с запада на восток примерно 60–70 м, шириной не менее 5 м. Шурфовка, проведенная нашей экспедицией в 2007 г., показала, что верхние слои этого холма насыщены находками ханьского времени, а в средней части всхолмления прослеживается сооружение из утрамбованной земли (как впоследствии выяснилось – одна из стен). Там был заложен раскоп 2, итоговая площадь которого – 387 кв. м. Максимальная ширина с юга на север – 24,3 м, длина с запада на восток – 28 м. Перед началом разметки раскопа бульдозером были удалены балластный слой наносного песка и растительность. Полностью удалось исследовать только западную часть раскопа площадью 176 кв. м. С восточной стороны раскопки были приостановлены в связи с окончанием полевого сезона, раскоп законсервирован.

В 400 м к востоку от восточной стены «крепости» находится исток Родника-3. Примерно в 30 м ниже этого истока местные жители обнаружили в русле ручья человеческие кости, вымытые потоком из западного берега. После зачистки берегового обрыва было решено на правом берегу ручья заложить раскоп 1. Бульдозером был снесен балластный слой песка на площади около 30х20 м, зачистка выявила погребение не менее трех человеческих тел на древней дневной поверхности (погребение 2), а также погребение человека на древней дневной поверхности, ноги которого опускались в искусственную яму (погребение 1). В ходе дальнейшего исследования эта яма была вскрыта. В плане она имела округлую форму диаметром около 7 м, на ее дне были обнаружены останки не менее 30 человек, заваленные в древности глиной.

История исследований. Археологические исследования крепости Баян булаг (Баянбулагийн турь) начались в 1957 г., когда археологическую разведку на территории Номгон сомона предпринял академик Х. Пэрлээ [1962]. Информацию об этом Х. Пэрлээ [1961] включил в свою книгу о древних городах Монголии, а также в экспликацию карты древних городищ [Пэрлээ, Майдар, 1970]. В публикации 1962 г. академик [Пэрлээ, 1962, с. 27–35] приводит описание и схематический план земляных валов «крепости». Исходя из этой информации, сооружение имело подпрямоугольную в плане форму и было ориентировано по сторонам света с отклонением в 25° против часовой стрелки. Восточная и западная стены крепости имели в длину по 130 шагов, а северная – 170 шагов. Подчеркнем, что в тексте Х. Пэрлээ и на его рисунке говорится именно о шагах («алхам»), а не метрах, но в монографической публикации [Пэрлээ, 1961, с. 34–35] почему-то слово «шаги» заменено на слово «метры» (северная стена оказывается длиной 180 м, западная стена – 110 м, толщина стен – 10–16 м!), что сильно увеличивает зафиксированные первоначально размеры; далее это повторено в публикациях З. Батсайхана и Д. Цэвээндоржа [1994, с. 77; Батсайхан, 2002, с. 47; Цэвээндорж и др., 2003, с. 163, 2008, с. 151], а также в своде памятников культуры Монголии [Монгол нутаг дахь түүх соёлын дурсгал, 1999, с. 177]. На углах сооружения показаны расширения, имеющие диаметр 18 шагов. На рисунке показана еще одна «стена», находящаяся на расстоянии 40 шагов к югу от сооружения. В тексте не дано пояснений, с чем это связано. Во всяком случае, в описании длина восточной и западной стен дается без учета расстояния до южной стены. Стены, по описанию Х. Пэрлээ, имели высоту 1–1,6 м, ширину до 5,7 м. Собранный около крепости «на месте предполагаемой свалки» материал включал бронзовые стрелы с железными черешками и керамику, которые были отнесены Х. Пэрлээ к хуннускому времени. На этом основании он предположил, что в Баян булаге находилась крепость хунну; место наибольшей концентрации находок – цепь всхолмлений к востоку от крепости – Х. Пэрлээ счел остатками мусорных куч. Необходимо отметить, что размеры и конфигурация этой зафиксированной Х. Пэрлээ крепости в целом соответствуют расположению земляных валов фортификации у источника Баян булаг 1, при этом ее южная стена, если она существовала, должна была быть уничтожена в 1980-х гг. при строительстве резервуара, накапливавшего воду из Родника-1. Предполагаемое «место свалки мусора» на всхолмлениях к востоку соответствует возвышенности, на которой нами был заложен раскоп 2, выявивший несколько земляных стен. В 1976 г. небольшие раскопки в этой «крепости» и к северо-западу (?) от нее проводил Д. Наваан. Результаты этих исследований известны только из изложения в работах З. Батсайхана [Цэвээндорж, Батсайхан, Төрбат, 1994, с. 77; Бат-

сайхан, 2002, с. 47]. Д. Наваан там нашел, в частности, монеты «у-чжу», фрагменты бронзовых «изделий» (скорее всего, котлов), керамику, относящуюся, по его мнению, к периоду от хуннского времени до XIII–XIV вв. В 1990 г. экспедиция Института истории АН Монголии во главе с Д. Цэвээндоржем, П.Б. Коноваловым и З. Батсайханом провела первые масштабные раскопки на городище. Судя по плану [Цэвээндорж, Батсайхан, Төрбат, 1994, рис. 1], исследователи считали остатками крепости, описанной Х. Пэрлээ, группу возвышенностей на восток от нее (на одной из которой был заложен раскоп 2 нашей экспедицией в 2009 г.). В статье далее говорится, что были заложены два раскопа – траншеи размерами 2x10 м. Первый раскоп, ориентированный в меридиональном направлении, якобы находился там, где проводил раскопки Д. Наваан, т.е. на «северо-западе крепости». На самом деле, исходя из того же плана, раскоп должен был располагаться на естественной возвышенности в 100 м к северо-востоку от северо-восточного угла «крепости» и в 80–100 м к западу от раскопа 2 2009 г. На местности определить местонахождение этого раскопа нам не удалось. Как сообщают авторы раскопок, они зафиксировали здесь остатки стены из сырцового кирпича. Второй раскоп был заложен с юга от «террасы», на которой располагались наши раскопы 2009 г. Там культурный слой, как уже говорилось, полностью переотложен. Остатки этого раскопа были зафиксированы нашей экспедицией на общем плане городища. В результате раскопок 1990 г. были обнаружены множество фрагментов сероглиняной гончарной керамики, 28 бронзовых наконечников стрел с железными черешками, четыре монеты «у-чжу», фрагмент бронзового китайского зеркала, бронзовая печать, фрагменты железных изделий, а также часть бронзового замка от арбалета [Батсайхан, 2002, с. 47–51]. Опираясь на то, что в Баян булаге был обнаружен практически только лишь китайский материал ханьского времени, З. Батсайхан высказал предположение, что там находился гарнизон китайских солдат, служивших при этом шаньюю хунну. Само городище З. Батсайхан [2002, с. 51–55] отождествил с городом Чжаосиньчэн, построенным китайскими мастерами на хуннских землях. В 2007 г. Международная Центрально-Азиатская экспедиция в течение двух дней проводила обследование территории городища. В ходе работ были обнаружены остатки железных втулок от колес тачек и повозок, железных кельтов-лопат, ножей, около 30 бронзовых наконечников стрел с железными черешками, бронзовый поясной крюк, две монеты «у-чжу», бронзовый крючок от зонтика, бронзовая втулка, фрагменты железных и бронзовых котлов, фрагмент бронзового замка от арбалета, а также большое количество обломков керамики серого цвета с технологическим текстильным орнаментом, в том числе и части черепицы. Весь материал надежно датируется эпохой Западная Хань и относится к культуре «хуася»-китайцев. Никаких материалов, связанных с культурой хунну, на городище не было обнаружено (теперь, после полномасштабных раскопок 2009 г., это наблюдение представляется бесспорным). Таким образом, в 2007 г. было установлено, что нет никаких доказательств отнесения городища Баян булаг к юрисдикции империи хунну. Как мы предположили, на этом месте располагался форпост китайских наступательных операций – крепость Шоусянчэн, построенная в 105 г. до н.э. Эти выводы были изложены в нашей статье [Кэвалеву, Эрдэнебатаэр, 2008, с. 108–110].

Размещенный на сайте Google earth в 2010 г. космический снимок территории Баян булаг показывает, что на месте раскопок экспедиции Института археологии АН Монголии в 1990 г. и раскопок нашей экспедиции 2009 г. (раскопы 1, 2) действительно

находится крепостное сооружение, ныне полностью занесенное песком (см. фото 3 на цв. вкл.). Это сооружение подпрямоугольной формы, по сторонам света с отклонением к северо-западу на 2–3 градуса, с запада на восток имеет ширину около 150 м, северная «стена» «выгнута» наружу. Судя по результатам наших раскопок 2009 г., видимый контур сооружения составляют очертания стены 3 – внешней земляной стены, прослеженной в нашем раскопе 2. Траншея I 1990 г., таким образом, пришлась на линию этой стены. Наш раскоп 3 с «храмовым» сооружением, покрытым черепицей, приходится на внутреннюю территорию оборонительного сооружения.

Вопрос о том, какое именно оборонительное сооружение зафиксировал в 1957 г. Х. Пэрлээ, остается открытым.

Шурф 1. Был заложен в северо-западном углу «крепости». Там была вскрыта площадь 5x2 м на глубину 1 м. На этой глубине залегал стерильный материковый суглинок серо-коричневого цвета, выше – культурный слой, представлявший собой гумусированный суглинок с включениями углей, обломков костей животных и артефактов. В центральной части раскопа была прослежена ямка в материке диаметром около 50 см, глубиной около 20 см, на дне которой залегали обломки донца сероглиняного сосуда, два фрагмента железных втулок от тачек, половина железной втулки от телеги и железный кельт (рис. 14.-6). В нижнем горизонте, на глубине 0,7–1,0 м, кроме фрагментов керамики, были обнаружены два железных втульчатых наконечника лопат (рис. 14.-1–2) и две железные кирки (рис. 14.-5). Находки, скорее всего, отложились за время строительства «крепости», поскольку представляют собой части инструментов для вскапывания и перевозки грунта. Отсутствие следов долговременного пребывания человека на территории «крепости» может свидетельствовать о том, что стены были построены для защиты источника воды (Родника-1) и крепость служила временным убежищем в случае военной опасности.

Раскоп 3. Главной задачей раскопок на первом этапе была зачистка слоев черепицы, составлявших в древности крыши сооружений. Черепица повсюду была перекрыта слоем лёсса мощностью 20–40 см, а выше – песчаными холмами, образовавшимися в зарослях караганы. После зачистки и зарисовки черепицы и находок, лежавших на уровне древней дневной поверхности, раскоп был по всей площади углублен на 0,5–0,7 м, что позволило выявить в разрезах границы древних траншей и котлованов. В результате была восстановлена история построек (рис. 3).

В северо-восточной части раскопа с уровня древней дневной поверхности в древности был выкопан прямоугольный котлован глубиной не менее 40 см, вновь заполненный затем серым материковым суглинком. Котлован был ориентирован сторонами по сторонам света со смещением на 10° по часовой стрелке. Продольной осью он был ориентирован в широтном направлении. Его длина составляла не менее 12 м, восточная часть осталась неисследованной, ширина – около 4 м. По краям котлована, в квадратах 48, 28, 43, 16 были уложены камни, скорее всего, служившие опорой для столбов каркасной конструкции стен возводимого строения. Здание было перекрыто деревянной крышей, на которой была уложена черепица. После пожара слои углей и черепицы образовались в пределах контуров постройки. Следов постоянного пребывания людей в постройке не обнаружено. Из находок в пределах здания и вокруг него необходимо отметить бронзовую гарду железного меча (рис. 18.-1), бронзовую печать с плохо сохранившимся именем владельца (рис. 20.-4) и три сильно коррозированные монеты «у-чжу».

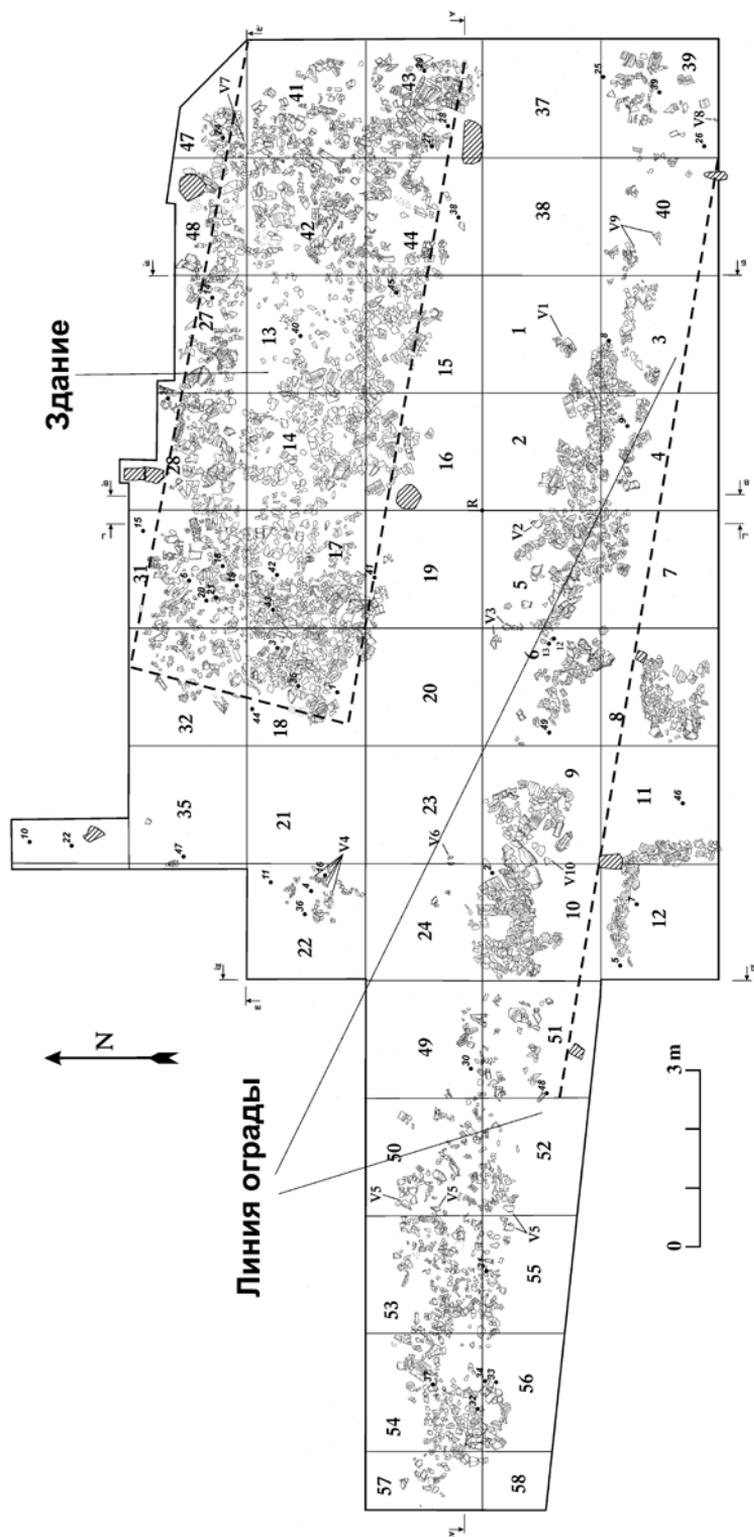

Рис. 3. Баян булаг. План раскопа 3. V – развалы сосудов

Западнее описанного здания, в квадратах 33–35, 21, 22, углей не было, однако обнаружено много черепицы, развал сосудов РС4 (венчики от не менее 10 блюд «пань») (рис. 10.-3–4, 8–9, 12, 14–15) и большой фрагмент стенки железного котла. В то же время зачищенный на уровне древнего горизонта в квадрате 33 камень находился на одной линии с камнями, оформлявшими северную стену сооружения – в квадратах 28 и 48. Полуразложившийся кусок песчаника при зачистке был выявлен и в квадрате 21 примерно на линии камней, оформлявших южную стенку сооружения. Если не считать это простым совпадением, можно предположить, что у здания с западной стороны была открытая пристройка-дворик, стены которой имели черепичное покрытие (без перекрытия, поскольку черепица занимает только периметр этой площади).

В 4 м южнее вышеописанного здания прослежена полоса развала фрагментов черепицы шириной около 2 м и длиной (в раскопе) около 25 м. Полоса фрагментов черепицы идет в точности параллельно длинной оси вышеописанного здания, тоже с отклонением от линии запад–восток по часовой стрелке около 10°. С южной стороны от полосы фрагментов черепицы на том же уровне зачищены четыре камня, лежащие в квадратах 40, 8, 11, 52 по линии, параллельной этой полосе развала. В разрезах Ж–Ж' и 3–3', устроенных, соответственно, по бровкам между квадратами 12–10–24/52–49 и 8–6–20–18–32/11–9–23–21–35, были выявлены затеки зеленой глины на поверхности серого материкового суглинка, которые располагались в нескольких сантиметрах к северу от воображаемой линии, соединяющей вышеописанные камни. Таким образом, можно предположить, что камни, черепица и затеки глины представляют собой руины каркасной конструкции глинобитного забора, перекрытого черепицей. Забор стоял по линии камней, однако затем завалился на северную сторону. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что развал черепицы прерывается между квадратами 6 и 9. Непосредственно с юга от этого места, в квадратах 12/11 и 8 прослежены развалы черепицы, не входящие в единую полосу. Эти развалы находят на камни в квадратах 8 и 11. Между развалами в квадрате 11 также нет черепицы. Развал черепицы в квадратах 12/11 имеет четкую дугообразную форму. Исходя из аналогий в погребальной пластике ханьского времени, можно предположить, что в этом месте ограда имела проем, оформленный воротами с изогнутой крышей. Опорами для ворот в данном случае являлись камни, обнаруженные нами в квадратах 8 и 11. Полоса черепицы с запада заканчивается в квадратах 57–58. Там, вероятно, забор либо заканчивался, либо поворачивал на север. С восточной стороны полоса черепицы уходит в стенку раскопа, черепица по этой линии прослеживается на современной дневной поверхности еще как минимум на 30 м к востоку.

Среди обломков черепицы перекрытия забора было обнаружено несколько скопленных фрагментов крупных глиняных сосудов (РС 1–2, 3, 5–6, 8–10) (рис. 10.-1–2, 5–7, 10–11, 13; 11.-1). Большинство обломков лежало не под черепицей, а на ней или на одном уровне с ней. Это может показывать, что обломки сосудов использовались для починки черепичного покрытия, поскольку запасы черепицы были ограничены. Сама черепица, из которой была сложена крыша здания и покрытие забора, очень разнообразна как по орнаменту, так и по размерам. Насчитывается как минимум четыре типа «нижней» черепицы и три типа «верхней» (рис. 12–13). Поскольку никаких следов производства глиняных изделий на поселении не обнаружено, можно предположить, что вся черепица была привезена из собственно Китая, причем, скорее всего, это была черепица, не изготовленная специально для этого поселения, а использовавшаяся ранее на каких-либо других постройках. Огром-

ные усилия, которые пришлось потратить на перевозку как минимум за 300 км черепицы общим весом несколько тонн, не могут быть объяснены никакими рациональными соображениями. Здание каркасно-столбовой конструкции не могло дать никакой защиты при нападении врага. Следов постоянного проживания в нем не обнаружено. Скорее всего, исследованное нами здание было построено в ритуальных или символических целях. Скорее всего, это был храм. Тем более что с юга от развала черепицы, покрывавшей забор, была обнаружена лежащая на древней дневной поверхности ножка от очень большого глиняного трипода «дин» (рис. 11.-2). Такой сосуд должен был использоваться для ритуала.

Раскоп 2. Раскопки проводились здесь по квадратам слоями по 25–30 см на всю глубину культурного слоя. Архитектурные сооружения, встреченные в ходе раскопок, зачищались и фиксировались (рис. 4). В ходе раскопок были обнаружены идущие в широтном направлении три земляные стены, сложенные методом трамбовки земли – «ханту» из глинистого черно-рыжего материкового грунта. Стены были устроены в траншеях глубиной около 0,7 м, современная высота их не превышает 0,5 м от уровня древнего горизонта, од-

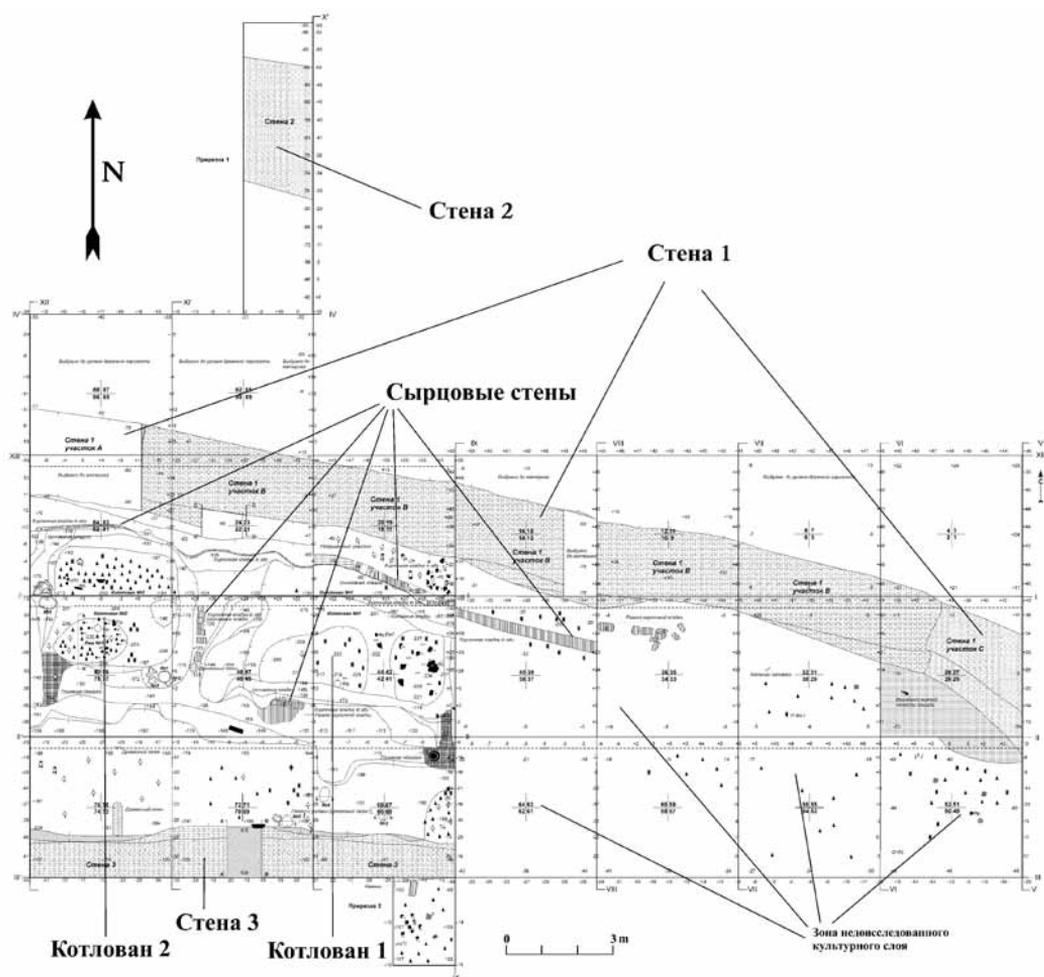

Рис. 4. Баян булаг. План раскопа 2

нако в древности эта высота была значительно выше. Как было прослежено, сохранившаяся верхняя часть стен превратилась практически в пыль. Такая же по составу черно-рыжая пыль составляет верхний слой (слой 3) мощностью до 1 м, заполняющий пространство между стенами 1 и 3 (площадью не менее 100 кв. м). Скорее всего, этот слой появился в результате размыва верхней части стен 1 и 3. Учитывая объем слоя 3, можно предположить, что стены 1 и 3 возвышались в древности над уровнем горизонта не менее чем на 2 м.

Стена 1 толщиной 2–2,3 м проходит через весь раскоп в направлении запад–восток с отклонением в 15° по часовой стрелке. В восточной части она изгибается к югу.

Стена 2 толщиной около 3 м выявлена в прирезке 1 в 7 м к северу от стены 1.

Стена 3 пролегает строго с востока на запад примерно в 8 м к югу от стены 1. Судя по раскопкам в прирезке 2, ее толщина составляет около 1,4–1,5 м. К сожалению, раскопки восточной части сооружения пришлось приостановить, поэтому осталось неизвестным, смыкаются ли стены 1 и 3, расстояние между которыми уменьшается с запада на восток.

В одном метре к югу от стены 1 параллельно ей устроена стена из сырцового кирпича высотой не менее 1,2 м (не менее девяти кирпичей) (см. фото 4 на цв. вкл.). Основание сырцовой стены врезано в материк на 0,5 м. Между сырцовой стеной и стеной 1 в древности сохранялся уровень древнего горизонта. Здесь, в проходе между стенами (рис. 5), на площади около 2 кв. м было найдено восемь фрагментов от бронзовых арбалетных замков – наивысшая концентрация этих предметов на всей исследованной площади.

С южной стороны от основания сырцовой стены вплоть до стены 3 грунт в древности был неравномерно выбран, в результате чего образовалась система траншей и котлованов (см. фото 5 на цв. вкл.). Посередине между стенами 1 и 3 была оставлена перемычка глубиной от древней поверхности около 0,8 м. Между этой перемычкой и сырцовой стеной выкопаны два котлована (восточный котлован-1 и западный котлован-2), глубиной 2 м от древней поверхности. На перемычке между этими котлованами зафиксировано основание еще одной стены из сырцовых кирпичей, идущей перпендикулярно первой сырцовой стене, а на продольной перемычке на краю котлована-1 зафиксирован участок

Рис. 5. Баян булаг. Раскоп 2. Галерея между стеной 1 и стеной из сырцового кирпича

основания еще одной стены из сырцовых кирпичей, идущей параллельно первой сырцовой стене. С восточной стороны вдоль всего котлована-1 в бровке было зафиксировано большое количество сырцовых кирпичей от развалившейся стены, вероятно, проходившей перпендикулярно первой сырцовой стене. Таким образом, котлован-1 был в древности окружен кирпичной стеной с четырех сторон. Кроме того, в двух местах на продольной перемычке обнаружены пологие траншейки, опускающиеся в котлованы-1 и 2 и обмазанные зеленой речной глиной. Вероятно, это были дымоходы или вентиляционные каналы. На дне котлованов собрано большое количество фрагментов железных кельтов, лопат, втулок, ножей, мотыг. В пологие стенки котлована-2 были врыты три больших глиняных сосуда. Между срединной перемычкой и стеной 3 была устроена широкая (ширина более 2 м) траншея глубиной 1,4 м от древнего горизонта.

Следов постоянного проживания человека в котлованах (очагов, систем отопления) не обнаружено. Массовым материалом для данного раскопа, помимо керамики, являются многочисленные кости животных (среди них много собачьих костей, в том числе два почти целых собачьих скелета), бронзовые наконечники арбалетных стрел с железными черешками, а также железные панцирные пластины от доспехов; кроме того, обнаружены железные орудия труда, фрагменты железных котлов, втулок и т.п. (рис. 14–16, 18). Наиболее важной находкой является отпечаток официальной печати на глине «фэнни» (рис. 20.-1): так запечатывали официальные документы.

Мощность культурного слоя, образовавшегося за период использования сооружений, доходит до 1 м. Этот культурный слой (слой 1) состоит из насыщенного находками материкового лёсса, вероятно, попадавшего в траншеи и котлованы в результате постоянного воздействия ветра. На поверхности этого культурного слоя в пределах котлована-1 были зачищены фрагменты скелета взрослого мужчины (отдельно череп, таз с бедренными костями, ребра с позвонками грудного отдела, левой лопаткой и ключицей, левые локтевая и лучевая кости). Такое расположение костей могло получиться только в результате преднамеренного расчленения трупа, причем впоследствии эти отдельные части должны были быть оставлены на поверхности, где после разложения кости могли переместиться животными (?). На той же поверхности

Рис. 6. Скелет расчлененной собаки на поверхности горизонта 1

на перемычке между котлованами-1 и 2 зачищен сохранившийся скелет собаки, тело которой было разрублено поперек в области таза (рис. 6). Каких-либо следов преднамеренного засыпания землей тела собаки и человека не прослежено. Эти находки свидетельствуют о том, что с момента смерти человека и собаки сооружение было покинуто, но не разру-

шено. Слой 1 повсеместно оказался перекрытым слоем 2 мощностью около 0,7 м, состоящим из многочисленных тонких прослоек глины и лёсса. Этот слой образовался в результате многолетних дождевых затеков материкового грунта внутрь сооружения. Слой 2 перекрыт, в свою очередь, пылевидным слоем 3, представляющим, как уже говорилось выше, развеянную верхнюю часть стен 1 и 3 (см. фото 5 на цв. вкл.).

Судя по результатам раскопок на Центральной равнине, мощные земляные стены, как в Баян булаге, имели склады ханьского времени [Чжунго гудай цзяньчжуши, 2003, с. 521–522]. Весьма вероятно, что сооружение с земляными стенами, часть которого мы раскопали, также предназначалось для складских целей. В пользу этого говорит и большое количество находок железных предметов на дне котлованов и траншей. Однако многочисленность костей животных и обломков керамики говорит о том, что в сооружении постоянно находились или бывали люди. Это было, скорее, дежурная часть, так как следов очагов и систем отопления не обнаружено. С другой стороны, находки ломаных арбалетных замков в галерее между стеной 1 и кирпичной стеной показывают, что отсюда велся активный огонь по неприятелю.

Раскоп 1. Как уже говорилось выше, при снятии балласта бульдозером здесь вначале было обнаружено захоронение на древнем горизонте (погребение 1). Покойный был уложен вытянуто на спину ногами к югу–юго-западу. Голова и правая рука отсутствовали. Ноги трупа, начиная от коленного сустава, были опущены в земляную яму, заполненную серым суглинком. Стенка этой ямы здесь была устроена в пестром черно-желтом материковом суглинке.

После завершения снятия бульдозером верхнего слоя (эоловых отложений) началась разборка заполнения ямы, в которую спускались ноги скелета, зачищенного в погребении 1 (рис. 7). В ходе работ было установлено, что яма имеет неправильную округлую форму, с северной и северо-восточной сторон ее глубина составляла около 1,3 м, здесь, у стенок, она имела почти горизонтальное дно и вертикальные стенки, к западу и юго-западу в плане расширялось, дно ее в этих направлениях постепенно повышалось и, наконец, выходило на уровень предполагаемой древней дневной поверхности. К центру дно ямы несколько понижалось. На дне ямы были зачищены фрагментированные скелеты взрослых людей, которые были условно обозначены как 20 «скелетов» и 33 «фрагмента тел». Один из таких фрагментов – левая рука – был зачищен на борту ямы с восточной стороны, на том же уровне, что и погребение 1. Видимо, погребенный из погребения 1 и эта рука были намеренно захоронены рядом с ямой в то же время, когда произошло захоронение скелетов в ее пределах. Один из покойных (скелет S16) был захоронен отдельно от груды остальных тел у северной стенки ямы. Покойник был уложен вытянуто на спину примерно по линии восток–запад, ногами на восток. Голова и шея покойного отсутствовали. Под правым плечом этого погребенного была зачищена бронзовая ажурная пряжка с железным язычком (рис. 19.-1). Под левой лопаткой погребенного была прослежена полоса красной краски. Необходимо отметить, что аналогичная пряжка была закреплена на ножнах боевого ножа, обнаруженного в могиле вана царства Чжуншань в Манчэне (провинция Хэбэй) (рис. 19.-5–6) [Чжунго шэxуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Хэбэй шэн вэньу гуаньли, 1980, с. 105, 118, рис. 71, 81.-7]. Хорошо сохранившиеся ножны из Манчэна были выкрашены красной краской. Поэтому

вероятно, что у покойного была портупея с прикрепленными к ней ножами. Особый характер погребения показывает высокий социальный статус погребенного человека. Вероятно, это был офицер.

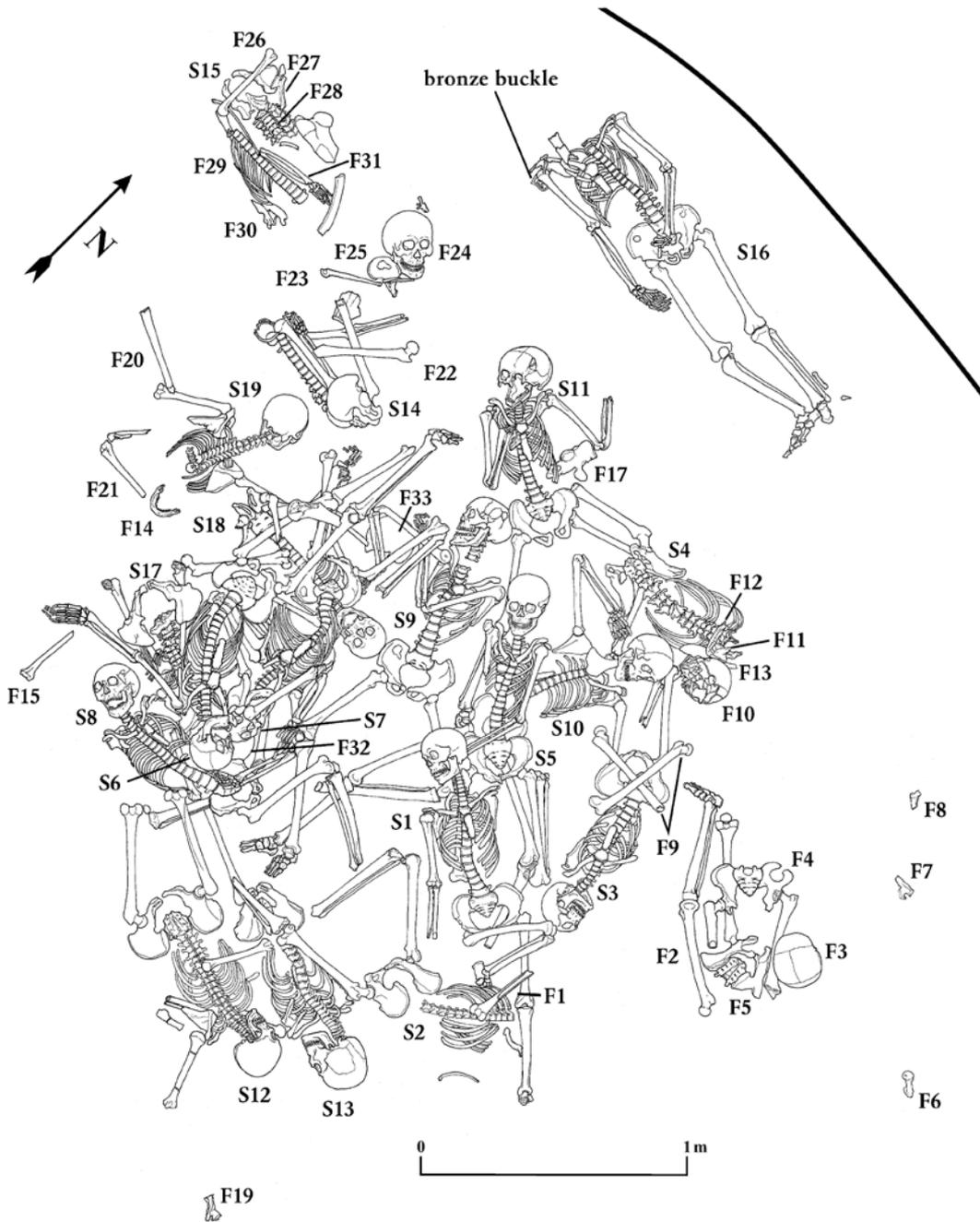

Рис. 7. Баян булаг. Раскоп 1. План центральной части могилы 1:
S – «скелеты»; *F* – «фрагменты тел»

Остальные более-менее целые тела были навалены грудой (в 4–5 слоев) в центре ямы, сохранив разнообразные позы (рис. 8). В центре могилы нижние скелеты лежали, собственно, в воде, поскольку здесь дно ямы воронкообразно понижалось до уровня уреза воды ручья, до залегания слоя зеленой глины. В этой груде не было обнаружено никакого погребального инвентаря. Вокруг центральной груды тел были разложены группами отсеченные фрагменты человеческих тел, сохранившие анатомический порядок: F2–F5, F10, S14, F24, F29, S15, F28, F21. По окружности также были разложены отсеченные фрагменты костей (возможно, тел): F19, F1, F6–F8, F27. Судя по позам погребенных и характеру грунта, заполнявшего яму, погребенные тела и фрагменты были сразу же после погребения забросаны материковой глиной и суглинком. В этом заполнении обнаружены фрагменты костей животных и керамических гончарных сероглиняных сосудов. Представляется, что эти находки не относятся к инвентарю погребения, а попали в заполнение при засыпке (или до засыпки) ямы случайно. Непосредственно на дне ямы было зачищено несколько предметов, уложенных специально для сопровождения погребенных: железная алебарда «цзи» (рис. 19.-2), железный псалий с двумя отверстиями (рис. 19.-3), железный крючок (возможно, с несохранившейся втулкой) (рис. 19.-4). На дне также были обнаружены фрагмент железного предмета, изогнутого в двух плоскостях, а также два бронзовых трехгранных наконечника стрел с железными черешками.

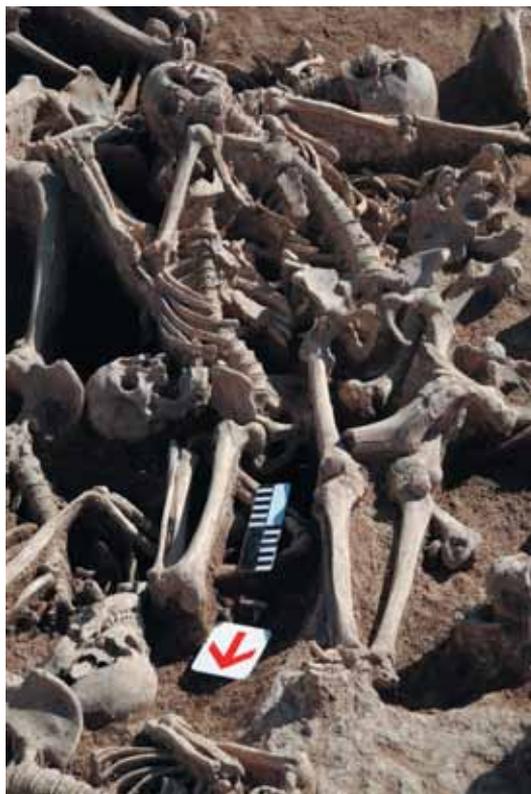

Рис. 8. Баян булаг. Раскоп 1. Могила 1: скелеты S6, S7, S8, S17, S18

Все тела и фрагменты тел имеют признаки намеренного расчленения или разрубания. В большинстве случаев находки неполных скелетов или отдельных частей тела невозможно объяснить тем, что тела погребенных сгнили и развалились сами до погребения. Так, фрагмент F2 представляет собой правую ногу, у которой сохранилась ступня. Если бы эта нога отвалилась сама от гниения, то в первую очередь отпали бы кости ступни. Поэтому нога была намеренно отрезана до того, как тело сгнило. Такие же наблюдения можно сделать по другим фрагментам: S14 (сохранилась в анатомическом порядке кисть правой руки, хотя нет левой ноги), F31 (вместе с предплечьем сохранилась кисть руки), F34 (вместе с рукой сохранилась кисть).

Несмотря на не очень хорошую сохранность, на многих костях явно видны следы разрубов острым предметом (мечом или боевым ножом?).

S1 – отсечена правая рука в предплечье.

S2 – отсечена правая нога в нижней части голени.

F4 – отсечена часть правой ноги в бедре.

F6 – отсеченная верхняя часть бедренной кости.

F7 – отсеченный фрагмент лопатки.

F8 – отсеченная дистальная часть большой берцовой кости.

F9 – бедренная кость с отсеченной дистальной частью.

S3 – отсечена правая нога в нижней части бедра.

F10 – череп (с атлантом), у которого посередине рассечена верхняя челюсть и нос.

S4 – отсечена правая рука в нижней части предплечья, левая нога отсечена в дистальном эпифизе бедренной кости.

S5 – отсечена левая рука в нижней части предплечья.

F15 – отсеченная нижняя часть плечевой кости.

S7 – отсечена левая нога в нижней части голени.

S8 – левая рука отсечена в проксимальном эпифизе плечевой кости, левая нога рассечена в тазобедренном суставе и заведена под спину покойного.

Рис. 9. Баян булаг. Раскоп 1. Могила 1. Скелет S11.

Выломанный кусок верхней челюсти
уложен на грудь погребенного

F20 – бедренная кость с отсеченными эпифизами.

F21 – левая рука, отсеченная в плече.

F22 – бедренная кость с отсеченной дистальной частью.

S14 – отсечена левая нога в дистальной части бедра, отрублена левая рука в предплечье.

F30 – правая лопатка, часть которой отсечена.

S15 – правая нога отсечена в нижней части бедра.

S18 – отсечены обе руки в нижней части предплечья, отрублены обе ноги в верхней части бедра.

S19 – позвоночник покойного был переломан в поясничном отделе, а ниже, судя по следам разрубов на позвонках, тело было разрублено пополам, нижняя часть тела отсутствует (см. фото 7 на цв. вкл.).

S10 – отсечена левая нога в нижней части голени.

S11 – ударом разбита левая часть лица (отломанная при этом верхняя челюсть уложена на грудь покойного), кисть правой руки отсечена в пясти (рис. 9).

S12 – правая рука отрублена в нижней части плеча, правая голень выдернута из колена (сохранилась на месте коленная чашечка) и вывернута влево.

S13 – отсечена правая рука и нижняя часть предплечья, отрублены обе ноги в нижней части бедра.

Можно утверждать, что мы имеем дело не с расчленением трупов, а со зверским массовым убийством. То, что рубили живых людей, показывает нам ситуация со скелетом S18 (см. фото 8 на цв. вкл.). Этот скелет, лежавший на спине, сохранил руки, поднятые вверх для защиты лица. Эти руки были в предплечье отрублены, видимо, одним ударом. Однако мышцы покойного были сведены настолько сильно, что зафиксировали положение рук и после смерти. Этого не могло случиться, если рубили уже мертвое тело. Сохранить такое положение поднятых рук после смерти человека можно только при сильном морозе, если, конечно, он не был сразу же закидан глиной. Наиболее вероятно, что похороненные люди были убиты зимой, недалеко от крепости, а затем их закоченевшие тела и отрубленные куски тел были собраны и похоронены в тех позах, в которых они застыли на морозе. Два человека (S5, S7) лежат с ногами, подведенными стопами к тазу (рис. 7; см. фото 9 на цв. вкл.). Это может означать, что в момент смерти они стояли на коленях, т.е. убивали людей, уже сдавшихся в плен.

Алебарда «цзи», псалий и крюк, а также ножны (?) с бронзовой пряжкой были положены в могилу специально, в качестве погребального инвентаря, поэтому можно утверждать, что хоронили покойных не враги, а «свои». Набор железных предметов (псалий и алебарда) символизирует положение покойных – это, скорее всего, был отряд всадников (они вооружались длинными алебардами «цзи» в ханьское время).

Обнаруженные артефакты

Для инвентаризации артефактов были использованы следующие шифры: T1, T2, T3 – раскопы; К – шурфы; М – могила; С – случайные находки.

1. Глиняная посуда. Вся керамика, обнаруженная на поселении, представляла собой обломки серых гончарных сосудов, часто с текстильными отпечатками. Многие сосуды под устьем имеют канеллюры. Обнаружены фрагменты сосудов «пэнь» 盆, «фу» 釜, «гуань» 罐, «цзэн» 甗, «вэн» 瓮 (рис. 10, 11). Как говорилось выше, обнаружена была в том числе также ножка от огромного ритуального трипода «дин» 鼎.

2. Черепица. Выявлено не менее четырех типов «нижних» и трех типов «верхних» черепичных желобов (рис. 12, 13). Черепица имеет текстильные отпечатки и поперечные вдавленные полосы. Подобная черепица типична для ханьской архитектуры [Чжунго гудай цзяньчжу ши, 2003, с. 545, табл. 5.-234].

3. Железные орудия. Обнаружены лопаты «ча» 鍤, кирки «гао» 镐, кельты «фу» 斧, втулки «гун» 釘 от тачек и повозок, зубило «цзан» 鑿, фрагменты ножей 刀 фрагменты железных котлов «фу» 釜 (рис. 14).

4. Предметы вооружения, конского снаряжения и одежды. Обнаружено более трехсот бронзовых трехгранных наконечников стрел с железным черешком 铁铤铜镞, железная алебарда «цзи» 戟, железный псалий, железные панцирные пластины от доспехов 甲片, фрагменты бронзовых арбалетных замков 弩机, бронзовая гарда железного меча 长剑, две бронзовые пряжки с железными язычками, бронзовые поясные крючки, бронзовые навершия от боевых длинных железных ножей, бронзовые кольца, бронзовые и железные втки «дуй» 镞, бронзовый колокольчик, фрагменты бронзовых котлов (рис. 14–19).

5. Предметы с надписями. Были обнаружены четыре бронзовые частные печати (рис. 20.-2–5), а также отпечаток печати официального лица на глине («фэнни») (рис. 20.-1) (см. далее). В раскопе 2 были обнаружены два фрагмента керамики с иероглифами (рис. 20.-9, 10). В раскопах, а также при обследовании окружающей местности были найдены 20 монет «у-чжу» (рис. 20.-6–8).

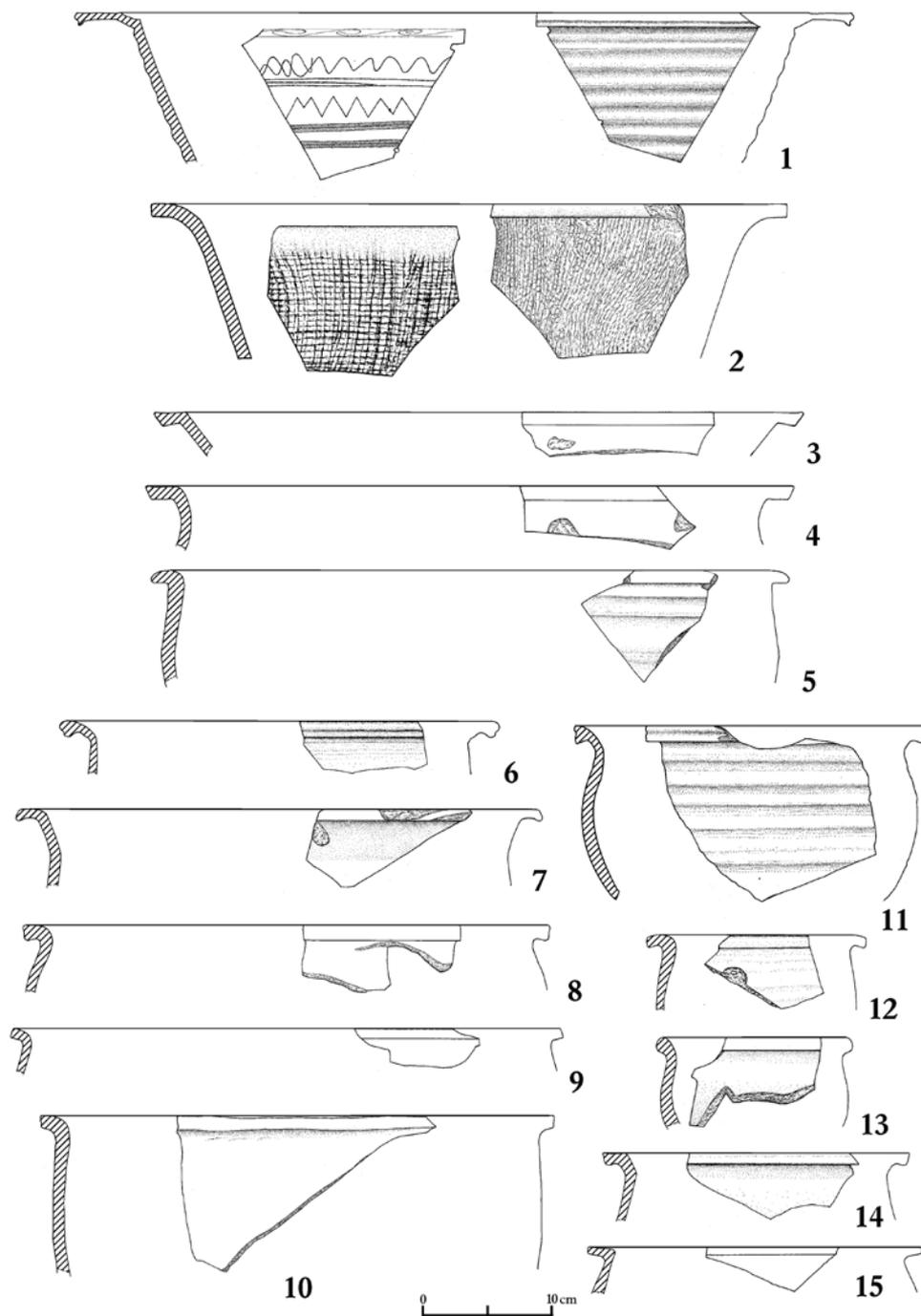

Рис. 10. Баян булаг. Раскоп 3. Керамика из развалов (VD): 1 – Т3:VD10; 2 – Т3:VD5; 3, 4, 8, 9, 12, 14, 15 – Т3:VD4; 5 – Т3:VD7; 6 – Т3:VD8; 7 – Т3:VD6; 10 – Т3:VD9; 11 – Т3:VD2; 13 – Т3:VD1

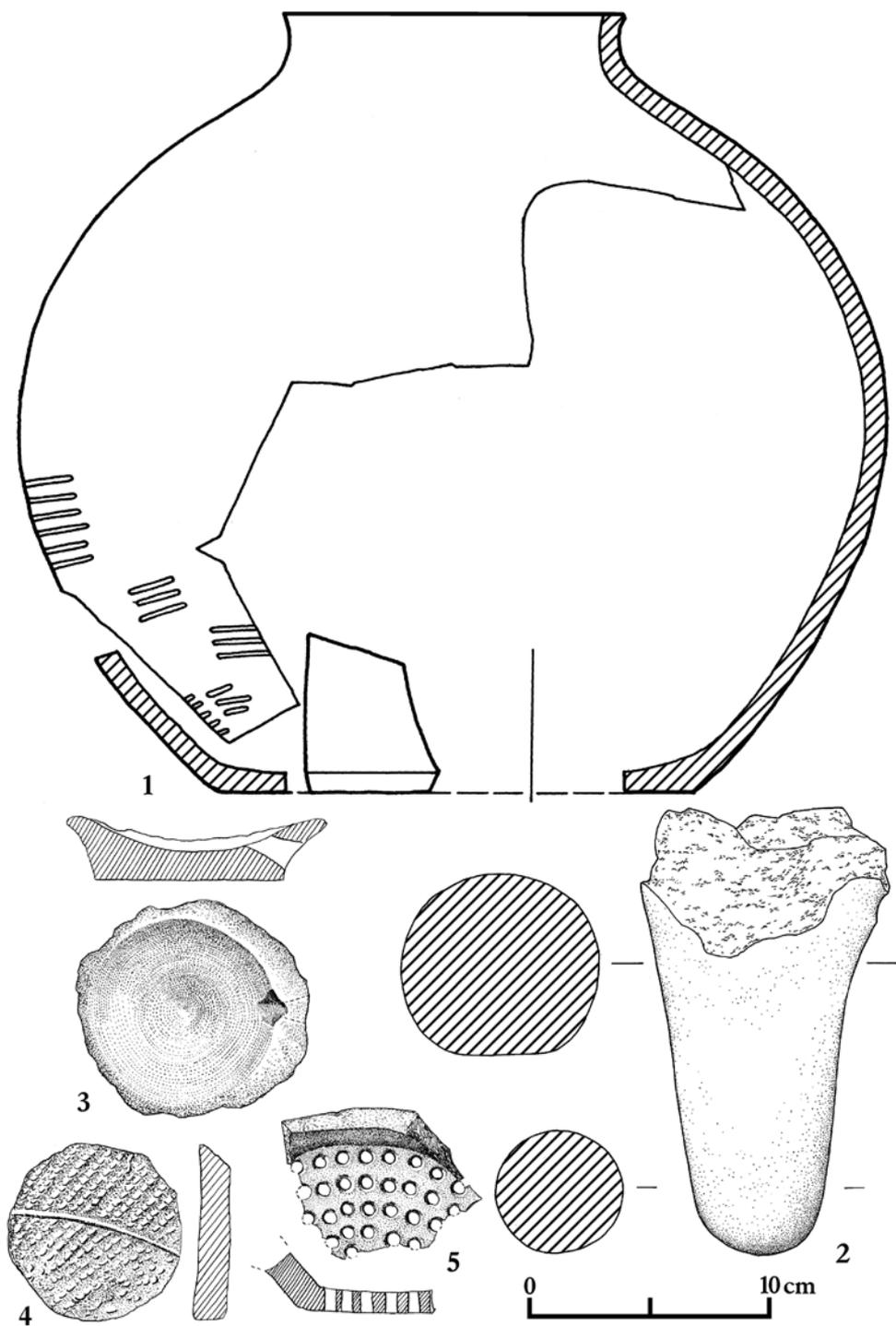

Рис. 11. Баян булаг. Раскопы 2, 3. Керамика:
1 – Т3:VD1; 2 – Т3:38; 3 – Т2:422; 4 – Т2:106; 5 – Т2:243

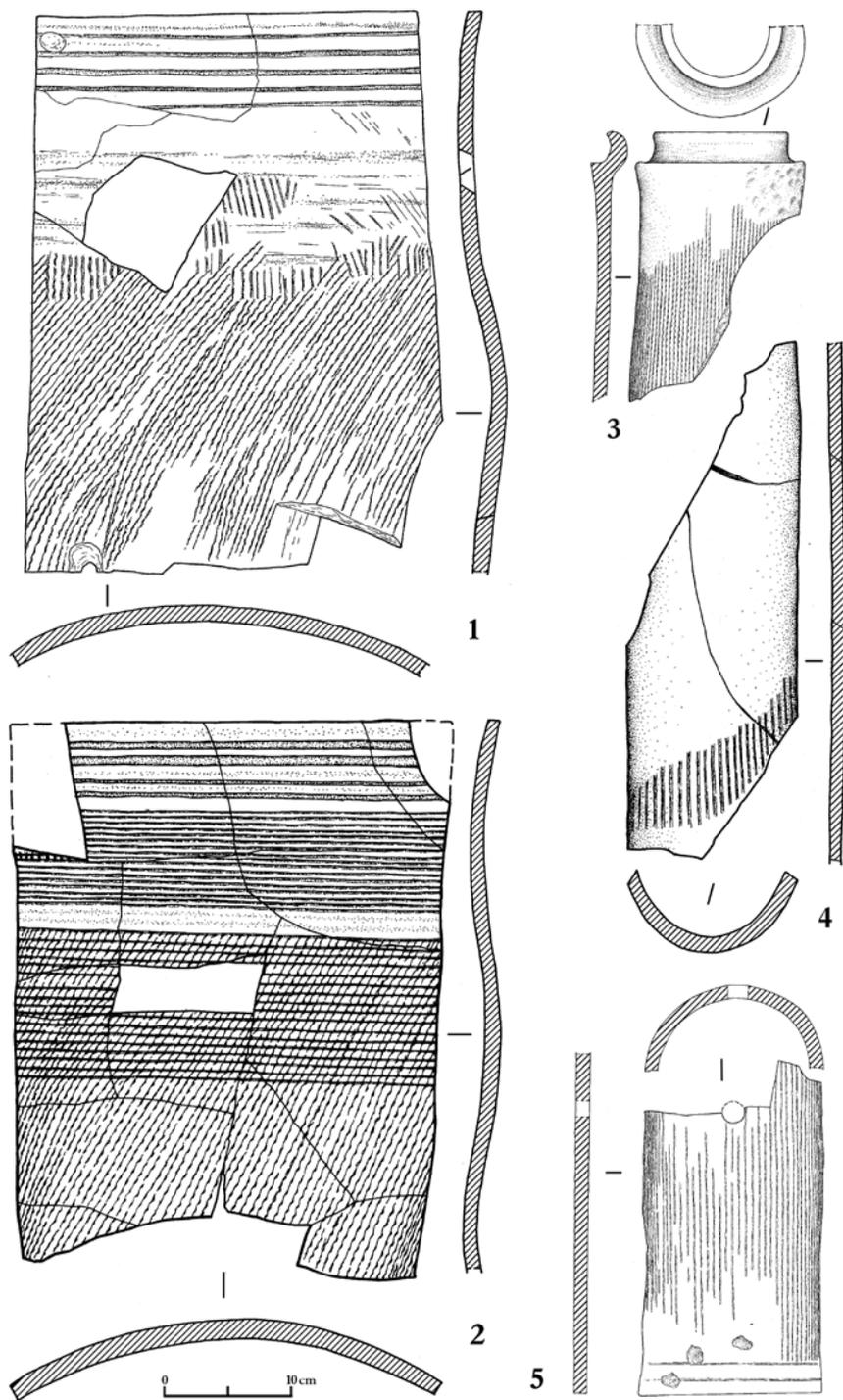

Рис. 12. Баян булаг. Раскоп 3. Черепица:
1 – Т3:w16; 2 – Т3:w5; 3 – Т3:w13; 4 – Т3:w9; 5 – Т3:w7

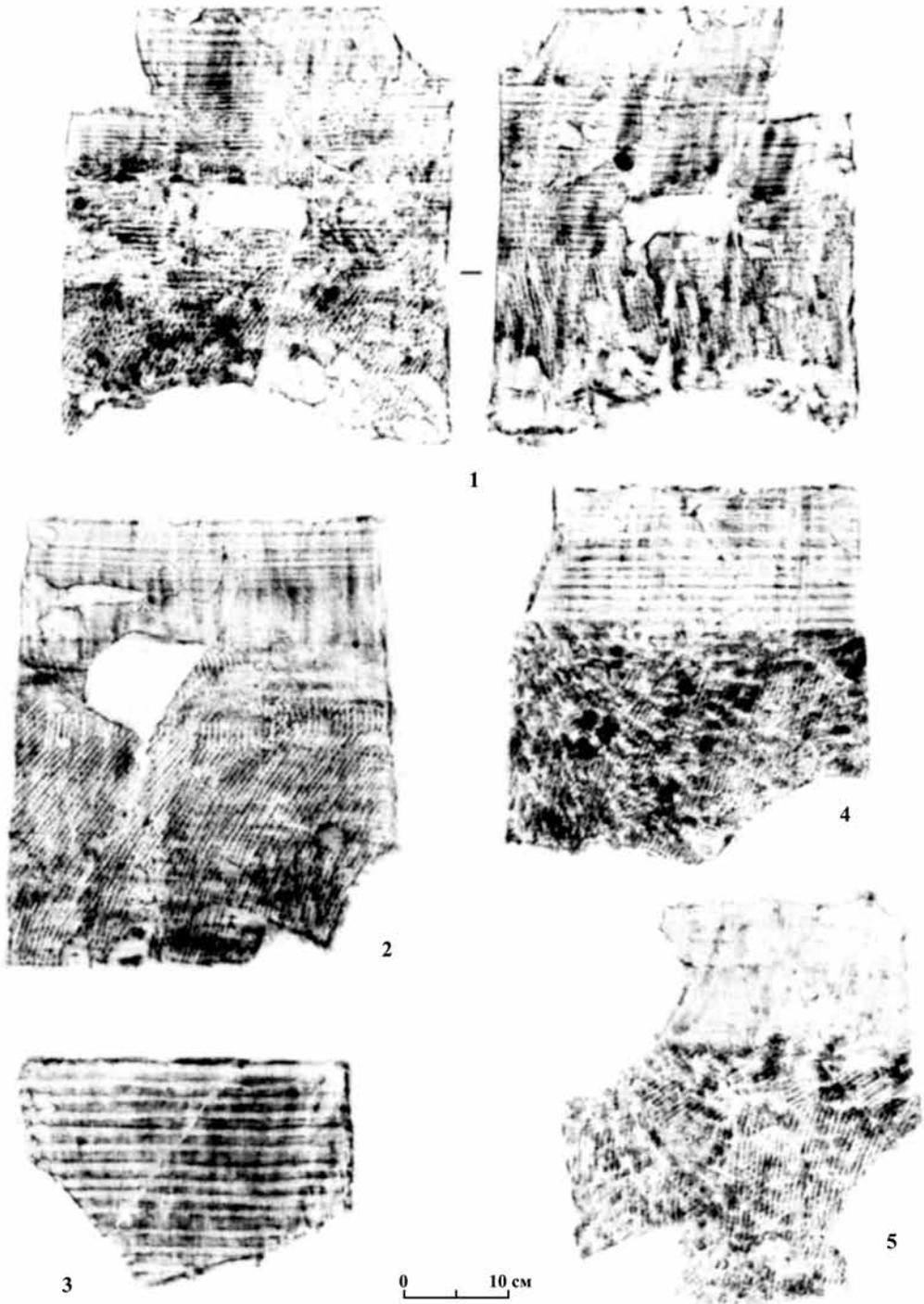

Рис. 13. Баян булаг. Раскоп 3. Эстампажи черепицы:
1 – ТЗ:w5; 2 – ТЗ:w16; 3 – ТЗ:w2; 4 – ТЗ:w11; 5 – ТЗ:w3

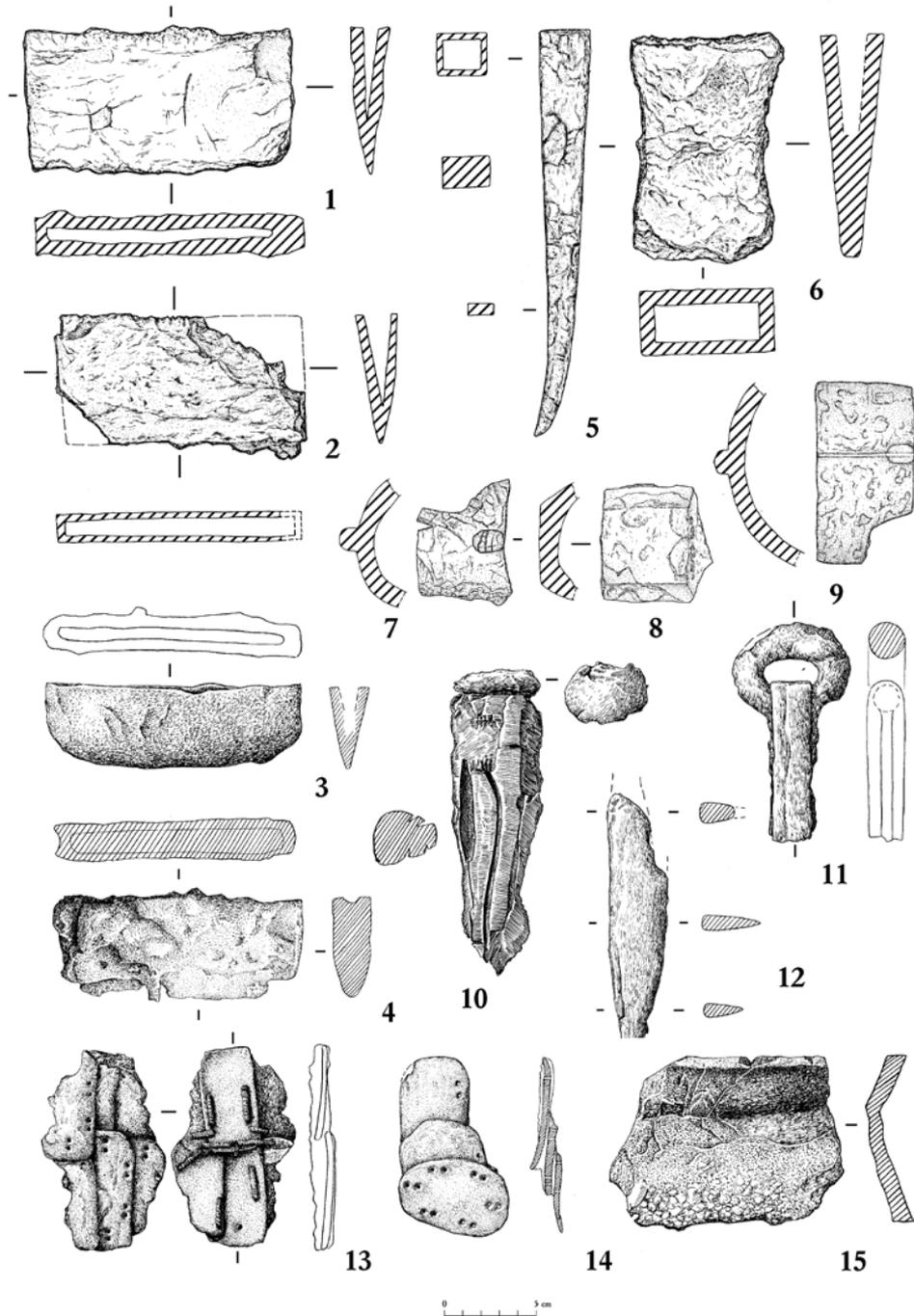
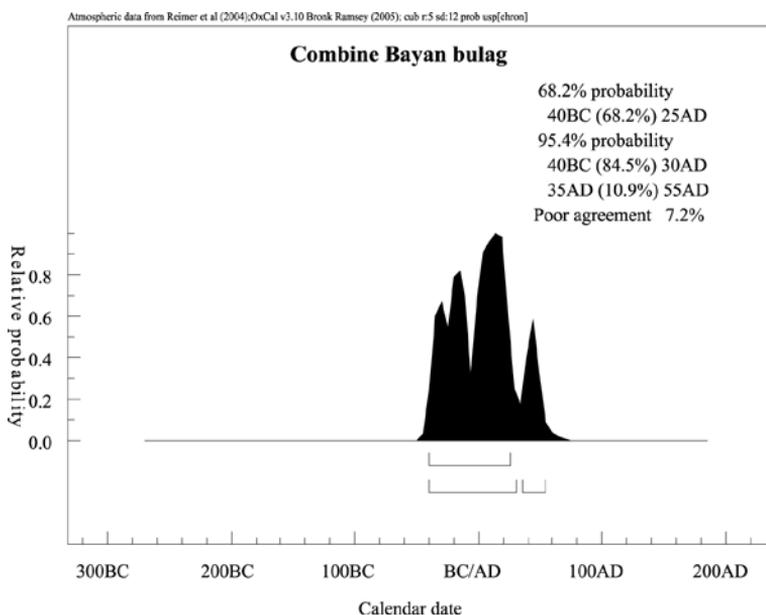
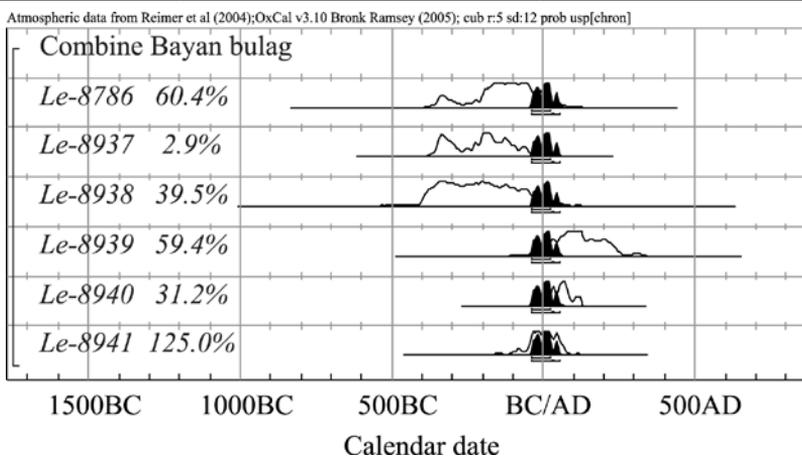

Рис. 14. Баян булаг. Железные предметы: 1–4 – лопаты-заступы (К1:1; К1:3; Т2:247; Т2:291); 5 – кирка (К1:14); 6 – кельт (К1:2); 7–8 – втулки от тачек (С:501; С:502); 9 – втулка от повозки (С:503); 10 – зубило (Т2:205); 11–12 – фрагменты ножей (Т2:371, Т2:341); 13–14 – пластины от доспехов (Т2:84, Т2:349); 15 – фрагмент котла (Т2:539)

Датировка памятника. В радиоуглеродной лаборатории ИИК РАН были получены следующие данные по древесному углю из раскопов (Le 8786 – раскоп 3, остальные – раскоп 2):

		68.2% probability	95.4% probability
Le-8786	2090±70BP	210BC (68.2%) AD	360BC (10.8%) 280BC 260BC (84.6%) 60AD
Le-8937	2150±50BP	360BC (23.1%) 290BC 230BC (2.4%) 220BC 210BC (42.7%) 100BC	370BC (95.4%) 50BC
Le-8938	2170±110BP	370BC (68.2%) 100BC	500BC (95.4%) 100AD
Le-8939	1900±70BP	20AD (68.2%) 220AD	50BC (94.0%) 260AD 290AD (1.4%) 320AD
Le-8940	1940±25BP	20AD (68.2%) 85AD	1BC/1AD (95.4%) 130AD
Le-8941	2000±40BP	45BC (58.4%) 30AD 35AD (9.8%) 55AD	110BC (95.4%) 90AD

Комбинированная дата, полученная путем суммирования вероятностей вышеприведенных дат, с вероятностью 84,5% укладывается в период от 40 г. до н.э. до 30 г. н.э. Это показывает, что поселение должно было функционировать как минимум в поздний период Западной Хань, хотя эта наиболее вероятная дата не исключает также более раннее его возникновение, а также более позднее окончание существования. Образцы для датировок в раскопе 2 брались с различных уровней, т.е. могут относиться к разным этапам жизни поселения. Так, единственный проанализированный образец из раскопа 3 (Le-8786) дал дату, полностью укладывающуюся в период Западной Хань (до начала нашей эры); такие же ранние даты, указывающие на ранний–средний

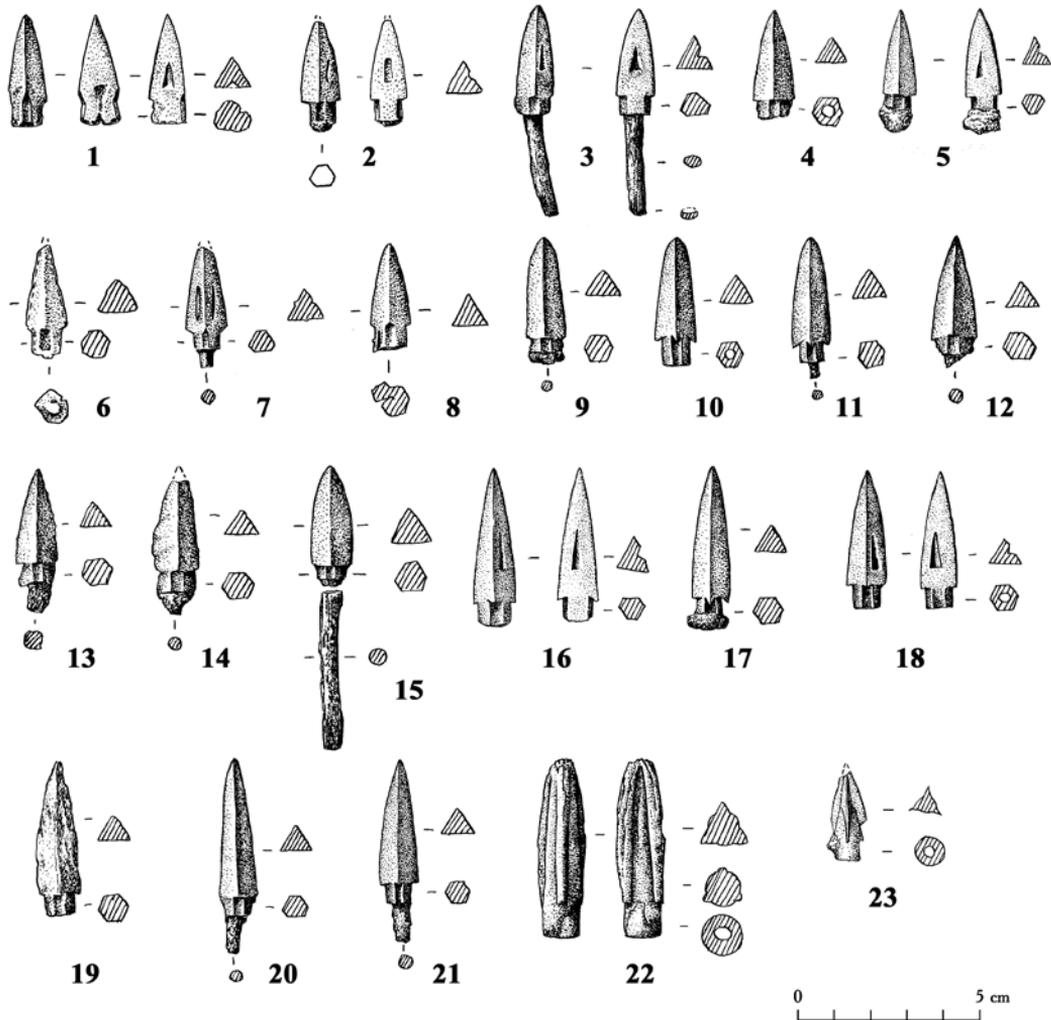

Рис. 15. Баян булаг: 1–22 – бронзовые наконечники стрел с железным черешком (1 – T2:286; 2 – T2:282; 3 – T2:353; 4 – T2:475; 5 – T2:90; 6 – T2:269; 7 – T2:293; 8 – T2:283; 9 – T2:476; 10 – T2:469; 11 – T2:470; 12 – T2:473; 13 – T2:474; 14 – T2:477; 15 – T2:285; 16 – T2:74; 17 – T2:471; 18 – T2:468; 19 – T2:472; 20 – T2:389; 21 – T2:467; 22 – C:36); 23 – бронзовый наконечник стрелы (T2:108)

периоды Западной Хань, дали образцы из раскопа 2, взятые из кострищ на материке (Le-8937, Le-8938). Более поздние даты в раскопе 2 были получены из образцов, взятых из толщи культурного слоя (Le-8939, Le-8940, Le-8941).

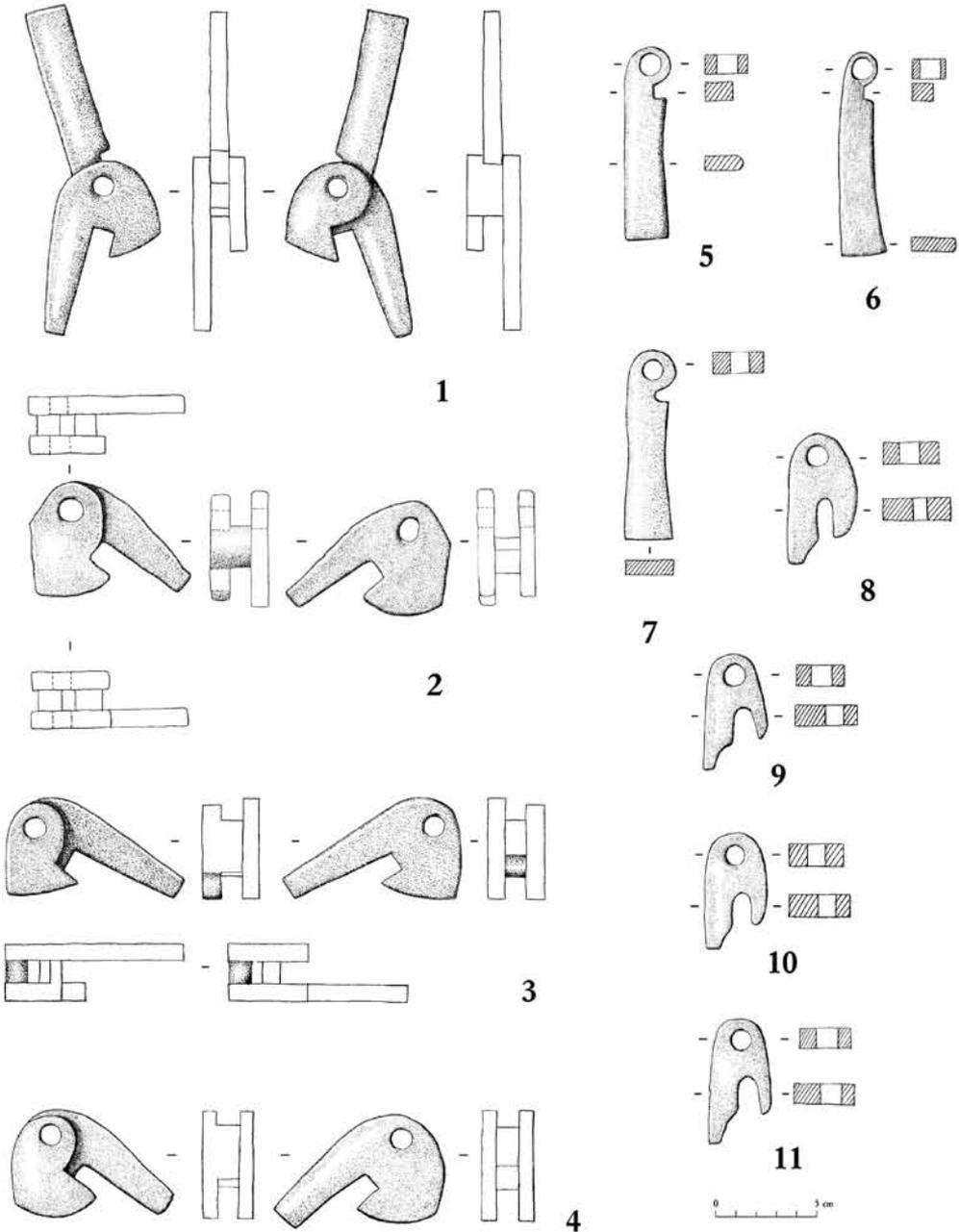

Рис. 16. Баян булаг. Раскоп 2. Части бронзовых арбалетных замков:
 1 – T2:411; 2 – T2:254; 3 – T2:395; 4 – T2:464; 5 – T2:352; 6 – T2:487;
 7 – T2:47; 8 – T2:466; 9 – T2:465; 10 – T2:226; 11 – T2:148

Прямые аналогии с материалом из Баян булаг имеют находки из ближайшей к нему (70 км) ханьской крепости Чаолукулунь (транскрипция монгольского «Чулун хэрэм», т.е. «каменная крепость»), входившей в систему так называемых внешних стен («южный от-

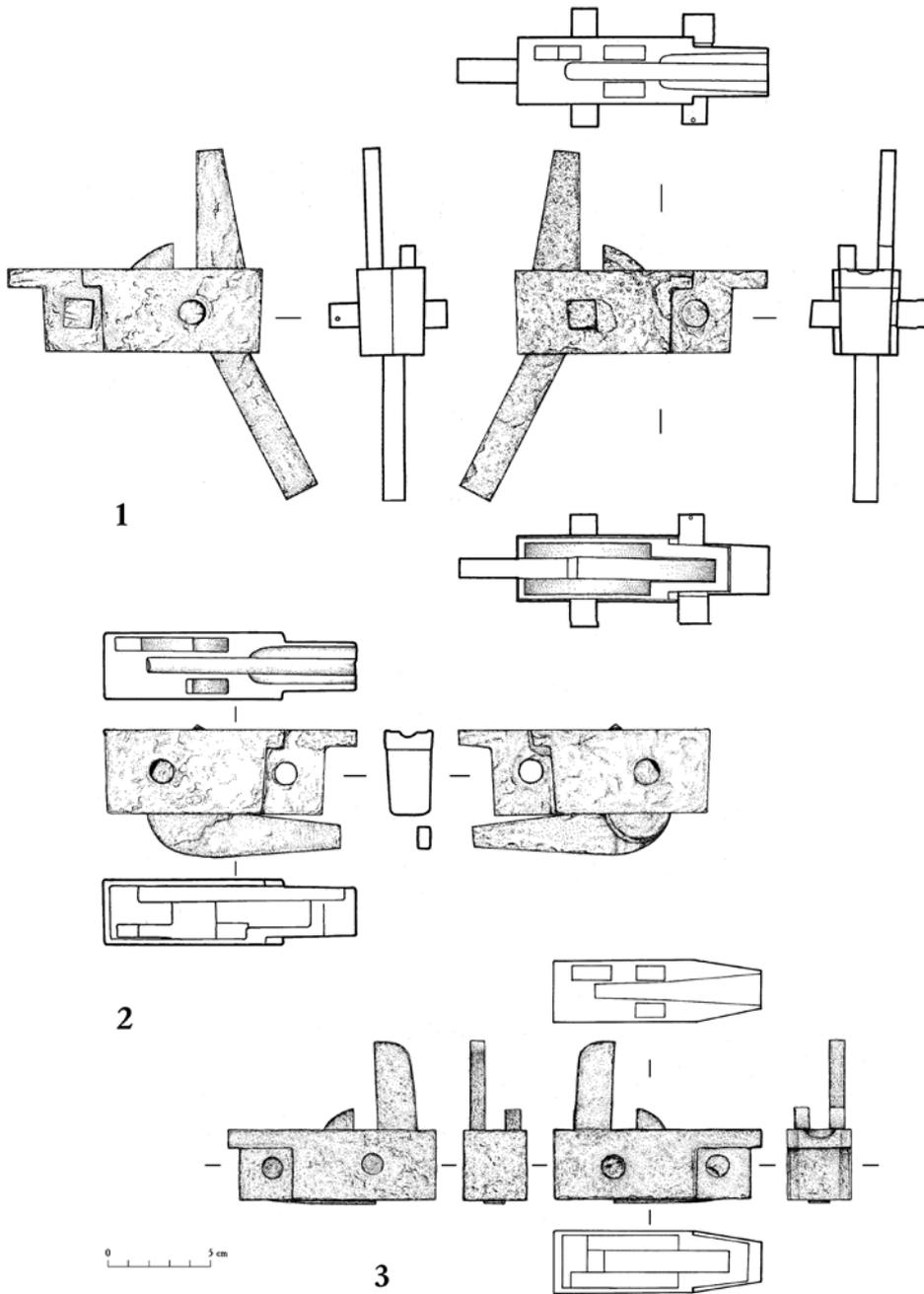

Рис. 17. Баян булаг. Бронзовые арбалетные замки (случайные находки на месте поселения): 1 – С:99; 2 – С:138; 3 – С:144

резок») [Ли Юю, 2001, с. 23–26]. Здесь найдены фрагменты похожих сосудов, детали арбалетных замков, железные пластины от панцирей, наконечники стрел, боевые ножи, железные лопаты и т.д. [Гай Шаньлин, Лу Сысянь, 1984, с. 98, рис. 3; Гай Шаньлин, Лу Сысянь,

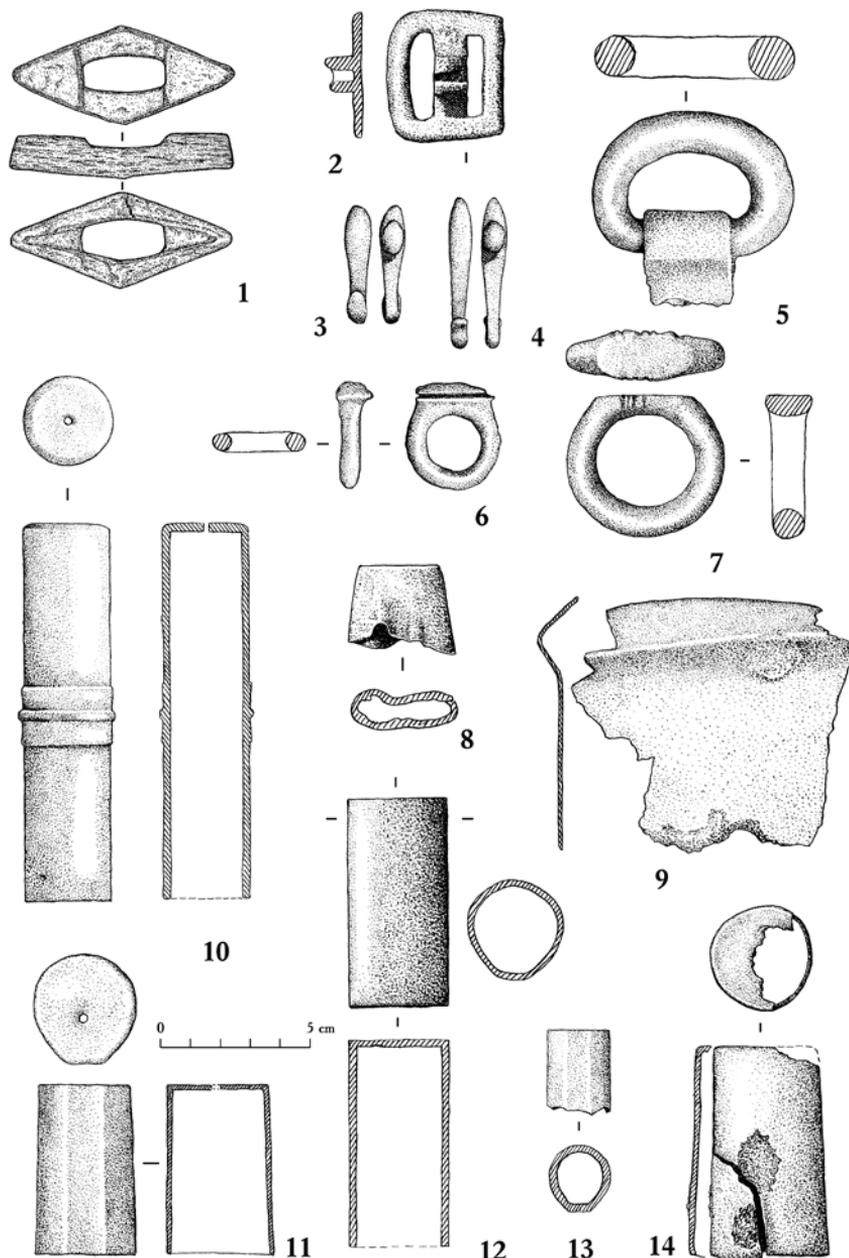

Рис. 18. Баян булаг. Бронзовые предметы: 1 – гарда меча (Т3:47); 2 – пряжка (С:32); 3, 4 – поясные крючки (С:8, С:7); 5 – кольцевое навершие от железного ножа или меча (С:30); 6, 7 – кольца (С:3, С:29); 8 – колокольчик (Т2:279); 9 – фрагмент котла (Т2:502); 10–14 – втоки (С:1; С:2; Т2:486; С:38; Т2:230)

1984а, с. 102–103, рис. 4–5]. Поскольку, как установлено нами [Ковалев, 2008а, с. 103–105; 2008б, с. 251–253; Кэвалёфу, Эрдэнэбаатар, 2008], именно этот, «ожный» отрезок внешних стен представляет собой «укрепленную линию гуанлу», построенную в 102 г. до н.э.,

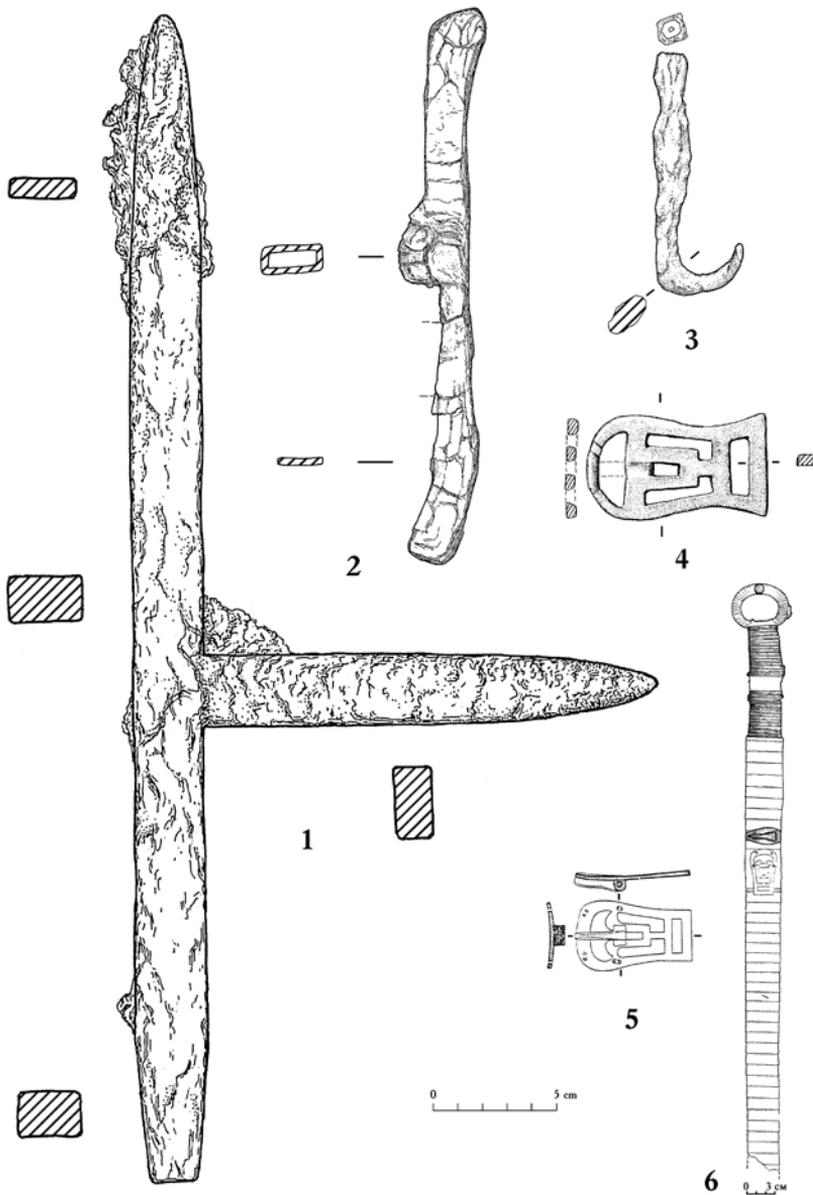

Рис. 19. Баян булаг. Раскоп 1: 1–4 – инвентарь могилы 1 (1 – железная алебарда «цзи» (M1:2); 2 – железный псалий (M1:3); 3 – железный крюк (M1:4); 4 – бронзовая пряжка с железным язычком (M1:1)); 5–6 – длинный боевой нож в деревянных ножнах с серебряной пряжкой (5) и эта серебряная пряжка (6) из могилы Лю Шэна – вана царства Чжуншань (Маньчэн M1) (по: [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Хэбэй шэн вэньу гуаньли, 1980])

и он заканчивается на западе в 7 км от крепости Чаолукулунь, недалеко от монгольской границы, крепость Чаолукулунь – это крепость Сулучэн 宿虏城, упомянутая в «Дили чжи» как самая западная на этой укрепленной линии [Бань Гу, 1997, с. 1620] (рис. 1-2).

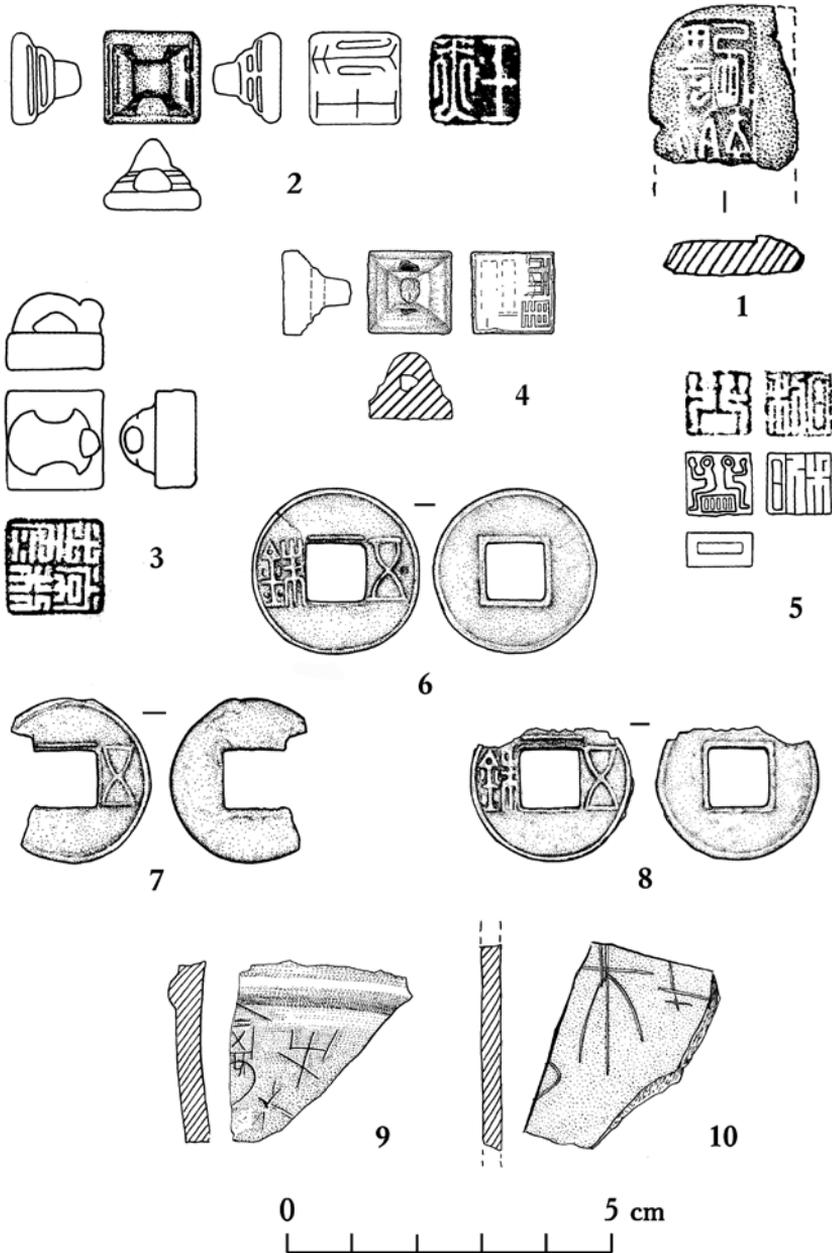

Рис. 20. Баян булаг. Предметы с надписями: 1 – отпечаток официальной печати («фэнни») (T2:520); 2–5 – бронзовые частные печати (C:1; C:142; T3:48; C:141); 6–8 – бронзовые монеты «у-чжу» (T2:186; T2:246; T2:188); 9–10 – фрагменты керамических сосудов (T2:518; T2:t144)

Керамические сосуды, фрагменты которых найдены на памятнике Баян булаг, имеют прямые аналогии с материалом других поселений западноханьского времени, исследованных на близлежащей территории во Внутренней Монголии: Чэньцзуйцзы (уезд Циншуйхэ), Хэйшуйцюань (уезд Токэто), Чжэньтаобуци (волость Юйлинь, Хух-Хото), Мачи (Баотоу), Фэнвань, Мэйлиншань, Чэнлянь, Сячэньвань (все – уезд Гуян) [Нэймэнгу цзычжицю вэньу каогу яньцзюсо, 2004, с. 109–112, рис. 26–28; Нэймэнгу цзычжицю вэньу каогу яньцзюсо, Токэто сянь боугуань, 2004, с. 169–184, рис. 29–38; Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо, 1997, с. 435–438, рис. 9–10; Баотоу ши вэньу гуаньличжи, Дама ци вэньу яньцзюсо, 2000, с. 85–88, рис. 8–9; Ли Синшэн, 1992, с. 421–422, рис. 2]. На этих же поселениях обнаружена аналогичная найденной нами черепица [Нэймэнгу цзычжицю вэньу каогу яньцзюсо, Токэто сянь боугуань, 2004, с. 191, рис. 44; Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо, 1997, с. 435, 438, рис. 8, 11]. Керамика Баян булага имеет сходство и с керамикой из других поселений на приграничных ханьских территориях [Телин ши вэньу гуаньли баньгунши, 1996, с. 40–44, рис. 7, 9; Цзилинь дасюэ каогусюэ си, Ляонин шэн вэньу каогу яньцзюсо, 1997, с. 139–142, рис. 7, 8]. На западноханьских поселениях юго-западной части Внутренней Монголии Хэйшуйцюань (уезд Токэто), Чжэньтаобуци, Эршицзяцзы (Хух-Хото) найдены аналогичные нашим находкам ножи, кельты, лопаты, пластины, алебарда, наконечники стрел [Нэймэнгу цзычжицю вэньу каогу яньцзюсо, Токэто сянь боугуань, 2004, с. 197, рис. 48.-3, 7; Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо, 1997, с. 439–441, рис. 12–13; Нэймэнгу вэньу гунцзо янь, 1984].

Арбалетные замки, печати, наконечники стрел, железные ножи, бронзовые кольца, колокольчики, подобные найденным в Баян булаге, обнаружены в могильниках Нарин тохой (Налиньтаохай), Бор толгой (Буэртаолэгай), Шацзинь тохой (Шацзиньтаохай), Булангин нур (Булуннао), Чжаовань (могила М51), в комплексах, относящихся к позднему периоду Западной Хань [Вэй Цзянь, 1997, с. 36–37, 66, 101–103, 243–245, 262]. Аналогичный инвентарь, например арбалетные замки, обычен для погребений I в. до н.э. Так, например, пять таких арбалетных замков найдены в могилах этого периода в Гаунчжоу [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Гуанчжоу ши вэньу гуаньли вэйюаньхуй, Гуанчжоу шэн боугуань, 1981, с. 145, рис. 85.-1–2].

Набор предметов вооружения и солдатского быта, обнаруженных на памятнике Баян булаг, совпадает с набором предметов, найденных при раскопках западноханьского арсенала в столице Хань – Чанъани. Там были найдены детали арбалетных замков, железные алебарды «цзи», бронзовые и железные втоки, бронзовые гарды мечей, железные боевые ножи, пластины панцирей, множество бронзовых трехгранных наконечников стрел с железными черешками, бронзовый котел, бронзовые кольца, трубочки [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, 2005, с. 80–117].

Исходя из материалов наиболее полной сводки всех железных предметов ханьского времени, обнаруженные в Баян булаге алебарда «цзи», бронзово-железные наконечники стрел, длинные боевые ножи, кельты, лопаты, панцирные пластины, псалий, втулки колес, железные котлы относятся к типам, распространенным преимущественно в западноханьский период [Бай Юньсян, 2005, с. 163–191, 212–241, 243–244, 249–251].

Бронзовые поясные крючки, обнаруженные на территории поселения, типичны для западноханьского периода [Лю Чаоин, Цзи Янькунь, 2001, с. 496–511, рис. 5].

Как уже говорилось, прямую аналогию найденной в могиле 1 бронзовой пряжке с железным язычком представляет собой серебряная пряжка от ножен с боевым железным ножом, обнаруженная в могиле М1 из Маньчэна (Хэбэй) (рис. 19.-5–6). Эта могила относится к 113 г. до н.э., поскольку точно установлено, что в ней похоронен первый ханьский ван царства Чжуншань по имени Лю Шэн [Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Хэбэй шэн вэньу гуаньли, 1980, с. 336–337].

Одна из печатей, обнаруженных на поселении, имеет аналогию в материалах третьего, западноханьского слоя поселения Сяохуаньди (Цзиньси, провинция Ляонин): похожи не только форма и размер, но и совершенно идентична надпись на одной из сторон «сы инь» («частная печать») [Цзилинь дасюэ каогусюэ си, Ляонин шэн вэньу каогу яньцзюсо, 1997, с. 149, рис. 14.-1, табл. 8.-2].

Многие монеты из раскопов плохо сохранились, что затрудняет их датировку. Однако три монеты, обнаруженные в раскопе 2, можно точно датировать концом II – концом I в. до н.э. (рис. 20.-6–8). Эти монеты имеют горизонтальную черту над отверстием. Выпуски монет с таким признаком проводились со 118 г. до н.э. до 5 г. н.э. [Чжунго цяньби да цыдянь, 1998, с. 326–330, 348–349, 353–358, 362–364, 373–377, 382–384]. Обращает на себя внимание, что ни в раскопах, ни среди случайных находок не было обнаружено ни одной монеты из выпусков Ван Мана.

Таким образом, памятник Баян булаг должен датироваться в пределах I в. до н.э., с конца правления императора У-ди, скорее всего, до периода правления императора Чэн-ди.

Баян булаг – ханьский Шоусянчэн. Результаты раскопок 2009 г. подтверждают вывод А.А. Ковалева о том, что Баян булаг является ханьской крепостью Шоусянчэн. Согласно цзюани 1 «Хань шу», эта крепость была построена с внешней стороны укрепленной линии по приказу императора У-ди в первом году эры правления Тай-чу (104 г. до н.э.) [Бань Гу, 1997, с. 200]. Цзюань 110 «Ши цзи» сообщает, что Шоусянчэн был построен с целью оказать помощь левому старшему дувэю сюнну, который в тот момент хотел перейти на сторону Хань (Сыма Цянь, 1996, с. 2915), однако вплоть до середины I в. до н.э. Шоусянчэн упоминается как важная военная база китайцев. Уже весной 103 г. Чжао Пону повел войска через Шоусянчэн, чтобы соединиться с мятежным дувэем [Сыма Цянь, 1996, с. 2915]. В ответ на это сюнну попытались взять Шоусянчэн [Сыма Цянь, 1996, с. 2915]. В 99 г. вышедшему от оз. Цзюйянь на север в направлении Гобийского Алтая Ли Лину был дан приказ на обратном пути идти в Шоусянчэн, где «дать отдых войскам» [Бань Гу, 1997, с. 2415]. В 81 г. до н.э. сюнну именно в Шоусянчэне перекрыли путь ханьским войскам в ожидании начала китайского наступления [Бань Гу, 1997, с. 3783]. В 71 г. до н.э. через Шоусянчэн, где был китайский гарнизон, прошли войска под началом главного цензора Тянь Гуанмина [Бань Гу, 1997, с. 3664]. В 51 г. до н.э. признавший сюзеренитет Хань шаньюй Хуханье выразил желание охранять линию «внешних укреплений» Хань, а «в случае опасности» укрываться в ханьском Шоусянчэне [Бань Гу, 1997, с. 3798].

Местоположение ханьского Шоусянчэна оставалось дискуссионным. Никаких данных о нем в послеханьское время не сохранилось. Многие ученые отождествляли эту крепость с Западным Шоусянчэном, построенным в эпоху Тан. Эта точка зрения отражена и в «Историческом атласе Китая» [Чжунго лиши дили цзи, 1996, т. 2, л. 17–18]. Однако в этом случае Шоусянчэн оказывается в глубине ханьских пограничных земель, внутри «внешних укреплений», и в то же время с севера от Бэйхэ и гор Иньшань, т.е. на север от Уюани и Шофана. Это не соответствует данным о военных операциях Хань и

сюнну в I в. до н.э. (см. рис. 1.-2). На это обратил внимание Бао Тун, справедливо указавший, что Шоусянчэн должен был находиться на северо-запад от крепости Цзилу и при этом с внешней стороны «укреплений гуанлу» [Бао Тун, 1992, с. 195–197]. Его мнение основано на следующих фактах. В 103 г. до н.э. войска Чжао Пону вышли из Шофана «на северо-запад», а «на обратном пути» должны были пройти через Шоусянчэн [Сыма Цянь, 1996, с. 2915]. Таким образом, Шоусянчэн должен был находиться от Шофана не на север, а на северо-запад. В 81 г. шаньюй расположил войска около Шоусянчэна для обороны против Хань [Бань Гу, 1997, с. 3783]. Однако это было бы невозможно, если Шоусянчэн находился бы на территории, контролируемой китайцами, в пределах «внешних укреплений гуанлу». В 71 г. до н.э. китайцы предприняли масштабное наступление против хунну. При этом, как сообщается, войска под началом главного цензора Тянь Гуанмина вышли из округа Сихэ и дошли до Шоусянчэна [Бань Гу, 1997, с. 3664]. Поскольку с территории Бэйхэ, из округа Уюань (с севера от которого, как указывалось выше, впоследствии был построен танский Средний Шоусянчэн), по тому же плану начала поход другая армия, под началом Тянь Шуня [Бань Гу, 1997, с. 3786], очевидно, что Тянь Гуанмин не шел вслед за Тянь Шунем, не переходил Бэйхэ на север, а выдвинулся из Ордоса на запад. Так Бао Тун приходит к выводу о расположении Шоусянчэна к западу либо северо-западу от излучины Хуанхэ, за пределами «внешних стен».

Особое значение для атрибуции и датировки памятника имеет найденный в раскопе 2 отпечаток печати официального лица («си инь») на глине («фэнни»). К сожалению, мы не смогли прочесть два из четырех сохранившихся на отпечатке иероглифа, поскольку эти знаки сохранились только лишь частично. Все же два первых иероглифа (при условии, что надпись считывалась сверху вниз – справа налево, т.е. традиционным образом) А.А. Ковалевым были атрибутированы. Начальный иероглиф – полностью сохранившийся знак «си» («запад»), а нижеследующий, хоть и сохранившийся частично, настолько специфичен, что без сомнений прочитывается как «сюань» 𠄎 (то же написание этого знака зафиксировано еще на одной ханьской печати – см.: [Сунь Баовэнь, 2006, с. 274]). Согласно аналогиям, на печати официального лица должно было быть помещено наименование его должности, в начале которого часто располагалось название местности или населенного пункта [Е Цифэн, 1997, с. 6–10]. То, что мы имеем дело именно с географическим названием, следует уже из первого иероглифа «запад». Наш иероглиф «сюань» 𠄎 входит только лишь в одно название географического объекта ханьского времени: это пограничная линия («сай») Сюаньлэй, упомянутая в географическом разделе «Хань шу» – «Дили чжи». Согласно тексту источника, укрепления «Сюаньлэй сай» размещались на западе уезда Чжэншань, входившего в округ Сихэ: «Цзэншань. Есть дорога, выходящая на запад из Сюаньлэй сай» [Бань Гу, 1997, с. 1618] (Досадно, что в издании русского перевода этого раздела «Хань шу» М.Е. Ермаковым допущена ошибка: иероглиф «сай» («пограничная линия») ошибочно принят за иероглиф «ци» («основание», «опора») – получилось «пограничные укрепления Сюаньлэйци» [Географический трактат «Истории Хань», 2005, с. 69]; такая же ошибка допущена и в названии другой линии, в округе Шофан – «Цзилуци» вместо «Цзилу сай» [Географический трактат «Истории Хань», 2005, с. 70], – обращаем на это внимание, поскольку термин «сай» определяет специфические административные функции и организацию данного географического объекта [У Жэнсянь, 1990, с. 45–46]. Административный центр ханьского уезда Цзэншань располагался в Ордосе, скорее всего близ Дуншэна (нынешнего города Ордос); в монографии Чжан Вэйхуа [1979, с. 155–156] на

этом основании утверждает, что и укрепления Сюаньлэй также должны были находиться на плато Ордос. Следуя таким рассуждениям, укрепления Сюаньлэй поместили в Ордос и составители фундаментального атласа китайской истории (см.: [Чжунго лиши дитуцзи, 1996, т. 2, л. 17–18]). Однако Сюаньлэй в написании «Сяньлэй» упоминается в главе 110 «Ши цзи», но в несколько ином контексте: «В это время... на севере расширили обрабатываемые поля до Сяньлэй, ставшем пограничной укрепленной линией» [Сыма Цянь, 1996, с. 2913]. Использованный в «Ши цзи» иероглиф «лэй» с тремя ключами «тянь» («поле») считается равнозначным знаку «лэй» с одним ключом «тянь», употребленному в «Дили чжи» [Гу хань ю да цыдянь, 2002, с. 2442]. Что касается знака «сянь», то, поскольку при включении текста Сыма Цяня в главу 94А «Хань шу» иероглифы «сянь лэй» были заменены теми же иероглифами, что и в «Дили чжи» – «сюань лэй» [Бань Гу, 1997, с. 3773], прочтение иероглифа «сянь» (с ключом «юэ») из «Ши цзи» установилось как «сюань» (с ключом «му»); творивший в период правления восточноханьского императора Лин-ди (168–189 гг.) ученый Фу Цянь, напротив, настаивал на прочтении в этом месте главы 94А «Хань шу» иероглифа «сюань» как «сянь» – созвучно слову «сянь» («уезд») (см.: [Бань Гу, 1997, с. 3773]), танский ученый VI в. Ши Гу предлагал такое же прочтение этого иероглифа и в других местах «Хань шу» (см.: [Бань Гу, 1997, с. 1619, 2514, 2600, 3534, 4206]); к сожалению, об этой проблеме не упомянул В.С. Таскин, предложив перевод из «Ши цзи» со словом «Сюаньлэй», а не «Сяньлэй» (см. перевод в: [Материалы по истории сюнну, 1968, с. 57]; перевод вообще ошибочен – сообщение о превращении Сюаньлэй в укрепленную линию («...Сюаньлэй вэй сай») заменено фразой: «...поля были расширены еще дальше до Сюаньлэй и (? – А.К.) была создана укрепленная граница»).

Сообщение «Ши цзи» относится к последнему десятилетию II в. до н.э. Как справедливо замечает Ши Нянхай [1991, с. 115–125], подробно разобравший вопрос о местоположении Сюаньлэя, расширяемые пахотные поля должны были располагаться по течению западного отрезка излучины Хуанхэ. Именно здесь, прямо на запад от ханьского Цзэншаня, в районе нынешнего города Ухай, была возможность в конце II в. до н.э. расширять обрабатываемые земли «на север», причем только к западу от Цзэншаня имелись необходимые для этого водные ресурсы – ближе к Цзэншаню или дальше от Хуанхэ на запад простираются пустыни.

Ши Нянхай считал, что укрепления Сюаньлэй располагались на западном берегу Хуанхэ (см. карту в: [Ши Нянхай, 1991, с. 138]), однако в 90-х гг. XX в. в административном районе г. Ухай были прослежены не менее 30 км длинных стен, идущих с юга на север по хребту Фэнхуанлин [Чжунго вэнью дитуцзи, 2003, т. 1, с. 134, т. 2, с. 75; У Цзюньшэн, 2007, с. 93–96], т.е. на восточном берегу западного отрезка Хуанхэ. На развалинах одной из наблюдательных вышек, связанных с этими укреплениями, были собраны фрагменты сероглиняной керамики [У Цзюньшэн, 2007, с. 94], что подтверждает датировку сооружения ханьским временем.

Это и была, скорее всего, пограничная линия («сай») Сюаньлэй. Найденный нами отпечаток официальной печати говорит о некоем «западном» Сюаньлэе. Видимо, Баянбулагский гарнизон был подведомствен руководителю района, размещавшегося западнее линии обнаруженных китайскими учеными длинных стен. В связи с этим необходимо вспомнить о ханьской крепости Ланьчэнцзы, расположенной непосредственно на восточном берегу Хуанхэ около северного железнодорожного вокзала Ухая [Чжунго вэнью дитуцзи, 2003, т. 1, с. 134; т. 2, с. 75]. Как сообщается в атласе культурного наследия Внутренней Монго-

лии, эта крепость имеет в плане размеры 300x500 м, окружена земляными стенами толщиной 2 м и высотой до 2,2 м, культурный слой мощностью около 1 м содержит орнаментированные кирпичи, фрагменты черепицы, черепичных дисков, сероглиняных гончарных сосудов, т.е. типичный ханьский материал. В округе крепости был раскопан могильник Синьди, наиболее ранние погребения в котором датируются средним периодом Западной Хань, т.е. последней третью II – 1-й третью I в. до н.э. [Вэй Цзянь, 1998, с. 195]. Эта внушительная крепость и могла называться «Западным Сюаньлэем», в отличие от Сюаньлэйской укрепленной линии, проходившей в 20 км восточнее.

Находка на поселении Баян булаг оттиска печати с наименованием «Сюань[лэй]» показывает, что Баян булаг был подведомствен округу Сихэ, а потому должен был иметь непосредственное соединение с Ордосом. Это полностью совпадает с данными о местоположении Шоусянчэна в интерпретации Бао Туна.

Как сообщается в «Хань шу», в 71 г. до н.э. незадачливый полководец Тянь Гуанмин, дойдя до Шоусянчэна, решил не продолжать военный поход. Вместо этого он «предался разврату» со вдовой только что умершего начальника гарнизона, причем прямо «в храме, где стоял гроб» с покойным ее мужем [Бань Гу, 1997, с. 366]. Таким образом, в Шоусянчэне должен был быть храм. Исследованные нами в раскопе три сооружения, крытые привезенной за тридевять земель черепицей, могли иметь только лишь культовое назначение (фото 6 на цв. вкл.).

Мощные стены и укрепленные «блиндажи», исследованные нами в раскопе 2, показывают, что здесь находился особо укрепленный арсенал базы ханьских наступательных операций, что вполне соответствует сведениям о роли Шоусянчэна в войнах с сюнну и его неприступности. Множество собачьих костей, обнаруженных на поселении, показывает солидную долю собачатины в повседневном рационе ханьских солдат, как, впрочем, и остального ханьского населения в это время [Пэн Вэй, 1999].

Зверски убитые китайские солдаты, могила которых была обнаружена нами в раскопе 1, очевидно, пали жертвой войны с хунну. Мрачная картина садистского убийства плененных воинов показывает методы военных действий хунну, наводившие ужас на ханьцев.

Библиографический список

Бай Юньсян. Сянь Цинь лян Хань те ци дэ каогусюэ яньцзю (Археологическое исследование железных изделий до-циньского [времени, периодов Цинь и] обеих Хань). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. 414 с. (на кит. яз.).

Бань Гу. Хань шу (Книга [о династии] Хань) / Янь Шигу – комм. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. Т. 1–12, изд. 10. 4273 с. (на кит. яз.).

Бао Тун. Шоусянчэн ю Маньгугао (Исследование Шоусянчэна и Маньгугао) // Чжунго лиши дили луьцун. 1992. №1. С. 191–200 (на кит. яз.).

Баотоу ши вэньу гуаньличжи, Дама ци вэньу яньцзюсо. Баотоу цзян нэй дэ Чжаньго Цинь Хань чанчэн ю гучэн (Древние крепости и длинные стены [периодов] Чжаньго, Цинь, Хань в пределах границ Баотоу) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2000. №1. С. 74–91 (на кит. яз.).

Батсайхан З. Хунну. Улаанбаатар, 2002 (на монг. яз.).

Вэй Цзянь. Нэймэнгу чжуннань бу Хань дай муцзан (Могильники ханьского времени в центральной и южной частях Внутренней Монголии). Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 1998. 351 с. (на кит. яз.).

Гай Шанлинь, Лу Сысянь. Нэймэнгу цзян нэй Чжаньго Цинь Хань чанчэн ичжи (Руины длинных стен периодов Чжаньго, Цинь, Хань в границах Внутренней Монголии) // Нэймэнгу вэньу цзыляо сюйцзи. Хух-Хото, 1984. С. 90–100 (на кит. яз.).

Гай Шанлинь, Лу Сысянь. Чаогэ ци Чаолукулунь Хань дай ши чэн цзи ци фуцзиньдэ чанчэн (Каменная крепость ханьского времени Чаолукулунь в аймаке Чаогэ и длинная стена поблизости от нее) // Нэймэнгу вэньу цзыляо сюйцзи. Хух-Хото, 1984. С. 101–107 (на кит. яз.).

Географический трактат «Истории Хань»: описания округов по северной границе империи: пер. и комм. Е.А. Торчинова, М.Е. Ермакова, Ю.Л. Кроля // Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Вост. лит., 2005. 439 с. (Страны и народы Востока. Вып. XXXII, кн. 4: Дальний Восток).

Гу ханью да цыдянь (Большой словарь древнекитайского языка). Шанхай, 2002. 2614 с. (на кит. яз.).

Е Цифэн. Гу си инь юй гу си инь цзяньдин (Древние административные печати и экспертная оценка древних административных печатей). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1997. 256 с. (на кит. яз.).

Ковалев А.А. Великая тангутская стена (к интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008а. Вып. 4. С. 103–116.

Ковалев А.А. Великая тангутская стена (по материалам Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции Музея-института семьи Рерихов) // Рериховское наследие. СПб., 2008б. Т. VI. С. 251–268.

Кэвалёфу А.А., Эрдэнэбаатар Д. Мэнгу го Наньгэби шэн Сися чанчэн ю Хань Шоусянчэн югуань вэньти дэ цзай таньтао (Вновь предпринятое исследование вопросов, относящихся к длинным стенам государства Си Ся и ханьской крепости Шоусянчэн на территории Южногобийского аймака Монголии) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2008. №2. С. 101–110 (на кит. яз.).

Ли Ию Чжунго бэйфан чанчэн каои (Обзор исследований длинных стен Северного Китая) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2001. №1. С. 1–51 (на кит. яз.).

Ли Синшэн Нэймэнгу Чжоцзы сянь Саньдаоин гу чэн дяоча (Обследование древней крепости Саньдаоин в уезде Чжоцзы, Внутренняя Монголия) // Каогу. 1992. №5. С. 418–430 (на кит. яз.).

Лю Чаоин, Цзи Янькунь. Хэбэй шэн вэньу яньцзюсо чжэнцзи дэ гудай цинтун дай гоу (Древние бронзовые поясные крюки, собранные в Институте культурного наследия провинции Хэбэй) // Хэбэй шэн каогу вэньцзи / Хэбэй шэн каогу вэньу яньцзюсо бянь (Сборник статей по археологии Хэбэй / Институт культурного наследия провинции Хэбэй – сост.). Пекин: Бэйцзин Яньшань чубаньшэ, 2001. С. 490–512 (на кит. яз.).

Материалы по истории сюнну (по историческим источникам): предисл., пер. и комм. В.С. Таскина. М., 1968. Вып. 1. 176 с.

Монгол нутаг дахь түүх соёлын дурсгал (Сэдэвчилсэн лавлах). Улан-Батор, 1999. 286 с. (на монг. яз.).

Нэймэнгу вэньу гунцзо янь. Хухэхаотэ Эршицзяцзы гу чэн чулу дэ Си Хань те цзя (Рабочая бригада по культурному наследию Внутренней Монголии. Железный доспех периода Западная Хань, раскопанный в древней крепости Эршицзяцзы, Хух-Хото) // Нэймэнгу вэньу цзыляо сюй цзи. Хух-Хото, 1984. С. 113–124 (на кит. яз.).

Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо. Хухэхаотэ ши Юйлинь Чжэньтаобуци гу чэн фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии. Краткое сообщение о раскопках древней крепости Чжэнтаобуци в Юйлинь, город Ху-Хото) // Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи (ди 2 цзи) / Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо бянь (Сборник статей по культурному наследию и археологии Внутренней Монголии (второй выпуск) / Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии – сост.). Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 1997. С. 431–443 (на кит. яз.).

Нэймэнгу цзычжиццо вэньу каогу яньцзюсо, Токэто сянь боугуань. Токэто сянь ичжи фацзюэ баогао (Институт культурного наследия и археологии Автономного района Внутренняя Монголия, Музей уезда Токэто. Отчет о раскопках руин поселения Хэйшуйцюань в уезде Токэто) // Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи (ди 3 цзи) / Нэймэнгу цзычжиццо вэньу каогу яньцзюсо бянь (Сборник статей по культурному наследию и археологии Внутренней Монголии (третий выпуск) / Институт культурного наследия и археологии Автономного района Внутренняя Монголия – сост.). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 153–217 (на кит. яз.).

Нэймэнгу цзычжиццо вэньу каогу яньцзюсо. Циншуйхэ сянь Чэнцзуйцзы ичжи фацзюэ баогао (Институт культурного наследия и археологии Автономного района Внутренняя Монголия. Отчет о раскопках руин поселения Чэнцзуйцзы в уезде Циншуйхэ) // Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи (ди 3 цзи) / Нэймэнгу цзычжиццо вэньу каогу яньцзюсо бянь (Сборник статей по культурному наследию и археологии Внутренней Монголии (третий выпуск) / Институт культурного наследия и археологии Автономного района Внутренняя Монголия – сост.). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 81–128 (на кит. яз.).

Пэн Вэй. Цинь Хань иньши шэнхо чжун дэ жоулэй шиу (Мясные продукты в пищевом рационе периодов Цинь, Хань) // Чжунго иньши ши (История пищи в Китае). Пекин: Хуася чубаньшэ, 1999 (на кит. яз.).

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын хот суурины товчоон. Улаанбаатар, 1961. (на монг. яз.).

Пэрлээ Х. Өмнөговь, Өвөрхангай аймгуудын говь талын нутгаар эртний судлалын хайгуул хийсэн нь // Археологийн судлал. 1962. Т. II, fasc. 6. С. 27–35 (на монг. яз.).

Пэрлээ Х., Майдар Д. БНМАУ-ын нутаг дэвсгэр дээр байгаа балгас, түүрийн бүдүүвчилсэн зургийн тодойхойлолт // Монголын хотын гурван зураг. Улаанбаатар, 1970. С. 19–52 (на монг. яз.).

Сунь Баовэнь. Хань инь цзыдянь (Словарь иероглифов печатей эпохи Хань). Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 2006. 419, 17 с. (на кит. яз.).

Сыма Цянь. Ши цзи (Записи историка) / Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ – комм. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1996. Т. 1–10, изд. 14. 3322 с., 56 с. прил. (на кит. яз.).

Телин ши вэньу гуаньли баньгунши. Ляонин Телин ши Цюйтай ичжи шицзюэ цзяньбао (Административное бюро культурного наследия города Телин. Краткое сообщение о пробных раскопках руин поселения Цюйтай в городе Телин, Ляонин) // Каогу. 1996. №2. С. 36–51 (на кит. яз.).

У Жэнсянь. Хэси Хань сай (Ханьская пограничная линия [в регионе] Хэси) // Вэньу. 1990. С. 45–90 (на кит. яз.).

У Цзюньшэн. Ухай ши Цинь чанчэн дяоча (Разведка длинных стен династии Цинь в городе Ухай) // Гуян Цинь чанчэн (Длинные стены династии Цинь в Гуяне) / Чжан Хайбинь, Ян Дяньэнь – сост. Хух-Хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ, 2007. С. 93–96 (на кит. яз.).

Цзилинь дасюэ каогусюэ си, Ляонин шэн вэньу каогу яньцзюсо. Ляонин Цзиньси ши Тайцзитунь Сяохуанди Цинь Хань гу чэн чжи шицзюэ цзяньбао (Факультет археологии Цзилиньского университета, Институт культурного наследия и археологии провинции Ляонин. Краткий отчет о пробных раскопках развалин древней крепости периодов Цинь и Хань Сяохуанди в Тайцзитунь, город Цзиньси, Ляонин) // Каогусюэ цзикань. Пекин, 1997. Т. 11. С. 130–153 (на кит. яз.).

Цзин Ай. Шамо каогу тунлунь (Рассуждения по археологии пустынь). Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 1999 (на кит. яз.).

Цэвээндорж Д., Батсайхан З., Төрбат Б. Сүннугийн хот суурины асуудал // Шинжлэх ухааны мэдээ, 1994. №3–4. С. 77–85 (на монг. яз.).

Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улан-Батор, 2008. 239 с.

Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Монголын археологи. Улан-Батор, 2003. 259 с. (на монг. яз.).

Чжан Вэйхуа. Чжунго чанчэн цзянчжи као (Исследование основания и строительства китайских длинных стен). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1979. Т. 1–2. 159 с. (на кит. яз.).

Чжунго вэньу дитуцзи. Нэймэнгу цзычжи цю фэнцэ (Атлас культурного наследия Китая. Автономный район Внутренняя Монголия). Чжунго вэньу цзюй (Управление культурного наследия Китая) – изд. Сиань: Сиань диту чубаньшэ, 2003. Т. 1: 440 с. Т. 2: 650 с. (на кит. яз.).

Чжунго гудай цзяньчжу ши (История древней архитектуры Китая) / Лю Сюцзе – сост. Пекин: Чжунго цзяньчжу гунье чубаньшэ, 2003. Т. 1. (на кит. яз.).

Чжунго лиши дилицзи. Ди эр цэ: Цинь, Си Хань, Дун Хань шици. (Атлас истории Китая. Том второй: периоды Цинь, Западная Хань, Восточная Хань) / Тань Цисян – сост. Пекин: Чжунго диту чубаньшэ, 1996. 6-е изд. (на кит. яз.).

Чжунго цянби да цыдянь: Цинь Хань бянь (Большой словарь монет Китая: раздел эпох Цинь-Хань) / Чжунго цянби да цыдянь бяньцзуань вэйюаньхуэй бянь (составлен Комитетом по составлению большого словаря монет Китая). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1998. 760 с. (на кит. яз.).

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Гуанчжоу ши вэньу гуаньли вэйюаньхуэй, Гуанчжоу шэн боугуань. Гуаньчжоу Хань му. (Институт археологии Академии общественных наук Китая, Административная комиссия по культурному наследию города Гуанчжоу, Музей провинции Гуанчжоу. Ханьские могилы в Гуанчжоу). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1981 (на кит. яз.).

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Хэбэй шэн вэньу гуаньли. Маньчэн Хань му (Институт археологии Академии общественных наук Китая, Управление культурного наследия провинции Хэбэй. Ханьские могилы в Маньчэне). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980 (на кит. яз.).

Ши Няньхай. Синьцинчжун као (Исследование Синьцинчжуна) // Хэ шань цзи. У цзи. (Собрание [сочинений о] реках и горах) / Ши Няньхай – автор Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ, 1991. Сб. 5. С. 92–138 (на кит. яз.).

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо. Хань Чанъань чэн уку (Институт археологии Академии общественных наук Китая. Арсенал ханьской Чанъани). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 184 с.: ил. (на кит. яз.).

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ

Этногенетические и социокультурные процессы, происходившие на территории Центральной Азии в раннем средневековье, в значительной степени связаны с историей тюркской культуры, носители которой стали основателями крупнейших кочевых империй региона 2-й половины I тыс. н.э. и составили ядро этих объединений. Преемники тюрков на политической арене – уйгуры и кыргызы – во многом продолжили традиции и тенденции развития, заложенные предшественниками [Кычанов, 1997, с. 123; Жумаганбетов, 2003, с. 228]. В связи с этим изучение особенностей истории номадов обозначенной общности весьма актуально.

Согласно сведениям письменных источников, центр империй раннесредневековых тюрков находился в Монголии. Именно там располагались ставка кагана и кочевья наиболее элитных слоев номадов. На сегодняшний день в различных районах Монголии известно значительное количество «поминальных» памятников – небольших каменных оградок, изваяний, а также «каганских» мемориальных комплексов. Гораздо меньше таких объектов исследовано. Еще более фрагментарны представления специалистов о погребальных объектах на рассматриваемой территории. Вместе с тем именно они, учитывая специфику письменных материалов, являются основным источником для реконструкции процессов, происходивших в регионе. Увеличение интенсивности исследований памятников средневековья в различных районах Монголии в последнее десятилетие [Гунчинсүрэн и др., 2005; Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008; Цэвэндорж и др., 2008; Ожередов, 2010; Турбат, Батсук, Батбаяр, 2010; Эрдэнэболд, 2011; и др.] позволяет надеяться на изменение обозначенной ситуации в положительную сторону. В связи с этим целесообразно подведение итогов изучения конкретных вопросов. Краткая история раскопок погребальных комплексов тюркской культуры на территории Монголии неоднократно представлялась в литературе [Худяков, Цэвэндорж, 1999, с. 82–83; Худяков, Турбат, 1999, с. 82–84; Худяков, 2002, с. 150–152; Худяков, Лхагвасүрэн, 2002, с. 95–96; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 176; Худяков, Белинская, 2006, с. 497–498], поэтому обратим внимание прежде всего на опыт и перспективы осмысления и интерпретации имеющихся материалов.

Археологические памятники раннесредневековых тюрков, расположенные на территории Монголии, стали известны ученым уже во 2-й половине XIX в. [Войтов, 1996, с. 12]. Длительное время информация о комплексах номадов исчерпывалась сведениями лишь о «поминальных» объектах. Опыт интерпретации результатов раскопок погребений раннесредневековых кочевников Монголии предпринимался только начиная с 1920-х гг. Первое достоверно известное захоронение тюркской культуры в рассматриваемом регионе исследовано Г.И. Боровкой в 1925 г. на памятнике Наинтэ-суме. Автор датировал объект VI–VIII вв., указав на то, что могила принадлежала рядовому члену общества номадов «эпохи турок-огузов» [Боровка, 1926, с. 74–76].

Количество раскопанных погребений раннесредневековых номадов Монголии пополнилось в результате работ, проведенных в 1949 г. Л.А. Евтюховой [1957, с. 207]. Курган №2 могильника в урочище Джаргаланты исследовательница датировала VIII–IX вв. и соотнесла с захоронением Наинтэ-суме, указав на схожесть обоих объектов с памятниками Алтая этого времени. По мнению Л.А. Евтюховой [1957, с. 224], в обозначенных могилах похоронены представители тюркского населения, пришедшие в монгольские степи в VI в. и принесшие характерный обряд погребения с лошастью.

В последующие годы материалы, полученные в ходе исследований погребений тюркской культуры Монголии, привлекались исследователями крайне фрагментарно. В обобщающих работах, рассматривающих различные аспекты истории кочевников указанной общности, имеются лишь упоминания о таких памятниках. Безусловно, данное обстоятельство объяснялось главным образом малочисленностью раскопанных объектов. На этот факт указал еще А.Н. Бернштам [1926, с. 64], характеризуя состояние источниковой базы по истории Монголии в период «от гуннов до тюрков». Ограниченность имеющихся материалов отметил и С.В. Киселев [1949, с. 283], обратив внимание на несоответствие известных ему погребений раннесредневековых кочевников региона с описанием похорон номадов, приведенным в китайских летописях. А.А. Гаврилова [1965, с. 64] отнесла упомянутые выше погребения Наинтэ-суме и Джаргаланты к выделенному ей катандинскому типу могил (VII–VIII вв.). Предметный комплекс из указанных объектов учитывался также в монографии Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 17].

Характеристика погребальных памятников тюркской культуры Монголии представлена в ряде работ Ю.С. Худякова. При участии исследователя было раскопано и опубликовано несколько объектов, что позволило автору привести развернутую интерпретацию исследованных комплексов. По мнению Ю.С. Худякова [2002, с. 153], большинство погребений тюркской культуры (автор учел, судя по приведенным описаниям, восемь могил) относятся к VIII–X вв., и лишь единичные захоронения датируются более ранним временем. Археолог отметил, что обрядность раннесредневековых тюрков Монголии отличается значительной вариабельностью [Худяков, 2002, с. 154]. Предложенная Ю.С. Худяковым датировка памятников кочевников рассматриваемой общности поддержана Д.Г. Савиновым [2005, с. 221, 225], который подчеркнул, что именно в VIII–IX вв. погребения с конем тяготеют к южным районам Саяно-Алтайского нагорья и получают распространение на территории Монголии [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 226].

Рассматривая опыт изучения погребения тюркской культуры Монголии, нельзя не остановиться на характеристике взглядов собственно монгольских исследователей. К сожалению, не все публикации зарубежных специалистов, особенно последних лет, доступны отечественным археологам. Однако имеющиеся в нашем распоряжении работы позволяют представить уровень развития раннесредневековой археологии региона.

Обзор материалов раскопок памятников раннесредневековых тюрков Монголии представлен в обобщающей монографии Н. Сэр-Оджав [1977]. Исследователь привел краткую историю изучения археологических комплексов, а также затронул основные аспекты изучения «орхонской культуры тюрков» [Сэр-Оджав, 1977, с. 112–144]. В обозначенной работе получили отражение и немногочисленные материалы захоронений рассматриваемой общности [Сэр-Оджав, 1977, с. 192–193]. Некоторые наб-

людения о специфике погребальных комплексов тюркской культуры на территории Монголии представлены в статье Д. Цэвэндоржа [1985, с. 83], посвященной публикации археологических памятников хуннуского периода. Исследователь, опираясь на материалы ряда известных ему захоронений раннего средневековья, подчеркнул наличие существенных отличий в погребальной обрядности хунну и тюрков, отметив сходство лишь в устройстве курганный насыпи.

Итоги изучения памятников тюрков Монголии обозначены в одной из недавних работ Ц. Турбата [2005]. Археолог привел историю изучения погребальных и «поминальных» комплексов кочевников в указанном регионе, упомянув о результатах раскопок последних лет, осуществленных с участием специалистов из США и Франции. Он отметил, что к настоящему времени в Центральной Монголии раскопано лишь двенадцать захоронений раннесредневековых тюрков [Турбат, 2005, с. 103]. Упомянув о том, что в западной части страны обнаружено несколько большее количество памятников, исследователь предложил возможные объяснения подобному обстоятельству. По мнению Ц. Турбата [2005, с. 103], даже после создания государства тюрки не осуществили массовых миграций в Центральную Монголию со своей исторической родины (в данном случае исследователь называет Западную Монголию или Монгольский Алтай). Согласно его точке зрения, только элита общества раннесредневековых кочевников со своим окружением находилась в центре империи номадов.

Результаты исследований монгольских археологов нашли отражение и в учебно-методической литературе. В частности, в пособии «Археология Монголии» [Цэвэндорж и др., 2008, с. 175–176] представлена общая характеристика погребений тюркской культуры. Авторы указали на то, что захоронения раннесредневековых кочевников раскопаны в различных частях страны и представили описание трех памятников. Отметим, что погребение у горы Баруун-Хайрхан, на наш взгляд, судя по приведенному описанию и рисункам [Цэвэндорж и др., 2008, с. 176, рис. 79], не относится к тюркской культуре и датируется более поздним временем.

Итак, даже принимая во внимание то, что далеко не все раскопанные погребения тюркской культуры Монголии известны специалистам, количество их весьма незначительно. Парадоксальность ситуации очевидна, если учесть, что рассматриваемый регион – это центр империй раннесредневековых номадов. К примеру, на территории Саяно-Алтая – полупериферии созданных в Центральной Азии объединений кочевников, к настоящему времени исследовано свыше 300 захоронений тюркской культуры. Тем большее значение имеет всестороннее изучение имеющихся немногочисленных памятников Монголии. Один из вариантов интерпретации таких объектов – проведение сравнительного анализа материалов из погребений данной территории с комплексами Саяно-Алтая. Это позволит не только осуществить более точную хронологическую и культурную атрибуцию памятников Монголии, но также обозначить их место среди тюркских «древностей» центрально-азиатского региона.

Погребальный обряд древних и средневековых обществ состоял из значительного количества практических действий, каждое из которых несло определенную смысловую нагрузку. Условно он может быть представлен как система, состоящая из трех основных элементов – наземные и внутримогильные конструкции, ритуал погребения, сопроводительный инвентарь [Грач, 1975, с. 158; Массон, 1976, с. 150; Леонова, Смирнов, 1977, с. 19–20; Ольховский, 1993, рис. 4]. В свою очередь, каждый

из обозначенных компонентов включает целый ряд признаков. Системный анализ различных показателей, характерных для памятников конкретной общности, позволяет приблизиться к объективной интерпретации зафиксированных черт обряда. Представим некоторые возможности реализации подобного подхода на материалах раскопок погребальных комплексов тюркской культуры Монголии.

В ходе работы учитывались результаты исследований 15 курганов раннесредневековых кочевников данного региона, опубликованных в отечественной и зарубежной литературе [Евтюхова, 1957; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990, 1999; Гунчинсурэн и др., 2005; Кубарев Г.В. и др., 2007; Сэр-Оджав, 1977; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003; Худяков, 2002; Худяков, Турбат, 1999; Худяков, Цэвэндорж, 1997, 1999; Худяков, Лхагвасурэн, 2002; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004; Цэвэндорж и др., 2008]. Соответственно привлекались материалы раскопок более 300 погребений тюркской культуры Саяно-Алтая. Подробное описание результатов сравнительного анализа представлено в специальной публикации [Серегин, 2011]. В настоящей статье обозначим только наиболее принципиальные выводы, полученные в указанном направлении.

1. Наземные и внутримогильные конструкции, зафиксированные в ходе исследования памятников тюркской культуры Монголии, в целом не отличаются от подобных сооружений из комплексов Саяно-Алтая. Несмотря на вариабельность зафиксированных показателей, сходны и характеристики погребального ритуала раннесредневековых кочевников рассматриваемых регионов.

2. Качественно-количественный состав предметного комплекса из погребений тюркской культуры Монголии близок традициям, отмеченным в ходе раскопок значительного количества памятников Саяно-Алтая. Присутствие редких предметов импорта в ряде объектов демонстрирует прямые и опосредованные контакты кочевников в восточном и западном направлениях [Евтюхова, 1957; Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990; Азбелев, 2007].

3. Весьма интересным представляется рассмотрение вопроса об уровне социального развития общества раннесредневековых тюрков Монголии. Очевидно, что имеющихся материалов недостаточно для получения объективных наблюдений. Сравнение памятников Монголии с результатами социальной интерпретации погребений тюркской культуры Саяно-Алтая показывает, что все исследованные могилы, за редким исключением [Боровка, 1926; Евтюхова, 1957], сооружены для рядового населения. Отсутствуют «элитные» комплексы, известные по раскопкам на территории Алтая и, в меньшей степени, Тувы [Серегин, 2010].

Итак, проведение сравнительного анализа погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии продемонстрировало схожесть традиций обрядности, характерных для населения данных территорий. Отмеченные специфические показатели ритуала в большинстве случаев имеют взаимные аналогии в памятниках указанных регионов. В связи с этим есть все основания рассматривать погребения тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии в рамках одной общности и связывать с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии, учитывая количество объектов, исследованных на Алтае, в Туве и Минусинской котловине, может объясняться лишь отсутствием проведения целенаправленных раскопок погребений рассматриваемой общности и низкой степе-

нюю изученности региона в целом. Осуществление систематических археологических исследований в различных районах Монголии, своевременная публикация полученных материалов, а также введение в научный оборот результатов работ прошлых лет позволят наполнить фактическим материалом исторические построения, основанные преимущественно на сведениях письменных источников.

Библиографический список

Азбелев П.П. Вещь, отражающая эпоху (об историко-культурном контексте Увгунтского комплекса) // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 126–129.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия: предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 92–102.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 62–68.

Грач А.Д. Принципы и методы историко-археологических реконструкций форм социального строя // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 158–183.

Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. №2. С. 207–217.

Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития системы государственности и права. VI–XII вв. Алматы: Жеті жаргы, 2003. 432 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА; №9).

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: информ. бюл. 1990. Вып. 16. С. 5–16.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Монголоос олдсон алтан брактеат тов азийн гоел чимэглэлийн урлаг дахь византийн угуулэмж // Археологийн судлал. 1999. Т. XIX. Т. 150–160.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 298–303.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.

Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 16–23.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.

Ожередов Ю.И. Древнетюркские изваяния в Завхане (к своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. С. 257–264.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. №1. С. 78–93.

Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V–XI вв.) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 46–47.

Серегин Н.Н. Опыт сравнительного анализа погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 468–475.

Сэр-Оджав Н. Монголын эртний туух (Археологийн найруулал). Улан-Батор: Б.и., 1977. 178 с.

Турбат Ц. Эртний тэрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал (К вопросу о тюркских рядовых курганах) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 96–103.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинглэх Ухааны Академи археологийн хурээлэн, 2003. 295 тал.

Турбат Ц., Батсүх Д., Багбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 150–160.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрков на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 497–500.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №8. С. 94–105.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 82–87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Убсу-Нурской котловине // Археологийн суудлал. 1997. Т. XVII. Т. 88–97.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 82–90.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–87.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Результаты раскопок памятников тюркского периода, проведенных в местности Хар-Ямаат // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Эрдэнэболд Л. Исследование саркофагов уйгурских аристократов на территории Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 500–510.

Erdelyi L., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 335–370.

Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев, А. Очир, С.А. Васютин, Л. Эрдэнэболд

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия; Кемеровский
государственный университет, Кемерово, Россия; Международный
институт изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО, Улаанбаатар, Монголия*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАЛА ГОРОДИЩА ЭМГЭНТИЙН ХЭРЭМ*

Введение

Время возникновения киданьской империи Ляо пришлось на геополитический кризис во Внутренней Азии, когда с интервалом в несколько десятилетий погибла последняя степная империя – Уйгурский каганат – и распалась династия Тан. Народы Маньчжурии освободились от политической зависимости от своих могущественных противников. Более того, киданям удалось объединить свои племена и вожества в устойчивую конфедерацию и подчинить несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. Завоевав земледельцев, они провозгласили создание династии Ляо (907–1125 гг.). Кидани создали двойную систему управления как китайцами, так и скотоводами. Северная администрация занимала более высокое положение, она контролировала номадов и другие северные народы («метрополия»). Южная администрация копировала бюрократическую систему Китая, управляла оседло-земледельческими территориями.

Кидани хорошо помнили, что в течение длительного времени они подвергались набегам и эксплуатации со стороны тюркских каганатов. По этой причине они предприняли целую серию мероприятий, чтобы воспрепятствовать объединению номадов, кочевавших на территории монгольских степей. Одним из них было создание сети городских центров в бассейнах рек Керулена и Толы. В течение длительного времени монгольские и российские ученые занимались обследованием и раскопками киданьских городищ в бассейне Толы [Очир, Крадин, Ивлиев и др., 2008; Очир, Энхтур, Эрдэнэболд, 2005]. Там расположена целая серия крупных и мелких городищ. Четыре самые крупные городища: Харбухын балгас, Чинтолгой балгас, Улан хэрэм и Хэрмэн дэнж – расположены почти по одной линии, которую зрительно можно провести, если смотреть на карту или снимок из космоса. Как это удалось древним строителям, остается только гадать. Однако с горы Чинтолгой в хорошую погоду можно разглядеть пагоду городища Харбухын балгас. По всей видимости, в каждом городе были построены сигнальные башни и в случае необходимости с помощью огня информация моментально распространялась на всю территорию округа.

В 2004–2008 гг. производились раскопки на территории самого большого городища Чинтолгой балгас, который являлся киданьским административным центром на этой территории – городом Чжэньчжоу. Была собрана эталонная коллекция артефактов городской культуры империи Ляо, получены результаты, свидетельствующие о многоэтничном составе населения города [Ивлиев, 2009; Очир, Крадин, Ивлиев и др., 2008; Kradin, Ivliev, 2008; 2009].

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», 2009–2011 (проект №09-1-П25-03) и гранта РГНФ (проект №09-01-00042е/Г).

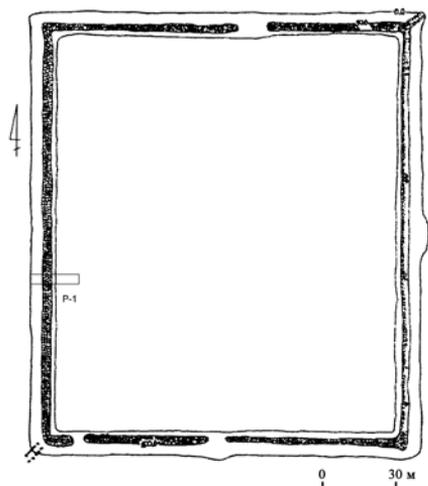

Рис. 1

В 2009 г. российско-монгольской археологической экспедицией были произведены раскопки на городище Эмгэнтийн хэрэм. Памятник расположен в Булганском аймаке, сомоне Дашинчилэн. Это примерно в 200 км к западу от Улан-Батора. Городище расположено в 25 км севернее городища Чинтолгой балгас через горную грядку. Памятник расположен в долине между двумя грядами сопок. Городище относится к числу небольших по своим размерам. Форма городища Эмгэнтийн хэрэм близка к квадрату. Валы ориентированы почти по сторонам света с некоторым отклонением. Величина отклонения по линии Ю–С от нормы 19–20°, по линии З–В – 9–11°. Длина западного вала 305 м, восточного – 312 м, северного – 315 м, южного – 316 м. Общая протяженность

вала 1248 м. Площадь городища 9,6 га. Высота валов от 0,5–0,7 м на восточной стороне до 1–1,5 м на северной и западной сторонах. Ширина вала вверху 3–4 м, у основания – до 15 м. Восточный вал сохранился хуже всего, местами он сильно заплыл (рис. 1).

С восточной стороны в нижней части долины находится русло небольшой реки (фактически ручей, который превращается в сезон дождей в быструю реку). Наш интерес к этому памятнику был вызван тем, что окружающий городище вал был сделан из камня.

Именно этот факт, сближающий технологические особенности возведения городища с дальневосточными градостроительными традициями, привел нас к необходимости исследовать вал более подробно. Другой чертой, сближающей его с бохайскими городищами, являются технологические принципы сооружения ворот. На городище имеется двое ворот, соответственно, с северной и южной сторон. Ворота без каких-либо дополнительных укреплений внешне выглядят как простые разрывы в стенах. Кроме того, на южном валу, около юго-западного угла, есть понижение, которое первоначально интерпретировалось как еще одни ворота.

Место раскопок было выбрано на западном валу, который сохранился лучше всего. Раскоп находился в 121 м от юго-западного угла городища и в 182 м от северо-западного угла. Раскоп представлял собой перпендикулярную валу траншею размером 25x2 м. По этой причине траншея была ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ с отклонением от линии З–В примерно на 19–20°. Общая площадь раскопа 50 кв. м.

Описание раскопа

Раскоп был разбит на сектора 2x2 м и квадраты 1x1 м. Нумерация секторов была дана по линии З–В от 1 до 12 (последний 12-й сектор 3x2 м). Нумерация – по линии Ю–С буквами (соответственно А и В) и по линии З–В цифрами от 1 до 25. С внешней стороны вала (сектора 1–2, кв. А/В1–4) нет никаких нарушений дневной поверхности. В секторе 3 (кв. А/В5) видны торчащие из-под земли камни – край каменной насыпи. Квадраты А/В-6 заполнены камнями различной величины. Это внешняя каменная стенка вала. Сектор 4 (кв. А/В7–8) – собственно вершина вала. Никаких выделяющихся из земли камней здесь не отмечено. Далее в кв. А/В9 фиксируется внутренняя каменная кладка. Там уже идет понижение вала, который заканчивается в секторе 8 (кв. А/В16). На данном

пространстве фиксируются отдельные торчащие из-под земли камни, количество которых уменьшается в направлении к внутренней подошве вала. В кв. А/В17, 22–25 ничего нет. В кв. А/В18–19 фиксируется скопление камней, выходящее за пределы северного борта раскопа. В кв. А/В20, 22 зафиксированы отдельные камни. Никаких нарушений почвы на поверхности раскопа нет.

В процессе снятия дерна и первого пласта толщиной 20 см в кв. А-25 найдены железный стержень и кусок железа (возможно, фрагмент котла). Во внутренней части городища встречены фрагменты керамики и кости. В кв. В-16 найден один фрагмент керамики с так называемым уйгурским орнаментом.

После снятия дерна и первого пласта с внешней стороны вала в кв. А4–5, В5 зафиксировано скопление камней. В этой части раскопа цвет заполнения светло-коричневый. Находок нет. Пространство между внешней и внутренней стенками вала заполнено плотным суглинком светло-желтого цвета. В кв. А-7 зафиксировано пятно мешаного грунта, следы от норы. С внутренней стороны следов никаких конструкций не выявлено. В кв. А/В10, 13–14 были зафиксированы отдельные камни. По всей видимости, это камни, свалившиеся с вала. Наибольшая концентрация керамики и костей прослеживается в секторах 11–12. В кв. В17 найден фрагмент сильно коррозированного чугунного изделия.

В процессе снятия второго пласта произошло изменение цвета заполнения. Ниже коричневого слоя находился плотный белесый слой. После зачистки в кв. А/В1–3 зафиксированы камни, свалившиеся с вала. Цвет заполнения темно-коричневый с вкраплениями светло-коричневого и белесого цветов. Зачищена внешняя кладка камней, она была сложена в один-два камня. При разборе третьего пласта в секторе найдена чугунная гирька с ушком для подвешивания веревки. В секторе 3 обнаружены обломок ножки керамического котла и несколько фрагментов керамики. Основные находки (керамика и кости животных) были сосредоточены около вала с внутренней стороны.

После снятия третьего пласта в кв. В 16 была зафиксирована **яма №1**. Ее форма близка к овалу. Длина 105 см, ширина 55 см, глубина 40 см. Цвет заполнения – серый, с рыжими вкраплениями. Находки – большое количество фрагментов керамики, костей и углей. Последние 10 см заполнения – прослойка серого суглинка. Там найдены керамика и дно глазурованного сосуда. Вторая **яма** находилась в кв. А16. Яма уходит в южный борт раскопа. Форма предположительно округлая. Максимальное расстояние от бровки до края ямы 50 см. Предположительный диаметр около 90 см. Глубина 45 см. Цвет заполнения золистый, серый. Находки – керамика, кости. **Яма №3** находилась в кв. А18. Форма овальная, 40x30 см. Глубина – 9 см. Длинная сторона ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Цвет заполнения темно-коричневый. Находки – три фрагмента керамики. **Яма №4** находилась на границе кв. А18–19. Форма округлая, диаметр 40 см. Глубина 10 см. Цвет заполнения коричневый. Находок нет.

После снятия четвертого пласта картина практически не изменилась. При выборке пятого пласта пошел материк – плотная желтовато-коричневая глина. Материал встречался только в трех примыкающих к валу секторах (5–7). При разборке верхних пластов секторов 9/10 было зафиксировано скопление камней, внешне напоминающее могильную кладку овальной формы. По этой причине было решено сделать прирезку размером 3x2 м к квадратам В 18–20 с северной стороны. При зачистке следов могильного пятна не наблюдалось. Была зафиксирована **яма №5**. Яма уходит в северный борт раскопа. Форма предположительно округлая. Размеры 85x50 см. Заполнение – коричневый сугли-

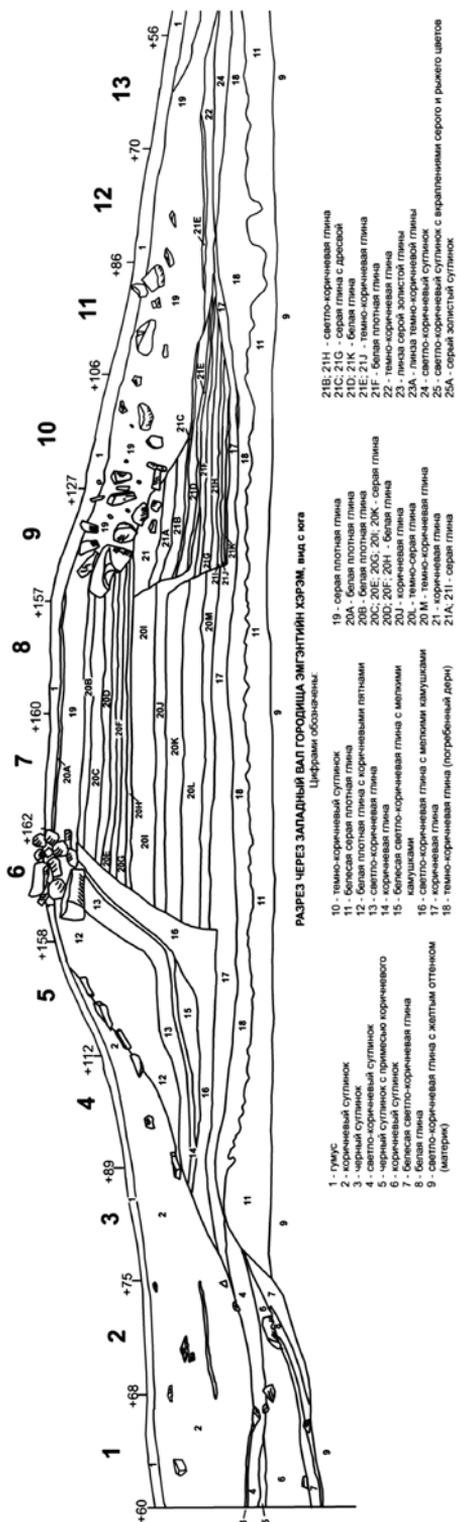

Рис. 2

нок. Глубина – 20 см. В яме был найден обломок базальтового жернова очень плохой сохранности.

При изучении стратиграфии раскопа выяснено, что вал был сооружен так называемым методом *ханту* – набивкой земли слоями. Кроме того, вал был оконтурен снаружи и изнутри каменными кладками (рис. 2). Техника *ханту* была известна китайцам с глубокой древности. В Монголии она применялась при возведении столицы Уйгурского каганата – г. Карабалгасуна и киданьского города Хэрмэн дэнж. Она также типична для чжурчжэньских памятников Приморья XII–XIII вв. (Южно-Уссурийское, Красноярское, Новопокровское и другие городища). Для средневековых памятников Приморья более раннего времени были характерны другие строительные приемы: кладка из необработанного камня (Синельниково, Известковая сопка, Смоляниновское, Стоговая сопка, Ауровское и др.), каменная насыпь (Ауровка, Ключи, Крепостной ключ, Тигровое), каменная «рубашка» (Краскино, Стеглянуха, Кокшаровка и др.), кладка из каменных блоков (Краскино, Горбатка). Каменные кладки прослежены и в валах Верхней столицы Бохая – городище Дунцинчэн в уезде Нинъань провинции Хэйлуонцзян КНР [Ивлиев, Болдин, Никитин, 1998; Крадин, Никитин, 2003].

Тем самым вал городища Эмгэнтaiyn хэрэм несколько отличается от приморской традиции. Здесь имеется сочетание метода *ханту* и использование камня для обкладки вала.

Описание материалов

В процессе раскопок были обнаружены большое число керамики, изделия из глины, железа, фаунистические остатки. Керамика представляет собой наиболее массовый материал. Вся керамика изготовлена на гончарном круге. Большинство сосудов сделано из серой мелкозернистой глины с примесью мелких частиц кам-

ня, часто белого цвета. Специфическими особенностями киданьской керамики, наблюдаемыми и на этом памятнике, являются вогнутые днища сосудов и наличие на стенках, преимущественно в нижней части тулова, нанесенного роликовым штампом орнамента в виде рядов клиновидных или прямоугольных насечек, так называемого гребенчатого орнамента. В то же время на данном городище в керамике проявляются и некоторые особенности, связанные с присутствием некиданьского культурно-этнического компонента. Это наличие на сосудах горизонтальных ленточных ручек, характерных для бохайской керамики, и так называемого уйгурского орнамента в виде оттисков штампа с рисунком из концентрических дуг и ромбов. Раскопки городища Чинтолгой балгас в 2004–2008 гг. показали, что такой «уйгурский» орнамент бытовал здесь и в лясское время, о чем свидетельствовали сосуды типично киданьских форм с таким орнаментом и сочетание киданьского «гребенчатого штампа» с «уйгурским» орнаментом на одном сосуде. На городище Эмгэнтйин хэрэм в ходе раскопок также был найден фрагмент сосуда с сочетанием «гребенчатого» орнамента с «уйгурским». Полагаем, что этот орнамент здесь является отражением смешения культур разных этносов на памятнике. В данном кратком сообщении остановимся на некоторых наиболее полно реконструируемых сосудах и специфических деталях керамики.

Корчаги. Фрагмент придонной части корчаги найден на уровне третьего пласта в секторе 6. Сосуд имел серый черепок с примесью частиц белого камня. Поверхности темно-серые. Начиная от дна сосуд покрыт горизонтальными полосами накатанного роликом «гребенчатого» орнамента шириной 2 см. У самого дна в стенке по сырой глине сделано характерное для таких лясских корчаг отверстие диаметром 1,6 см.

Фрагменты **вазовидных сосудов** представлены венчиками и частью шейки, переходящей в плечики. Один из венчиков из второго пласта сектора 8 представляет собой отогнутый наружу и утолщенный верхний край цилиндрической шейки. Снаружи на шейку лощением нанесен орнамент в виде вертикального зигзага. Черепок внутри серый, поверхности темные, почти черные. Венчик вазовидного сосуда из четвертого пласта в секторе 5 представляет собой округлый выступающий наружу валик на верхнем краю расширяющейся кверху горловины. Его верхняя часть покрыта горизонтальным лощением. Диаметр венчика 15,6 см. Другой вариант декора на шейке вазовидного сосуда из 5–6 пластов в секторе 1 – частые лощеные вертикальные полосы. Крупный фрагмент шейки и плечиков вазовидного сосуда из ямы №1 в кв. В16 имеет покрытую горизонтальным лощением цилиндрическую шейку с цепочкой треугольных вдавлений на середине ее высоты. На плечиках сразу от шейки имеется широкая полоса накатанного роликом гребенчатого штампа. Ниже она отделяется от следующей полосы гребенчатого штампа полосой горизонтального лощения шириной 3,8 см. Черепок сосуда темно-серый, почти черный с очень мелкой крошкой белого камня.

Фрагменты емкостей, подобных **ведрам или бадьям**, с вертикальными стенками и резко отогнутым наружу и вниз утолщенным краем венчика составляют значительную часть всей массы керамики, которая найдена на городище Эмгэнтйин хэрэм. Обращенная вверх поверхность венчика покрыта сплошным горизонтальным лощением. Ниже венчика на стенках (снаружи) имеются широкие горизонтальные полосы «гребенчатого» орнамента, в одном случае отмечен горизонтальный валик с треугольными насечками. В отличие от тазов, такие емкости не имели лощеного орнамента на внутренней поверхности стенок и дне. Диаметры их венчиков варьируют от 22 до 44 см. Фактически это тарные

сосуды для хранения. По материалам других памятников, в частности Чинтолгой балгаса, известно, что у киданей были и собственно тазы с более пологими стенками и лощеным орнаментом на внутренней поверхности. Два таких фрагмента с орнаментом из изогнутых лощеных линий на внутренней поверхности встречены и в раскопе на городище Эмгэнтийн хэрэм.

Найдено семь фрагментов венчиков **кухонных горшков «киданьско-го типа»** – слабопрофилированных сосудов, форма которых варьирует от горшков с четко выделенными туловом, шейкой и устьем до почти баночных цилиндрической формы сосудов. Мы называем их так в связи с тем, что они являются характерным компонентом общего набора посуды в культуре киданей. Все они, как правило, имеют следы нагара на стенках. Керамическое тесто кухонных горшков содержит большое количество примеси песка и имеет черный, красный или бурый цвет – свидетельство обжига в окислительной среде. Венчики таких сосудов имеют утолщение по верхней кромке, их наружная поверхность, а также верхняя грань венчика часто покрыты оттисками «гребенчатого» орнамента. Все фрагменты (за исключением одного) относятся к довольно толстостенным сосудам. От обычных горшков «киданьского типа» они отличаются отсутствием ярко выраженных валиков на наружной стенке под венчиком. Один сосуд с диаметром венчика около 13 см отличается тонкими стенками толщиной всего 0,35–0,55 см, валик на его наружной стенке сразу под венчиком сделан выдавливанием из стенки – на внутренней стенке в этом месте есть желобок.

К горшкам «киданьского типа» очень близки по составу теста многочисленные фрагменты **глиняных котлов**, являющихся копиями аналогичных чугуновых изделий (рис. 3).

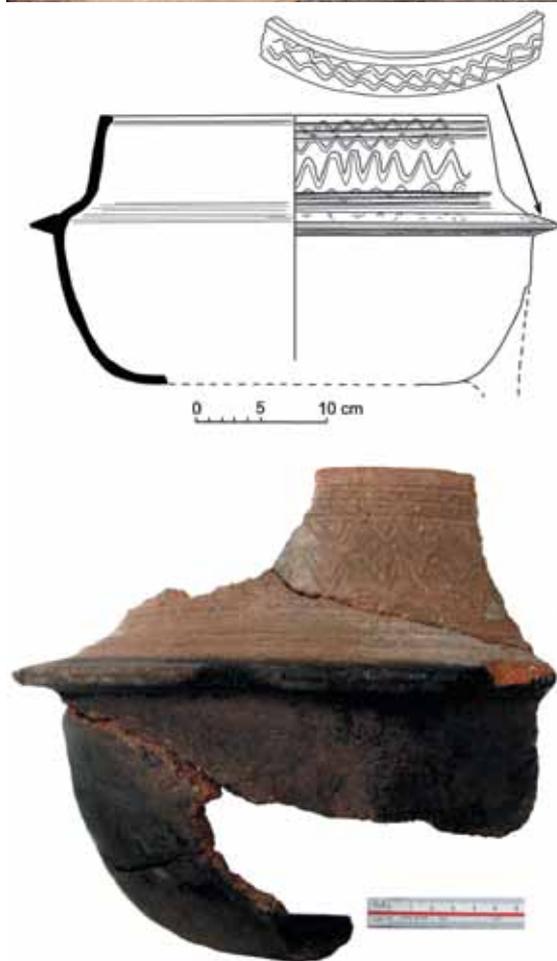

Рис. 3

Они имеют вертикальное, украшенное горизонтальными бороздами устье с обращенным внутрь к центру сосуда краем венчика, широкое горизонтальное кольцо на тулове и прикрепленные к нижней части тулова сужающиеся книзу ножки. На внутренней поверхности заметны следы обработки на гончарном круге. Среди найденных в раскопе фрагментов котлов есть венчики, ножки и часть горизонтального кольца. Наиболее хорошо сохранились 2 экз. Один из них был найден в ходе сбора подъемного материала в районе северного вала городища. Тесто этого котла варьирует по цвету от ярко-красно-бурого до черного в сердцевине ножки. В глине есть примесь каменной крошки размерами 1–1,5 мм, отдельные частицы камня достигают длины 5 мм. Наружная поверхность котла бурая со следами копоти, внутренняя поверхность черная. Идущее по экватору тулова котла горизонтальное кольцо имеет ширину 3 см. Выше кольца стенки не сохранились. Сохранилась одна из трех ножек. Диаметр котла по кольцу 36,6 см. У второго экземпляра, найденного на уровне пятого пласта в секторе 5, сохранилась значительная часть тулова от венчика до дна. Глиняное тесто этого сосуда аналогично описанному выше экземпляру. Сразу над горизонтальным кольцом сосуд имеет покатые плечики, переходящие в вертикальные, слегка сходящиеся кверху стенки устья. Дно плоское, плавно переходящее в стенки. На внешней поверхности и отчасти на кольце есть копоть и слой нагара. На нижней части тулова сохранился след крепления одной из трех ножек. Этот экземпляр котла отличается необычным декором в виде волнистых прочерченных линий. Две такие линии есть на верхней плоскости горизонтального кольца и три – на наружной поверхности вертикальной стенки устья. При этом характерный для таких котлов гофр на поверхности устья нанесен в виде трех горизонтальных борозд поверх волнистого орнамента у края венчика и возле плечиков. Диаметр котла по кольцу – 40,4 см.

Глазурованная посуда представлена двумя фрагментами. Один из них – часть дна с широким кольцевым поддоном – тонкокаменный черепок бежевого цвета с многочисленными порами и крупными белыми камнями. Сосуд был покрыт прозрачной блестящей глазурью оливкового цвета. Внутренняя поверхность волнистая вследствие «вытягивания» на гончарном круге. Наружная стенка кольцевого поддона и пространство внутри него не имеют глазурного покрытия. Ширина кольца поддона 1 см. Второй фрагмент относится к толстостенному бутылевидному сосуду, покрытому темно-оливковой глазурью. Толщина стенок, также имеющих волнистую поверхность, 2,2 см.

Из **глиняных изделий** в раскопе найдены пряслице и две «фишки». Пряслице выточено из стенки сосуда. Его диаметр 7,1 см. В центре есть просверленное отверстие диаметром 0,7 см.

«Фишки» – кружочки, скорее всего, использовавшиеся в настольных либо расчерченных на земле играх, сделаны довольно грубо из фрагментов стенок глиняных сосудов путем обколки краев с целью придать «фишке» более или менее круглую форму. Диаметры найденных «фишек» – 4,1 и 4,7 см. Такие «фишки» – характерная находка на бохайских памятниках в Приморье, на лясских городищах пока известны только по раскопкам Чинтолгой балагаса.

Из **железных и чугунных изделий** в раскопе были найдены три очень плохой сохранности фрагмента, соответственно, гвоздя, железной пластины и, возможно, плоской с утолщением в районе вертикальной оси ножки котла. Наибольший интерес вызывает находка в секторе 6 на уровне третьего пласта чугунной литой гирьки округлой формы с заостренным нижним концом и петелькой наверху. Высота гирьки 5,5 см, диаметр

Рис. 4

3,5–3,6 см, высота петельки 1,5 см, масса около 150 г. По форме этот предмет напоминает гирьку безмена, но отличается от нее острым нижним концом. Скорее всего, это гирька кистеня (рис. 4).

Заключение

В целом вещевой материал из раскопок городища Эмгэнтэйн хэрэм вполне соответствует материалам раскопок городища Чинтолгой балгас, что свидетельствует о принадлежности и этого памятника к лясской эпохе. Как и на городище Чинтолгой балгас, материалы раскопок также показывают наличие бохайских и уйгурских куль-

турных традиций. В то же время можно отметить и некоторые различия между материалами двух памятников. Здесь они проявились в необычном декоре глиняного котла, в некотором своеобразии оформления кухонных горшков «киданьского типа», преобладании среди керамического материала подобных бадьям тарных сосудов.

Библиографический список

- Ивлиев А.Л. Керамика городища Чинтолгой балгас // От Монголии до Приморья и Сахалина. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. С. 270–308.
- Ивлиев А.Л., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Новые сведения о фортификации бохайских городищ // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 152–156.
- Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г. Некоторые результаты изучения средневековых памятников Уссурийска // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 349–359.
- Очир А., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. и др. Археологические исследования на городище Чинтолгой. Улан-Батор, 2008. 270 с.
- Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Хаар бух балгас ба неек голын сав дахь хятаны уеийн хот, суурингууд. Улаанбаатар, 2005. 214 с.
- Kradin N.N., Ivliev A.L. Deported Nation: the fate of Bohai peoples of Mongolia // *Antiquity*. 2008. Vol. 82. No 316. P. 438–445.
- Kradin N.N., Ivliev A.L. The Downfall of the Bohai state and the ethnic structure of the Kitan city of Chintolgoi balgas, Mongolia // *Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on «Archaeological Research in Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007*. Ed. by J. Bemmman, H. Parzinger, E. Pohl, and D. Tseveendorzh. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology 4, 2009. P. 461–475.

А.В. Харинский, Д. Эрдэнэбаатар

*Иркутский государственный технический университет, Иркутск, Россия;
Улан-Баторский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия*

СЕВЕРНОЕ ПРИХУБСУГУЛЬЕ В НАЧАЛЕ II тыс. н.э.

Введение

Начало II тыс. являлось одним из важнейших периодов в истории народов Центральной Азии и Южной Сибири. В то время происходило активное расселение монголоязычных народов, которое значительно усилилось в результате становления

державы Чингисханом, распространившей свое влияние на огромные пространства Евразии. Вместе с политическим господством монголы внедряли на покоренных территориях и свою культуру. В некоторых районах воспринимались лишь ее отдельные элементы, а где-то она усваивалась полностью. Основным показателем полного замещения культуры стало изменение погребального обряда, которое наблюдалось в XIII–XIV вв. во многих частях Центральной Азии и Южной Сибири, завоеванных монголами. Районом, в котором в то время происходила культурная трансформация, было Прихубсугулье, входящее в настоящее время в Хубсугульский аймак Монголии.

Прихубсугулье включает территорию, расположенную вокруг озера Хубсугул. С севера оно ограничено хребтами Мунку-Сардык и Гурбан-Дабан. Западной границей Прихубсугулья может служить хребет Баян-Зурхийн-Нуру, к западу от которого располагается Дархатская котловина. С юга Прихубсугулье окаймляют горные вершины Агит-Ула, Дзасаг-Ула, Бэрхэмш-Ула и Хурц-Ула. На востоке за границу Прихубсугулья можно принять горные вершины, образующие водораздел рек, текущих в Хубсугул, и рек, впадающих в Ур-Гол.

Протяженность озера Хубсугул с севера на юг составляет 136 км, ширина достигает 20,3 км [Атлас..., 1989, с. 3]. Южное и Северное Прихубсугулье характеризуется широкими степными долинами, окруженными горами. Восточное Прихубсугулье представлено небольшими речными долинами, зажатыми среди поросших хвойным лесом горами. В Западном Прихубсугулье горы вплотную подходят к озеру. Здесь отсутствуют площади, пригодные для выпаса скота.

С 2007 г. в Северном Прихубсугулье, охватывающем участок побережья озера от долины реки Хотны-Гол на западе до долины реки Тойн-Гол на востоке, проводятся совместные исследования Иркутского государственного технического и Улан-Баторского государственного университетов. В ходе археологических разведок выявлено 12 погребальных комплексов с захоронениями начала II тыс. н.э. [Харинский, Ожередов, 2007; Харинский, Эрдэнэбаатор, 2008], на трех из которых к настоящему времени проведены раскопки.

Могильник Ногоон Гозгор-I

Два погребения начала II тыс. н.э. исследованы на могильнике Ногоон Гозгор-I, находящемся на северо-восточном склоне горы с таким же названием, в 1,4 км к северо-западу от моста через реку Хавцал, в 7,2 км к северу от пос. Ханх (рис. 1). Могильник состоит из двух групп каменных кладок, располагающихся на небольших относительно пологих площадках, поросших лиственницами. На верхней площадке находится три, а на нижней – четыре кладки. Кладки могильника вытянуты цепочкой, ориентированной по линии ЮЗЗ–СВВ. Ее длина составляет 90 м. Кладки №1–2 находятся в лесу, который занимает северо-западную часть территории площадок. Кладки №3–7 локализируются у края леса на открытой местности.

Первоначальное название – Цыгыр-I – могильник получил в 1999 г. после проведения первых разведочных работ [Харинский, Наумов, 2000]. Во время расспросов местные пастухи сообщили, что гора, на которой обнаружены захоронения, называется Цыгыр. Вследствие чего это имя и было присвоено археологическим объектам, находившимся по ее склонам. В 2009 г. во время бесед Д. Эрдэнэбаатора с местным населением выяснилось, что в названиях гор, записанных нами в 1999 г., имеются неточности. Гора, на склоне которой находится могильник, называется Ногоон Гозгор

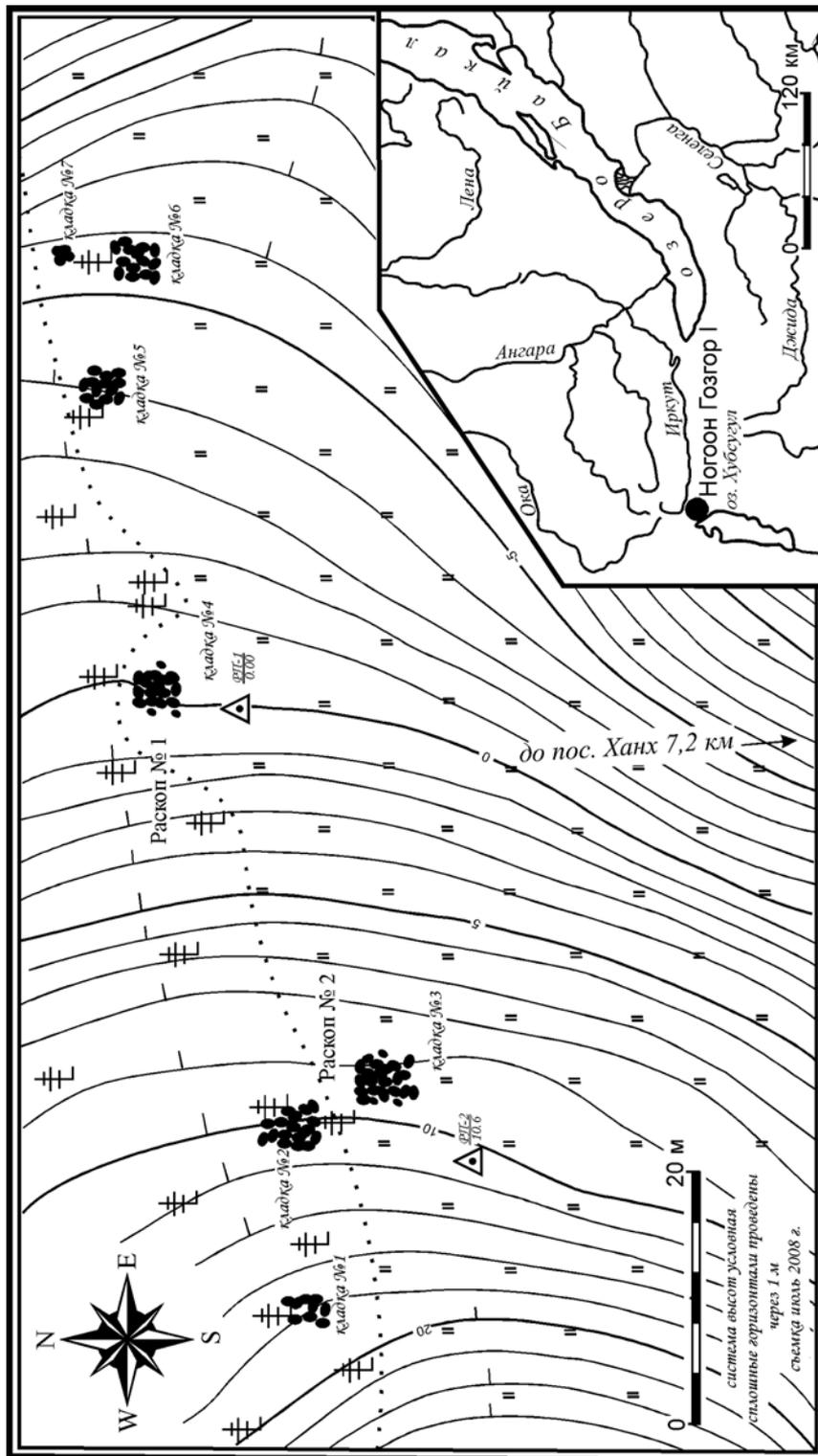

Рис. 1. Ногоон Гозгор-1, план могильника

(Зеленая вершина), а название Цахир (Белая вершина) имеет скала, располагающаяся к югу от нее. Чтобы избежать дальнейшей путаницы, было решено изменить название могильника Цыгыр-I на Ногоон Гозгор-I.

Раскопочные работы начаты на могильнике в 2008 г. Вскрыт комплекс №4 (N – 51° 34'33,1"; E – 100° 38'02,5"), на месте которого заложен раскоп площадью 25 кв. м. В 2009 г. на памятнике исследован комплекс №3 (N – 51° 34'32,7"; E – 100° 38'01,0"), на месте которого заложен раскоп площадью 30 кв. м. Стенки раскопов ориентировались по сторонам света. Площадь раскопов разбивалась на метровые квадраты.

Перед раскопками вскрываемая площадь нивелировалась. Отсчет высот велся от вершины репера №1 (РП-1) или №2 (РП-2) (рис. 1). Превышение репера №2 над №1, являющимся условным «0», составляет 10,6 м. При нивелировочных работах на комплексе №3 вершина РП-2 принималась за «0». Точки, располагавшиеся ниже него, записывались со знаком «-», а выше него – со знаком «+». Отсчет высот велся в сантиметрах.

Комплекс №3. В результате расчистки выяснилось, что каменная кладка имела четырехугольную плоскую форму и размеры 4,6x4,6 м (рис. 2.-1). Длинной осью она была ориентирована по линии Ю–С. Конструкция однослойная, в центре трех-четырёхслойная, преимущественно состояла из горизонтально уложенных камней. Ряд камней располагался наклонно. Размеры камней варьировали от 8x8x4 до 54x60x30 см. Отдельные разрозненные камни располагались на некотором удалении от кладки. Вероятно, они приобрели такое положение в ходе частичного разрушения первоначальной каменной конструкции.

В западной части кладки выявлен участок, свободный от камней. Он имел вид овала размерами 1x1,2 м и был ориентирован по линии Ю–С. Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, это остатки грабительского раскопа. Грабители разобрали участок кладки, расположенный над могильной ямой. Камни с него переброшены преимущественно в восточном направлении, вниз по склону. Во время вскрытия могильной ямы грабители нарушили целостность захоронения. Часть костей была выброшена наружу. Некоторые из них обнаружены при расчистке восточной части кладки. Среди камней найдены человеческие ребра, кость руки и фаланги.

В районе раскопа отмечена следующая стратиграфическая ситуация (разрез по линии «А–В») (рис. 2.-2):

сверху вниз	мощность в метрах
1) дерн	0,04–0,07
2) серая супесь в основании с дрсвой	0,1–0,25
3) бурая супесь с мелкими неокатанными камнями	0,17–0,2
4) скальная крошка с обломочным материалом в желтой супеси	вскрыта до 0,3

Кладка заложена из основания слоя серой супеси. Под ней, на глубине 20 см от современной поверхности земли, зафиксированы контуры могильного пятна овальной формы размерами 0,7x1,7 м, ориентированного по линии Ю–С (рис. 3.-1). Пятно было образовано пепельно-черной супесью, заполнявшей могильную яму. В центре могильного пятна зафиксирован крупный камень размерами 30x45x12 см. Другой камень – вертикально стоящая плита размерами 12x37x2 см – располагался в юго-восточной части пятна. С северо-запада к яме вел грабительский подкоп, заполненный

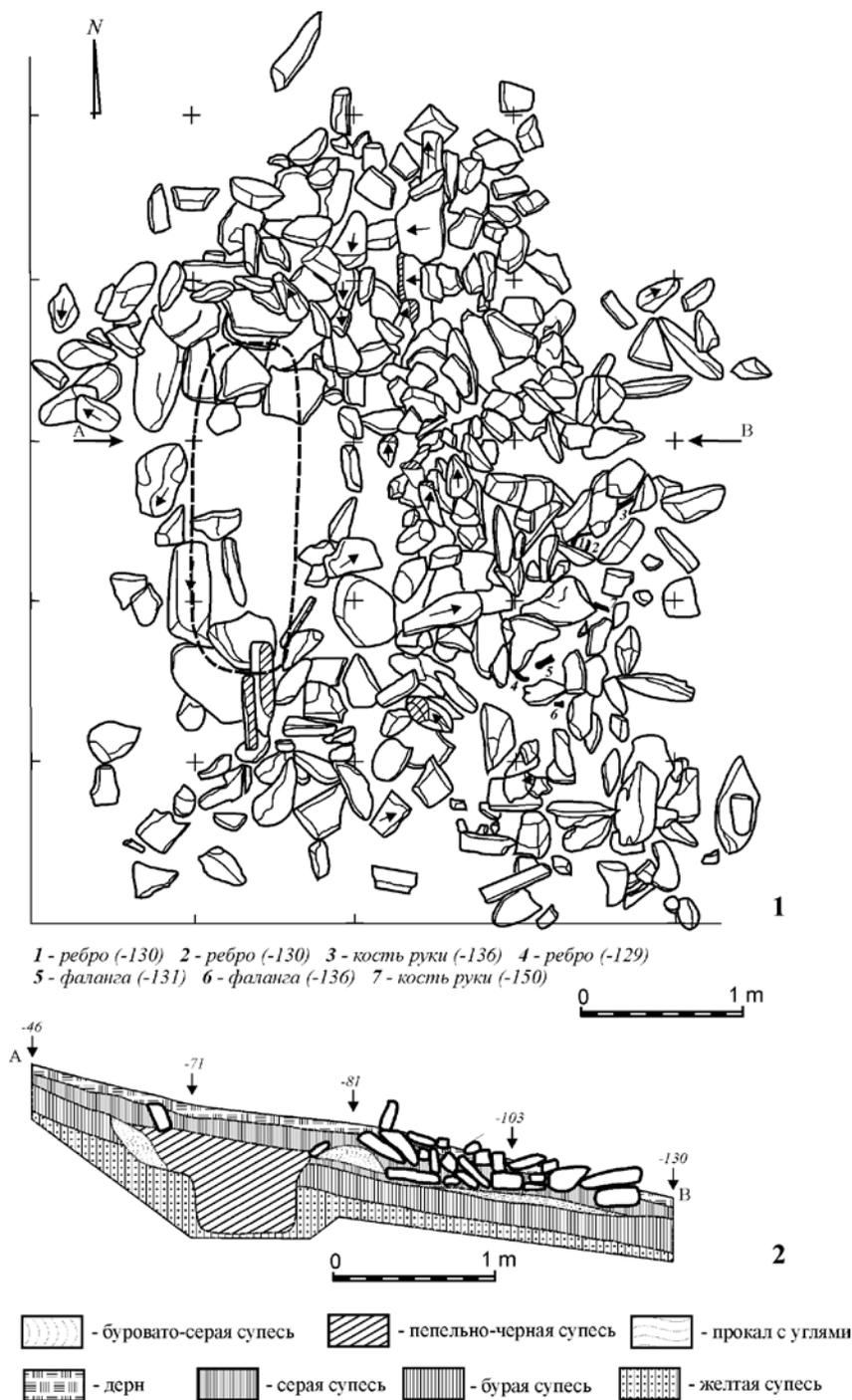

Рис. 2. Ногоон Гозгор-I, комплекс №3:
 1 – кладка после расчистки; 2 – разрез кладки по линии 3–В

пепельно-черной супесью. С южной и восточной сторон к могильной яме примыкало пятно буровато-серой супеси. Скорее всего, это – следы выброса земли из ямы.

К востоку от могильного пятна, под камнями кладки, отмечено пятно прокала с углями. Оно было овальной формы размерами 1,65x1,95 м, вытянуто по линии Ю–С. Мощность пятна достигала 10 см. Не исключено, что пятно возникло при рытье могильной ямы в зимний период. Замерзшую землю необходимо было отогреть с помощью костра, остатки которого по мере прогорания выбрасывались из ямы. К востоку от пятна, под верхним слоем камней, обнаружены человеческие кости, выброшенные грабителями из могилы. Среди них – ребра, ключица, коленная чашечка, лучевая кость, кости стопы. Глубина ямы – 60–75 см. Дно ямы ровное, с небольшим наклоном к югу, стенки прямые. Ко дну ее размеры уменьшались до 0,65x2,05 м. Яма ориентирована длинной осью по азимуту 7°.

В нижней части могильной ямы на глубине 0,64 м от современной поверхности земли встречены кости стопы человека (рис. 3.-2). Они не сохранили анатомического порядка. Большая часть костей фиксировалась в южной части могильной ямы на дне. В северной части ямы найдены лежавшие параллельно друг другу большая берцовая кость, локтевая и лучевая кости человека. К юго-западу от большой берцовой кости обнаружена человеческая лопатка, к юго-западу от которой найдена железная ременная пряжка. Пряжка – овальная с подвижным язычком (рис. 3.-3). Размеры рамки – 5,7x8 см. Ее обод круглый в сечении, диаметром 0,7 см. Язычок прямой и приостренный, овальный в сечении (0,5x0,6 см), длиной 9 см. Петля язычка круглой формы, диаметром 1,3 см.

Комплекс №4. В результате расчистки выяснилось, что кладка комплекса имеет четырехугольную плоскую форму размерами 3x3,3 м (рис. 4.-1). Длинной осью она ориентирована по линии с азимутом 30°. Кладка однослойная, в центре двухслойная, состояла из горизонтально уложенных камней. Четыре камня в восточной части конструкции, два в северной части и один в южной располагались наклонно к центру кладки. Размеры камней варьировали от 8x8x5 до 54x60x35 см. Отдельные разрозненные камни располагались на некотором удалении от кладки. Вероятно, они приобрели такое положение в ходе частичного разрушения первоначальной каменной конструкции.

Стратиграфическая ситуация в районе комплекса №4 существенно не отличалась от стратиграфии в районе комплекса №3 (рис. 4.-3). Кладка заложена из основания слоя серой супеси. Под кладкой, на глубине 20 см от современной поверхности земли, зафиксированы контуры могильной ямы овальной формы размерами 0,8x2,1 м, ориентированной по линии с азимутом 5°. Глубина ямы 70–74 см. Дно ровное, с небольшим наклоном к югу, стенки прямые. Ко дну размеры ямы уменьшались до 0,7x2 м.

Под северной частью кладки, в 34 см к северо-западу от края могильной ямы, обнаружены остатки плоскодонного гладкостенного сосуда (рис. 4.-2). Среднюю часть сосуда восстановить не удалось. Реконструируется только его верх и низ. Диаметр дна 9,5 см. Стенки крепились к нему встык. Диаметр верхней части сосуда 21 см. Устье отсутствует. Венчик округлый, отогнут наружу. По его краю через каждые 3–4 мм идут ромбические вдавления шириной 4 мм. В 1 см ниже края венчика проходит горизонтальный наклепной валик шириной 7 мм. Он рассечен поперечными вдавлениями ромбической формы, треугольными в сечении (такими же, как и на венчике). Верхняя часть сосуда имеет толщину 9 см. Утолщение образовано за счет наклепа с внутренней

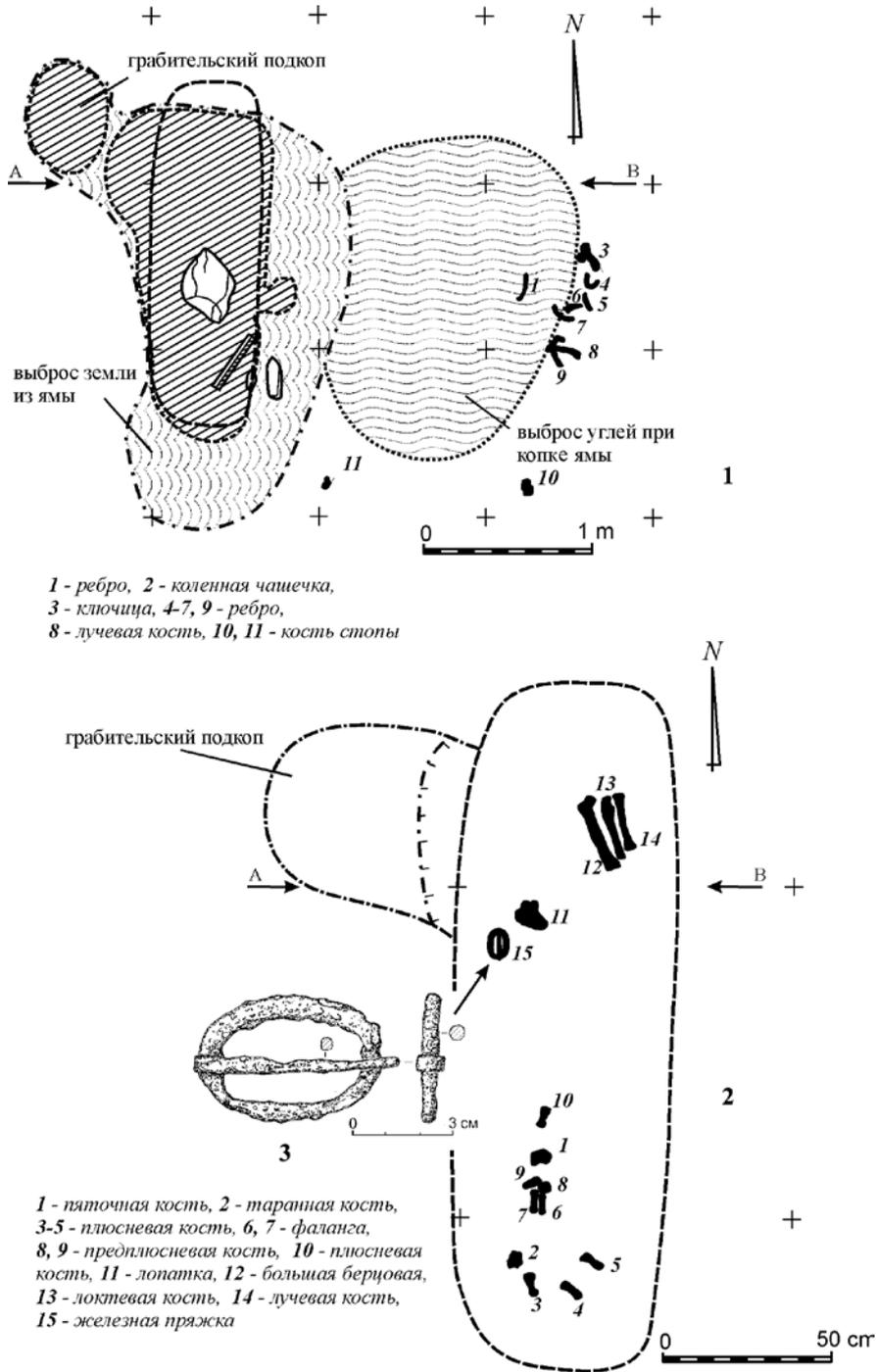

Рис. 3. Ногоон Гозгор-I, комплекс №3, могильная яма:
1 – верхний уровень; 2 – нижний уровень; 3 – железная пряжка

стороны верхней части тулова. Ширина налепа – 3–4,5 см, толщина тулова сосуда – около 3 мм. Толщина дна в центре – 3 мм, к краям – 5 мм.

На дне могильной ямы, на глубине 1 м от современной поверхности земли, обнаружены останки погребенного. Он располагался вытянуто на спине, ступни ног были сомкнуты (рис. 5.-1). Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть располагалась на бедре. Правая рука согнута в локте. Ее кисть находилась в районе паха. Лицо умершего слегка развернуто вправо. Погребенный ориентирован головой по линии с азимутом 7°. Сохранность костей хорошая. Анатомический порядок не нарушен. Костяк принадлежал зрелому мужчине. К северо-западу от черепа погребенного находился установленный на боковую грань камень размерами 3x12x18 см.

На ноги умершего было уложено деревянное седло, не сохранившееся к моменту раскопок. На его наличие указывают остатки древесного тлена, фрагменты костяного седельного канта, железный торок и стремяна. Судя по расположению стремян, седло лежало поперек могильной ямы.

В погребении обнаружено четыре фрагмента костяного седельного канта. Ширина канта – 7 мм, толщина – 2 мм (рис. 7.-5–7). Посредине канта идет продольный паз шириной 3 мм. В пазу имеются отверстия. В них вставлялись железные шпеньки, с помощью которых кант крепился к седлу. Диаметр шляпки шпенька 2 мм. Расстояние между шпеньками различное – от 1 до 4 см. Все канты обломаны. Один из кантов концевой (рис. 7.-6).

Между берцовыми костями погребенного найдена железная петля седельного торока, длиной 5 см. Петля сомкнутая, овальной формы, размерами 3x4 см (рис. 7.-3). Концы петли загибаются в противоположные стороны. Расстояние между ними 5 см. В сечении петля овальной формы размерами 0,7x0,8 см, к концам ее размеры уменьшаются до 0,4x0,6 см.

В захоронении найдено два железных стремяна с дужкой подтреугольной формы. Более крупное из них располагалось над ступнями погребенного, а другое, меньших размеров, – у стенки ямы к западу от правой бедренной кости. Большее (южное) стремя, вероятно, было основным и подвешивалось с левой стороны от седла, а меньшее (северное) – с правой стороны. Исходя из этого можно предположить, что седло было развернуто передней лукой на юго-запад.

В верхней части дужки стремян располагается овальная петля для пуглища. Ее размеры у меньшего стремени 1,1x2,5 см, у большего – 0,7x2,8 см. Подножки не сохранились. Судя по краям, они продольно выгнуты вверх, овальные в плане. Закрайны подножки загнуты вниз. Высота меньшего стремени – 12,5 см, ширина – 13 см (рис. 5.-2); большего стремени – высота 14 см, ширина – 14 см (рис. 5.-3). Толщина дужки в средней части – 4 см.

Между вертикально установленным камнем и черепом погребенного найден железный нож с костяной ручкой. Острием нож направлен на юг. Нож сохранился фрагментарно. Ручка прямая, овальная в поперечном сечении (рис. 7.-4). Ее толщина – 1 см, ширина – 2,2 см, сохранившаяся длина – 11,6 см. Внутри ручки (со стороны лезвия) сделан конический паз для вставления черешка ножа. Его длина – 9,5 см, а ширина в основании – 1,2 см. С одной из сторон внешнего края ножа нанесены три параллельные резные бороздки. Внутри ручки сохранился обломанный черешок ножа. Он приостренный, шириной в основании – 1 см, длиной – около 6,5 см, толщиной – 0,4 см. Между клинком и черешком фиксируются два уступа – лезвийный и обушковый, длиной около 0,7 см. Длина клинка – около 6,8 см, толщина – 0,3 см, ширина в основании – 2,2 см. Заточка односторонняя.

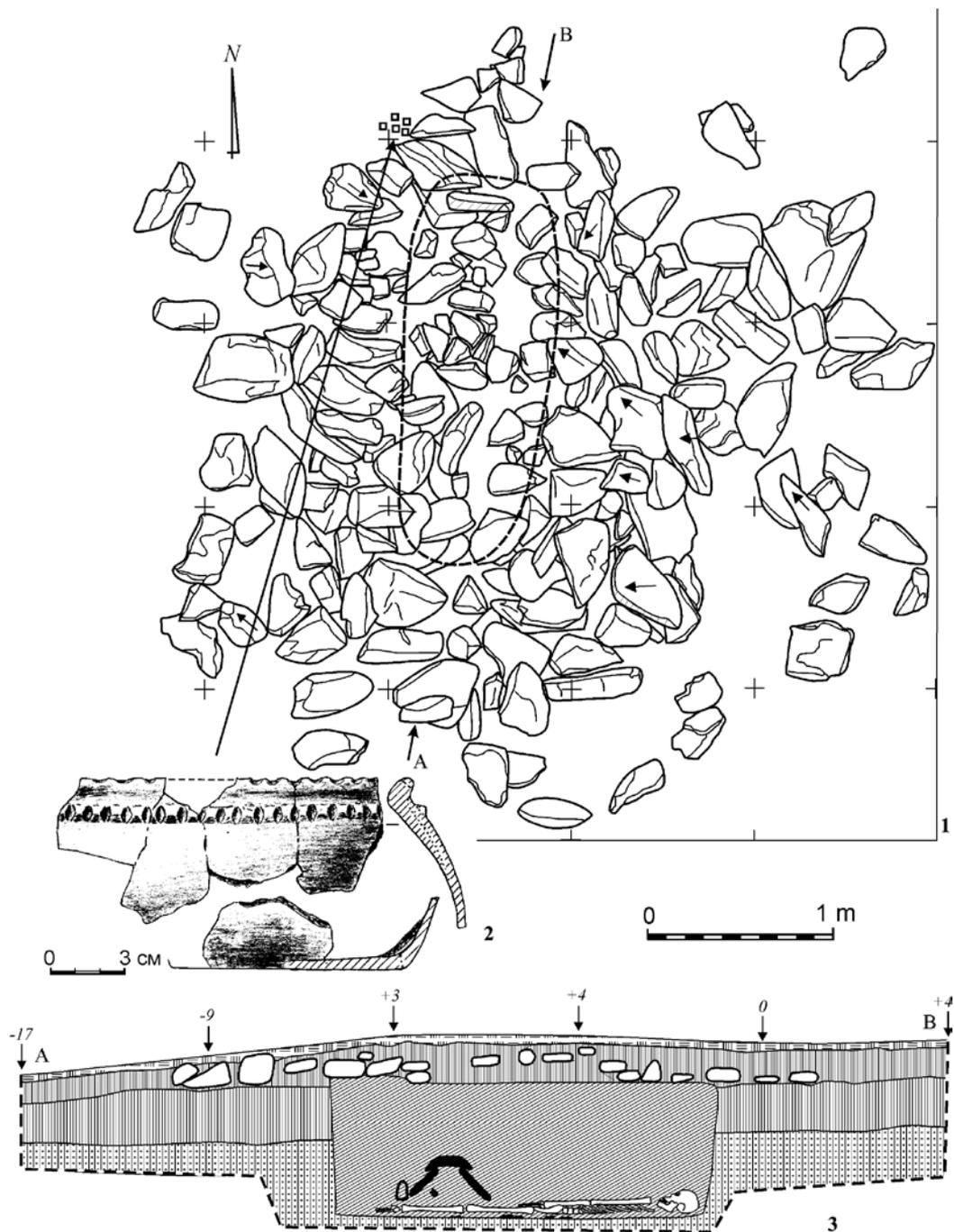

Рис. 4. Ногоон Гозгор-I, комплекс №4: 1 – кладка после расчистки; 2 – керамика; 3 – разрез комплекса по линии А-В

Под левой лопаткой погребенного и верхней частью плечевой кости располагались в анатомическом порядке поясничные позвонки барана (рис. 5.-1). Между левой плечевой костью и стенкой могильной ямы находились кости нижнего отдела ног молодого барана, лежавшие одна на другой. Они включают коленную чашечку, пятку,

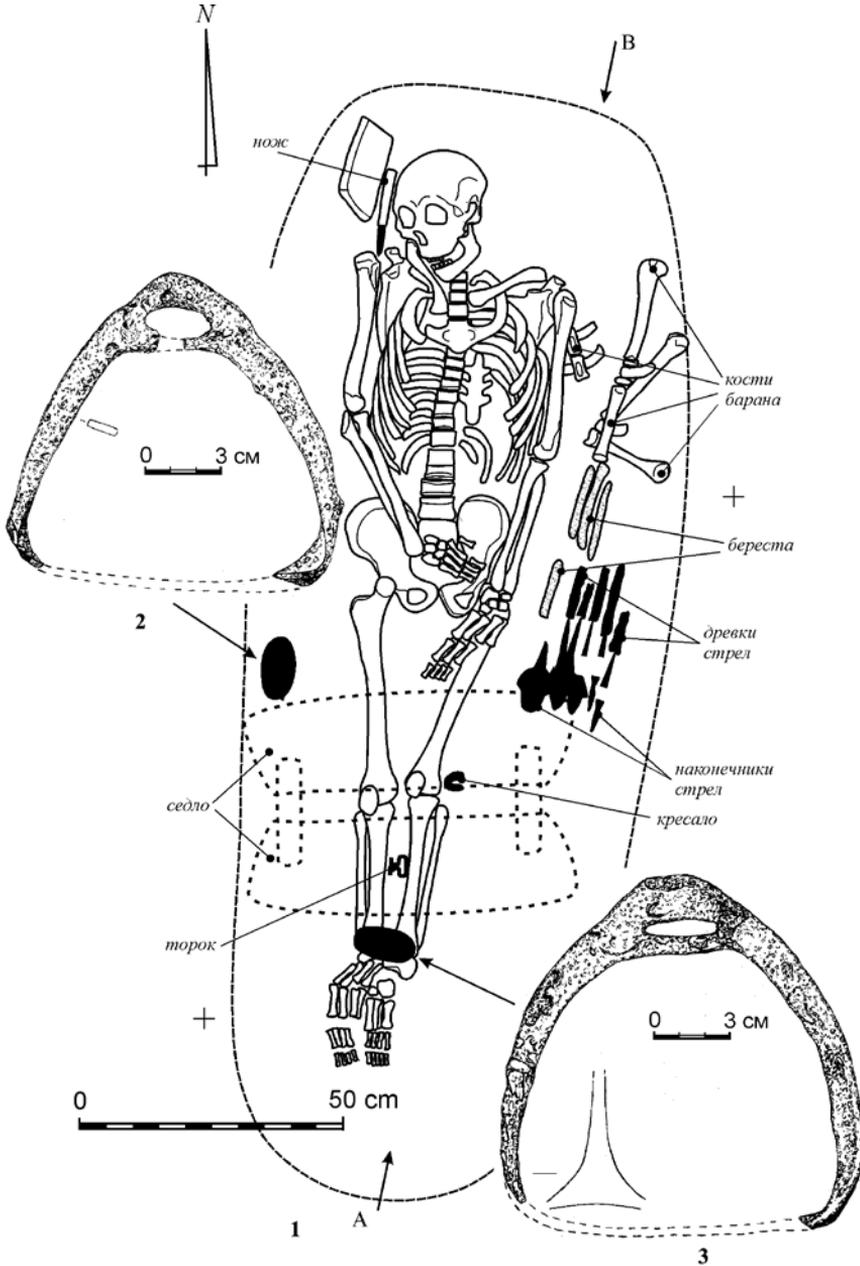

Рис. 5. Ногоон Гозгор-I, комплекс №4:
1 – останки погребенного; 2, 3 – железные стремена

большую берцовую и таранную кости, кости заплюсны и плюсневую кость. У останков ноги, расположенной выше, кости находились в анатомическом порядке. У нижней ноги плюсневая кость была развернута нижним эпифизом к востоку.

Между левой локтевой костью и стенкой могильной ямы обнаружены остатки колчана со стрелами. От него сохранились только отдельные фрагменты бересты. В колчане находились стрелы, уложенные наконечниками вниз. У некоторых из них сохранились фрагменты деревянной части. Всего обнаружено шесть железных плос-

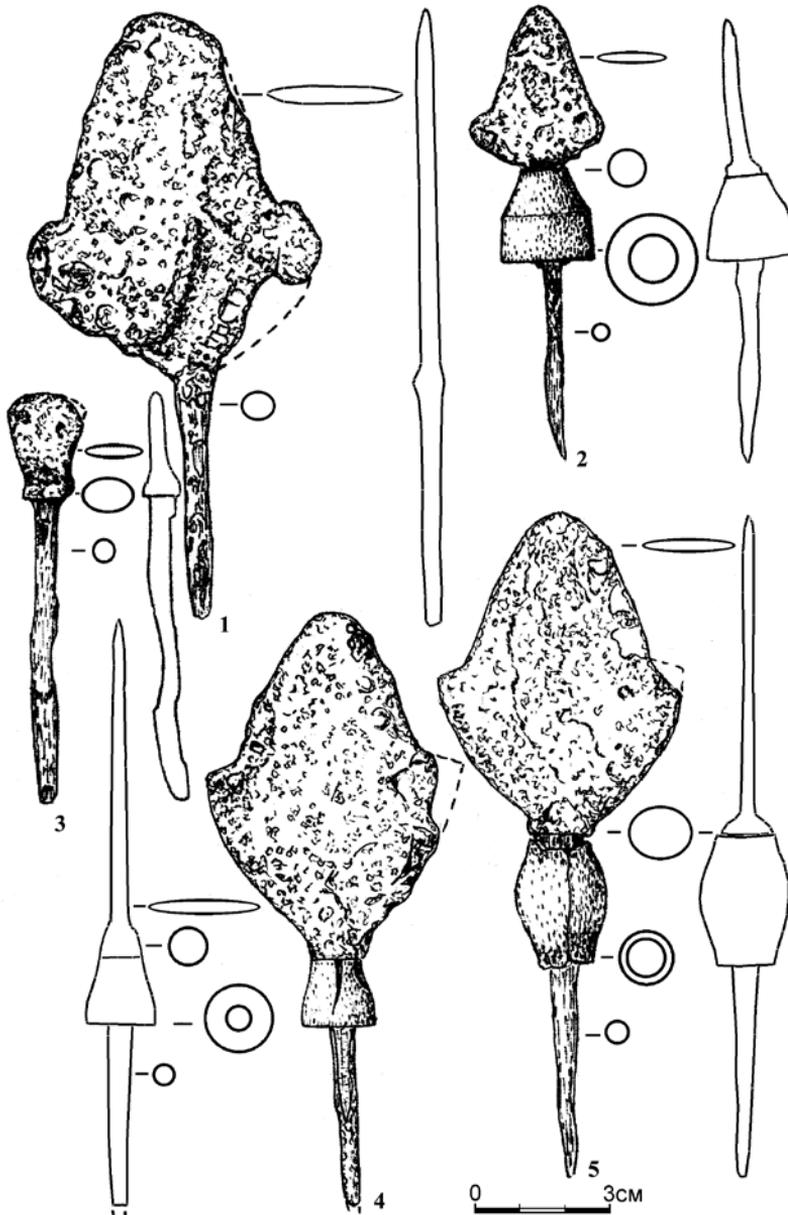

Рис. 6. Ногоон Гозгор-I, комплекс №4, железные наконечники стрел

ких черешковых наконечников, отличающихся пропорциями и размерами пера. Их описание приводится в той последовательности, как они располагались в колчане – с запада на восток.

Овально-крылатый наконечник стрелы длиной 13,6 см (рис. 6.-1). Длина сохранившейся части черешка – 5,7 см. В основании сечение черешка имеет форму овала размерами 6х7 мм. Ближе к острию черешок становится в сечении круглым (диаметр 4 мм). Упор между пером и черешком не прослеживается. Длина пера – 7,9 см, ширина – 6,2 см, толщина – 4 мм. Ширина основания центрального языка – 4,5 см, длина – 5 см.

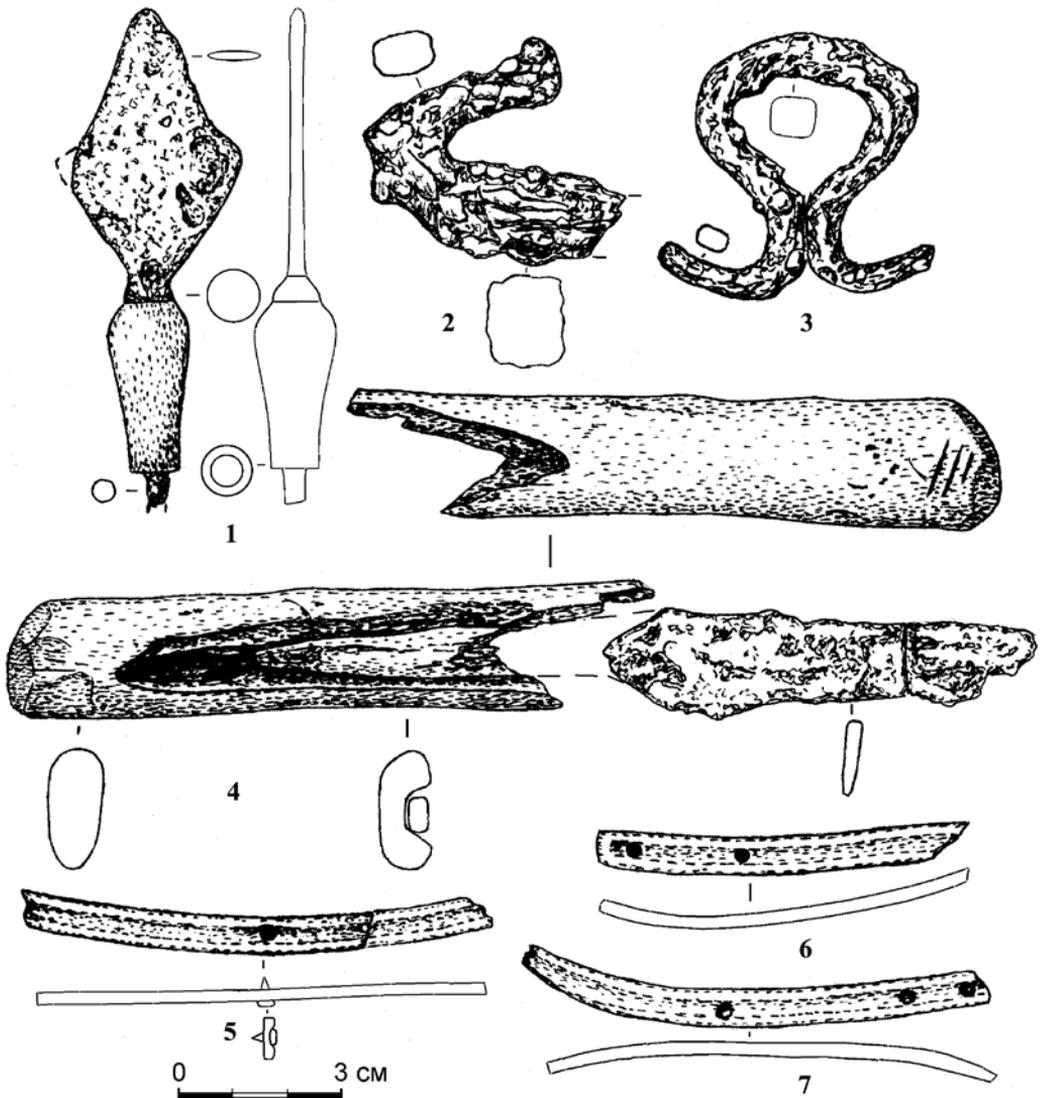

Рис. 7. Ногоон Гозгор-I, комплекс №4: 1 – наконечник стрелы; 2 – кресало; 3 – торок; 4 – нож; 5–7 – седельный кант

Секторный наконечник стрелы имеет длину 9,1 см (рис. 6.-3). Длина сохранившейся части черешка – 6,7 см. Он круглый в сечении, диаметром 5 мм. Между пером и черешком оформлен упор высотой 7 мм. В поперечном сечении упор имеет вид овала размерами 7х11 мм. Длина пера – 1,7 см, ширина – 1,7 см, толщина – 3–4 мм.

Среднеярусный (пламевидный) наконечник стрелы оказался длиной 13,3 см (рис. 6.-4). Длина сохранившейся части черешка – 5,5 см. Он круглый в сечении. Диаметр основания черешка – 6 мм. Между пером и черешком оформлен упор круглой формы высотой 7 мм, диаметром 8 мм. Длина пера – 7,7 см, ширина – 5,7 см, толщина – 3–4 мм. Ширина основания центрального языка – 4 см, длина – 3,4 см. На верхнюю часть черешка одет костяной упор в виде усеченного конуса высотой 1,5 см. Диаметр верхней части костяного упора – 1 см, а нижней части – 1,5 см. Диаметр сквозного отверстия упора составляет 6 мм.

Среднеярусный (пламевидный) наконечник стрелы имеет длину 9 см (рис. 7.-1). Длина сохранившейся части черешка – 3,7 см. Он круглый в сечении, диаметром 3–4 мм. Между пером и черешком оформлен упор овальной формы высотой 4 мм, размерами 5х7 мм. Длина пера – 5 см, ширина – 3,4 см, толщина – 3 мм. Ширина основания центрального языка – 2,2 см, длина – 2,2 см. На верхнюю часть черешка одет костяной упор в виде асимметричного «бочонка» высотой 3,1 см. Диаметр верхней части костяного упора – 1 см, нижней части – 0,9 см. Наибольший диаметр упора – 1,5 см. Диаметр сквозного отверстия упора – 6 мм.

Среднеярусный (пламевидный) наконечник стрелы имеет длину 14,8 см (рис. 6.-5). Длина сохранившейся части черешка – 7,7 см. Он круглый в сечении, диаметром 3–10 мм. Между пером и черешком оформлен упор овальной формы высотой 4 мм, размерами 10х14 мм. Длина пера – 6,5 см, ширина – 5,5 см, толщина – 3 мм. Ширина основания центрального языка – 4 см, длина 4 см. На верхнюю часть черешка одет костяной упор в виде «бочонка» высотой 3 см. Диаметр верхней и нижней частей костяного упора – 1,2 см. Наибольший диаметр упора – 2 см. Диаметр сквозного отверстия упора – 8 мм.

Овально-крылатый наконечник стрелы имеет длину 10,1 см (рис. 6.-2). Длина сохранившейся части черешка – 6,7 см. Он круглый в сечении, диаметром 3–4 мм. Между пером и черешком оформлен упор круглой формы высотой 3 мм, диаметром 8 мм. Длина пера – 3,1 см, ширина – 3 см, толщина – 3–4 мм. Ширина основания центрального языка – 2,2 см, длина – 2,5 см. На верхнюю часть черешка одет костяной упор в виде усеченного конуса высотой 2 см. Диаметр верхней части костяного упора – 1 см, нижней части – 2 см. Диаметр сквозного отверстия упора – 1 см.

Возле коленной чашечки левой ноги погребенного обнаружен обломок железного однолезвийного кресала. Сохранилась только его половина. Кресало полосчатое, язычок на ударном лезвии не фиксируется (рис. 7.-2). Толщина ударного лезвия – 1,5 см, ширина в центре – 1,6 см, ширина с края – 1,4 см. В месте перехода к дужкам ударное лезвие закругляется. Дужки слегка выгнуты наружу. По отношению к ударному лезвию они располагаются под углом 30°. Длина дужек – 4 см. Ширина между дужечного зазора – около 0,3 см. Концы дужек слегка отогнуты наружу. Ширина кресала – 4,3 см.

Дно могильной ямы имело следы прокала, присыпанного сверху углями. Вероятно, перед опусканием в могилу трупа совершался обряд очищения ямы. На ее дне разводили костер, и после того как угли остывали, в нее помещали покойника. Под умершего подстилали кору, фрагменты которой также зафиксированы. Стенки ямы

следов прокала не имели, в заполнении могильной ямы угли отсутствовали. Все это свидетельствует о том, что костер разводился не для разогрева земли в зимний период, а действительно служил для очищения.

Культурно-хронологическая интерпретация

Для датировки могильника Ногоон Гозгор-I определяющее значение имеет набор наконечников стрел, обнаруженных в захоронении №4. Все они плоские (однолопастные), что является характерной чертой комплекса вооружения воинов в большинстве районов Южной Сибири и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Повсеместное распространение плоских наконечников стрел в кочевом мире происходит с начала II тыс. н.э. В ходе широкомасштабных завоеваний монголами была применена тактика массированной стрельбы. Прицельная стрельба по незащищенному панцирем противнику и лошадям привела к появлению разнообразного спектра плоских широколопастных наконечников, оставляющих кровоточащие раны, выводящие неприятеля из строя. Успешное применение монголами плоских стрел способствовало их повсеместному заимствованию кочевниками, вошедшими в состав монгольских государств [Худяков, 1997, с. 124–125].

В захоронении №4 обнаружены три среднеярусных (пламевидных), два овально-крылатых и один секторный наконечники стрел. Первые два типа изделий можно отнести к отделу секторных, так как у них по бокам пера фиксируются выступы – крылья. Отличительная черта среднеярусных (пламевидных) наконечников от верхнеярусных и нижнеярусных плоских наконечников стрел – большая ширина пера и расположение крыльев в его средней части. Овально-крылатые наконечники отличаются от нижнеярусных овальной формой крыльев и большей шириной пера.

На территории Алтая ярусные однолопастные и секторные наконечники стрел встречаются в памятниках одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. н.э.; сrostкинской культуры 2-й половины XI – XII в. н.э.; кыргызской культуры – 2-й половины IX – 1-й половины X в. н.э.; культуры Горного Алтая монгольского времени XIII–XIV вв. н.э.; кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 42–43]. Среди материалов монгольского времени Алтая А.А. Тишкин [2009, с. 192–193] отмечает наличие однолопастных секторных наконечников стрел как на верх-еландинском (XII), так и на усть-бийкенском этапах (XIII–XIV вв.), при этом наконечники, у которых крылья выступают в средней части пера (среднеярусные), как в могильнике Ногоон Гозгор-I, фиксируются только на втором этапе. Позднесредневековыми алтайскими воинами, как и в более ранний период, также преимущественно применялись черешковые наконечники с плоским пером разных форм. Телеутские лучники предпочитали для прицельной стрельбы по незащищенному панцирем противнику секторные, асимметрично-ромбические и овально-крылатые стрелы [Бобров и др., 2010, с. 84].

На западном берегу Байкала среднеярусные (пламевидные) наконечники стрел появляются с XIII в., а овально-крылатые наконечники стрел – с середины XIV – начала XV в. [Харинский, 2001, с. 140]. Представительный набор среднеярусных наконечников стрел зафиксирован в монгольских погребениях Забайкалья [Ковычев, 1984, рис. 17] и в материалах ундугунской культуры, датирующихся XIII–XIV вв. [Кириллов, 1983; Ковычев, 1984, рис. 18; Худяков, 1997, рис. 97].

Основываясь на морфологических особенностях наконечников стрел, время сооружения захоронения №4 могильника Ногоон Гозгор-I можно определить в пределах XIII–XIV вв. Уточнить эти хронологические рамки поможет радиоуглерод-

ная дата, полученная по костям погребенного – 880 ± 70 л.н. (СОАН-7574). С учетом калибровки возраст захоронения №4 соответствует середине XI – середине XIII в. Взаимное пересечение двух хронологических диапазонов позволяет определить время сооружения погребения 1-й половиной XIII в. Этой дате не противоречат и хронологические рамки бытования других вещей, обнаруженных в захоронении. Схожесть погребальных конструкций захоронений №3 и 4 позволяет их считать синхронными и предварительно датировать могильник XIII в.

Захоронения, раскопанные на могильнике Ногоон Гозгор-I, характеризуются рядом показателей. Надмогильная кладка четырехугольной формы, размерами $3-4,6 \times 3,3-4,6 \times 0,2-0,3$ м, длинной осью ориентирована на С-ССВ. Кладка плоская однослойная, в центре двух-трехслойная, состоит преимущественно из горизонтально уложенных камней. Могильная яма овальной формы размерами $0,7-0,8 \times 1,7-2,1$ м, глубиной 60–75 см. Дно ровное, с небольшим наклоном к югу, стенки прямые. Погребенный располагался вытянуто на спине, головой на север. Перечисленные особенности не позволяют соотнести захоронения Ногоон Гозгор-I с монгольским погребальным обрядом, который в XIII в. распространился во многих районах Центральной Азии.

Характерными чертами монгольских погребений XIII–XIV вв. являются небольшие каменные выкладки округлой формы, перекрывающие могильные ямы. Умершие располагались, как правило, на спине, в вытянутом положении, головой на север – северо-восток. В изголовье у них в качестве обязательного атрибута присутствовала кость ноги барана, которая, судя по всему, играла роль сулдэ-вместилища души умершего. В этот период в могилах особенно часто начинают встречаться различные деревянные конструкции: гробы, дощатые рамы, перекрытые сверху крышками, сосновые колоды [Ковычев, 1984, с. 50].

Отличие погребального обряда могильника Ногоон Гозгор-I от монгольских захоронений позволяет предположить, что он оставлен группой населения, проживавшего на берегах Хубсугула в период монгольских завоеваний. Вероятно, территорией ее расселения было Прихубсугулье, потому что погребальная практика, подобная ногоон-гозгорской, в соседних районах Сибири и Центральной Азии в это время не зафиксирована.

Выводы

Исследованные на могильнике Ногоон Гозгор-I захоронения по ряду показателей отличаются от монгольских погребений. Их надмогильная кладка имеет четырехугольную форму, а не круглую или овальную, как у монгольских захоронений. В погребениях отсутствуют деревянные внутримогильные конструкции, характерные для монгольских захоронений. Сосуд, найденный под кладкой погребения №4, не имеет аналогов среди монгольской керамики. Набор остального инвентаря – стремена, нож, кресало, наконечники стрел, пряжка – имеет широкие аналогии среди материалов начала II тыс. Южной Сибири и Центральной Азии и не отличается от изделий из монгольских захоронений.

Выявленные особенности указывают на то, что население Северного Прихубсугулья в начале II тыс. следовало в русле тех культурно-технологических тенденций, которые существовали в то время в регионе. В среде кочевников-скотоводов они прежде всего выражались в изменениях, происходивших в области вооружения и конского снаряжения. Артефакты, относящиеся к этим категориям инвентаря, в исследованных захоронениях идентичны подобным находкам из других частей региона. Однако наряду с общими культурно-историческими тенденциями, фиксируемыми в Центральной Азии, население Северного Прихубсугулья обладало и определенными особенностями.

ностями. Погребальный обряд, выявленный в ходе раскопок на могильнике Ногоон Гозгора-I, не находит близких аналогий в соседних районах. Поэтому предварительно можно говорить о культурных особенностях населения Прихубсугулья, выраженных в погребальной практике и керамическом производстве. Насколько они устойчивы, в настоящее время судить сложно из-за малого количества исследованных захоронений. Но уже сейчас с уверенностью можно утверждать, что культурные изменения, протекавшие в Центральной Азии в начале II тыс., проявились в Северном Прихубсугулье с некоторым запозданием. Возможно, это связано с противодействием жителей района распространению имперского культурного влияния, проявившегося в том числе и в выработке схожей погребальной практики. С другой стороны, это запаздывание можно объяснить малопривлекательностью Прихубсугулья для новых кочевых элит, что обусловлено особенностями его географического положения – высокогорьем, более суровыми климатическими условиями, чем в соседних районах.

Библиографический список

- Атлас озера Хубсугул. Монгольская народная республика. М., 1989. 118 с.
- Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднем средневековье и новое время: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983. С. 123–138.
- Ковычев Е.В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н.э.): учеб. пособие. Иркутск, 1984. 81 с.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: Б.и., 2001. 238 с.
- Харинский А.В., Наумов И.В. Этноархеологические исследования на северном побережье озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 151–153.
- Харинский А.В., Ожередов Ю.И. Археолого-этнографические исследования побережья озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006. С. 282–285.
- Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Погребальный обряд населения Юго-Восточного Присаянья в монгольское время // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 178–181.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА УСТЬ-МАШИНКА-3 (Рудный Алтай)

Река Машинка имеет длину около 7 км. Она протекает по достаточно широкой выработанной древней долине практически с севера на юг. Формирование долины Машинки связано с позднечетвертичным понижением базиса эрозии р. Корболихи, повлекшим за собой активное врезание водотоков в свои долины. Этот процесс привел к активному разрушению рыхлых чехлов, слагающих борта рек. Данный процесс продолжается и сейчас, что приводит к современному врезанию речек в собственную пойму. Машинка выработала современное ложе глубиной до 2 м, ее мелкие притоки также образуют приречные овраги и активно выносят рыхлые отложения из «боковых» по отношению к Машинке логов и ложков. Кроме природной эрозии, существует активное антропогенное разрушение, так как речка расположена вблизи крупного с. Карамышево и всего в 5 км от г. Змеиногорска. Все более-менее ровные поверхности долины распаханы, в устье долгое время функционирует шахта, осуществляется активный выпас скота. Многовековая хозяйственная деятельность (прежде всего добыча и переработка руд) привела к значительному изменению древнего рельефа долины Машинки и затрудняет идентификацию некоторых объектов [Кунгуров, 2001б; 2002].

Стоянка Усть-Машинка-3 расположена в 1,2 км северо-восточнее устья Машинки в распадке левого борта ее долины. Напротив памятника (200 м к северо-западу) расположена площадка для механизированной дойки коров с. Карамышево, к которой идет дорога с щебеночным покрытием от моста через Корболиху. Вблизи площадки дорога разветвляется и далее на водораздел проходит грунтовка на поля. Стоянкой занят пологий мысовидный лёссовый шлейф северного склона 60-метрового скального массива, разделяющего долины Корболихи и Машинки. Высота этого шлейфа от 15 до 35 м от уровня поймы Корболихи. В распадке находятся истоки небольшого ручья, левого притока Машинки (рис. 1.-1).

Стоянкой занят практически весь мысовидный шлейф: от тылового шва, где он примыкает к скальному склону, до выположенного дна распадка. С запада и востока стоянка ограничена логами, врезанными в скальный массив. Вся поверхность памятника распахана, находки собраны в пашне, колеях дороги и небольших размывах склона. Видимо, при формировании рельефа происходил смыв рыхлой толщи вниз по склону и это привело к частичному переотложению артефактов. Перед началом аварийных раскопок стоянки Усть-Машинка-3 вдоль кромки мыса было заложено три шурфа размерами 2x1 м для выяснения стратиграфической ситуации на пониженном участке мыса (уровень сбора подъемного материала на пашне). Выводы, которые можно сделать из материалов, полученных в результате шурфовки западного края мыса, следующие (рис. 1.-2):

1. Культурный слой залегает ниже прослеженной лёссовой позднесартанской пачки, так как характер материалов из сборов свидетельствует об их мустьерском времени.

2. Наличие разрозненных артефактов в гумусовом горизонте в нижней части мыса и кровле лёссового горизонта в средней его части свидетельствует о проецировании каменных изделий при разрушении мустьерского культурного слоя в сартанскую эпоху.

3. Отсутствие находок в верхнем шурфе №3 свидетельствует о расположении культурного слоя или его остатков на этом участке мыса.

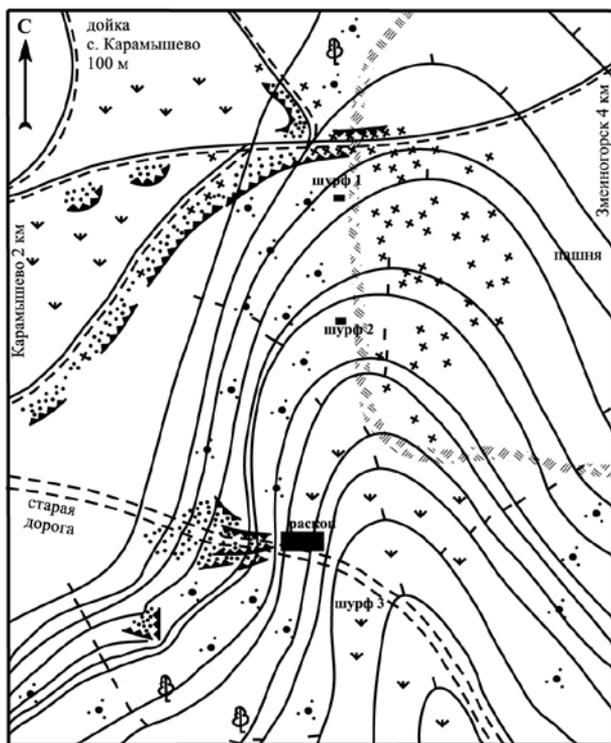
Дополнительным фактом, позволившим окончательно выбрать место раскопа, явились находки каменных изделий в осыпях юго-западного склона мыса, которые могли происходить только из разрушений старой дороги.

Раскоп, состоящий из трех квадратов размерами 4x4 м, был заложен в месте выхода старой дороги со склона на поверхность мыса (тыловой шов мыса).

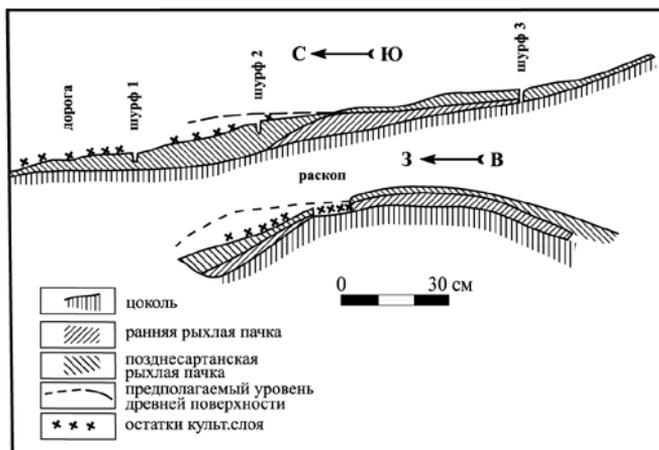
Стратиграфия (рис. 2)

Стратиграфическое описание дается совокупно по восточной и южной стенкам раскопа, как наиболее показательным (максимально высоким). Особенности взаимоотношений различных литологических горизонтов, фиксирующихся в разрезе, характеризуются отдельно в каждом разделе стратиграфического описания [Кунгуров, Раднер, 2002].

1. 0,04–0,05 м. Дерн, пронизанный корнями трав и кустарника. Изобилует выходами кротовин, отвалами из нор, образующими кочковатую неровную поверхность.

Расположение раскопа и шурфов на стоянке Усть-Машинка-3
0 30 м
сечение горизонталей 2 м

Взаиморасположение ранней и поздней рыхлых толщ на стоянке Усть-Машинка-3

Рис. 1. Стоянка Усть-Машинка-3

2. 0,35–0,4 м. Гумусовый горизонт А. Цвет темно-серый (до черного, более светлый к подошве). Структура комковато-ореховая. Сильно нарушен старыми и новыми кротовинами.

3. 0,4–0,5 м. Гумусовый горизонт Б, переходный от гумусовой пачки к лёссовидному суглинку (4). Кровля нечеткая, определяется прежде всего по цвету. Цвет серый. Подошва неровная, «зубчатая» из-за многочисленных кротовин с заполнением выше- и нижележащих горизонтов. Структура комковато-ореховая.

4. От 0,5 до 1,3–1,4 м. Легкая лёссовидная известковистая желтовато-серая светлая супесь. Структура вертикально-столбчатая пористая. Кровля и подошва неровные, изобилуют выступами и западинами.

5. От 1,3–1,4 до 1,7–1,75 м. Легкая лёссовидная желтовато-серая супесь (темнее 3) с горизонтами оглеения. При высыхании выступает белый известковый налет. Встречаются мелкие камни и щебень коренной породы. Горизонт выклинивается вниз по склону, в то время как предыдущий (3) сохраняет свою мощность. Видимо, между временем генерации слоев 3 и 4 был существенный хронологический промежуток, в ходе которого слой 4 был частично разрушен склоновыми процессами. В центральной части раскопа в этом горизонте найден обломок лопатки бизона, по которому получена радиометрическая дата 17910 ± 265 л.н. (СОАН-4570).

6. От 1,7–1,75 до 2,3 м. Серая лёссовидная легкая песчанистая комковатая супесь, плотная. Встречаются сажистые вмазки. Кровля слоя достаточно ровная, подошва нарушена многочисленными мелкими морозобойными трещинами, шириной от нескольких миллиметров до 2 см и глубиной до 0,4 м. От середины слоя (глубина 2–2,1 м) прослежены более редкие, но мощные морозобойные клинья шириной до 5 см и глубиной до 0,6–0,7 м. Нижняя часть клиньев, имеющих светлое песчанистое заполнение, прихотливо изогнута, наблюдаются перерывы. Это позволяет предположить наличие в начальный период генерации слоя (но уже после криогенных нарушений) соли-

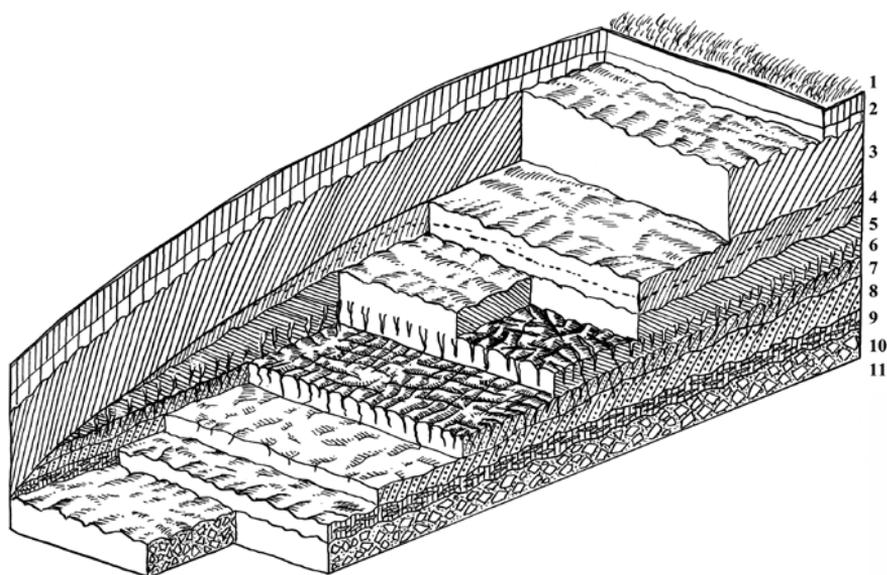

Рис. 2. Стратиграфия стоянки Усть-Машинка-3

флюкционных процессов, сместивших заполнение трещин вниз по склону. Крип почвы перемещал и сминал нижележащий горизонт, разрывая и изгибая морозобойные клинья. Вниз по склону слой выклинивается.

7. От 2,3 до 2,65 м. Бурая лёссовидная средняя супесь комковато-ореховой структуры. Кровля нарушена мерзлотной деформацией и солифлюкцией. В образовании слоя участвовал слабый делювиальный смыв со скальной гряды, о чем свидетельствуют разнокалиберный рваный щебень и неровности цветовой окраски. Встречаются сажистые вмазки, угольные крошки, крупные и мелкие глыбы местной породы, небольшие окатанные гальки. С подошвой слоя связаны находки немногочисленных артефактов: отбойников из удлинённых отдельностей зернистой вязкой породы с забитостями на торцах, крупных и средних сколов, нуклевидного изделия из яшмы зеленовато-салатного цвета.

8. От 2,65 до 3 м. Буроватая лёссовидная средняя супесь крупнокомковатой структуры с более светлыми прослоями (делювиальный смыв), содержащими продукты выветривания коренных пород. Не исключено, что этот горизонт является подошвой предыдущего (6) слоя, отражающего начальный период его накопления. Оба горизонта вниз по склону выклиниваются.

9. От 3 до 3,3 м. Прослой буроватого среднего плотного лёссовидного суглинка комковато-ореховой структуры, линзы белых, желтоватых и серых прослоев коры выветривания, смытых сверху. Не исключено и то, что это разложившиеся глыбы коренной породы. По западной стенке заметно падение линз коры выветривания к югу, т.е. к скальному массиву. Возможно, между изученным участком и скальным массивом находилась микролощина с родником, врезанная в цоколь мыса. Позднее она могла быть сnivelирована рыхлыми отложениями и сейчас не фиксируется.

10. От 3,3 до 3,72 м. Делювиальный бурый слой, перекрывающий цоколь. Представляет собой каменно-щебнистый конгломерат, сцементированный песчано-лессовой известковистой пачкой. Содержит глыбы достаточно крупного размера.

11. Ниже 3,72 м. Цокольное основание мыса.

Изучение стратиграфического разреза позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1. Культурный слой Усть-Машинки-3 образовался в процессе заселения человеком мустьерской эпохи участка северного подножья скальной гряды, выположенного делювиальным смывом. Делювий заполнил неровности цокольной подошвы (слой 9), а в более позднее время образовался 30-сантиметровый рыхлый слой из разложившихся глыб и рыхлых отложений различного генезиса (слой 8). Подобные площадки известны в настоящее время в долине ручья, протекающего севернее мыса. Это достаточно влажные террасовидные образования с густым травостоем, окруженные пойменной кустарниково-древесной растительностью, т.е. имеются источники воды, дров, сырья для постройки простейших укрытий от непогоды.

2. Культурный горизонт, связанный со слоем 6, был перекрыт золовой лёссовидной пачкой, имеющей два уровня криогенных нарушений в подошве и середине толщи. При этом нижний горизонт содержит мелкие разноориентированные трещины, напоминающие поверхность такыра, что свидетельствует о влажности пачки в период относительно незначительного (раннесартанского?) похолодания и следующего за ним потепления, приведшего к солифлюкционным разрушениям кровли слоя 6 – подошвы

слоя 7. Вторая криогенная генерация пачки документирует более сухой и холодный климат, так как трещинами разорваны не только слои 5 и 6, но и 7. В то же время более редкое расположение клиньев свидетельствует о недостаточной влажности.

3. К началу позднесарганского похолодания площадь мыса с памятником не только была перекрыта более чем метровой толщей лёссовидной супеси, но и частично разрушена склоновыми процессами. Именно эти разрушения привели к увеличению угла падения поверхности и размыванию части культурного слоя ниже по склону. На возможное время начала упомянутых процессов указывает дата слоя 4 – 17–18 тыс. лет назад.

4. Позднесарганское похолодание представлено слоем лёссовидной супеси (4) в которой не зафиксированы криогенные нарушения, что свидетельствует о сухом холодном климате.

5. Формирование в конце плейстоцена – начале голоцена современного рельефа, связанное прежде всего с увеличением мощности водотоков, привело к смыву рыхлых отложений в нижней части мыса со стоянкой и «проецированию» более тяжелых фракций, в том числе и артефактов, на поверхность. На среднем участке мыса каменные изделия сохранились в позднесарганском лёссовом горизонте.

В культурном слое памятника найдено относительно немного достоверных артефактов. Тем не менее они достаточно показательны и полностью соответствуют «подъемному» индустриальному комплексу:

1. Отбойник из кв. Д/1 (рис. 3.-4). Представляет собой удлиненный валун прямоугольного сечения с забитостями на торцах. Судя по наличию валунной поверхности, он подобран в аллювии р. Корболихи.

2. Отбойник из кв. В/1 (рис. 3.-3). Изделие аналогичное предыдущему, но более мелких размеров.

3. Отбойник из кв. В/1. Представляет собой небольшой плоский валун синеватого кремненного песчаника, подобранный в аллювии Корболихи. Изделие имеет забитости на одном из торцов.

4. Крупный скол из кв. В,Б/2 (рис. 8.-1). Скол получен с цокольной глыбы давыдовского роговика (видимо, прямо на каменоломне Давыдовка-2 в месте выхода породы на поверхность). Изделие являлось заготовкой, не использованной по какой-то причине, но имеющей серию фасеток обивки.

5. Крупный скол из кв. В/2 (рис. 8.-2). Получен с глыбы цокольного выхода, подстилающего рыхлую толщу мыса (метаморфизированный песчаник).

6. Нуклеус из квадрата В/2 (рис. 3.-2). Изделие небольших размеров со снятием заготовок в радиальной технологии. Сырье – отдельность зеленоватой яшмы, полученной с каменоломни Конский Пруд-2.

7. Нуклевидные изделия из кв. В/2. Изготовлены из кремнистых отдельностей корболихинского аллювия (рис. 5.-2; 4.-3).

8. Мелкий невыразительный отщеп кремнистой породы из квадрата А/4 с признаками леваллуазской технологии расщепления камня.

9. Отбойник или колун (?), изготовленный из глыбы кремненного песчаника в форме рубила с пяткой для упора (рис. 3.-1), из кв. Д/3.

Все немногочисленные предметы происходят с диапазона глубин 255–260 см и достаточно убедительно документируют наличие культурного слоя одновременного и однокультурного материала из сборов с поверхности стоянки. Возможная датировка

памятника, судя по характеру индустрии и стратиграфическим условиям залегания – холодная и влажная фаза ермаковского горизонта верхнего плейстоцена (50–60 тыс. лет назад) [Шуныков, 2001].

Коллекция из «спроецированной» части культурного слоя Усть-Машинки-3 представлена 132 артефактами ярко выраженного леваллуазского облика (рис. 5–7).

Первичное расщепление представлено леваллуазскими, радиальными и подпризматическими нуклеусами, снятиями площадок, фронта скалывания, реберчатыми сколами. Большая часть сколов, заготовок и отщепов также сохраняют признаки первичного расщепления.

Леваллуазские ядрища представлены двумя экземплярами (один расколот). Целый нуклеус имеет крупные размеры, изготовлен из блока синевато-серого роговика. Контрфронт сохраняет поверхность блока, радиально оббит с целью подготовки основного фронта скалывания. После оформления контрфронта была произведена

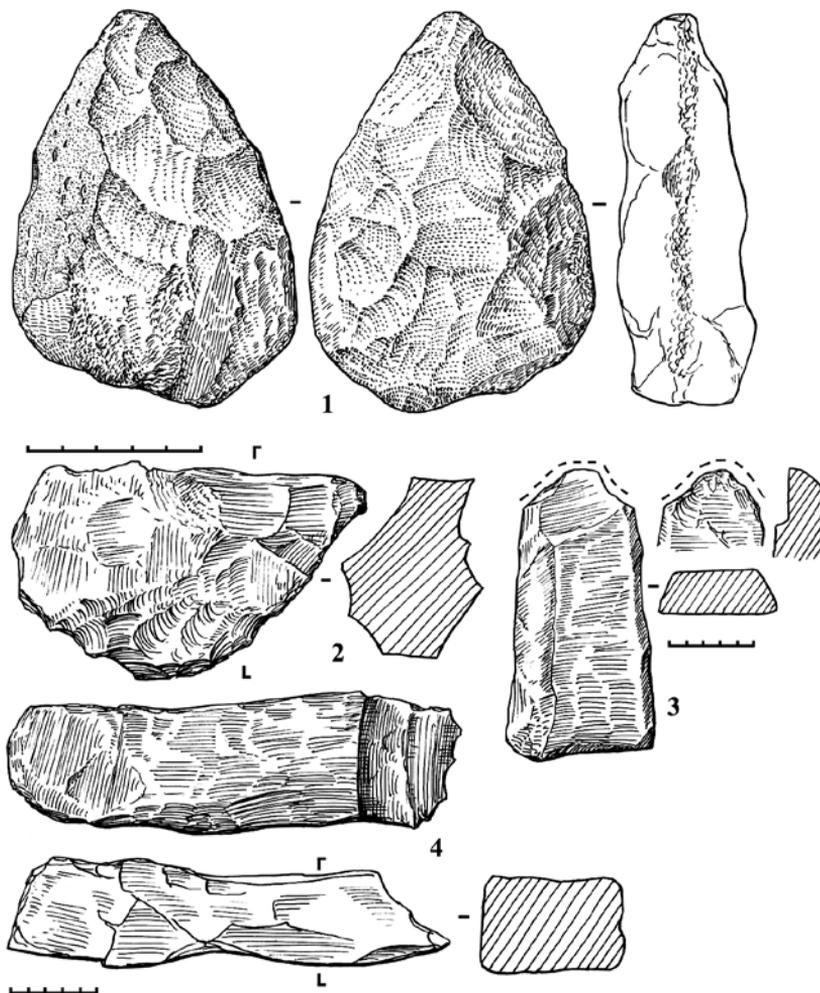

Рис. 3. Каменные изделия из стратифицированной части стоянки Усть-Машинка-3

радиальная «черепаховидная» оббивка поверхности расщепления (рис. 4.-1). Кромка контрфронта при этом использовалась как ударная площадка, аналогичная таковым нуклеусам радиального принципа расщепления. Ударная площадка подготовлена оббивкой, направленной от фронта к контрфронту под углом ок. 60° к продольной оси изделия. С нуклеуса сколото три заготовки, причины прекращения утилизации ядрища непонятны. Второй нуклеус подпрямоугольной формы расколот примерно наполовину в процессе обновления (рис. 4.-2). Оформление ядрища, несмотря на небольшие размеры, аналогично предыдущему. Площадка составляет с плоскостью расщепления острый угол. Нуклеус предназначен для получения леваллуазских пластинчатых сколов. Утилизацию подобных ядрищ документируют многочисленные заготовки (пластины, сколы подпрямоугольных и подтреугольных очертаний), а также технические снятия. Подготовленная «радиальная» ударная площадка контрфронта позволяла осуществлять обновление ядрища довольно эффективно.

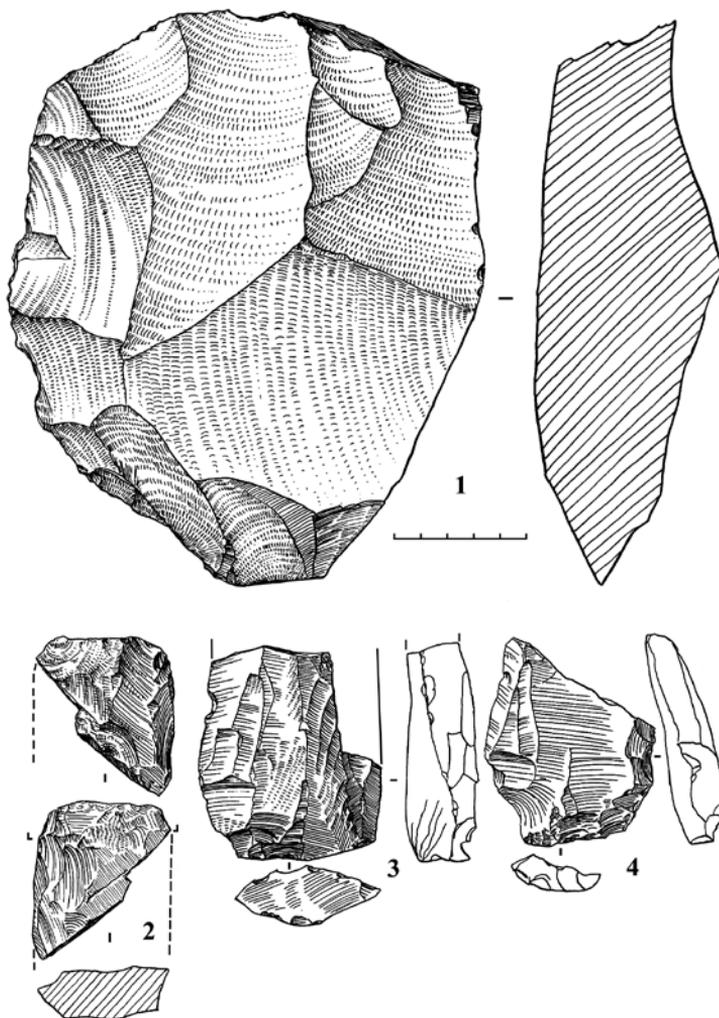

Рис. 4. Нуклеусы Усть-Машинки-3

Радиальный нуклеус представляет из себя подовальное массивное изделие из серого роговика. Фронт снятия относительно плоский. Контрфронт, сохраняющий поверхность роговикового «блока», обработан по периметру крутыми сколами различных пропорций (некоторые имеют пластинчатые очертания). Снятие заготовок производилось по всему периметру (рис. 5.-1). В принципе, радиальный нуклеус мало отличается от леваллуазского, так как первоначальный алгоритм утилизации у них один:

- выборка и первоначальное оформление преформы;
- оформление радиальной оббивкой контрфронта по периметру;
- оформление фронта скалывания радиальной оббивкой с подготовленной «круговой» ударной площадки на контрфронте.

С этого момента дальнейшее расщепление осуществлялось в разных стратегиях. Если подготовленное ядрище соответствует определенным критериям утилизации,

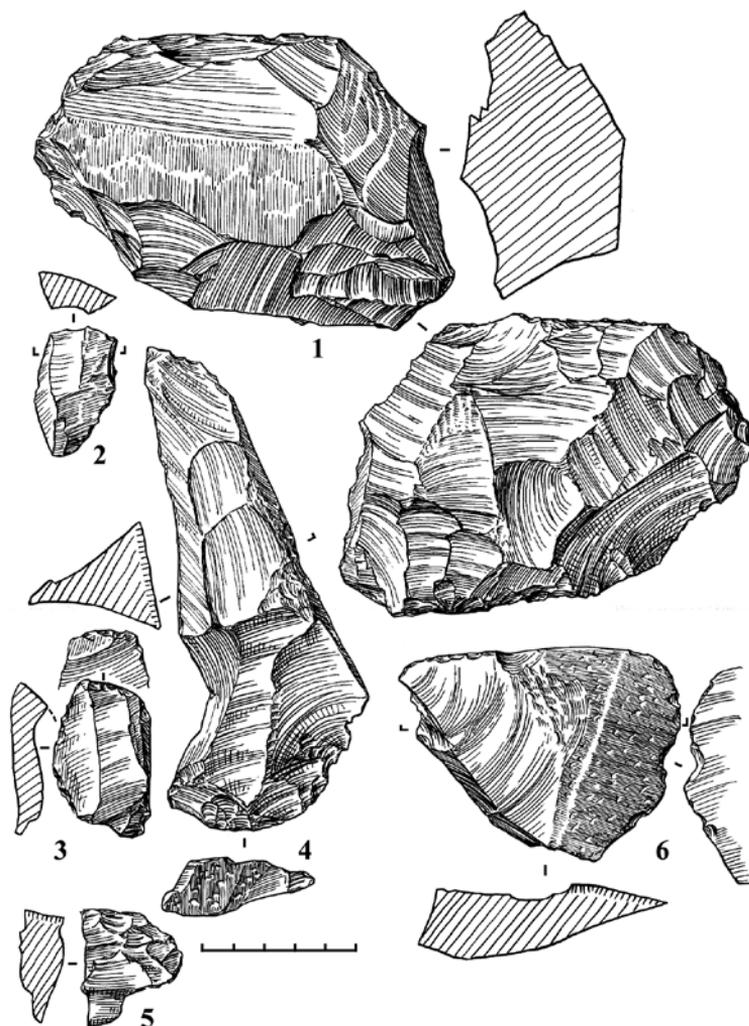

Рис. 5. Нуклеусы Усть-Машинки-3

древний мастер оформлял поперечную ударную площадку и начинал скалывание заготовок определенной формы (пластины, остря, широкие сколы). В том случае, если подготовленное ядрище не соответствовало этим критериям по какой-либо причине (трещиноватость, неудачное оформление, чрезмерная толщина и т.п.), то фронт утилизировался как радиальный. Качество заготовок в последнем случае было, конечно, хуже – они имели укороченные пропорции, большую массивность, асимметричность пропорций. Однако и эти заготовки находили свое применение в хозяйственной жизни. Следует также отметить и то, что при утилизации леваллуазского ядрища подобных сколов получалось гораздо больше заготовок predeterminedной формы. Поэтому по облику продукта расщепления сложно определить преобладание в первоначальном расщеплении той или иной стратегии.

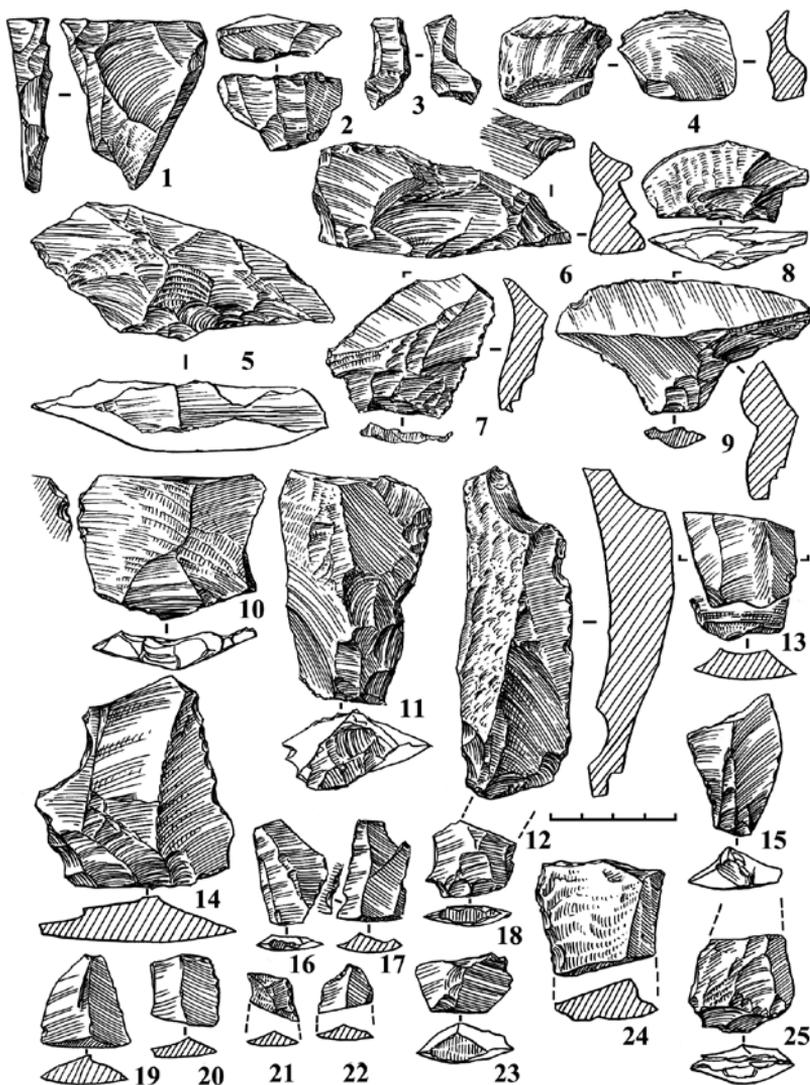

Рис. 6. Сколы со стоянки Усть-Машинка-3

В коллекции присутствуют небольшие нуклеусы для получения мелких пластин призматического облика:

– торцовый нуклеус на техническом сколе (рис. 6.-1). С площадки, получившейся в процессе обновления крупного ядрища, были сколоты несколько мелких укороченных пластин; больше всего утилизация нуклеуса напоминает оформление бокового реза;

– подпризматический нуклеус для получения укороченных пластин (рис. 6.-2); оформление изделия, включая «остроугольную» ударную площадку, напоминает леваллуазский нуклеус для пластин, уменьшенный до соответствующего размера;

– подпризматический нуклеус случайной формы на небольшом массивном обломке (рис. 6.-3).

Особенностью индустрии, отражающей первичное расщепление памятника, является наличие очень крупных массивных сколов (рис. 7.-1–3, 5; 8.-1, 2) из синевато-серого роговика. Подобные артефакты, полученные с крупных (стационарных?) ядрищ, скорее всего, были принесены на стоянку с мастерской-каменоломни как заготовки для дальнейшего расщепления или изготовления крупных орудий. Сырьем для изготовления каменных артефактов служил прежде всего роговик синевато- и зеленовато-серого цвета, полученный древними обитателями с каменоломни-мастерской Давыдовка-1. Кроме этого, встречены изделия из красной яшмы, халцедона, темно-синего, бурого и беловато-серого кварцита, метаморфизированного песчаника с крупными зернами кварца. Выходы последнего камня имеются в цокольном обрамлении стоянки. Яшмы, халцедон и кварцит (судя по сохранившейся галечной поверхности) были получены из алювиальных отложений р. Корболихи.

Вторичная обработка включает оббивку, ретушь, анкош, резцовый скол. Все эти приемы модификации заготовок отличаются значительным разнообразием. Оббивка применялась для оформления нуклеусов, первоначальной подготовки рабочих кромок скребел. Фасетки значительно различаются по размерам, глубине, размещению на поверхности, расположению относительно продольной оси. Также весьма разнообразна ретушная отделка кромок изделий, встречена крутая и пологая, чешуйчатая и чередующаяся, однорядная и многорядная ступенчатая, регулярная прерывистая, модифицирующая и повторяющая очертания края, зубчатая и т.п. Размещение ретуши на сколах также достаточно различно. В двух случаях встречен резцовый скол.

Орудийный набор для относительно небольшой выборки достаточно представлен и показателен.

Скребла (8 экз.). Изготовлены на леваллуазских сколах, за исключением орудия на плитке роговика (рис. 9.-4). Рабочая кромка этого изделия обработана мелкой выполаживающей оббивкой и мелкой регулярной разнофасеточной ретушью. Остальные скребла представляют значительное разнообразие типов:

– продольное дорсальное скребло на крупном широком сколе с остатком гладкой ударной площадки (рис. 9.-1); рабочий край, расположенный на правом крае, выпуклый, обработан двурядной ретушью; первый ряд – крупная модифицирующая чередующаяся приостряющая, второй – мелкая притупляющая повторяющая абрис рабочей кромки;

– двойное дорсальное скребло на крупной пластине с остатком гладкой ударной площадки; разнофасеточной регулярной чешуйчато-чередующейся ретушью обработаны оба продольных и дистальный края; левая рабочая кромка прямая со слегка

зубчатым абрисом, правая, переходящая на дистальный край, более ровная выпуклая, обработана преимущественно мелкой притупляющей ретушью (рис. 9.-2);

– двойное дорсальное скребло на крупном пластинчатом сколе с остатком фасетированной ударной площадки; левый край овальный, обработан двурядной разнофасеточной чешуйчатой ретушью, абрис зубчатый; правый край оформлен крупной чешуйчатой и мелкой регулярной притупляющей ретушью, образующей два ряда (рис. 9.-3); нижняя часть правого края не обработана;

– одинарное дорсальное поперечное скребло с прямым рабочим краем, обработанным крупной чешуйчатой и мелкой регулярной притупляющей ретушью (рис. 9.-5); изделие небольших размеров, изготовлено из скола обновления фронта нуклеуса, сохраняет остаток фасетированной ударной площадки;

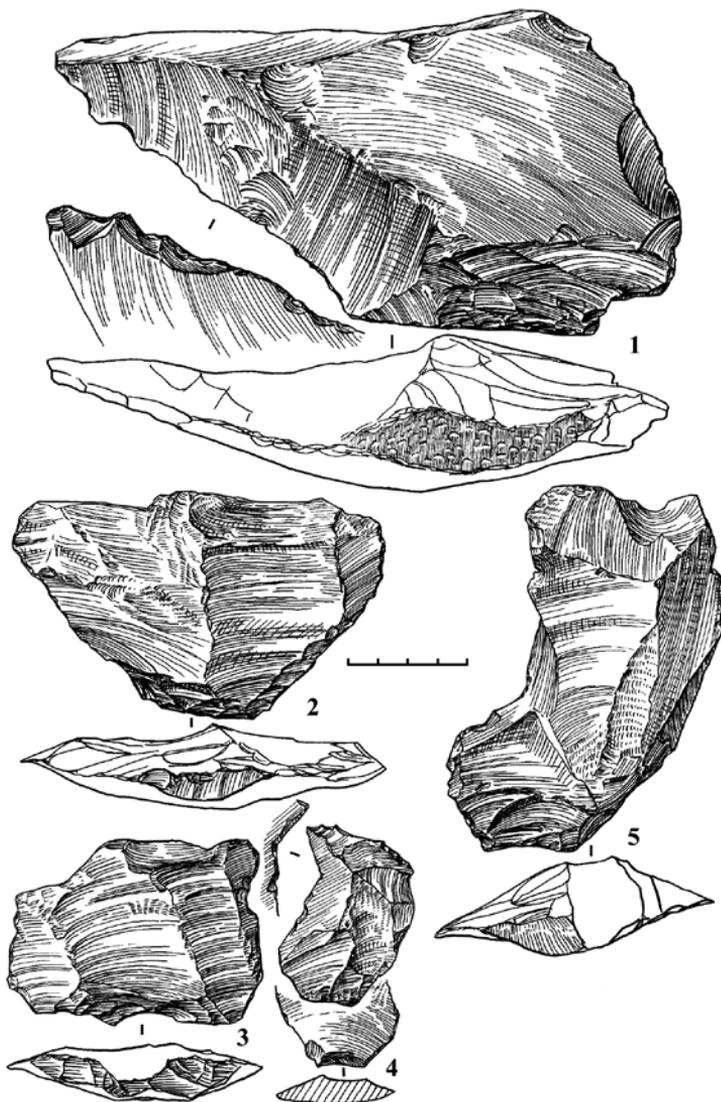

Рис. 7. Каменные изделия со стоянки Усть-Машинка-3

– двойное дорсальное скребло на асимметрично-подтреугольном сколе с остатком фасетированной ударной площадки; рабочие кромки обработаны чешуйчатой и чередующейся мелкой и средней ретушью. Часть правого рабочего края позднее сколота (рис. 9.-5); изделие небольших размеров, изготовлено из скола обновления фронта нуклеуса, сохраняет остаток фасетированной ударной площадки;

– двойное дорсальное скребло на асимметрично-подтреугольном сколе с остатком фасетированной ударной площадки; рабочие кромки обработаны чешуйчатой и чередующейся мелкой и средней ретушью; часть правого рабочего края позднее сколота (рис. 9.-8);

– продольное дорсальное скребло на массивном пластинчатом крупном сколе с усеченным проксимальным краем; рабочая кромка оформлена оббивкой, крупной

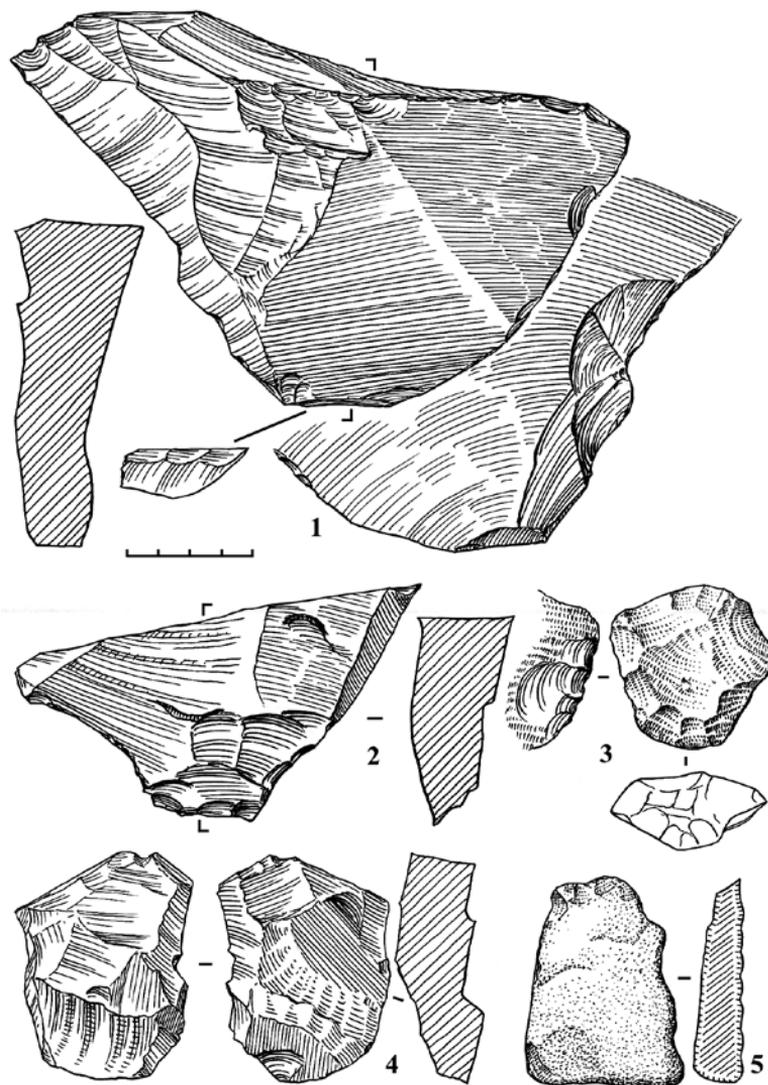

Рис. 8. Сколы со стоянки Усть-Машинка-3

чешуйчатой и мелкой регулярной притупляющей ретушью на левом крае; правый край также обработан крутой разнофасеточной ретушью, но по морфологическим признакам рабочую кромку скребла не образует (рис. 9.-9);

– дорсальное продольное скребло на пластинчатом сколе средних размеров с остатком фасетированной ударной площадки; рабочая кромка оформлена на левом крае мелкой разнофасеточной чешуйчатой ретушью; позднее на нижней части края произведен анкошевидный скол, удаливший кромку скребла (рис. 9.-10).

Зубчато-выемчатые орудия (17 экз.) оформлены на различных типах сколов ретушью, мелкой оббивкой и анкошем; в некоторых случаях естественный изгиб кромки артефакта, образовавшийся при первичном расщеплении, также вторичной обработкой превращался в выемку:

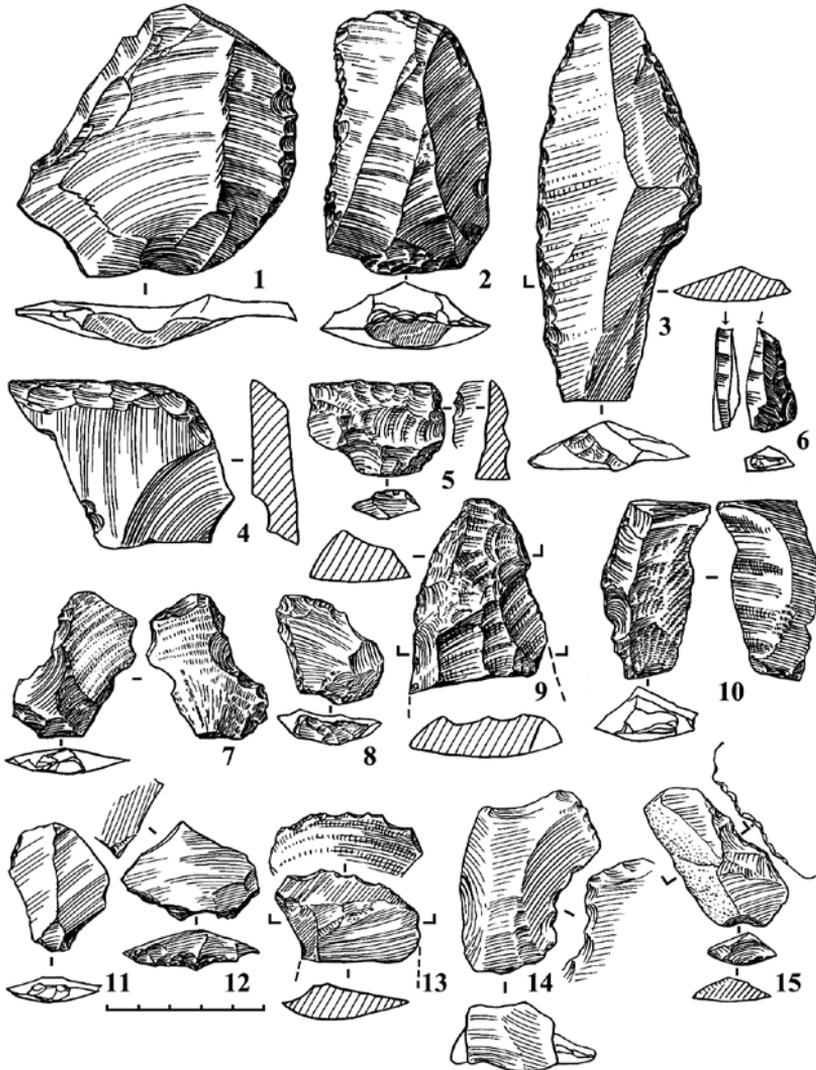

Рис. 9. Каменные изделия со стоянки Усть-Машинка-3 и местонахождения Усть-Машинка (14, 15)

– зубчато-выемчатые кромки на крупных заготовках, предназначенных для оформления крупных орудий, но по каким-то причинам не использованных для этих целей (рис. 7.-1, 3, 5); кромки оформлены ретушировкой и мелкими анкошевидными сколами, выделяющими микровыемки и чередующиеся с ними зубцы;

– выемки, дооформленные на изгибах краев заготовок (рис. 7.-4) и технических сколов (рис. 6.-9);

– выемки и зубчатые кромки, оформленные на леваллуазских сколах пластинчатых форм (рис. 6.-11–12, 14, 17; 9.-3, 11, 13); в ряде случаев зубчато-выемчатые участки выделены на обработанных ретушью продольных краях заготовок;

– зубчато-выемчатые кромки на леваллуазских подтреугольных заготовках (рис. 9.-7; 10.-10); выделяется изделие, форма которого полностью модифицирована крутой дорсально-вентральной оббивкой и зубчатой глубокой прерывистой ретушью (рис. 9.-7).

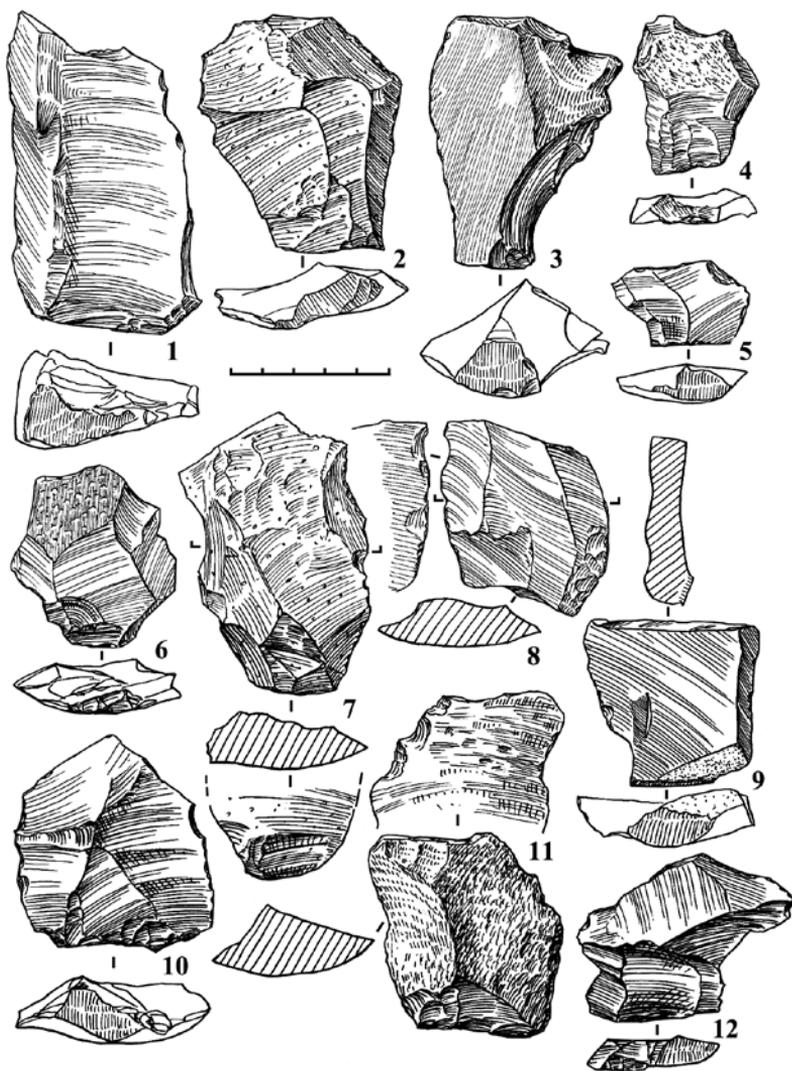

Рис. 10. Сколы со стоянки Усть-Машинка-3

Следует также отметить присутствие в комплексе Усть-Машинки-3 двух выразительных боковых резцов на леваллуазских мелких сколах подтреугольных форм с дополнительно ретушированными продольными краями (рис. 9.-6).

Вторичная немодифицирующая обработка (разнообразная ретушь, оббивка) характерна практически для всех сколов и отщепов описываемого комплекса. Это является характерным признаком мустьерских индустрий, так как верхнепалеолитическая специализация орудий для какой-то одной группы операций еще не распространилась.

Обращает на себя внимание наличие очень крупных роговиковых сколов со следами использования или обработкой сколами и крупной ретушью небольших участков края. Подобное «неэкономное» использование сырья является свидетельством наличия поблизости мастерской-каменоломни. Стоянка Усть-Машинка-3 может стать базовым памятником по исследованию мустьерской эпохи Рудного Алтая, наряду с мастерской-каменоломней Давыдовка-2, стоянками Гора Кукушка, Воронеж-5 и др. [Кунгуров, 2004].

Библиографический список

Кунгуров А.Л. Новый палеолитический район Алтая // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 200–204.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 176 с.: ил.

Кунгуров А.Л., Раднер Д.С. Стратиграфия стоянки мустьерского времени Усть-Машинка-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VII. С. 111–114.

Кунгуров А.Л. Итоги исследования палеолита в юго-западных районах Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, филология, философия и педагогика. 2004. №4(44). С. 7–11.

Шуныков М.В. Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2001. 54 с.

Е.В. Переводчикова

Государственный исторический музей, Москва

СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ ЕВРАЗИИ И КИТАЙ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГА

В задачи настоящей работы не входит полное освещение истории контактов скифского звериного стиля и искусства древнего Китая. В данном случае из всей малоизученной истории взаимоотношений двух традиций представляют интерес некоторые эпизоды историко-культурного диалога, происходившего между уже сложившейся изобразительной традицией звериного стиля и китайским искусством. Точная начальная дата этого процесса зависит от датировок ряда опорных памятников культур скифского круга и в данном случае не имеет принципиального значения, поскольку не влияет на ход рассуждений, которые будут базироваться на материале этих памятников.

Вопрос о присутствии черт китайского искусства в произведениях звериного стиля из курганов Алтая разрабатывается достаточно давно. Первым, кто отметил признаки китайского влияния в искусстве алтайских курганов, был М.П. Гряз-

нов [1940, с. 18], указавший на китайский характер одного из мотивов орнамента (исследователь отнес его к эпохе Хань). Первое систематическое обоснование тезиса о китайском влиянии в искусстве курганов Алтая принадлежит С.В. Киселеву. На основании предметов китайского импорта в курганах исследователь датировал их эпохой Хань. При этом он охарактеризовал некоторые мотивы орнамента из Пазырыкских курганов как китайские, нашел сходство ряда изображений голов хищников анфас с китайскими масками тао-те, а также определил некоторые фигуры птиц как изображения китайских фениксов эпохи Хань. С.В. Киселев отметил и некоторые примеры сходства алтайского искусства с ахеменидским. Однако, синхронизируя Пазырыкские курганы с сарматской эпохой, исследователь объяснял это сходство переживанием архаических черт в искусстве алтайских курганов [Киселев, 1949, с. 200–216]. На основании аналогий алтайским находкам в искусстве Ахеменидского Ирана С.И. Руденко датировал Пазырыкские курганы V–IV вв. до н.э. Убежденный в невозможности влияния китайского искусства на культуру Алтая до эпохи Хань, исследователь отрицал все приведенные С.В. Киселевым китайские параллели в искусстве Пазырыка [Руденко, 1953, с. 345–360; 1960, с. 162–172]. А поскольку датировки С.И. Руденко в целом сохраняют свою актуальность, наблюдения С.В. Киселева о признаках китайского искусства в алтайском зверином стиле отошли в прошлое вместе с его устаревшими датировками курганов Алтая.

Автору настоящей статьи уже доводилось писать на эту тему, делая основной акцент на трудность различения признаков искусства Китая и Ирана в искусстве кочевников Алтая и сопредельных областей [Переводчикова, 1992, с. 90–92; 1994, с. 135–138]. Эта ситуация и сейчас далека от разрешения, но в данный момент интересно рассмотреть некоторые признаки в искусстве Алтая, достаточно четко определяемые как китайские.

Определенно китайской чертой в искусстве Алтая можно признать особый тип изображения свернувшегося в кольцо хищника, когда голова его, показанная анфас, находится в центре композиции [Frisch, 1949, p. 63–64; Переводчикова, 1994, с. 134]. Например, такая композиция представлена на известной деревянной бляхе из Большого Катандинского кургана [Радлов, 1989, с. 447, табл. 7.-2]. Следует заметить, что по прочим стилистическим признакам она не выпадает из общего массива скифского звериного стиля Алтая (рис. 1.-1).

Весьма выразительны в этом отношении и изображения голов хищников анфас, в облике которых наблюдается сходство с китайскими масками фантастических существ тао-те. Маски тао-те глубоко традиционны для китайского искусства, появляются они еще в эпоху Шан. Их основные отличительные формальные признаки – компактно закрученные рога, расположенные над головой и практически не расходящиеся в стороны, небольшие уши, находящиеся рядом с рогами, большие миндалевидные глаза и отсутствие нижней челюсти [Watson, 1975, p. 27–29]. На протяжении веков эти маски претерпевают некоторую эволюцию. В эпоху Чжоу, поздний этап которой синхронен Пазырыкским курганам, уши изображаются не всегда, а корона рогов несколько уменьшается, отчего рога становятся похожи на преувеличенных размеров уши [Watson, 1975, p. 38–42; Siren, 1970, pl. 59.-A, C].

На нескольких примерах из материала Пазырыкских курганов (рис. 1) можно наблюдать упомянутые выше признаки тао-те. На всех изображениях у хищников не показана нижняя челюсть. При этом в двух случаях изображены как рога, так и уши:

на костяной бляхе из Эрмитажного собрания небольшие рожки, загнутые навстречу друг другу, расположены надо лбом зверя (рис. 1.-2), а на резной деревянной подвеске к луке седла из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. LXXVII.-3] рога поднимаются довольно высоко, при этом отчетливо видны небольшие уши (рис. 1.-3). Резная деревянная уздечная подвеска из Третьего Пазырыкского кургана как формой и расположением изогнутых рогов, так и общей композицией напоминает маску тао-те в ее позднем варианте, когда уши не изображались (рис. 1.-4). А развернутая анфас голова хищного зверя на резной деревянной накладке на ремень из Пятого Пазырыкского кургана выглядит так, что не позволяет однозначно решить, рога или уши возвышаются надо лбом животного (рис. 1.-5). Расположены эти рога-уши непосредственно надо лбом (точнее, над глазами) зверя, т.е., скорее, на месте рогов. По форме они представляют собой нечто среднее между рогами и ушами: рифленые полосы по краям, похоже, обозначают шерсть, но фигуры, расположенные внутри, напоминают изображения рогов (например, как у масок на рисунке 1.-3-4).

Следует напомнить, что при всех упомянутых признаках сходства с масками тао-те эти изображения стилистически не выделяются из круга произведений искусства пазырыкской культуры. Достаточно взглянуть на таблицу рисунков в книге С.И. Руденко [1960, с. 281, рис. 144], откуда были взяты эти примеры, чтобы заметить, что им свойственны те же приемы стилизации, что и собранным Сергеем Ивановичем изображениям хищников (исследователь называет их «кошками»).

Непосредственным поводом вновь обратиться к этой теме послужили крупнейшие археологические открытия рубежа XX–XXI вв. – раскопки Филипповских курганов и кургана Аржан-2. Высокий технический уровень исполнения образцов ювелир-

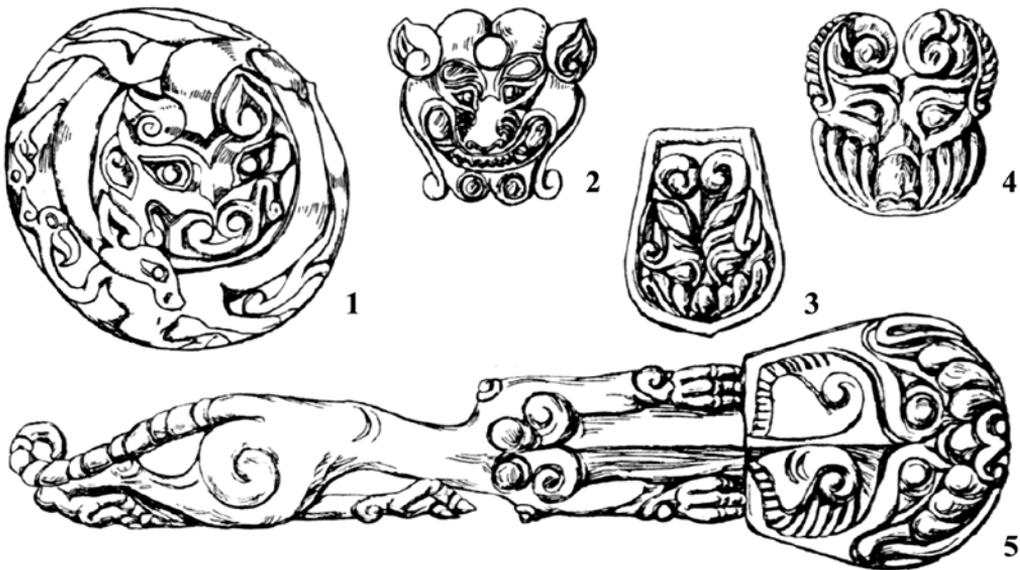

Рис. 1. Предметы с признаками китайского искусства из алтайских курганов:

1 – Большой Катандинский курган [Руденко, 1960, с. 295, рис. 150.-и];

2 – Эрмитажное собрание [Руденко, 1960, с. 281, рис. 144.-м];

3–5 – Пазырыкские курганы [Руденко, 1960, с. 281, рис. 144.-о, д, ц]

ного искусства из Аржана-2 поставил вопрос о месте их производства. При том, что вопрос этот в целом пока остается открытым, К.В. Чугунов обнаружил в декоре одного из кинжалов элементы китайского орнамента. Эти элементы относятся к признакам, незначимым для восприятия образа, т.е. именно тем, которые выдают руку мастера. Таким образом, это наблюдение позволяет предполагать китайское производство вещи [Чугунов, 2004б, с. 74; 2008, с. 98–101].

В процессе изучения технологии производства железных с золотом кинжалов из Аржана-2 Р.С. Минасян обратился к технологическим признакам тагарских железных кинжалов и пришел к выводу, что тагарские кинжалы литые, а не кованные, и, скорее всего, литыми были и кинжалы из Аржана-2. При этом литье железа (чугуна) в ту пору было известно только в Китае, что позволяет говорить о китайском производстве рассмотренных предметов [Минасян, 2004, с. 68–70].

В результате открытия, сделанного Р.С. Минасяном, мы получаем группу предметов, изготовленных китайскими мастерами специально для кочевников, так как перед нами вещи явно не китайские ни по форме, ни по стилю изображения. Более того, тагарские железные кинжалы по стилю практически не отличаются от бронзовых представителей этой категории вещей (ср.: [Завитухина, 1983, кат. 198–200 и кат. 201–204]).

Значительная серия произведений древнего искусства получена в результате раскопок Первого Филипповского кургана. Среди этих предметов в данном случае следует выделить железное с золотом оружие и серию золотых оковок деревянных сосудов, исполненных в скифском зверином стиле. Стиль изображений животных из этого южноуральского памятника можно уже вполне уверенно характеризовать как восточный, находящийся четкие алтайские и сибирские параллели [Королькова, 2006, с. 41–51; Переводчикова, 2007, с. 61–62]. Изучение оковок сосудов позволило сделать вывод о различной технологии их изготовления: эти предметы могли быть как литыми, так и вырезанными из листа золота. Корреляция стилистических и типологических признаков привела к выделению нескольких групп предметов, которые могут быть интерпретированы как продукция разных мастерских. В данном случае интересно, что на некоторых литых оковках присутствуют стеклянные вставки. Это обстоятельство однозначно свидетельствует о том, что такие оковки не могли быть сделаны самими кочевниками, которые не владели технологией производства стекла [Переводчикова, 2008, с. 67–69]. Разумеется, само по себе это еще не может служить доказательством именно китайского производства упомянутых предметов. Однако, учитывая алтайские стилистические аналогии, не следует исключать такую возможность. Присутствие железного с золотом оружия в комплексе Филипповки делает эту ситуацию типологически сходной с комплексом кургана Аржан-2.

Кстати, вставки из эмали присутствуют и на плоских золотых фигурах животных из кургана Аржан-2. Выделяя эти изображения в особую группу, К.В. Чугунов [2004а, с. 274–275] однако не относит их к изготовленным на заказ. Думается все же, что наличие эмалевых вставок, как и в ситуации с Филипповкой, позволяет полагать, что эти вещи не могли быть изготовлены самими кочевниками.

Итак, перед нами два эпизода, свидетельствующих о контактах скифского звериного стиля и китайского искусства. Сопоставляя их, мы получаем парадоксальное явление: предметы, сделанные самими кочевниками, несут черты китайской изобрази-

тельной традиции, а продукция китайских мастеров – нет. Для того чтобы приблизиться к пониманию его причин, попробуем представить себе ситуацию, в которой в обоих рассмотренных случаях находился мастер.

Резьба по дереву и кости была традиционным ремеслом в культуре кочевников Алтая. Мастер, знавший правила собственной традиции, мог быть достаточно свободным, изменяя некоторые черты изображений (традиционное искусство всегда допускает некую свободу вариаций). Он мог воспринимать новые для него изображения, созданные по иным законам, и трансформировать их согласно законам собственной изобразительной системы. Воспроизводя по-своему эти новые заимствованные изображения, он безошибочно создавал нечто новое, но при этом традиционно правильное. В результате мы видим прекрасные произведения искусства, несомненно, относящиеся к скифскому звериному стилю, но несущие очевидные заимствованные черты. Иными словами, это прямая иллюстрация тезиса о способности изобразительной системы скифского звериного стиля заимствовать элементы из других традиций и расставлять их по местам, определенным собственными законами [Переводчикова, 1994, с. 171–173].

В ситуации, отраженной в материале курганов Аржан-2 и Первого Филипповского, мы видим мастера иной традиции, работающего на заказ для представителей кочевой аристократии. В этом случае заказчики-кочевники желали получить предметы эстетически правильные с точки зрения их собственной традиции. Мастера при этом не могли быть вполне свободны в выборе изобразительных средств, поскольку традиция, в которой они должны работать, была для них чужой. Надо признаться, эта ситуация сложнее для исследования, поскольку произведения скифского звериного стиля, созданные мастерами-чужеземцами, не несут черт иной изобразительной традиции. Мы знаем, что китайские мастера делали железное оружие. По поводу же других предметов можно сказать лишь, что производство стекла в то время было известно только на Ближнем Востоке и в Китае, что позволяет предположить изготовление ряда предметов китайскими мастерами. Поэтому в данном случае получается в немалой мере гипотетическая реконструкция ситуации.

Следует также заметить, что описанные отношения между мастером и заказчиком специфичны для восточных областей евразийской степи: в западных ее областях они складывались по-другому [Переводчикова, 2009, с. 159–160].

В данном же случае интересно прежде всего то обстоятельство, что произведения, созданные мастерами иной традиции, не являются простыми копиями образцов скифского звериного стиля – они выглядят вполне полноценными его произведениями, обнаруживающими определенную свободу в вариациях значений признаков. Это явление можно объяснить прежде всего самим фактом существования изобразительной системы в основе скифского звериного стиля. Эта система как некая совокупность правил построения изображений, похоже, оказалась вполне постижимой для мастеров иной традиции.

Думается, что этому в немалой степени способствовало и концептуальное начало, заложенное в основе скифского искусства. Акцентирование основных черт животного как один из основных принципов построения изображений логически вполне очевидно не только для носителей традиции. Получается, что понятными оказались и основные способы воплощения этого принципа.

Косвенным подтверждением этого тезиса может служить и высокий уровень подделок произведений скифского звериного стиля, достигнутый в наше время. Современное искусство подделки не может не базироваться на понимании изобразительной системы искусства древних кочевников.

Да и мы, современные исследователи, отнюдь не представляющие глубинного смысла скифского звериного стиля во всей его полноте и только пытающиеся его понять, вполне уверенно рассуждаем о его формальных особенностях и принципах построения образов.

Таким образом получается, что изобразительная традиция звериного стиля в значительной мере оказывается воспроизводимой при взгляде извне.

Обобщая сказанное, следует заметить, что изложенные наблюдения дополняют общую картину взаимодействия скифского звериного стиля с искусством окружающего мира, добавляя тем самым новую информацию к существующим представлениям об историко-культурном диалоге степи и цивилизаций.

Библиографический список

- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. Вып. 1.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 191 с.: ил.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА; №9).
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- Минасян Р.С. Сибирские железные кинжалы скифского времени // СГЭ. СПб. 2004. Вып. LXII. С. 68–71.
- Переводчикова Е.В. Еще раз об инокультурных влияниях в скифском зверином стиле Алтая и соседних областей // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: ОИИФФ СО РАН, ОмГУ, 1992. Ч. 2. С. 90–92.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 306 с.: ил.
- Переводчикова Е.В. Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из 1 Филипповского кургана) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 60–62.
- Переводчикова Е.В. Золотые оковки сосудов из 1 Филипповского кургана: к постановке вопроса о месте производства // Музейні читання Ювелірна мистецтво – погляд крізь вікі. Київ, 2008. С. 64–72.
- Переводчикова Е.В. О различных формах диалога искусства степи и цивилизаций: к постановке вопроса // Stratum plus. №3 (2005–2009): Культурная антропология и археология. Кишинев: Высш. антропол. шк., 2009. С. 155–161.
- Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.: ил., карты.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 401 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Чугунов К.В. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004а. С. 273–276.
- Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // СГЭ. СПб., 2004б. Вып. 62. С. 72–74.
- Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 98–101.
- Frisch T. Scythian Art and some Chinese parallels // Oriental Art. London, 1949. Vol. II, №1. P. 16–24.
- Siren O. A history of Early Chinese Art. N.-Y., 1970. Vol. 1.
- Watson W. Style in the Art of China. N.-Y.: Universe books, 1975. 126 p.: ill.

Н.И. Рыбаков

Петровская академия наук и искусств, Красноярск

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЧУЖЕРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ. ИЮССКАЯ ИКОНОГРАФИЯ

Средневековая историография умалчивает о вхождении представителей какой-либо западной религиозности на Енисей. Попытки исследователей середины и 2-й половины XX в. продвинуть распространение северного манихейства до пределов современной Хакасии были не приняты или встречены с недоверием [Maechen-Helfen, 1951, с. 326]. Материалы современных ученых не решают вопроса далее гипотетических предположений – на сегодняшний день не найдены критерии, дополняющие открытия в археологии и фонде орхоно-енисейской письменности [Кызласов Л.Р., 1999, с. 10; Кызласов И.Л., 2004, с. 111–129], а допустимые иконографические свидетельства енисейской петроглифики неубедительны и не введены в круг научной полемики.

Линейное камне-графическое искусство (Подкамень, Ошколь) является суммой разновременных мотивов религиозного кыргызско-шаманистского языка и графических вариантов чужеродной традиции. Этот фактор смешения касается группы «фигур в мантиях» и их петроглифического окружения. Большая часть мотивов с изображениями загадочных фигур (открытие экспедиции И.-Р. Аспелина, 1887 г.) представляет многослойные графические конфигурации и не может быть идентифицирована как одноактовое рукотворное искусство. После документирования (2000–2007 гг.) автором графического материала (Подкамень–Ошколь), а также изучения методом сравнительного анализа и выявления стилистических закономерностей с применением новых технологий можно сказать следующее:

1. Петроглифы «гунно-сарматского» времени и эпохи средневековья, как правило, имеют характерные признаки дополнительных подновлений (палимпсест) по нижним изначальным воспроизведениям.

2. По причине близкого визуально трудноразличимого способа воспроизведения разновременные слои изобразительных мотивов в иконографической среде памятников перепутались – верхние изображения «проникли» в нижние: средневековое искусство «оказалось» в среде раннесредневекового (таштыкского периода).

3. Дополнительно те и другие петроглифические мотивы в последующем были подвергнуты обводке многократно и оказались в одном объединенном слое.

4. Вследствие многократных графических обводок фигуры в мантиях Ошкольской писаницы представляют фигуративные схематизированные аморфные комбинации языческого культа «игры-призывания» и не могут нести информативную достоверность. Отсюда следует достоверно то, что нетронуто поверхностным наложением-повтором.

Это коварство палимпсеста, как факт, спровоцировало явление общего заблуждения, что отражено в материалах и суждениях исследований XX в. Однако петроглифическая ситуация «смешения» не была распознана изначально первооткрывателем И.-Р. Аспелиным: в корпус материалов известной монографии, касающихся памятников Подкамень–Ошколь [Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 98–101, 302–307], попали только выделенные обводкой петроглифы, имеющие убедительную изобразительную

структуру, тогда как другие гравировки, однозначно относящиеся к тому же периоду, были либо не замечены, либо опущены. Фигуры в мантиях, герои-воины, движущиеся быки, лошади и другие персонажи «объединились» в один хронологический пласт. Побудительные мотивы многократных обводок потребовали отдельного исследования (см.: [Рыбаков, 2007а, с. 78–83]).

Здесь представляется новый материал петрографического искусства средневековой территории Июских степей, не тронутого специфической обводкой, однозначно имеющие прямые аналогии к аспелинским графическим фигурам в мантиях и обладающего более убедительным критерием идентификации.

Описание нового памятника (материалы Н.И. Рыбакова) «Четыре фигуры» (гора Барстаг, западный склон). Памятник (рис. 1) представляет тонкую гравировку удовлетворительной сохранности, местонахождение которой на одной из плоскостей (0,5x0,9 м) каменистой террасы западного склона горы Барстаг, левого берега Белого Июса, в своеобразной нише, закрытой от прямых солнечных лучей и осадков. Трехслойное изображение (палимпсест): нижний слой – лучник в погоне за оленем (?) (таштыкский период), средний слой – изображение фигур в длиннополых одеяниях, три из которых с коронами на голове (средневековье), верхний – точечная выбивка, перекрывающая всю композицию (позднее средневековье).

Итак, четыре фигуры в состоянии шествия слева-направо. Идущий первым в полном наряде служителя культа, в короне и пышной дугообразной свисающей вдоль затылка лентой (или скрученный косой); в области подмышек – жезл; руки не проявлены; в районе пояса наряд из круглых украшений – подвесок; низ платья – наподобие волочащегося хвоста – шлейфа. Вторая фигура – персонаж в длиннополой одежде без

Рис. 1. Четыре фигуры, г. Барстаг. Западный склон. Левый берег Белого Июса (материалы Н.И. Рыбакова)

украшений, малого роста, отроческого возраста, без головного убора, с пером в волосах, в области лба. Третья фигура – старец, в полном облачении, но без жезла. Четвертая, завершающая процессию, – в подобном наряде, как и две первые рослые фигуры. Антропологический тип персонажей – «арийский», судя по изображению профилей и других деталей внешности, кроме четвертого, заметно имеющего очертания головы и фигуры представителя центрально-азиатских нагорий. Характерной деталью трех (взрослых) персонажей является диадема в виде двойного круга под короной в области лба. Заметим, детали в виде радужных линий под ногами передней фигуры не входят в предмет нашего осмысления (вопрос отдельного исследования).

Опыт осмысления. В группах религиозно-философских учений поздней античности – христианского, иудео-христианского, зороастрийского и буддийского, Гностический Миф наиболее ярко выразился в манихействе. Ряд исследователей полагают, что появление и утверждение манихейства в Южном Казахстане, в частности, в средневековом Таласе на скрещении Торгового пути «Восток–Запад», были связаны с активной внешнеторговой и миссионерской деятельностью Согда [Зуев, 2002, с. 185–188; Кляшторный, 1992, с. 353; Maenchen-Helfen, 1951, с. 326]. Прямые и косвенные свидетельства указывают на локализацию северной ветви манихейства в районах Семиречья и Таласа на «границе мусульманского мира» и границе Турфанских уйгуров (верховья Иртыша) в культурной среде тюркских племен: чигилей, чумулей, карлуков. Ю.А. Зуев [2002, с. 191, 201, 256] говорит, что термин «чигиль» вначале был обозначением манихейской «школы» в стране Аргу.

Носители скипетра (ваджра) – особая группа среди общего объема разбросанных в ландшафтах Июсских степей петроглифических изображений персонажей в мантиях. «Громовая стрела» под мышкой священнослужителя (рис. 1) имеет вид двухстороннего конуса с направленным острием вперед, «скрещенный ваджр» [Туччи, 2005, с. 229]. Подобные изображения скипетров, но в результате последующих поздних обводок сильно измененные, в виде неких лепестков, сохранились в графических конфигурациях по плоскостям Ошкольской писаницы (тождественные иконографические факты – рис. 2.-6; эти схематизированные скипетры были выявлены автором по результатам электронной съемки). Одна из фигур аспелинского свода (рис. 2.-5, Подкамень) несет под мышкой какой-то предмет на коротком стержне – возможно, схематическое «тождество» ваджры, нераспознанное в свое время художником Аппельгрэн-Кивало [Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 99–102]. Эти визуальные источники группы носителей ваджр имеют поддержку в текстах манихейской литературы. В коптских главах [Кефалайя, 1998, с. 136] Мани (?) говорит о жезле: «Я облачу их в доспехи мудрости... и жезлы праведности». О божественном жезле Бога Зурвана в истории зурванских сказаний, переданных Теодором Мопсуестом, приводит О. Менчен-Хельфен [1951, с. 16]. Золотую стрелу (скипетр) получил Йима, хранитель зороастризма, от Ахура-Мазды [Зороастрийские тексты, 1997, с. 7]. Исторический факт восточной миссии во главе с Мар Аммо (турфанские тексты M2, M216, M1306) указывает на адаптацию буддизма в восточно-иранском и центрально-азиатском манихействе. Как замечает Климкейт, происходило «усыновление понятий (и символов) буддизма и их нового истолкования... манихеи приняли буддийские формы и содержание» [«Главы»; Смагина, 1998, с. 24; Klimkeit, 1998, с. 237]. Эту же мысль подчеркивает Б.А. Литвинский [1972, с. 150].

В ряду божественных атрибутов на примерах религиозного сближения двух конфессий буддизма и манихейства (зороастрийское наследие) предмет под мышкой жреца (мнение автора) есть божественный жезл – ваджр, соотносимый отшельническому жезлу *кхатванга* в тантрийских ритуалах тибетского буддизма [Гой-лоцава Шоннупэл, 2001, с. 139], буддийскому монашескому жезлу *каккара* в памятниках Хара-Хото [Кочетова, 1947, с. 478], ламаистскому *вачир* [Потанин, Подгорбунский, 1888, с. 34] и зороастрийскому божественному скипетру. Этот атрибут ритуально-космогонического назначения, своеобразное наследие божеств громовников в мифологии и ритуалах ваджраяны и северного буддизма – махаяны. «Он» (по: [Туччи, 2005, с. 229]), или «она» – ваджра, несет священную функцию чистоты Просветления и нерушимости закона (Дхарма) Будды, прочного как алмаз [Андросов, 2000, с. 89]. Известны свидетельства влияния манихейства в искусстве буддизма в Ладакхе. В случае описания «*Aksobhya* в *Alchi*» символический Крест Света сменил свою естественную форму на «удар молнии» (ваджр) [Lieu, 1998, с. 55]. Как доспех Просветления скипетр отражает позицию буддизма относительно единой природы недостатков и достоинств, а противоположные полюса символизируют трансформацию пяти темных ядов (тантрический буддизм) и пяти светлых (совершенств и достоинств). Двоичность мира в противоположностях светло-темной природы соответствует бинарной концепции в манихействе. Постичь истину и обрести спасение – победа духа над телом (материей) и окончательное воссоединение со Светом – идеологическая подоснова в буддизме и манихействе.

Объем иконографии громовнического культа пополняется обнаруженными изображениями громовой стрелы в природно-ландшафтном окружении представляемого памятника (рис. 2.-7), по внешним камне-графическим признакам эти двусторонние конусы являются атрибутом громовнических обрядов в системе духоведческой космогонии средневековых язычников Междуречья Июсов. Они имеют тождество и подобие тех скипетров, которые мы видим под мышками персонажей в мантиях. Форма крестообразной ваджры отражает культ «космической силы» гностических систем Востока и по месту и по времени – шаманистский культ небесных духов-покровителей, что обуславливает согласованность в вопросах веры пришельцев, представителей религии Света и адептов духоведческой конфессии Июских степей.

Вернемся к «Четырем фигурам» (гора Барстаг). Тип костюма чужеземцев, в частности длиннополые мантии с протянутыми назад шлейфами, косвенно имеет отношение к китайской культуре. Чрезмерные длиннополые наряды были модой при Дворе в период династии Суй (VI–VII вв.) [Сычев, 1972, с. 148; Панкова, 2002, с. 198]. Но нет никаких оснований относить наряд чужеземцев к сугубо китайской моде. «Длинные одежды» (*uzun ton*) – это долгополые рясы манихеев-чигилей [Зуев, 2002, с. 220–222]. Долгополая одежда отмечена в культурной эфталитской среде, что известно из рассказа буддийского паломника Си-ю-чи (VI в). Он говорит о роскошных женских платьях из дорогих тканей со шлейфами в три и более футов [Beal, 1906, с. XC–XCI]. В описаниях Гардизи имеется несколько штрихов, касающихся широкой одежды жителей Уйгурского государства (IX в.) с длинной полой [Бартольд, 1897, с. 116].

Образ «средоточения спасения души», соотносимый с гностической «формой света» Первочеловека – Адама (андрогинна) в пределах манихейского мифа и текстов апокрифической литературы, отображает форму небесного одеяния. Прообразом фигу-

ры божественной идентичности в небесных одеяниях, скорее всего, послужил Третий Посланик, божество манихейского мифа, явленный в мир [«Главы»; Смагина, 1998, с. 443]. В этой связи первородная андрогинность гностических божеств явилась архетипической моделью манихейских небесных дев [Рыбаков, 2007б, с. 137–141]. Точнее, они не имеют пола [«Главы»; Смагина, 1998, с. 427]. Об этом факторе говорят свидетельства стороннего взгляда в ересиологических материалах: «...манихеи... блистающие воинства называются девушками... в стране радости нет мужчин и женщин и нет половых органов» [Бируни, 1963, с. 79]. Сами манихеи допускали по отношению к своей внешности то, что они облачены в женские одежды: «...в теперешнем существовании, будучи молодыми людьми в длинной женской одежде, о сколько мы ошибались и прегрешали» [«Хуастуанифт»; Малов, 1951, с. 121].

Рис. 2. 1–3 – фигуры Ошкольской писаницы, хребет Арга (по: [Appelgren-Kivalo, 1931, р. 58, abb. 304–308]); 4 – фигура [Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 304–308] (реконструкция Н.И. Рыбакова); 5 – персонаж, Подкамень (по: [Appelgren-Kivalo, 1931]); 6 – носители ваджр, хр. Арга, Ошкольская писаница (перевод автора); 7 – громовнические стрелы, Междуречье Июсов; 8 – персонаж, фрагмент, Ключинские писаницы; 9 – фигура праведника, Подкамень (материалы Н.И. Рыбакова)

Аскетический идеал «небесного воителя в «Одеждах Вечности» [Кефалайя, 1998, с. 56, 83] сирийско-христианской, персидско-хараанской языческой традиции и «вещного» облика буддиста-закононаставника мог найти воплощение в «Облике» миссионера на перекрестке Великого Шелкового пути между Западом, Востоком и Индией. Языковые формулы: «Мани-Будда»; «Мой Отец-Мани-Будда»; «Будда Майтрейя, Мани мар Апостол: он принес ... спасение ... от праведного Бога, Отца Света» [Klimkeit, 1998, с. 243] – оказывают содействие в понимании вопросов конфессиональной согласованности (хотя и временной) двух учений, выраженных в «священном языке», проповеднической одежде Небесных воителей. Как «живой» символ космогонического явления между светом и тьмой одежда Будды в его «прежнем облике», по документам китайских хроник, была предметом дипломатических даров [Бартольд, 1973, с. 54–55; Малявкин, 1983, с. 236]. Среди важных источников приводим сообщение из китайских хроник (V в.): «...в конце царствования государя Вынь-чен (453–465) кашгарский владетель в 465 г. прислал (ко Двору) со своим посланником ризу *Шагя-мониеву*, которая имела длину около 20-ти футов» [Бичурин, 1950, с. 258]. Ответными дарами могли быть «длинные одеяния» [Бичурин, 1950, с. 309]. Как дополнение, об обитателях западного края Босы (Персия): «...мужчины стригут волосы. У платья не обрезают пол» [Бичурин, 1950, с. 325].

Дополнительные свидетельства являются своеобразным ориентиром к нашей интерпретации. Из всего сказанного следует, что риза *Шагя-мониева* фактически представляет материализованный реликт, универсальную форму не только для круга дипломатических даров, а и имитацию боевого и парадного «доспеха» в метафорическом качестве эсхатологических переживаний – религиозный символ манихейского сектанства на миссионерских путях Запад–Восток, Юг–Север.

В череде шествующих второй персонаж, отрок (шраманера – будд.) с пером на голове, – в состоянии возвышенной одухотворенности. Во всех религиях Востока – это образ мальчика – «Души, тоскующей по спасению», наделенного способностью говорить с высшими божествами, обладающего даром предвидения, так как он «получил от Будды мудрость» [Klimkeit, 1998, с. 261, 296; Туччи, 2005, с. 295]. Но такой атрибут, как перо на голове, символ небесной харизмы избранных, имел место в центрально-азиатской культурной традиции с древности до позднего средневековья [Мэнь-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 413; Левшин, 1832, с. 16]. Почетные церемониальные перья являлись эмблемой меткого стрелка в пределах азиатского кочевого мира периода кок-тюрок (VI–VIII вв.) и Уйгурского государства (IX–X вв.) [Esin Emel, Beduk Bork, 1970, с. 112–114].

Заметим, по нормам внутренней организации среды буддийских сообществ, минимальная община составляла группу из трех праведников, принявших сан. Трое наших взрослых адептов в тиарах собственно отвечают требованиям этой традиции.

Как было замечено выше, на лбах каждого миссионера возложена круглая эмблема. Все попытки исследователей в отечественной и зарубежной историографии по поводу феномена енисейских «загадочных фигур», якобы имеющих отношение к миссионерской деятельности несториан или даже язычников-шаманистов, в силу тех свидетельств которыми мы обладаем, не имеют оснований. Несториане, по известным причинам, не могли возложить на лбы языческий знак. Под знаком обретения христианского «древа крестного», они несли кресты [Хвольсон, 1886, с. 34; Пигулевская, 1956, с. 104–105; Джумагулов, 1987, с. 38–39]. Равносторонний крест – символ несто-

рианской церкви [Lieu, 1998, с. 179]. Кроме того, несторианские священники носили двухслойные одежды: красно-белое короткое пальто поверх длинного зеленого стихаря *эйбу* [Gulacsi, 2005, с. 24].

Круглая эмблема (знак сакральной субстанции) – распространенный символ, имеющий глубокие корни в изначальной традиции Древнего Востока: Око Бога, Слово (Логос) (не затрагиваем древнейший известный графический архетип-символ «точка в круге» эпохи неолита и бронзы, распространенный почти на всем юге Евразии). В религиозно-мистических учениях поздней античности «третий духовный глаз (в буддизме – моносиллаба Ом [Генон, 2004, с. 264, 300], Семя Будды [Валиханов, 1958, с. 400], космический знак Будды [Esin Emel, Beduk Bork, 1970, с. 19]; в манихействе – Око Зурвана-Мани-Будды, Благая весть Иисуса – Сияние (парф. текст, М. 42); в тюркской религиозности, как вариант – харизма удачи – Gut [Скрынников, 1992, с. 80]) – отвечал требованиям трансцендентных знаний на пути самопознания и самоусовершенствования. Дополнительные примеры из манихейской литературы: «...и мы утвердим нашу руку в молитве и открытый наш глаз к твоей (Иисус. – *Н.Р.*) фигуре» [гимн на сред. персидск. М. 28 II; Asmussen, 1975, с. 107], или «...мы пойдем за Спасителем, нашим верхним глазом, и нашим ухом, которым мы слышим» (фрагмент гимна «Мы исполняли бы»). Множественные примеры распространения солярно-лунарного знака на лбах (тиарах) носителей характерны для мелкой пластики греко-бактрийской культуры, кушанской и Древнего Согда [Мешкерис, 1989, с. 25; Ставиский, 1998, с. 146]. Знак отмечен в культовых сценах живописи Пенджикента и круглой скульптуре [Беленицкий, 1973, с. 19, 26], в астрологическом пантеоне символов Центральной Азии [Кочетова, 1947, с. 476], иконографии памятников Хотана в виде золотых дисков на шляпе киргизского принца [Le Cog, 1925, fig. 69]. В росписи «пещеры Майя» в Кызыле солярно-лунарный знак увенчивает головы божеств [Дьяконов, 1954, с. 152, рис. 25].

Формальное сходство и подобие знака в культурно-историческом контексте и продвижении во времени не означают всякий раз тождественность его вариантов. Однако нет оснований подвергать сомнению этот архетипический символ, сохраняющий свою магическую семантику, воспринятый манихеями и возложенный на их тиары – он упомянут в Турфанской манихейской литературе как «Диадема владычества» [Klimkeit, 1998, с. 230].

Знак Диадема Владычества (Око Зурвана-Мани-Будды, «символ познания» [Рыбаков, 2007в, с. 121–134]) явился своеобразной формой «пропуска», узнаваемого без объяснений, по месту и времени на всех путях продвижения манихейской проповеди в пределах территорий Средней и Центральной Азии. На рисунке 2.-8–9 представлены фрагменты двух фигур священнослужителей: первый несет два знака «круг в круге» непосредственно на мантии (астролог? – памятник не опубликован); второй – в наряде праведника с формально-тождественной диадемой на тиаре (Подкамень, Барбаковы горы – материалы Н.И. Рыбакова). К этому же ряду персонажей, как следует понимать, относится и отмеченный И.-Р. Аспелиным «священнослужитель» с солярно-лунарной диадемой на короне (Подкамень). Не все специфические черты культового одеяния и другие характеристики иконографии памятника «Четыре фигуры, гора Барстаг» затронуты в этом изложении. Такая деталь, как знак «круг в круге», входит в общий корпус солярно-лунарных знаковых визуальных источников междуречья Июсов (см.: [Рыбаков, 2008, с. 60–82]).

Предварительные выводы

1. Из всего сказанного следует, что пришельцы чужой религиозной традиции являются манихеями, но мы не знаем, какая манихейская секта (секты) пришла на Июсы, к какой консорции она принадлежала. Мы наметили только контуры религиозного явления по фактам Июсской иконографии.

2. Первичный иконографический материал, которым мы располагаем, представляет уникальные образы камне-графического искусства в среде енисейских петроглифов. Репертуар мотива, композиционные качества, подчеркнутая иерархия в череде шествующих персонажей, набор изобразительных атрибутов и символов «божественной причастности» являются в определенной мере культурно-историческим импортом чужеродной религиозной традиции.

3. Внешность костюмированных в проповеднические одежды пришельцев, носителей ваджр, с некоторыми элементами буддийского содержания характеризует их региональное или сектантское отличие. Иконографический аспект разнотипных тиар и элементы этнической примеси могут говорить о временно восстановленном религиозном сообществе, как социально-исторический фактор принудительных гонений.

4. Минимальный изобразительный факт фигуративного мотива – тиара адепта-старца, шествующего в центре группы проповедников, может быть гипотетически соотносим с деталями образов турфанских изображений. А в целом июсская иконография не находит явных реминисценций в своде турфанской живописи.

5. Вместе с тем нет оснований отделять проблематичный фактор «чужеродного импорта» от известных фактов манихейской истории из окружения Восточной манихейской церкви, главным религиозным центром которой был средневековый Согд. Начальная идентификация Июсских источников, как полагает автор, должна быть ориентирована на Месопотамский манихейский исход и среднеазиатское визуальное культовое искусство эпохи средневековья (памятники: Пенджикент, Варахша, Афрасиаб и т.д.).

6. Наличие декоративных украшений в наряде носителей ваджр характеризует языческие культовые компоненты пока неизвестной религиозно-исторической ориентации.

Библиографический список

- Андросов В.П. Словарь индо-тибетского и русского буддизма. М.: Вестком, 2000.
Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. СПб., 1897.
Бартольд В.В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 54–55.
Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.
Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1–2.
Валиханов Ч. Избранные произведения / под ред. А.Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958.
Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя Летопись // История буддизма в Тибете. VI–XV вв. / пер. Ю.Н. Рериха. СПб.: Евразия, 2001.
Зороастрийские тексты / издание подготовлено О.М. Чугуновой. М., 1997.
Джумагулов Ч.Д. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1987. Вып. 3.
Дьяконов М.М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись Древнего Пенджикента. М., 1954.
Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
Кефалай («Главы») Коптский манихейский трактат / пер., ком., глосс. Е.Б. Смагиной. М., 1998.

- Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Кочетова С.М. Божества светил в живописи Хара-хото // Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Государственный Эрмитаж. Л., 1947. Т. IV.
- Кызласов Л.Р. Мани и манихейство. М.; Абакан, 1999.
- Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока: сб. к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. М., 2004.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих орд и степей // Этнографические известия. СПб., 1832. Ч. II.
- Литвинский Б.А. Буддизм и средневековая цивилизация // Индийская культура и буддизм: сб. памяти Ф.И. Щербатского. М., 1972.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Маявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.
- Мешкерис В.А. Согдийская терракота / под ред. Т.В. Антонова. Душанбе, 1989.
- Мэнь-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П.С. Попова. 1895.
- Панкова С.В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2002.
- Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946.
- Потанин Г.Н., Подгорбунский И.А. Каталог. Буддизм. Иркутск, 1888. ИВОИРГО, отд. 2.
- Рыбаков Н.И. Феномен иконографического свойства: причина и следствие заблуждений... // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007а. Вып. 3.
- Рыбаков Н.И. Енисейские муже-девы в мантиях: кто они? // Алтай-Саянская горная страна и истории освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007б.
- Рыбаков Н.И. Око Зурвана Мани-Будды. По следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887–89) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007в. Вып. 5.
- Рыбаков Н.И. «Солнце-луна» в петроглифах Июских степей // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2008. Вып. II.
- Скрынникова Т.Д. Представление монголов о сакральности правителя // Тюркские и монгольские письменные памятники. М., 1992.
- Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998. С. 146.
- Сычев Л.П. Традиционное воплощение принципа Инь-Ян в китайском ритуальном платье // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
- Туччи Дж. Религии Тибета / пер. с итал. О.В. Альбериль. СПб., 2005.
- Хвольсон Д. Предварительные заметки о найденных в Семиреченской обл. сирийских надгробных надписях // Христианские памятники в Семиреченской обл. Оттиск из ЗВОИРАО. СПб., 1886. Т. 1.
- Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.
- Asmussen Jes P. Manichaean Literature. Representative Texts Chiefly from Middle Persian and Parthian Writings // Persian Heritage Series №22. Scholars' Facsimiles, Reprints. Delmar; New-York, 1975.
- Esin Emel, Beduk Bork. The iconography of Turkish Honorific Headgears // Proceedings of the IX-th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Naples, 1970.
- Culaczi, Zsuzsanna. Mediaeval Manichaean book art: a codicological study of Iranian and Turkic illuminated book fragments from 8th–11 th century east Central Asia (Nag Hammadi and Manichaean studies, BRILL. Leiden; Boston, 2005.
- Klimkeit H.J. Selected Studies. Heuser M., Klimkeit H.J., Studies in Manichaean, Literature and art. Brill. Leiden; Boston; Köln, 1998.
- Le Cog. Bilderatlas zum Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925.
- Maenchen-Helfen O. Manichaens in Siberia // Semitic and Oriental Studies. Berkeley. Los Angeles, 1951.
- Beal Samuel. Si-yu-ci. Buddhist Records of Western World. London, 1906. Vol. 1.
- Lieu S.N.C. Manichaeism in Central Asia and China // Naghammadi and Manichaean Studies // Brill. Leiden; Boston; Köln, 1998.

В.Н. Владимиров, Ю.Т. Мамадаков, Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ ПАМЯТНИКА БЕЛЫЙ БОМ-II

Цель настоящей статьи – введение в научный оборот материалов исследований ритуальных сооружений на памятнике Белый Бом-II. Публикуемые сведения происходят из отчетов В.Н. Владимирова [1981], Ю.Т. Мамадакова [1981] и Г.Д. Глоба [1981], хранящихся в архиве Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Погребально-поминальный комплекс Белый Бом-II расположен в 2,5–3 км к юго-юго-востоку от с. Белый Бом на второй надпойменной террасе левого берега Чуи, в вытянутой с юго-востока на северо-запад долине, между высокими, крутыми склонами гор Сальджарского и Северо-Чуйского хребтов, в 50–70 м к востоку от дороги, ведущей к озеру, и в 5,5 км к югу от с. Иня Онгудайского района Республики Алтай. На противоположном обрывистом берегу Чуи находится Чуйский тракт.

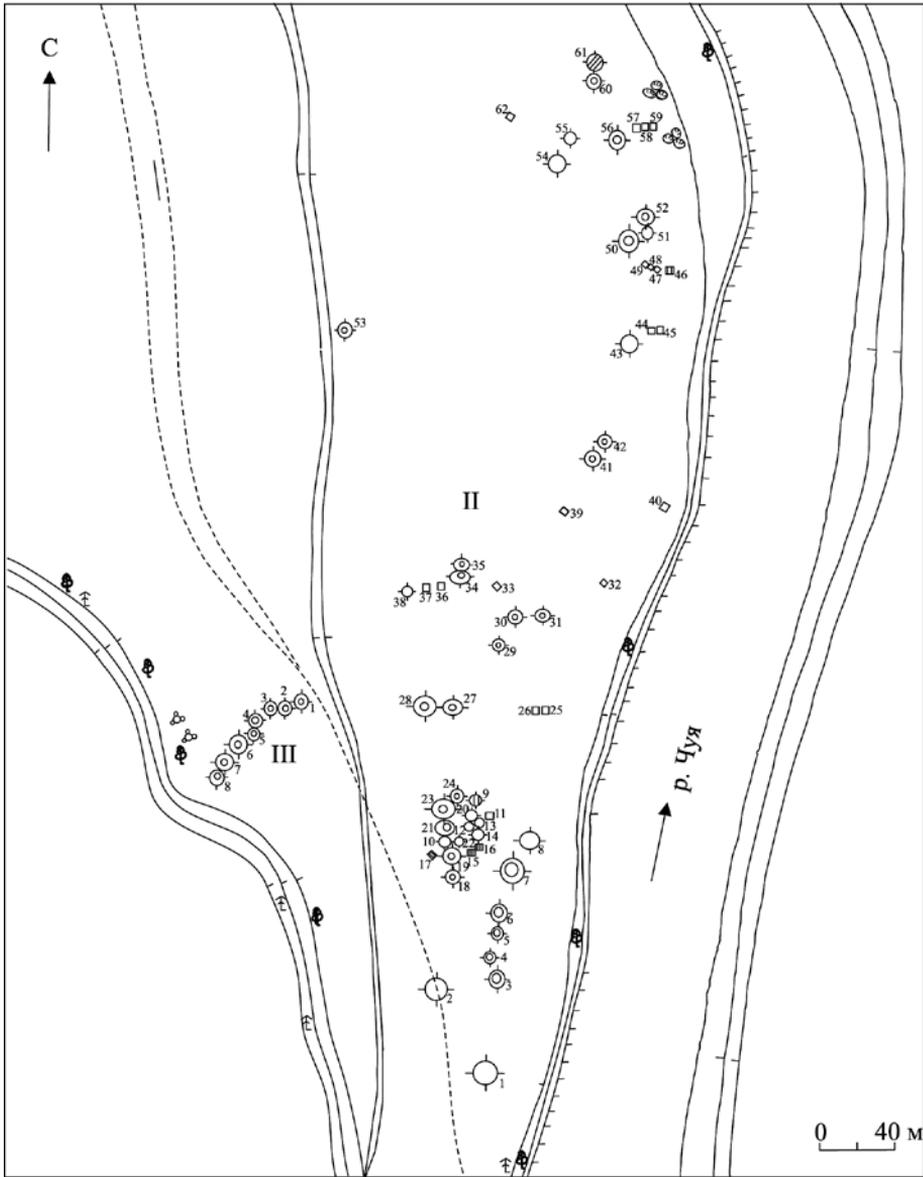
Памятник состоит из более 62 археологических объектов (рис. 1), датирующихся от раннего железного века до раннего средневековья включительно (пазырыкская, булан-кобинская, тюркская культуры). Размеры сооружений варьируются от 5 до 25 м, высота – от 0,2 до 1 м. Курганы могильника вытянуты двумя цепочками с юго-запада на северо-восток. С восточной стороны больших курганов расположены объекты меньших размеров. В центральной части у многих сооружений отмечены западины.

Могильник впервые был зафиксирован в 1980 г. М.Т. Абдулганеевым. В том же году раскопки на памятнике производились археологическими отрядами под руководством В.Н. Владимирова, Ю.Т. Мамадакова и Г.Д. Глоба [Владимиров, 1981; Мамадаков, 1981; Владимиров, Глоба, 1981; Глоба, 1983]. В целях осуществления аварийных раскопок и составления археологической карты Алтайского края В.Н. Владимиров вскрыл на памятнике шесть объектов: курган пазырыкской культуры (№28), три оградки тюркской культуры (№57–59) и два скопления камней (№1 и 2) (рис. 2). В 1981 г. Онгудайский отряд Алтайской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Т. Мамадакова осуществил раскопки трех курганов (№9, 17, 61) и двух оградок (№16 и 46). Результаты исследований пазырыкских курганов №28 и 61 опубликованы [Владимиров, Шульга, 1984, с. 98, рис. 1.-1, 3; 2.-2–7, 12–13]. Отрядом Г.Д. Глоба в том же году раскопано четыре кургана «гунно-сарматского» времени (всего 14 погребений) и несколько оградок тюркской культуры (№11, 15). Дальнейшие работы на памятнике были возобновлены во 2-й половине 1980-х гг. Горно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Т. Мамадакова [1987].

Основную массу изученных за весь период объектов составили курганы II–V вв. н.э. Согласно современной периодизации они относятся к разным этапам развития булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2002]. Результаты раскопок эти погребений частично введены в научный оборот [Глоба, 1983; Мамадаков, 1987].

Остановимся на характеристике исследованных в пределах памятника ритуальных сооружений.

Скопление камней 1. Объект обнаружен в северо-восточной части могильника (рис. 1). На поверхности прослеживалась небольшая куча камней размерами 1,2х1 м (рис. 2.-а). Размеры камней варьировались от 0,2х0,2 до 0,3х1 м. Предварительно соо-

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- раскопанный курган	- грабленный курган	- курган, №
- раскопанная оградка	- кустарник	- обрыв берега реки
- лиственные деревья	- хвойные деревья	- скопление камней
- река и направление ее течения	- поминальник	- тропа

сечение горизонталей через 3 м

Рис. 1. Планы памятников Белый Бом-II-III

ружение было определено как курган, однако после зачистки площади объекта и снятия камней наброски обнаружено полное отсутствие признаков погребения.

Скопление камней 2. Объект находился в непосредственной близости от скопления камней 1 и внешне почти ничем от него не отличался, за исключением хорошо видимых на поверхности двух плит, лежавших друг к другу под углом, близким к прямому (рис. 2.-б). Размеры сооружения практически идентичны предыдущему объекту. После снятия камней признаки погребения не обнаружены.

Оградки №57–59. Располагались в северо-восточной части памятника (рис. 1). Внешне они напоминали курганы и на поверхности были отмечены перекрывающимися друг друга всхолмлениями из рваных камней и плит. Вследствие этого все три объекта исследовались одним раскопом, в который было включено и предполагаемое сооружение из камней, завершающееся стелой к югу от оградки №58. Длина раскопа составила 12,5 м, наибольшая ширина – 7 м, наименьшая – 6 м.

После снятия дерна и зачистки камней выяснилось наличие трех рядом стоящих сооружений из поставленных на ребро каменных плит (рис. 3.-а). Стенку каждой оградки составляли две-три плиты. Размеры оградок следующие: 3,65x3,75 м; 3,6x3,8 м; 2,8x2,5 м. Объекты ориентированы с небольшим отклонением по линии 3–В. Внутреннее пространство сооружений было заполнено камнями. После зачистки в центре каждой оградки

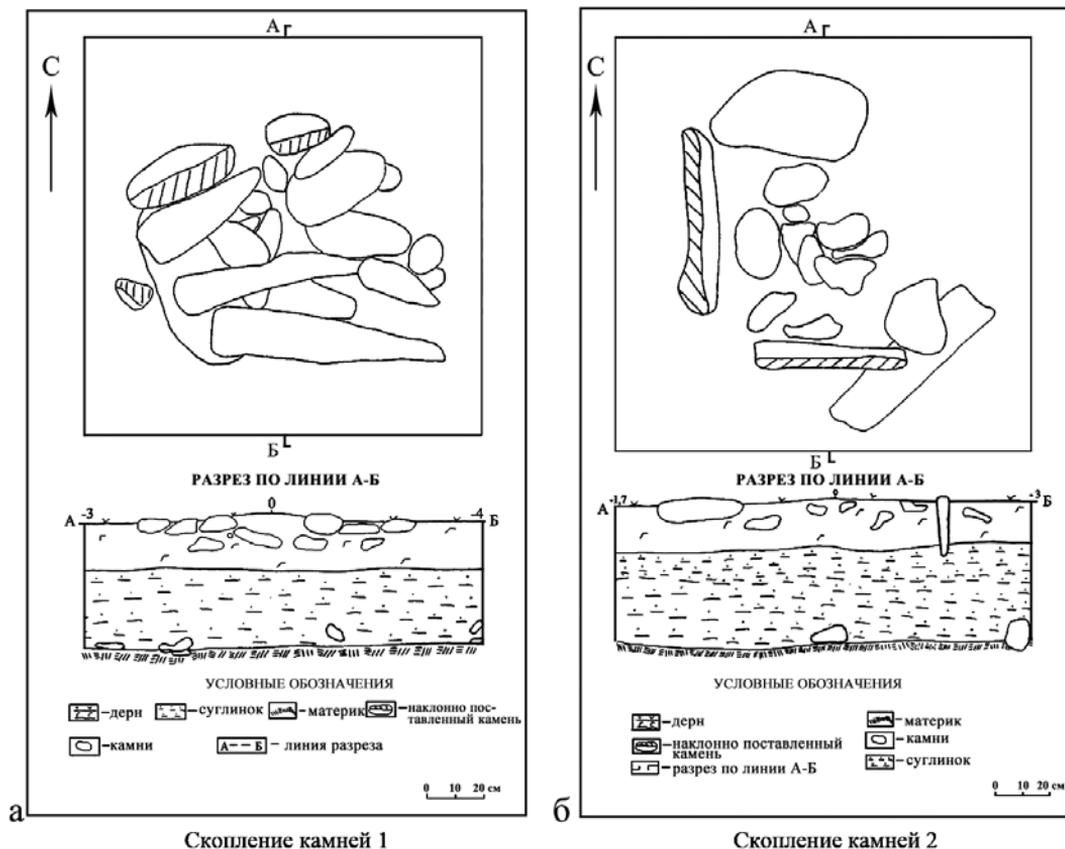
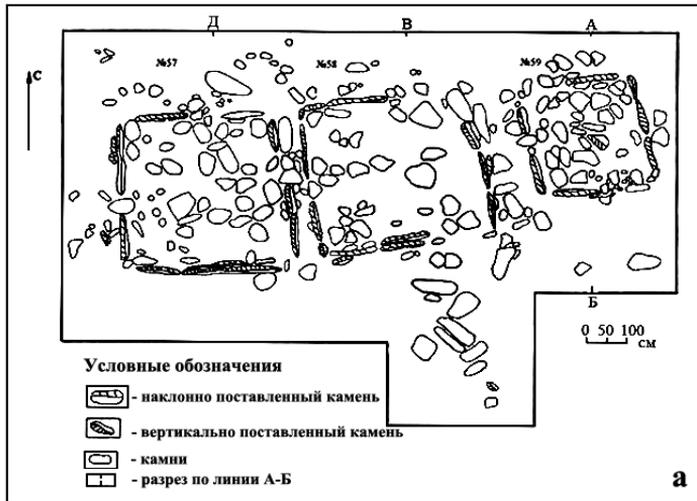
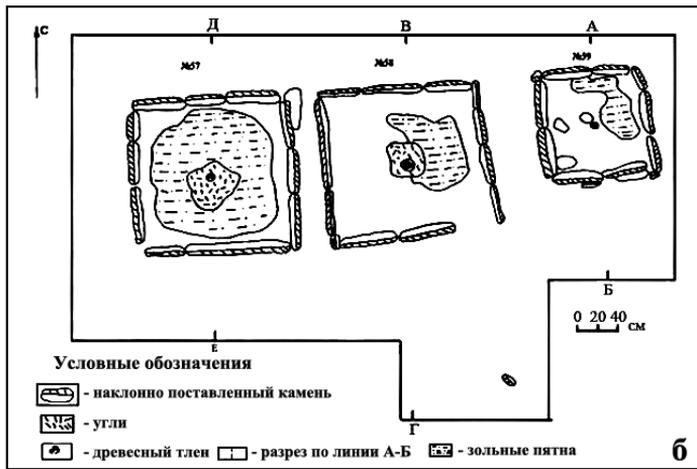

Рис. 2. Скопление камней 1 и 2. Планы и разрезы

Оградки №57—59 после снятия дерна

Оградки №57—59 после расчистки

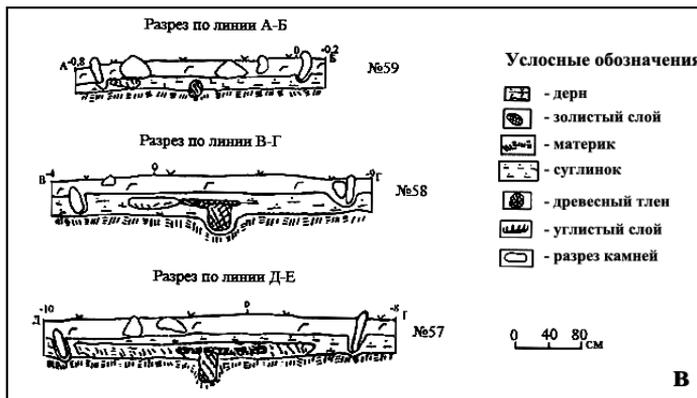

Рис. 3. Оградки №57—59 и их разрезы

отмечены остатки дерева, вокруг которых выявлены угли и зольные пятна (рис. 3.-б). Диаметр деревянных столбов из оградки №57 – 16 см, оградки №58 – 24 см, оградки №59 – 12 см, а их длина доходила до 70 см от уровня современной поверхности (рис. 3.-в). Ни в одной из конструкций вещественные материалы не обнаружены.

Скудными оказались сведения об оградках №11 и 15. Имеются лишь планы раскопанных объектов (рис. 4–5), но соответствующее текстовое описание отсутствует. Внутри оградки №11 предположительно обнаружена вещественная находка (?) (рис. 4.-б).

Оградка №16. Располагалась в 21 м к югу от кургана №9 и вплотную с северо-востока к раскопанной Г.Д. Глоба оградке №15 (рис. 1). Сильно задернованное сооружение на поверхности было отмечено слабым всхолмлением подпрямоугольной формы. Параметры оградки следующие: 4,1 м – по линии Ю–С и 3,8 м – по линии 3–В. Высота объекта – 0,18 м. Для изучения памятника был заложен раскоп квадратной формы размерами 4,24x4,24 м. После сня-

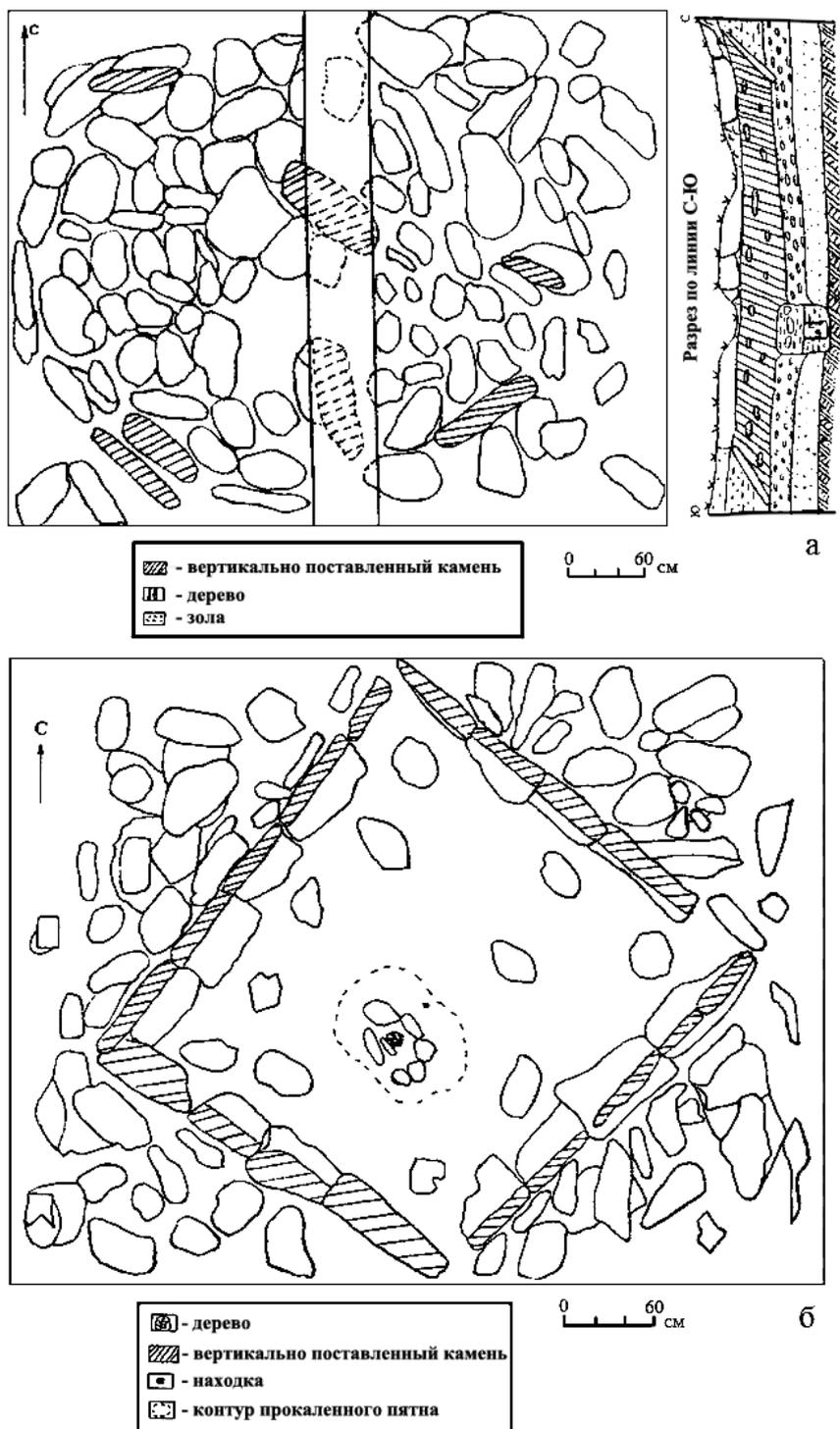

Рис. 4. Оградка №11

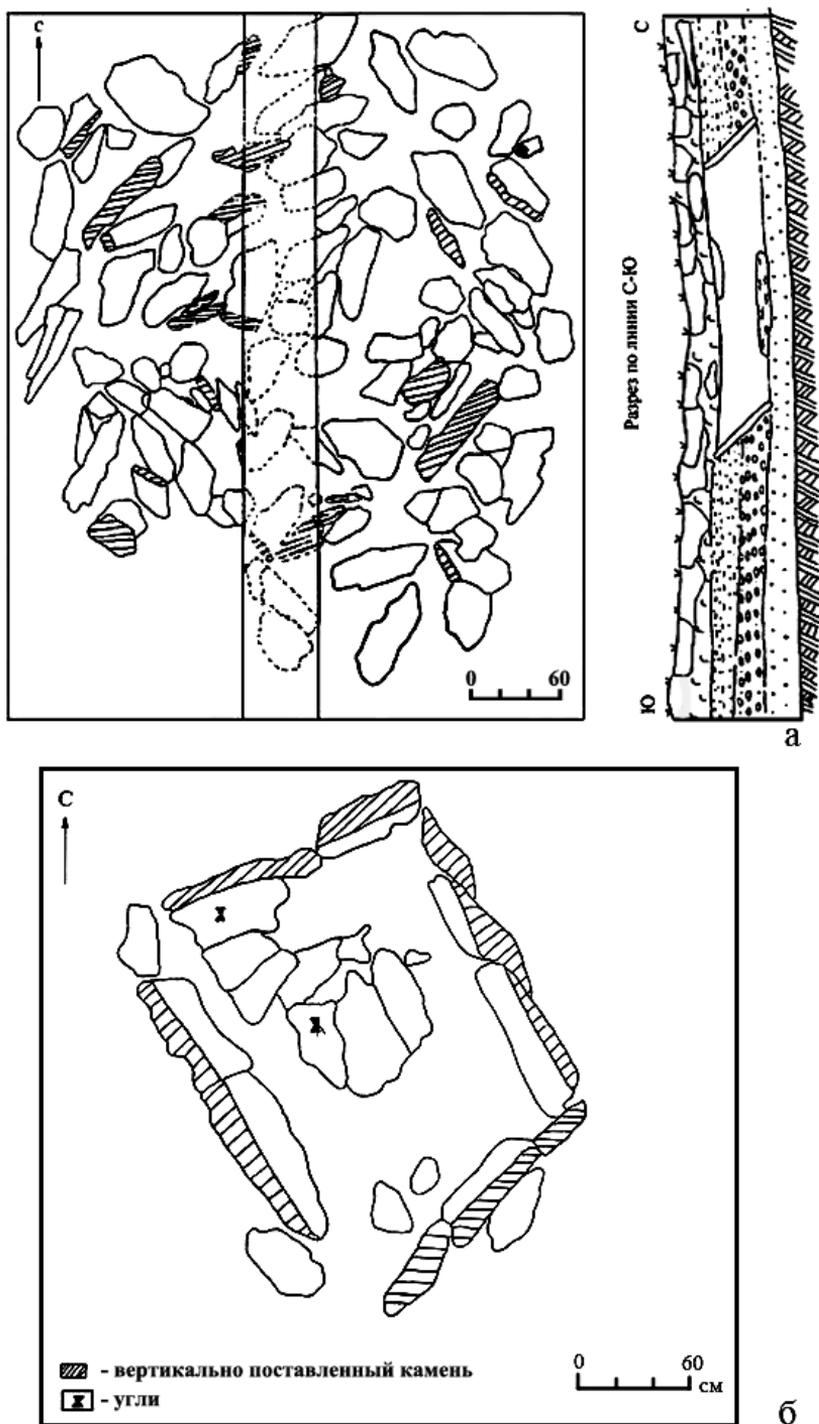

Рис. 5. Оградка №15

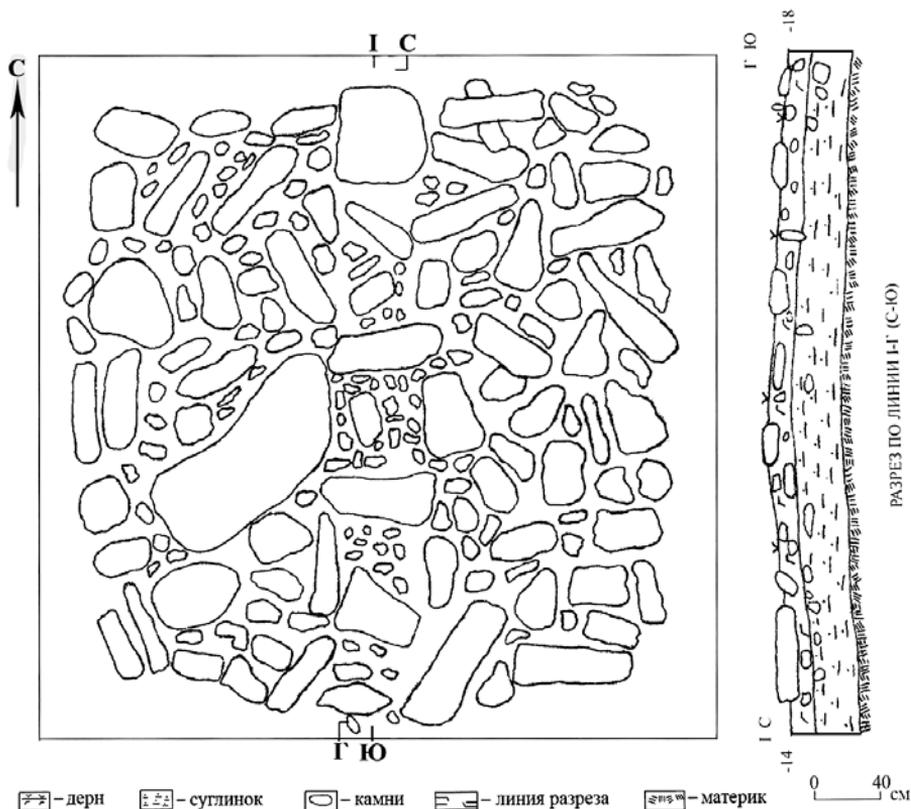

Рис. 6. Оградка №16 после снятия дерна

тия дерна выявлена конструкция сооружения в виде наброски из расположенных без определенного порядка рваных камней и плит (рис. 6). Наибольший размер последних составил 1,4x0,54x0,1 м. В результате произведенного исследования ни в оградке, ни за ее пределами культурных остатков не обнаружено.

Разрез по линии Ю–С (рис. 6). Длина разреза составила 4,24 м, мощность гумуса – до 0,16 м. В гумусе встречены рваные камни и плиты. Светло-коричневый суглинок имел толщину 0,30 м. В нем также обнаружены рваные камни. Материк представлял собой желтую глину со щебнем и валунами.

Оградка №46 (рис. 7). Расположена в 310 м к северо-северо-востоку от кургана №9 (рис. 1). На поверхности объект выделялся слабым всхолмлением подпрямоугольной формы. Его первоначальные параметры следующие: 4 м – по линии Ю–С и 3,8 м – по линии З–В. Высота сооружения – 0,19 м. В 0,2 м к северо-западу от насыпи оградки найдена наклонно установленная по отношению к ее стенке каменная стела. Над уровнем современной поверхности камень выступал на 0,18 м. Его ширина составила 0,27 м, а толщина – 0,07 м. Для более детального изучения на объекте был заложен квадратный раскоп размерами 4,6x4,6 м. После снятия гумуса обнаружена квадратная оградка размерами 3,8x3,8 м, сооруженная из каменных плит размерами 0,9x0,37x0,06 м. Внутреннее пространство объекта было заполнено в основном рваными камнями; встречены сланцевые плиты (рис. 7.-а).

Оградки №11, 15–16 и 46 представляют собой одиночные конструкции. Первые три объекта были сооружены с восточной стороны и вплотную к курганам булан-кобинской культуры. Внутри оградки №11, как и при исследовании объектов №57–59, отмечена столбовая ямка с остатками дерева.

Оградка №46 выявлена в северо-восточной части могильного поля, около рядом стоявших оградок №47–49, оставшихся нераскопанными (рис. 1). Она относится к объектам со стелой/изваянием с внешней стороны ограждения. Нетипично то, что стела установлена с северной стороны. Заметим, что северная и западная ориентация стел/изваяний довольно редка для ритуальных памятников тюркской культуры Алтая. Тем не менее она встречена еще на нескольких комплексах из Центрального Алтая: Булан-Кобы-IV, Яломан-II и др. [Мамадаков, 1994; Горбунов, Тишкин, 2007; и др.].

Скопления камней 1 и 2 не могут быть пока четко идентифицированы. Возможно, они представляют собой остатки разрушенных оградок.

Общая планиграфия могильника Белый Бом-II позволяет сделать некоторые выводы относительно порядка устройства составляющих его ритуальных объектов тюркской культуры. Часть оградок сооружались на довольно близком расстоянии, а иногда и вплотную к курганам булан-кобинской культуры. Другие сооружения разбросаны на могильном поле без определенного порядка и взаимосвязь между конкретными объектами не наблюдается.

По совокупности конструктивных параметров ритуальные сооружения памятника Белый Бом-II датируются в довольно широких хронологических пределах, соответствующих времени существования тюркской культуры Алтая.

Архивные источники

Владимиров В.Н. Отчет о летних полевых работах 1980 г. в Онгудайском и Усть-Канском районах Горно-Алтайской автономной области Алтайского края. Барнаул, 1981. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №18).

Мамадаков Ю.Т. Отчет об археологических исследованиях Онгудайского отряда Алтайской археологической экспедиции в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области в 1980 г. Барнаул, 1981. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №25).

Библиографический список

- Владимиров В.Н., Глоба Г.Д. Раскопки у с. Белый Бом // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 172–173.
- Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 97–104.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 119–124. (Труды САИПИ. Вып. 3).
- Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 197–203.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.
- Шелепова Е.В. Некоторые аспекты изучения тюркских ритуальных комплексов Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 111–115.

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

С.П. Грушин, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАХОДОК ДРЕВЕСИНЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЙ БРОНЗЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ*

Остатки древесины в памятниках раннего бронзового века на юге Западной Сибири – достаточно редкое явление. Поэтому каждая подобная находка заслуживает особого внимания. Для комплексов елунинской культуры Обь-Иртышского междуречья можно выделить несколько обстоятельств обнаружения археологической древесины. Первая группа представлена остатками погребальных внутримогильных конструкций (рис. 1.-6). Среди них можно назвать остатки погребальной камеры и подстилки (рис. 1.-7–11; фото 10 на цв. вкл.). Вторая группа – это сохранившиеся детали орудий и оружия: фрагмент древка стрелы (рис. 1.-1; фото 11 на цв. вкл.), рукояти шильев (рис. 1.-2–4), наконечник стрелы-томар (рис. 1.-5; фото 12.-1 на цв. вкл.) и др. Третья группа – недиагностируемые фрагменты, связанные с деревьями или кустарниками (берестяные обрывки, деревянные обломки и т.д.).

В данной статье представлены результаты видового определения фрагментов древесины из базовых археологических памятников елунинской культуры – поселения Березовая Лука и могильника Телеутский Взвоз-I. Эти заключения выполнены высококвалифицированным специалистом, кандидатом биологических наук, научным сотрудником Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой. Отобранные пробы древесины и растительных остатков идентифицированы микроскопическим методом по анатомическим признакам. Исследования некоторых образцов дополнительно проводились в Алтайском государственном университете к.г.н. Н.И. Быковым.

Одним из уникальных памятников бронзового века на юге Западной Сибири является поселение Березовая Лука, расположенное близ с. Безголосово на правом берегу Алея в Алейском районе Алтайского края [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011]. За период исследования был вскрыт участок культурного слоя более 1700 кв. м площади, непосредственно находившийся в зоне разрушения. На поселении открыты и исследованы более 1000 столбовых и хозяйственных ям, более десятка зольников, ряд очагов, пять жилищных комплексов и несколько хозяйственных построек. Многочисленный археологический материал представлен сотнями тысяч единиц. Подавляющее большинство из них – это отходы косторезного

---

* Работа выполнена в рамках реализации проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» «Система жизнеобеспечения и производства населения Алтая в эпоху энеолита и ранней бронзы (2 пол. IV – начало II тыс. до н.э.)» (гос. контракт №П1140) и при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №10-06-00476-а «Комплексный анализ деревянных изделий из археологических памятников Алтая: ксилотомика, дендрохронология, трасология»).

производства, кухонные и пищевые отбросы. Второе место по численности занимают фрагменты керамической посуды, насчитывая более 20 тыс. экз. Обломки каменных орудий составляют несколько тысяч предметов. На поселении обнаружены также металлические предметы, их обломки, следы металлургического производства – шлаки,

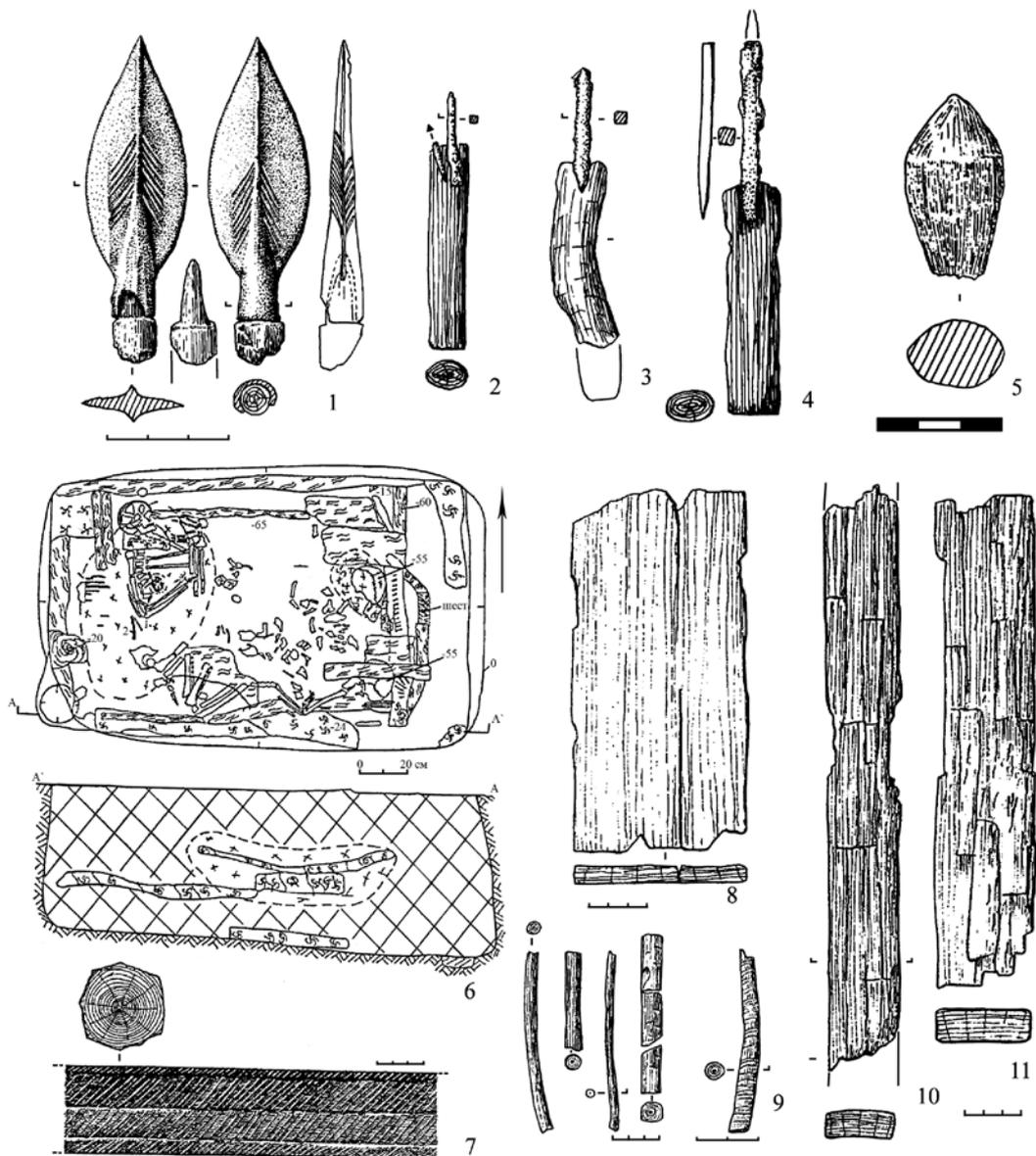

Рис. 1. Археологическая древесина из могильника елуинской культуры Телеутский Взвоз-I: 1 – бронзовый наконечник стрелы с остатками древка; 2–4 – металлические шилья с рукоятями; 5 – наконечник «томары»; 6 – план и разрез погребения с остатками погребальной камеры; 7 – шест с орнаментом; 8, 10–11 – детали погребальной камеры; 9 – фрагменты прутиков от погребальной подстилки (1 – могила №29; 2 – могила №16; 3 – могила №11; 4 – могила №34; 5 – могила №1; 6–11 – могила №32)

руда, окалины. Самая маленькая группа находок – остатки древесины. Основное количество представлено в виде углей плохой сохранности. Кроме этого, в четвертом слое квадрата В'-12' (раскоп №2) был обнаружен фрагмент, который определен М.И. Колосовой как береста. О том, что кора березы широко использовалась «елунинцами», свидетельствуют находки фрагментов погребальных подстилок [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003]. Таким образом, береста применялась не только для оформления могилы, но и в хозяйственно-бытовой сфере.

Большая часть диагностируемой археологической древесины происходит из могильника Телеутский Взвоз-І. Данный памятник – самый большой по числу исследованных елунических захоронений (около 50 объектов). Он расположен на высоком (до 70 м) мысу левого берега Оби, в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края. Основные археологические раскопки на памятнике осуществлялись в 1996–2003 гг. [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2001; Грушин, 2001, 2007; и др.]. Результаты его комплексного изучения нашли отражение в двух монографиях, посвященных монгольскому [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002] и елуническому погребальным комплексам [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003].

При исследовании могилы №32 на Телеутском Взвозе-І были обнаружены сохранившиеся остатки погребальной камеры и подстилки, на которой находились останки человека (рис. 1.-6–11; фото 10 на цв. вкл.). Сохранность органики в данном объекте объясняется особенностями реализованного обряда, который предполагал частичное сожжение погребальной конструкции после помещения тела умершего. В связи с этим могила носит многочисленные следы воздействия огня и высоких температур – прокалы оранжевого цвета, обугленные кости, уголь. Сохранившиеся образцы представлены орнаментированным «елочкой» граненым шестом (рис. 1.-7), плашками и прутиками от погребальной подстилки (рис. 1.-8–11).

Подстилка состояла из уложенных продольно на дно могильной ямы прутиков диаметром до 1 см (рис. 1.-9). Видовые определения данных остатков показали, что при ее сооружении использовались прутики ивы (*Salix sp.*) – перфорации сосудов простые; сосудистая и сосудисто-паренхимная поровости крупные, точечные; сосуды малые, группирующиеся, рассеянные; лучи гетерогенные, однорядные; контактно-изолированные (определения М.И. Колосовой). В некоторых областях России в повседневной речи используют для обозначения этого растения слово «талыник». Данное дерево растет по берегам рек. В большом количестве оно произрастает и в пойме Оби, на берегу которой и расположен могильник Телеутский Взвоз-І.

Из могилы №1 данного памятника происходит деревянный наконечник стрелы (рис. 1.-5; фото 12 на цв. вкл.). Томар предназначен для охоты на пушного зверя. Получены следующие результаты определения вида дерева, из которого был изготовлен найденный предмет:

1. Определение М.И. Колосовой: сосна обыкновенная (*Pinus silvestris L.*) – эпителий смоляных ходов тонкостенный; стенки лучевых трахеид с четко выраженными зубцами; на поле перекреста простые оконцевые поры.

2. Определение Н.И. Быкова: поперечный срез: граница между годичными кольцами отчетливая; переход от ранней древесины к поздней нерезкий; в ранней древесине трахеиды чаще всего 5–6-угольные; смоляные ходы. Радиальный срез: окаймленные поры на стенках трахеид расположены в один ряд; имеются лучевые трахеиды;

горизонтальные стенки лучевых трахеид зубчатые (зубчатость слабо выражена); на полях перекреста находятся оконцевые поры; обильно встречаются спиральные «щели» во вторичной клеточной стенке вертикальных трахеид.

Вывод. Сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris*), продольная ось предмета совпадает с вертикальной осью использованного дерева, на образце также находится центр данного дерева. Вероятно, использована ветка.

В могиле №29 был обнаружен бронзовый наконечник стрелы, во втулке которого сохранились остатки древка (рис. 1.-1). Его изучение дало следующие результаты:

1. Определение М.И. Колосовой: крушина ломкая (*Frangula alnus* Mile) – перфорации сосудов простые; сосудистая и сосудисто-паренхимная поровости точечные, крупные; сосуды малые и средние, группирующиеся, рассеянные; лучи слабо гетерогенные и гетерогенные, шириной до 3–4 клеток, контактно-изолированные.

2. Определение Н.И. Быкова: поперечный срез: рассеянно-сосудистая древесина, сосуды одиночные; тангенциальный: лучи 1–3-рядные; радиальный срез: гетерогенность лучей слабо выражена; лучи состоят из лежачих клеток с одним рядом краевых стоячих клеток; встречаются лестничные перфорации.

Вывод. Установить точно не удалось, возможны минимум два варианта *Frangula alnus* (крушина ломкая), *Viburnum opulus* (калина обыкновенная). Требуются дополнительные исследования. Древко изготовлено из ветки или стволика древесного растения. Щепление при обработке не использовалось.

Опираясь на осуществленные определения в Государственном Эрмитаже, вероятнее всего, древко было изготовлено из крушины. Латинское название происходит от глагола *frangere* – ломать, оно связано с высокой хрупкостью, ломкостью древесины растения. В связи с полученными данными возникает вопрос, почему для изготовления древка использовалась порода дерева, непригодная для этих целей. Вариантов ответа на этот вопрос может быть, по нашему мнению, два. Первый – плохая сохранность образца не позволила точно диагностировать видовую принадлежность дерева. Однако исследования, проведенные независимо друг от друга в двух различных лабораториях, в принципе, продемонстрировали сходные результаты, что делает этот вариант интерпретации маловероятным. Другое объяснение связано с предположением, что древко для стрелы было специально изготовлено перед погребением и предназначалось для ритуальных, в нашем случае погребальных, целей. Для мастера, изготовившего древко из непригодной породы дерева важен был не функциональный, а семантический аспект изделия. Подобные заменители реальных предметов широко известны в погребальных ритуалах различных народов. Правомерность данного предположения покажут дальнейшие исследования. В пользу указанного предположения отметим факт отсутствия заточки пера у бронзового наконечника стрелы.

Таким образом, осуществленные определения видового состава археологической древесины из памятников елунинской культуры раннего бронзового века Лесостепного Алтая позволили выявить некоторые строительные, сырьевые и ритуальные особенности использования дерева в обозначенный период древней истории.

Библиографический список

Грушин С.П. Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 50–55.

Грушин С.П. Ритуальные комплексы елунинской культуры на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2007. С. 76–84.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Археологические исследования на памятниках эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 298–302.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ДЕРЕВЯННЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II НА АЛТАЕ*

В ходе раскопок археологических памятников Алтая исследователи нередко сталкиваются с остатками древесины или с изделиями из нее. Сохранность таких предметов или сооружений различная. Бытует мнение, что только в замерзших могилах пазырыкской культуры можно обнаружить большое количество материалов из органики. Однако это не совсем так. На самом деле подобных находок довольно много зафиксировано при изучении объектов других периодов древней и средневековой истории. Этому могли способствовать соответствующие условия или сложившиеся обстоятельства.

На наш взгляд, такому историческому источнику, как археологическая древесина, до сих пор не уделяется должного внимания. Можно указать несколько причин сложившейся ситуации. Главная из них заключается в существующем положении дел в современной археологии. В настоящее время назрела необходимость перехода от экстенсивных раскопок к интенсивным исследованиям с применением значительного круга имеющихся естественно-научных методов. Для этого важно сделать ксилотомические определения обязательной частью программы междисциплинарного изучения археологических находок из древесины, так как получаемые результаты существенным образом расширяют информационное поле для достоверных реконструкций. Примеры такой практики есть, но они пока не столь многочисленны. В частности, интересующий нас подход, в том числе и на материалах с Алтая, в свое время предпринимался А.И. Семеновым [1995]. В настоящее время активным изучением археологической древесины и технологией изготовления изделий из нее целенаправленно занимается

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №10-06-00476-а «Комплексный анализ деревянных изделий из археологических памятников Алтая: ксилотомия, дендрохронология, трасология»).

В.П. Мыльников. Благодаря его работе получены существенные результаты [Мыльников, 1999; Самашев, Мыльников, 2004; и др.]. Особое значение имеют находки древесины для дендрохронологического и радиоуглеродного датирования [Марсадалов, 1996; Евразия..., 2005; Быков, Быкова, Горбунов, Тишкин, 2008; Слюсаренко, 2010; и др.]. Они востребованы для палеоклиматических реконструкций, искусствоведческого анализа, а также для целой серии других исследований.

Главная задача данной публикации – привлечь внимание специалистов разных научных направлений к изучению древесины, а также продемонстрировать находки из памятника Яломан-II. Важно отметить, что в ходе изучения материалов уже получена серия ксилотомических определений. Эти заключения сделаны кандидатом биологических наук, научным сотрудником Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой. Отобранные пробы древесины и растительных остатков идентифицируются микроскопическим методом по анатомическим признакам. Кроме этого, ксилотомические исследования проводятся и в Алтайском государственном университете кандидатом географических наук, доцентом Н.И. Быковым, который еще занимается и дендрохронологическим анализом археологических образцов. Такой подход существенным образом расширяет возможности получения разноплановых сведений.

Могильник Яломан-II находится в Онгудайском районе Республики Алтай (Российская Федерация) на четвертой надпойменной террасе левобережья Катуня около устья р. Большой Яломан. Он исследовался с 2001 по 2008 г. в течение нескольких полевых сезонов (с перерывом) Яломанской археологической экспедицией Алтайского государственного университета (АлтГУ; Барнаул) под руководством автора статьи. Начало раскопок было связано с выявлением на крупном разновременном погребально-поминальном комплексе двух разрушенных захоронений на краю оврага. В одном из них (№53) найдены остатки деревянной колоды [Тишкин, Горбунов, 2002, рис. 2.-3–5].

В 2003 г. на обнаруженном могильнике хуннского времени проведены основные работы. Значительная часть курганов была охвачена сплошным раскопом. Археологические находки, полученные при исследовании памятника Яломан-II в 2003 г. и позже, в настоящее время хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (колл. №181). Эти материалы последовательно изучались и вводились в научный оборот [Тишкин, Горбунов, 2003, 2005, 2006; Тишкин, 2005, 2007а–б, 2009; Горбунов, Тишкин, 2006; Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008; и мн. др.]. По образцам, отобранным из раскопанных захоронений, получена серия радиоуглеродных дат [Тишкин, 2007б, с. 264–268, 270–275], демонстрирующая хронологические рамки в пределах II в. до н.э. – I в. н.э. Необходимо подчеркнуть, что значительная часть зафиксированного погребального инвентаря находит аналогии непосредственно в материалах изученных памятников хунну [Тишкин, Горбунов, 2005].

Для данной статьи были выбраны только те исследованные курганы, в которых зафиксированы следы древесины или изделия из нее. Сохранность приводимых ниже предметов из органических материалов (рис. 1–3; все представленные в статье рисунки предметного комплекса выполнены А.Л. Кунгуровым) была обусловлена несколькими факторами. Основным является то, что могильник устроен на высокой террасе, в относительно сухом месте. Определенную роль сыграли цветные металлы, окислы которых способствуют консервации находок, а также наличие кенотафов и пустот в каменных ящиках.

Курган №23а. При выборке заполнения могилы встречались отдельные угольки, а на глубине около 1 м обнаружена каменная кладка, в которой местами попадалась сгнившая древесина. Защищенная конструкция представляла собой подобие каменного ящика прямоугольной формы. Под камнями обнаружился деревянный настил, который перекрывал плохо сохранившуюся раму размерами 2,3х0,72 м. После снятия деревянного перекрытия и отбора проб для радиоуглеродного и дендрохронологического анализа был зачищен скелет. На черепе, рядом с ним и в скоплении органики найдены бляхи-нашивки из цветного металла, а также деревянное изделие (рис. 1.-1а-б), берестяные предметы и фрагменты ткани.

Курган №47. При выборке заполнения могильной ямы на глубине 0,45 м обнаружались плиты перекрытия. На некоторых из них лежали фрагменты березовых жердей. Ниже находился каменный ящик, сооруженный из массивных плит. В нем у груди умершего человека зафиксированы остатки деревянного блюда с костями животного.

Курган №48. В каменном ящике напротив грудной клетки погребенного мужчины отмечены следы деревянного блюда с костями овцы.

Курган №49. На глубине 0,5 м обозначились стенки каменного ящика без оформленного перекрытия. Отмечено лишь несколько крупных камней, но они не составляли кладку. На них и в других местах ящика попадалась сгнившая древесина. На глубине около 1 м зафиксирована деревянная колода плохой сохранности (длина – 1,03 м, ширина – 0,22 м).

Курган №51. В каменном ящике, установленном на дне могильной ямы, находилось погребение молодой женщины. Справа от нее стояло большое деревянное блюдо (рис. 1.-2) с оставшимися свидетельствами мясной пищи, а также располагалась деревянная чашка (рис. 1.-3). К сожалению, от них сохранились лишь отдельные части. В кургане обнаружен значительный по количеству предметный комплекс, который практически полностью опубликован [Tishkin, 2011].

Курган №52. Сверху скелета лошади, уложенной на правый бок с подогнутыми ногами, обнаружались истлевшие доски или плахи, которые, возможно, накрывали тушу. У лопатки передней ноги животного лежал золотой «колпачок» с отверстием для подвешивания, внутри которого находилась органическая масса (скорее всего, древесина). После снятия плит перекрытия ящика, прямо под ними, зафиксированы остатки дерева, вероятно, от дополнительного перекрытия. При выборке грунта, который заполнял ящик, обнаружилась плохо сохранившаяся деревянная колода, которая по размерам была меньше каменного сооружения. В этой дополнительной погребальной камере находился скелет человека. В колоде обнаружен инвентарь, среди которого отметим железный нож с остатками деревянной ручки и фрагментами ножен. После снятия остатков колоды под ней обнаружались две жерди диаметром около 8 см. Одна (юго-восточная) оказалась длиной 0,45 м, а другая (северо-западная) – 0,47 м. Размеры колоды были следующие: длина – 1,53 м, ширина – около 0,35 м, высота возле южной части – 0,35 м, толщина дна в центре – 3,5 см.

Курган №54. У правого плеча погребенной стояло деревянное блюдо, от которого сохранились лишь фрагменты.

Курган №56. Под костями кисти правой руки ребенка обнаружен фрагмент металлического зеркала и частично сохранившийся деревянный гребень (рис. 1.-4).

Курган №57. На дне каменного ящика лежал скелет человека. Его сверху перекрывали остатки деревянной конструкции. Причем в центре зафиксировано соединение двух частей: в деревянный брусок с пазами были вставлены поперечины. Основные находки обнаружены у черепа. Среди них – гребень, сделанный из рога и дерева, остатки деревянного блюда с костями животного, фрагменты деревянных изделий (рис. 1.-5), обрывки ткани, металлическая накладка с рельефным орнаментом и деревянной подкладкой (рис. 1.-6). Рядом с гребнем найдена часть деревянного изделия (рис. 1.-7а-б; фото 13 на цв. вкл.), которая была покрыта лаком и имела специфический орнамент [Тишкин, 2007]. Согласно заключению М.И. Колосовой, для его изготовления использовалась древесина палисандра (образец Д5282, *Dalbergia* sp.). Такие деревья на территории Южной Сибири не зафиксированы. Ближайшим к Алтаю регионом произрастания палисандра является Китай. Из-за своеобразной структуры

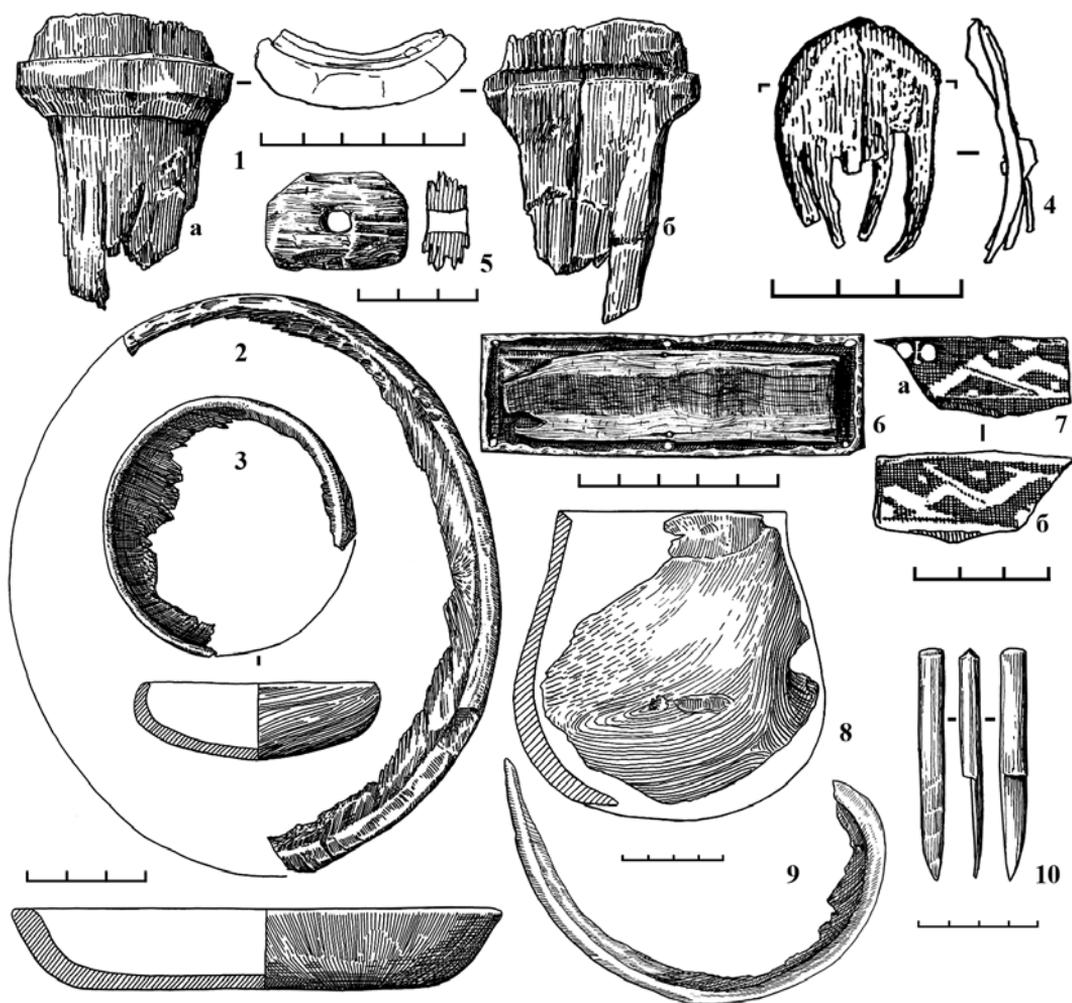

Рис. 1. Яломан-II. Сохранившиеся части деревянных изделий и отдельные предметы. 1 – курган №23а; 2-3 – курган №51; 4 – курган №56; 5-7 – курган №57; 8-10 – курган №60а

красиво окрашенная древесина палисандра используется для изготовления дорогой мебели, музыкальных инструментов и различных декоративных предметов [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008].

Курган №58. У правой руки погребенной обнаружен древесный тлен от большого блюда, на котором лежали кости животного.

Курган №60. Кенотаф. В центре каменного ящика находилось скопление разных предметов, среди которых зафиксированы остатки деревянного блюда на ножках. Еще обнаружен фрагмент деревянного вотивного чекана (?).

Курган №60а. Кенотаф. В каменном ящике обнаружен следующий интересный нас инвентарь: часть сосуда (рис. 1.-8); фрагмент блюда (рис. 1.-9), на котором лежали кости овцы и «нож» (рис. 1.-10). Кроме этого, там обнаружены фрагменты деревянных брусков или жердей.

Курган №61. Напротив черепа погребенной среди органического тлена, скорее всего от деревянного блюда, найдены кости овцы и маленький железный нож.

Курган №62. Из-за того, что в некоторые места каменного ящика не проник грунт заполнения могильной ямы, сохранились следующие деревянные предметы: вотивный чекан (рис. 2.-1-2), часть «пенала» (рис. 2.-3), древки стрел (рис. 3.-2, 4-9) и детали кибити лука (рис. 3.-10-11). Кроме этого, обнаружены и другие предметы (фото 14 на цв. вкл.). Напротив грудной клетки умершего человека фиксировался тлен от деревянного блюда, в котором лежали кости овцы. От сложносоставного лука, кроме деревянных частей кибити, найдены роговые накладки. На одном древке стрелы остался костяной наконечник (рис. 3.-3), а на другом – железное изделие (рис. 3.-1). Еще на одном древке был железный предмет, но он не сохранился (рис. 3.-9).

Следующий представляемый комплекс (курган №43 с сопроводительными кенотафами) выделялся на могильнике планиграфически и целым рядом особенностей, демонстрирующих «элитный» характер основного мужского захоронения. Полученные материалы практически полностью опубликованы [Tishkin, 2011]. Географические координаты объекта следующие: N – 50° 31.524'; E – 086° 33.350'. Высота над уровнем моря – 805 м.

Курган №43. Сохранилась деревянная основа пряжки, которая крепилась к ремню с помощью железного шпенька. Сверху ее располагалась поврежденная золотая бляха-накладка. Другое целое и, по всей видимости, идентичное изделие из золота с изображением рогатого «дракона» с усами и глазами из камней черного цвета зафиксировано между костями правой руки и ребрами. Рядом обнаружены обломки еще одной деревянной пряжки без язычка (размеры 5x2,1x0,5 см), но с характерным выступом для удержания ремня. Зафиксированы фрагменты деревянных деталей пояса. У бедренной кости правой ноги обнаружен настоящий железный кинжал в ножнах плохой сохранности. Слева от погребенного находились остатки сложносоставного лука. Древки стрел истлели, лишь местами можно было зафиксировать их остатки. Крупные фрагменты некогда целой лаковой чашечки обнаружены напротив лицевой части черепа в восточном углу ящика. Удалось зафиксировать характерные детали черного орнамента на красном фоне. Изделие практически не сохранилось. Рядом с черепом фиксировался тлен еще одного деревянного изделия. Возможно, это было небольшое блюдо или крупная чаша. От обнаруженной древесины (лаковой чашечки, кибити лука, древка стрелы, деревянные детали пояса) брались образцы на кислотомический анализ.

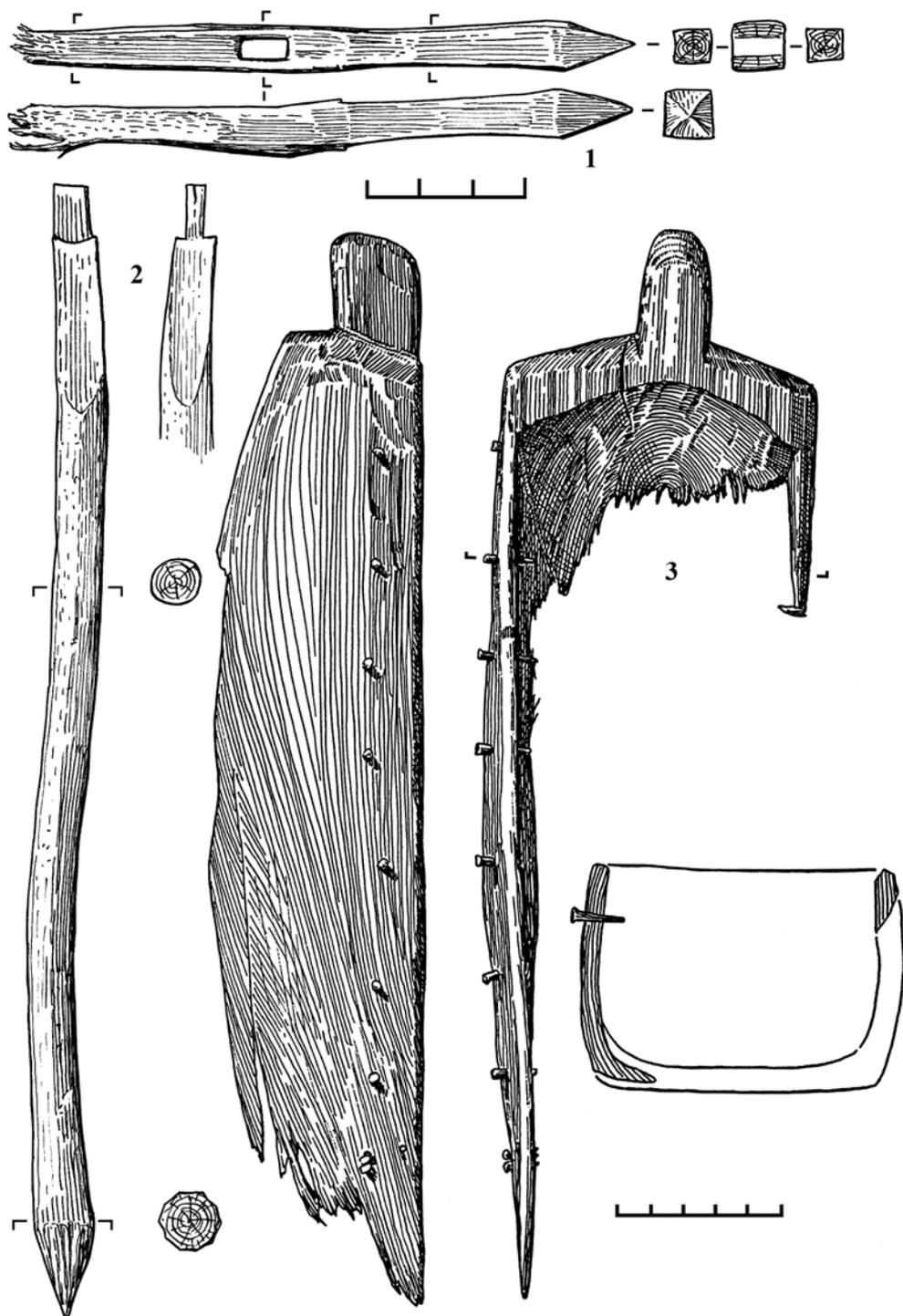

Рис. 2. Яломан-II. Курган №62. Модель чекана и часть «пенала» из дерева

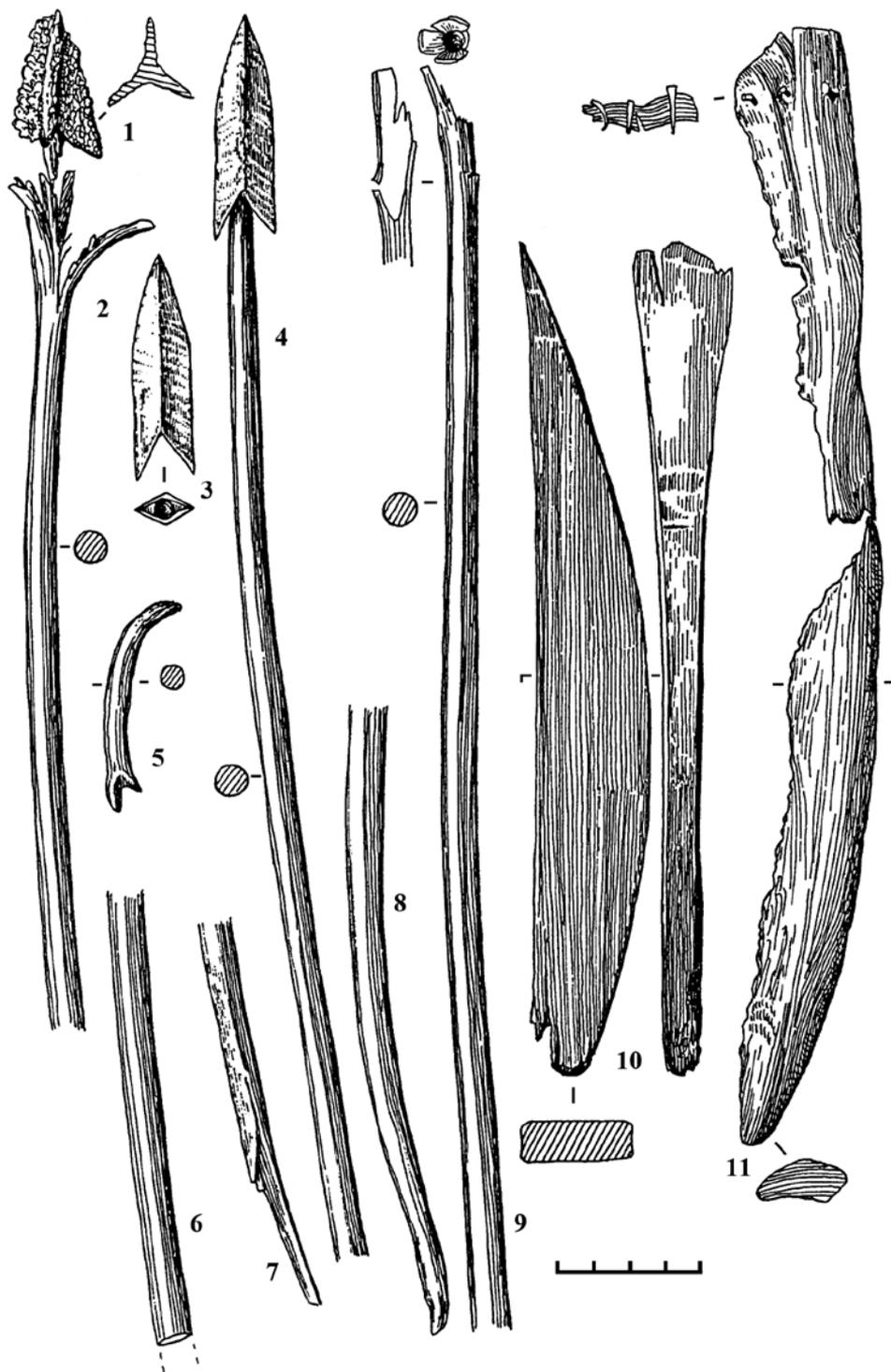

Рис. 3. Яломан-II. Курган №62. Древки стрел с наконечниками и детали кибики лука

Представленные курганы памятника Яломан-II относятся к к усть-эдиганскому этапу булан-кобинской культуры Алтая. Их можно уверенно определить хуннским временем (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Тишкин, Горбунов, 2006].

На этом же памятнике располагается могильник жужанского или предтюрокского времени, который также относится к булан-кобинской культуре и датируется 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н.э. [Тишкин, 2007б, с. 179]. Раскопаны шесть курганов. В них обнаружена представительная серия сохранившихся предметов из древесины, среди которых имеются уникальные изделия (рис. 4). Большое количество таких находок зафиксировано в кургане №31. Эти материалы в большинстве своем опубликованы [Тишкин, Мыльников, 2008]. О других имеется лишь краткая информация в предварительных сообщениях [Тишкин, Горбунов, 2003; Тишкин, Мыльников, 2007; и др.]. В настоящее время осуществляется всесторонний анализ всех имеющихся источников. В ходе исследований применяются разные методы и анализы: морфологический, ксилотомический, дендрохронологический, технико-технологический, радиоуглеродный, трасологический и др.

Курган №20. Около погребенного прослежены остатки деревянного блюда, а также зафиксировано целое изделие в виде круга с выступом в центре. Данный предмет является дном колчана и был изготовлен из сосны обыкновенной (все ниже приводимые ксилотомические определения выполнены в Государственном Эрмитаже М.И. Колосовой). Кибить сложносоставного лука делалась из крушины. Кроме этого, найден целый ряд других деревянных изделий («пенал», обработанные палочки, фрагмент бересты, рукоять шила).

Курган №29. При выборке заполнения каменного ящика зафиксировано значительное по объему количество находок. Вначале на глубине 2,97 м было обнаружено деревянное дно, затем и другие детали колчана, а также множество древков стрел, часть которых неплохо сохранилась (просматривалась окраска, следы склеивания, укрепление железными муфтами и т.д.). Под колчаном находился железный меч в деревянных ножнах и панцирь. В южной части ящика в ногах погребенного были обнаружены остатки жесткого седла без стремян, «пенал» и некоторые другие предметы, сохранность которых оказалась очень плохой.

Курган №30. Многочисленный погребальный инвентарь состоял из следующих находок. Остатки сложносоставного лука, от которого практически ничего не сохранилось, лежали слева от погребенного. Накладки, сделанные из рога, рассыпались. Удалось собрать фрагменты древесины. Один из них был идентифицирован микроскопическим методом по анатомическим признакам. В результате оказалось, что это части ствола крушины ломкой. Однозначно утверждать, что это были фрагменты кибити лука, не приходится, но полученный результат очень интересный, однако требующий проверки и дополнительных данных. Справа от черепа зафиксированы фрагменты блюда, изготовленного из кедра (сосна кедровая сибирская). Колчан располагался также справа от погребенного, рядом с блюдом, у стенки ящика, и представлял собой набор стрел с железными наконечниками, которые зафиксированы лежавшими остриями вниз и вверх. К сожалению, древки оказались плохой сохранности. Часть таких обломков маленьких размеров была отдана на ксилотомический анализ. В результате оказалось, что все пять образцов определены как береза. Всего зафиксированы 23 железных наконечника. На некоторых остались фрагменты древков, обмотка из коры березы

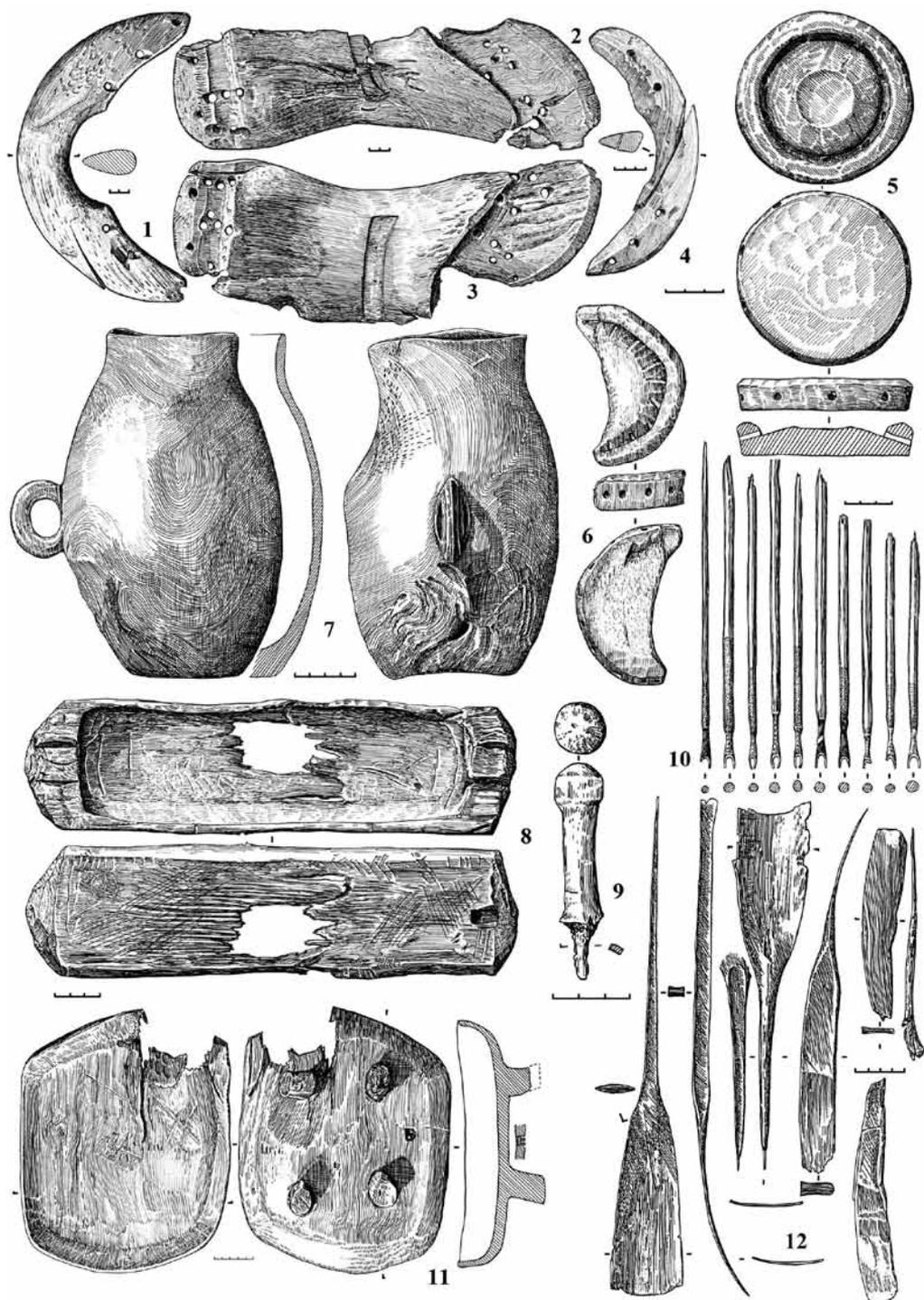

Рис. 4. Деревянные изделия предтюркского времени из памятника Яломан-II.
1-4 – курган №33, могила-1; 5-12 – курган №31

и роговые свистунки. Довольно неплохо сохранились украшенные ремни уздечки, удила с псалиями из березы, пряжка, накладка и звено из железа. Уздечка лежала сверху, а под ней фиксировался войлок, который, возможно, был связан с седлом. Многочисленные остатки основы седла без стремян располагались на очень плохо сохранившихся костях ног человека. Установлено, что обнаруженные части полок и другие деревянные детали седла сделаны из березы. Под войлоком стоял «пенал» с крышкой. Эти обе части также сделаны из березы. В «пенале» находилась часть деревянной фишки. В области «пенала» найдена железная обойма с остатками древесины.

Курган №31. Под костями лошади зафиксированы остатки деревянной основы седла. Каменный ящик был наполнен значительным количеством находок (фото 16 на цв. вкл.), в том числе из органических материалов, большая часть которых уже опубликована [Тишкин, Мыльников, 2007, 2008; Тишкин, Горбунов, 2007; и др.]. Они сохранились благодаря хорошо оформленной конструкции и отсутствию тела умершего человека, замененного берестяной фигуркой. В каменном ящике найдены сосуд с ручкой (рис. 4.-7), блюдо (рис. 4.-11), сохранившиеся части кибиты лука (рис. 4.-12), «пенал» (рис. 4.-8), детали колчана (рис. 4.-5–6), железное шило с ручкой (рис. 4.-9), многочисленные древки стрел (более 30) (рис. 4.-10), гребень, палочки, «фишки» и др. Предварительный технико-технологический анализ этих материалов позволил сделать целый ряд наблюдений и отдельных заключений [Тишкин, Мыльников, 2008].

В кургане №32 зафиксированы остатки сложносоставного лука, фрагменты блюда, древки стрел и ряд предметов неясного назначения.

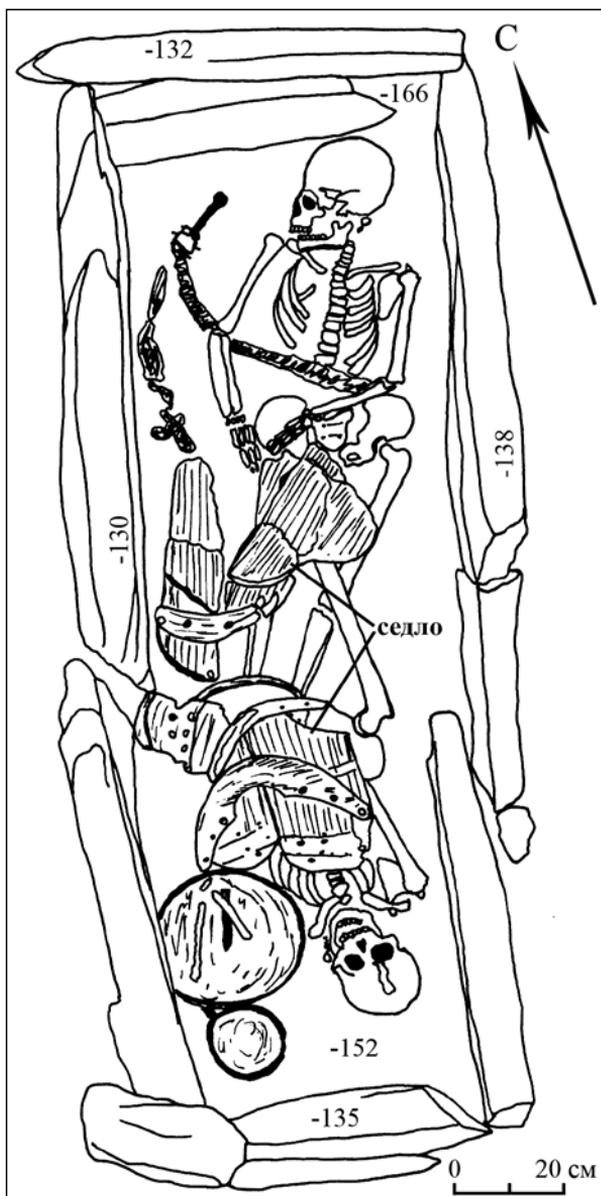

Рис. 5. Яломан-II. Курган №33. Могила-1.
План погребения

Курган №33. Внутри зачищенной кольцевой выкладки-стенки на уровне древнего горизонта довольно четко просматривались контуры от двух могильных ям.

Могила-1. В процессе разборки перекрытия каменного ящика обнаружили пустоты в некоторых местах погребальной камеры. Благодаря этому сохранилось довольно много предметов из дерева (рис. 5; план публикуется впервые). Среди них отметим деревянные части седел, железные удила с остатками деревянных псалиев. Слева от черепа зафиксированы остатки кружки и блюда, на котором лежали кости животного и железный нож. Наиболее важными находками стали хорошо сохранившиеся деревянные детали жесткого седла без стремян (рис. 4.-1-4; фото 15 на цв. вкл.).

Могила-2. При погребенном зафиксирован следующий инвентарь. Слева находился сложносоставной лук, от которого сохранился лишь комплект костяных накладок. Справа, у плеча, стояло деревянное блюдо. От него отмечены только фрагменты и тлен. Вдоль правой руки располагался колчан, от которого ничего не сохранилось, но найдено содержимое: стрелы с железными и костяными наконечниками.

Из находок, обнаруженных во второй группе исследованных объектов, самыми важными являются детали деревянной основы жесткого седла (рис. 4.-1-4; рис. 5; фото 15 на цв. вкл.). Удивительная сохранность позволяет констатировать, что первые жесткие седла появились не во 2-й половине VI в., как это утверждает Е.В. Степанова [2011, с. 389], а раньше и на Алтае. Об этом свидетельствуют анализ обнаруженного вооружения [Тишкин, Горбунов, 2007] и радиоуглеродное датирование [Тишкин, 2007, с. 269–270, 275–276].

Вопрос об использовании вместе с зафиксированным жестким седлом стремян остается открытым. По крайней мере, они не обнаружены ни в одном из перечисленных курганов, хотя известно, что стремяна уже были распространены в Центральной Азии во второй половине IV – V в. [Комиссаров, 2005, 2006; Комиссаров, Худяков, 2007].

Продемонстрированные материалы позволяют продолжить начатую программу комплексного изучения находок из древесины [Тишкин, 2009]. Перспективной, но очень кропотливой работой являются технико-технологический и дендрохронологический анализы.

Библиографический список

Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический и анатомический анализ древесины из могильника Яломан-II (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. Т. X, ч. II. С. 192–194.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 79–85.

Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Комиссаров С.А. К вопросу о происхождении стремян // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 127–129.

Комиссаров С.А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 5, вып. 4: Востоковедение. 2006. С. 20–23.

Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. 100 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 с.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая: (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана №11 могильника Берел). Алматы: Берел, 2004. 312 с.

Семенов А.И. Ксилотомические анализы материалов гуннского облика из пещеры Камтыттукем // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 147–149.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 34 с.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени – попытка реконструкции // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 388–389.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 195–201.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007а. С. 176–184.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007б. 356 с.

Тишкин А.А. Программа ксилотомических исследований археологических находок из древних памятников Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 330–332.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 164–172.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 159–165.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана №31 памятника Яломан-II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №1. С. 93–102.

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибге (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 196–200.

Tishkin A.A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Jaloman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 539–558 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Volume 5).

В.И. Соенов, Е.А. Штанакова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА КУРАЙКА

Введение

Начало обработки дерева относится к древнекаменному веку, когда появились первые рубящие и режущие орудия [Мыльников, 2008а, с. 4]. С тех пор деревообработка являлась одним из самых главных видов ремесленного производства у населения Алтая. Несмотря на это, деревянные изделия не относятся к массовым археологическим находкам. Это в первую очередь связано с тем, что местные климатические условия и особенности грунта большинства участков не способствуют сохранению органических материалов долгое время.

Но все же благодаря раскопкам пазырыкских курганов с линзами мерзлоты и специфике расположения некоторых памятников этого периода к настоящему времени собраны представительные коллекции изделий из дерева этнографической сохранности. Исследование этих коллекций и связанных с ними проблем деревообработки в древности дало начало новому научному направлению, возникшему в Институте археологии и этнографии СО РАН в начале 90-х гг. XX в. [Основные достижения..., Электронный ресурс].

За прошедшие годы во время археологических и музейных изысканий новосибирскими учеными были исследованы особенности конструкций многих срубов погребальных сооружений, устройство и детали колод и погребальных лож, приемы и способы изготовления разнообразных деревянных предметов из пазырыкских погребений Горного Алтая и Восточного Казахстана. Анализ большого количества фактического материала позволил специалистам обозначить основные направления в деревообработке «пазырыкцев» и определить конкретные особенности обработки дерева носителями этой культуры [Мыльников, 1999; 2008б; Самашев, Мыльников, 2004].

Совсем недавно исследователи ввели в научный оборот данные о традициях и технологии обработки дерева в послепазырыкское, т.е. «гунно-сарматское», время (II в. до н.э. – V в. н.э.), базирующиеся на изучении деревянных изделий из комплекса Яломан-II [Тишкин, Мыльников, 2008, с. 93–102]. Настоящей публикацией хотелось бы поддержать исследования коллег в этом направлении и ввести в оборот результаты изучения деревянной посуды из погребений могильника «гунно-сарматского» времени Курайка.

Археологический памятник Курайка был обнаружен в 1994 г. В.И. Соеновым на правом берегу пересыхающего русла Курайки, в 2 км к северо-востоку от с. Курай Кош-Агачского района Республики Алтай [Соенов, 1995, с. 145–147; 2003, с. 18]. Исследования на нем начаты в том же году экспедицией Горно-Алтайского государственного университета. В ходе раскопок было вскрыто 19 погребений «гунно-сарматского» времени в деревянных колодах или рамах с продольным или поперечным дощатым перекрытием, находившихся в могильных ямах под прямоугольными в плане каменными оградками [Соенов, Эбель, 1998, с. 113–135]. В 2001 и 2003 гг. И.Ю. Слюсаренко и Е.С. Богдановым на памятнике произведены вторичные раскопки ранее исследованных объектов с целью отбора древесины для дендрохронологического анализа, а в 2005–

2007 гг. новосибирскими исследователями, при участии горно-алтайских археологов, раскопаны семь аварийных объектов [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008, с. 43–45].

В процессе раскопок погребений могильника обнаружены многочисленные предметы: бронзовые гривна, пряжка и серьга; бусины из янтаря, сердолика, сапфирина, сардера, микрокварцита, стекла, костей, раковины; подвески из египетского фаянса; раковины каури; миниатюрный керамический сосуд; остатки железных изделий; костяные накладки лука; роговой наконечник заступа [Соенов, Эбель, 1998, с. 113–135; Соенов, Винокурова, 1998, с. 151–155; Богданов, Слюсаренко, 2007; Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008, с. 42–57]. В некоторых захоронениях сохранились остатки кожаной одежды, шелковых и шерстяных тканей [Соенов, Глебова, 2003, с. 88–90]. В ходе раскопок трех погребений могильника (курганы №48–49, 100) были обнаружены экземпляры деревянной посуды, которые подробно рассматриваются в данной работе: два небольших блюда и чашка.

Описание изделий

Блюдо-столик из кургана №48 (рис. 1; см. фото 17 на цв. вкл.). Деревянное блюдо овальной формы в плане, с четырьмя цельновырезанными несъемными ножками находилось слева над головой погребенного человека [Соенов, Эбель, 1998, с. 115]. В нем сохранились позвонок животного (барана?) и два фрагмента шелковой ткани с орнаментом. Размеры изделия – 11,6x10x3,2 см. Высота ножек блюда – 0,6 см.

По определению доцента кафедры ботаники и физиологии Горно-Алтайского государственного университета, к.б.н. А.Г. Манеева, блюдо изготовлено из лиственницы. Цвет древесины темно-коричневый с легким красноватым оттенком. На внутренней поверхности блюда имеется белесый налет (фото 17.-в на цв. вкл.). По расположению годичных колец можно утверждать, что блюдо сделано из поперечной цельной заготовки, основой для которого стало ядро дерева.

На поверхности изделия отчетливо видны следы обработки инструментами. Судя по ним, над изделием совершалось несколько последовательных операций. Об использовании острозаточенного ножа для придания формы блюду после черновой обработки заготовки топором говорят небольшие следы от срезов древесины на его внешней части (фото 17.-г на цв. вкл.). Аналогичные следы от лезвия ножа имеются на всех четырех

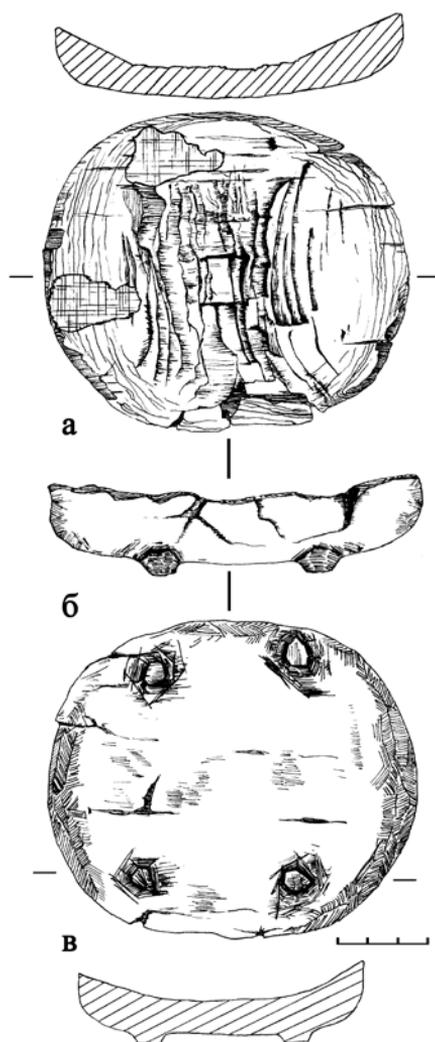

Рис. 1. Курайка. Курган №48.
Блюдо-столик

ножках блюда (рис. 1.-в; фото 17.-д на цв. вкл.). Точнее, они были выстроганы при помощи ножа. Ножкам придана форма, близкая к усеченному конусу. Внутри блюда-столика имеются легкие ворсистости, оставленные от работы топором или теслом (фото 17.-е на цв. вкл.). Скорее всего, для выборки внутренней части блюда использовалось тесло, так как здесь было удобнее орудовать им. Тесло, в отличие от топора, имело более укороченную рукоять (25–40 см), а лезвие ориентировалось поперек оси рукояти, под небольшим углом вовнутрь к рукояти, что позволяло видеть область обработки [Мыльников, 1999, с. 19]. По всей видимости, использовалось тесло с полулунным лезвием, о чем говорит закругленная форма следов на блюде (рис. 1.-а). По данным наших промеров, орудие было узколезвийным. Ширина его рабочей части составляла не более 50 мм.

После удаления большей части древесины периферийные зоны внутренней стороны

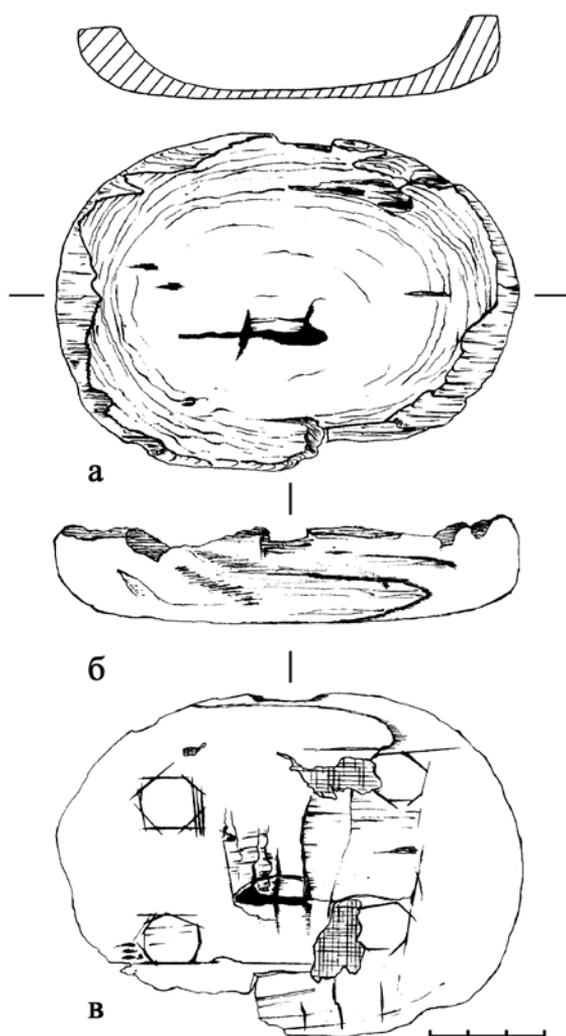

Рис. 2. Курайка. Курган №49.
Блюдо-столик

зоны блюда дополнительно подрубались для придания более ровной формы. Угол, под которым наносились удары по поверхности, менялся от краев к центру объекта обработки. По краю он составлял порядка 30–35°, ближе к центру угол приближается к 40–45°. Судя по количеству следов от лезвия тесла, можно предположить, что при выборке внутренней части блюда изделие испытало на себе порядка 20 ударов орудием.

Окончательной операцией по изготовлению блюда явилась его частичная шлифовка: изделие было отшлифовано лишь по внутреннему кругу поверхности, исключая центральную область (фото 17.-а на цв. вкл.). Возможно, шлифование дерева осуществлено посредством абразивного песка и куска кожи [Семенов, 1956, с. 204–230].

Блюдо-столик из кургана №49 (рис. 2; см. фото 18 на цв. вкл.). Деревянное блюдо овальной формы в плане обнаружено слева над головой погребенного человека [Соенов, Эбель, 1998, с. 115]. Оно содержало три позвонка животного (барана?). Блюдо не имеет ярко выраженных ножек, они были лишь обозначены (рис. 2.-в; фото 18.-в

на цв. вкл.). Сохранность данного изделия хуже предыдущего: края имеют повреждения, а дно в центральной части искрошилось до образования небольшого сквозного отверстия. Размеры изделия – 11,3x8,5x2,6 см.

Порода сырьевого материала была определена доцентом кафедры ботаники и физиологии ГАГУ, к.б.н. А.Г. Маневым как лиственничная. Данное блюдо имеет коричневато-оранжевый цвет, т.е. более светлый, чем блюдо-столик из кургана №48. Возможно, это связано с тем, что оно изготовлено из заболонной части ствола. Частичный белесый налет содержится на внешней и внутренней поверхностях деревянного предмета (фото 18.-а на цв. вкл.). К внешней части днища прикипели два небольших клочка кожи.

На поверхности данного изделия отчетливо видны следы обработки инструментами. Так же, как и в случае с блюдом-столиком из кургана №48, первичная форма данного изделия была создана посредством тесла, а затем более мелкие детали обрабатывались при помощи строгания. Об этом свидетельствует тот факт, что на внешней части предмета прослеживаются следы от острозаточенного лезвия ножа (рис. 2.-в; фото 18.-в на цв. вкл.) и 6–8 длинных рубцов, принадлежащих лезвию топора или тесла (фото 18.-г на цв. вкл.). Как уже предполагалось выше, скорее всего, использовалось тесло, так как его удобнее использовать для таких работ, чем топор. Следы от лезвия ножа особенно четко наблюдаются в местах обозначения ножек, которые изображены в виде восьмиугольников неправильной формы (рис. 2.-в; фото 18.-в на цв. вкл.).

Во внутренней части блюда следы инструментов не прослеживаются. Их отсутствие связано с тем, что после выборки породы из центра будущего блюда получившаяся внутренняя поверхность, видимо, была подвергнута тщательной шлифовке. Последнее контрастирует с не очень качественной обработкой внешней поверхности блюда.

Чашка-пиала из кургана №100 (рис. 3; см. фото 19 на цв. вкл.) сохранилась частично. Фрагменты полусферической чашки с выделенным дном располагались в районе головы погребенного человека, с левой стороны [Соенов, Эбель, 1998, с. 116]. Толщина стенок сохранившихся кусков составляет 3–4 мм. Судя по всему, это была чашка-пиала с выделенным низким плоским поддоном, плавно расширявшимися к краю стенками (рис. 3.-в). Реконструируемые размеры изделия составили: диаметр поддона – 5,6 см; диаметр верхней части – 11,5 см; высота – 5,3 см.

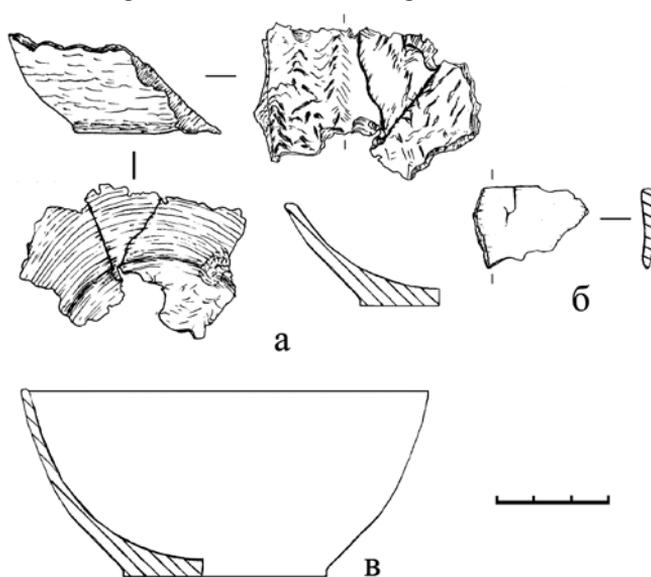

Рис. 3. Курайка. Курган №100. Чашка-пиала:
а – фрагмент стенки с частью дна;
б – фрагмент венчика; в – реконструкция чашки-пиалы

Определение породы древесины, из которой изготовлена чашка, специалистами не производилось. По нашему предположению, пиала сделана из березовой древесины или капа. Насколько можно судить по имеющимся следам обработки, для изготовления данного сосуда были применены режущие инструменты типа стамески и ножа (фото 19.-а на цв. вкл.). Внешняя часть чашки-пиалы еще и неплохо отшлифована. Внутренняя сторона изделия имеет плохую сохранность, поэтому сложно определить, какие операции и инструменты применялись для выборки внутренней части чашки. Исходя из хорошего качества обработки изделия, не исключено, что для выборки углубления применялась специальная радиусная стамеска полукруглой формы – ложкорез. Она обычно используется для равномерного вырезания плавных глубоких углублений, которая наблюдается и у пиалы*.

Хронология

Относительная хронология. Деревянная посуда известна в материалах археологических памятников Алтая раннего железного века – средневековья, а также в этнографических материалах [Руденко, 1953; 1960; Тощакова, 1976; Сорокин, 1977; Дьяконова, 1988; Могильников, 1983а–б; Суразаков, 1983, 1989; Кубарев В.Д., 1987, 1991, 1992; Тетерин, 1991; Худяков, 1992; Соенов, Эбель, 1998; Полосьмак, 2001; Кубарев Г.В., 2005; Кубарев В.Д., Шульга, 2007; Тишкин, Мыльников, 2008; и др.]. В более ранних памятниках эпохи бронзы деревянные сосуды не зафиксированы [Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006].

Считается, что небольшие керамические чашки-пиалы для сервировки напитков или пищи распространились на территории Евразии во 2-й половине I тыс. до н.э. (Пиала [Электронный ресурс]). Однако для пазырыкских памятников Алтая (VI–III вв. до н.э.) ни керамические, ни деревянные чашки типа пиалы не характерны. Возможно, для напитков «пазырыкцы» использовали разнотипные деревянные кружки, ковши, мисочки и т.д., которые довольно часто встречаются в материалах раскопанных погребений [Руденко, 1953, табл. XXI; Могильников, 1983а; рис. 5.-12; Кубарев В.Д., 1987, рис. 18.-1–4; 1991, рис. 14.-5; 1992, рис. 16.-1–2; Полосьмак, 2001, рис. 134; и др.]. Из серии пазырыкской деревянной посуды типологически наиболее близки к пиале полусферические или усеченно-конические миски. Они отличаются от классических пиал отсутствием поддона или выделенного дна. Деревянная и керамическая посуда с поддоном или выделенным дном бытует у населения Алтая с «гунно-сарматского» времени. Таким образом, чашку из погребения кургана №100 могильника Курайка можно считать наиболее ранней находкой чашки, типа пиалы, в Горном Алтае. В средневековых алтайских памятниках пиалы еще не обнаружены, но напоминающие их изображения зафиксированы на тюркских изваяниях [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXV.-205; XLVIII.-244; и др.]. Хотя прототипами этих изображений, возможно, были металлические чашки, а не деревянные или керамические. В этнографическое время разнотипные чашки-пиалы входили в состав традиционной деревянной утвари алтайцев [Тощакова, 1976, с. 191–192].

Блюда-столики овальной формы с небольшими закругленными бортиками по краю, различающиеся наличием или отсутствием ножек, широко представлены на Алтае с середины I тыс. до н.э. до этнографического времени. Они были предназна-

---

* Две такие специальные стамески были обнаружены в 1995 г. в курганах «гунно-сарматского» времени могильника Верх-Уймон. Материалы исследований готовятся к публикации.

чены для мясной пищи. Наиболее ранние деревянные блюда найдены в памятниках пазырыкской культуры, раскопанных на Пазырыке, Туекте, Уландрыке, Ташанте, Юстыде, Кызыл-Джаре, Ак-Алахе, Ак-Кообе и др. (например, см.: [Руденко, 1953, табл. XIX.-2, рис. 34–35; 1960, табл. LV.-1, 2; Могильников, 1983б; рис. 2.-1–3; Кубарев В.Д., 1987, табл. VI.-6; XIV.-5; XXXII.-8; XL.-3; L.-3; LXXXVII.-1; 1991, табл. XII.-1; XXV.-1; LVII.-5; LXI.-2; 1992, XIX.-2; XXII.-4; XXIII.-3; XXXI.-26; Полосьмак, 2001, рис. 129; Кубарев В.Д., Шульга, 2007, рис. 51.-5; и др.]). В последующие периоды («гунно-сарматское» и тюркское время) деревянные блюда-столики продолжают широко использоваться в быту и погребальном обряде. Их остатки обнаружены археологами на могильниках Яломан-II, Уландрык-I, Юстыд-XII, Ак-Кобы, Калбак-Таш и др. [Тишкин, Мыльников, 2008, рис. 2; Кубарев Г.В., 2005, с. 67; рис. 18.-7–9; табл. 5.-20; 36.-1, 2; и др.]. Изображение блюда зафиксировано на Алтае на одном из тюркских каменных изваяний [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXVI.-214]. В этнографическое время деревянные блюда входили в состав традиционной деревянной утвари алтайцев и занимали почетное место в быту [Тошачкова, 1976, с. 192].

Абсолютная хронология. Могильник Курайка, по элементам погребального обряда и облику найденного инвентаря, предварительно был отнесен к III–V вв. н.э. [Соенов, Эбель, 1998, с. 116–117]. Даты для образцов дерева с колод, полученные по ¹⁴C в Радиоуглеродной лаборатории Аризонского университета (University of Arizona NSF-AMS facility г. Тусон, США) такие: курган №49 – 2088±36 BP; курган №101 – 1893±32 BP; они оказались более ранними, чем указанная выше археологическая дата [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008, с. 47]. По дендрообразцам из погребений курганов №5, 8, 49, 101 специалистами подготовлена усредненная 144-летняя древесно-кольцевая хронология [Panyushkina et al., 2007, p. 693–702]. Дополнительные исследования дендрохронологических и радиоуглеродных дат с использованием так называемой процедуры «wiggle-matching» («подгонка по зубцам») дали верхнюю хронологическую границу курайских материалов в районе 240 г. н.э. [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008, с. 47]. Естественно, данная дата является более ранней, чем реальный период совершения погребений, из-за отсутствия внешней части бревен, следовательно, и внешних колец на дендрообразцах. Часть дерева, хранящая информацию о времени ее порубки, была удалена в результате обработки поверхности при изготовлении колод, а также утрачена позже из-за деградации древесины и разрушения колод в погребениях. Таким образом, она не могла быть использована при радиоуглеродной и дендрохронологической датировке. Соответственно, реальный период функционирования могильника будет позже 240 г. н.э. Учитывая примерный временной промежуток функционирования могильника в качестве кладбища, мы можем предположить время изготовления вышеописанных экземпляров деревянной посуды и совершения погребений в таких рамках: от середины III до IV вв. н.э.

Особенности изделий и их предназначение

Курайские блюда-столики были предназначены для погребального обряда. Скорее всего, они специально изготовлены непосредственно перед помещением в могилу. Это предположение основано на некоторых моментах, на которых мы остановимся подробнее.

Во-первых, блюда-столики имеют слишком маленькие размеры (11,6x10x3,2 и 11,3x8,5x2,6 см), которые делают невозможным их использование в быту. Это свиде-

тельство того, что перед нами не реальные вещи, а их вотивные копии, изготовленные специально для погребения. Данные изделия, видимо, являются имитацией больших блюд-столиков с ножками, использовавшихся в повседневной жизни. Употребление уменьшенных копий разных вещей для погребального обряда – явление, имевшее место еще у пазырыкского населения Алтая во 2-й половине I тыс. до н.э. Однако «пазырыкцы» клали в могилы настоящую деревянную посуду, использовавшуюся до этого в быту, а не миниатюрные модели-заменители. Об этом свидетельствуют следы применения и ремонта на обнаруженных при раскопках изделиях, а также наличие на них таких утилитарных признаков, как, например, отверстия для хранения и транспортировки в подвешенном состоянии [Кубарев В.Д., 1987, с. 51; 1991, с. 67; 1992, с. 51; Полосьмак, 2001, с. 191]. Следовательно, обычай помещения в могилу миниатюрных копий деревянной посуды распространяется у населения Алтая в «гунно-сарматское» время. Такая специфика сопроводительной утвари становится характерной в этот период и для погребений таштыкской и шурмакской (кокэльской) культур соседних Тывы и Хакасии [Кызласов, 1960; 1979; Вайнштейн, 1970; Дьяконова, 1970а–б; Вадецкая, 1999; и др.].

Во-вторых, предметы имеют слишком грубую обработку. На первый взгляд, при изготовлении изделий применялись все технические средства и технологические приемы деревообработки: теслом или топором заготовке придавалась первичная форма; строгальными инструментами осуществлялась окончательная доводка формы; абразивными приспособлениями исполнялось шлифование поверхности изделия. Но обращает на себя внимание небрежность применения некоторых технологических приемов и незавершенность части операций.

В-третьих, блюда-столики не имеют следов применения. Обычно при использовании деревянных блюд для разделки мяса на их поверхности остаются порезы лезвием ножа. Такие следы применения хорошо прослеживаются на пазырыкских изделиях [Кубарев В.Д., 1987, с. 51; 1991, с. 67; 1992, с. 51; Полосьмак, 2001, с. 191]. На внутренней поверхности блюда из яломанского погребения «гунно-сарматского» времени также зафиксировано небольшое количество порезов лезвием ножа [Тишкин, Мыльников, 2008, с. 94].

В-четвертых, блюда изготовлены из древесины лиственницы. Эта порода дерева обладает превосходной плотностью и достаточно хорошей гибкостью. Но тем не менее она не является основной породой для изготовления посуды, поскольку не так легко обрабатывается, по сравнению с другими хвойными породами, произрастающими на Алтае (например, кедр, сосна, ель). Вообще лиственницу в хозяйстве чаще применяют для несущих элементов изделий, каркасов, прочного инвентаря и т.д. [Энциклопедия домашнего мастера, 1997, с. 11; Кузнецов, 2001, с. 9]. К тому же применение хвойных пород для изготовления посуды осложняется необходимостью осуществления дополнительных операций перед употреблением – пропарки или долгого вымачивания, дабы избежать горьковатого привкуса пищи, побывавшей на такой посуде [Бондарное дело, 2001, с. 10–11]. Следовательно, выбор сырьевого материала для изготовления блюд-столиков был ограничен какими-то мировоззренческими особенностями, связанными с погребальным обрядом. Вопрос об отсутствии другой древесины в Горном Алтае лишен смысла.

В-пятых, при выборе заготовки для изготовления исследуемых изделий явно было неважно, какие слои дерева будут использованы (основой для блюда из кургана

№48 стало ядро, а блюда из кургана №49 – заболонная часть ствола). Между тем следует обратить внимание на то, что для реальных деревянных изделий практически всегда имеет значение, из каких слоев сделана заготовка. Согласно классификации слоев дерева в поперечном сечении, фактически все породы деревьев имеют шесть слоев: 1) кора; 2) луб; 3) камбий; 4) заболонь; 5) ядро; 6) сердцевина [Семенов, 1956, с. 216]. Каждый слой обладает особыми качествами, отличающими ее от других. Как правило, первый и второй, а также большая часть третьего слоя удалялись во время подготовки материала к обработке. Предпочтительнее было использование пятого слоя – ядра. Дело в том, что ядро дерева (более темное по цвету), находящееся за заболонью, много плотнее и обладает большей прочностью и смолистостью. Заболонь была менее предпочтительна, чем ядро, но тем не менее зачастую использовалась в производстве. Этот слой является периферийной частью древесины, светлой и легко пропускающей влагу, соответственно требовавший более длительной сушки [Семенов, 1956, с. 216; Кузнецов, 2001, с. 9–10].

Об особенностях изготовления чашки-пиалы и ее предназначении трудно судить из-за неполной сохранности предмета. Возможно, она была изготовлена, как и блюда-столики, для погребального обряда. Но поскольку нет прямых доказательств этого факта, нельзя исключить и то, что чашка-пиала могла использоваться в быту, прежде чем была помещена в могилу.

Заключение

Экземпляры деревянной посуды, обнаруженные нами в погребениях могильника Курайка, относятся к двум категориям изделий и датируются серединой III – IV в. н.э. Предметы имеют определенные особенности в изготовлении, что обусловлено различными факторами, а в первую очередь – традициями населения и уровнем развития деревообработки. Эти обстоятельства, а также конкретное предназначение посуды, на наш взгляд, повлияли на специфику выбора сырьевого материала, технологию и технику изготовления исследуемых предметов.

Изучение представленных экземпляров блюд-столиков позволило сделать вывод о том, что это votivные копии, изготовленные специально для погребения. Произведенный анализ деревянной утвари указывает на то, что обычай изготовления миниатюрных моделей для погребального обряда (по образцу и подобию действительных предметов утвари) появляется на Алтае в «гунно-сарматское» время. В этот же период распространяются чашки типа пиалы, которые постепенно вытесняют кружкообразные деревянные сосуды.

Изучение типов деревянной посуды населения Алтая позволяет сделать вывод о том, что с середины I тыс. до н.э. до этнографического времени наблюдается преемственность в изготовлении блюд-столиков. Это является важным свидетельством в пользу сохранения бытовой, традиционной культуры на протяжении весьма длительного времени [Тоцакова, 1976, с. 197; Савинов, 2005, с. 189].

Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту, а также неполную сохранность и свою votivность (в отдельных моментах даже незавершенность обработки), изучаемые изделия демонстрируют то, что в «гунно-сарматское» время обработка дерева была многоступенчатой и разнообразной в технологическом плане. Все это дает возможность реконструировать определенные традиции в технологии обработки дерева и их эволюцию.

Библиографический список

- Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №4 (32). С. 77–80.
- Бондарное дело в мастерских и на дому. Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 2001. 192 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году (погребения казылганской и сыын-чюнкской культуры) // Труды ТКАЭЭ 1962–1966. Л.: Наука, 1970. Т. 3. С. 7–79.
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды ТКАЭЭ 1962–1966. Л.: Наука, 1970а. Т. 3. С. 80–209.
- Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Труды ТКАЭЭ 1962–1966. Л.: Наука, 1970б. Т. 3. С. 210–238.
- Дьяконова В.П. Посуда народов Сибири в собрании МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, 1988. Т. 11. С. 50–69.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 201 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 219 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кузнецов В.В. Столярные работы. Челябинск: Урал LTD, 2001. 131 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983а. С. 3–39.
- Могильников В.А. Курган Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983б. С. 40–71.
- Мыльников В.П. Древняя деревообработка. Методика изучения погребальных конструкций. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008а. 106 с.
- Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008б. 364 с.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 с.
- Основные достижения. Сектор археологии бронзового и железного века [Электронный ресурс]. (URL: http://map.biorf.ru/pages.php?id=RAS_etnogr_arkh_brVek).
- Пиала // Википедия. [Электронный ресурс] (URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki>).
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. I. 234 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Уюка. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 404 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии. I. Формирование прототюркского культурного субстрата [Электронный ресурс] // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: СПбГУ, 2005. 346 с. (URL: <http://www.kronk.narod.ru/library/klashtorny-savinov-2005.htm>).

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая: (Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана №11 могильника Берел. Алматы: Берел, 2004. 312 с.

Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. 1956. Т. 26. С. 204–230.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В.И. Могильник Курайка // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 145–147.

Соенов В.И., Винокурова Г.А. Бусы из могильников гунно-сарматского времени Курайка и Верх-Уймон // Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 2000. С. 151–155.

Соенов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики, 2003. Вып. 1. С. 88–90.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I. (К вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 42–52.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа // Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1989. 216 с.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 155–157.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана №31 памятника Яломан-II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №1 (33). С. 93–102.

Тошцакова Е.М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 182–197.

Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 118–135.

Энциклопедия домашнего мастера. Челябинск: Урал LTD, 1997. 128 с.

Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800 // Radiocarbon. 2007. Vol. 49, Nr 2. P. 693–702.

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В.М. Шайхутдинов

Алтайский государственный университет, Барнаул

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛУРГИИ НАСЕЛЕНИЯ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ*

В настоящее время научную актуальность приобрели вопросы металлургического производства у населения елунинской культуры Лесостепного Алтая. С момента выделения культуры Ю.Ф. Кирюшиным прошло уже более 20 лет, накоплен серьезный фактический материал, который опубликован в работах разных лет, включающих как статьи, затрагивающие только проблемы металлургического производства, так и обобщающие исследования [Грушин, 2009, с. 24–56]. В связи с этим возникла необходимость в подведении первых итогов, которые демонстрируются в предварительном историографическом обзоре. Цель данной работы состоит в характеристике предыдущих исследований металлургии у населения елунинской культуры Лесостепного Алтая и определении перспектив дальнейшей работы в данном направлении.

Прежде чем перейти к рассмотрению работ по металлургии у населения елунинской культуры Лесостепного Алтая, необходимо обозначить основные дефиниции понятия «металлургия». Металлургия, согласно определению Е.Н. Черных [1970, с. 13], охватывает весь комплекс операций с металлом, начиная с выплавки меди из руд и заканчивая изготовлением изделий. Исходя из данного определения, ниже будут рассматриваться те работы, в которых уделялось внимание вопросам состава металла, моделям производства металла, источникам рудного сырья, технологии производства изделий из меди и бронзы.

Идея о существовании на Алтае сейминско-турбинского металлургического очага высказывалась некоторыми исследователями с середины XX в. [Уманский, Демин, 1983, с. 142]. Но эти работы не касались конкретной культуры. Одним из первых вопросов о достаточно развитой металлургии у елунинского населения поставил автор выделения культуры Ю.Ф. Кирюшин. В ряде статей им была высказана мысль о существовании металлургии и связи елунинских металлургических традиций с сейминско-турбинскими. Изучив все имевшиеся металлические изделия, он дал их полное описание, проследил аналогии во времени и пространстве и пришел к выводу, что на Алтае в эпоху бронзы существовал самостоятельный центр металлургического производства, который так или иначе был связан с сейминско-турбинской металлообрабатывающей традицией [Кирюшин, 1987, с. 119; 1992, с. 66–69; 2002, с. 62–67].

В 1989 г. вышла монография Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, посвященная рассмотрению проблемы древней металлургии Северной Евразии и непосредственно вопросу формирования сейминско-турбинской металлургической традиции, выявлению возможного исходного центра, археологических культур, на основе слияния которых

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект №2009-1.1-301-072-016), гос. контракт №П1140 «Система жизнеобеспечения и производства населения Алтая в эпоху неолита и ранней бронзы (II половина IV – начало II тыс. до н.э.)».

стало возможным появление столь яркого металлургического феномена в истории Северной Евразии. Елунинские металлические предметы сейминско-турбинского облика были вписаны в единую типологическую систему, разработанную авторами. В монографии большое внимание уделено территории Лесостепного Алтая: рассмотрены вопросы возможных рудных источников сейминско-турбинской металлургии, которые связываются в том числе и с территорией Рудного Алтая (Нарым и Калба) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 174]. По мнению ученых, формирование сейминско-турбинского феномена происходило на Алтае в XVII в. до н.э., путем слияния двух культурных компонентов. Первый, местный, представлен металлургами-коневодами, второй – связан с восточносибирской таежной зоной к северу от Саяно-Алтайской горной системы. Слияние этих компонентов могло произойти в лесостепных холмистых предгорьях к северу от Алтая [Черных, Кузьминых, 1989, с. 270].

Ряд статей о соотношении елунинского и сейминско-турбинского комплекса принадлежит С.П. Грушину. В этих работах автор изучает основные аспекты данной проблемы и предлагает пути их реализации, рассматривает проблемы генезиса сейминско-турбинской металлургической традиции [Грушин, 2004, с. 158–161; 2008, с. 392–395].

Следующие труды являются уже результатом обработки полученного металлургического комплекса. При изучении металлургического производства у населения елунинской культуры исследователями стали применяться методы естественных наук, что существенно повысило информативность источников, которые были в распоряжении ученых. В первую очередь, это метод спектрального анализа вещества, позволяющий определить химический состав изучаемого предмета. Первой работой данного этапа стала монография, посвященная введению в научный оборот результатов раскопок могильника Телеутский Взвоз-I и их интерпретации [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 312]. В ней приведены данные спектрального анализа четырех металлических предметов [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 312, рис. 71]. Правда, на этом и ограничивается рассмотрение химического состава металла. Примечателен сам факт использования спектрального анализа для получения информации о химическом составе металла. Второй публикацией, где данные спектрального анализа были использованы для извлечения информации из металлических предметов, руды, металлургического шлака, стала монография, в которой в научный оборот были введены материалы, полученные при изучении в течение ряда лет памятника Березовая Лука [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005]. Необходимо отметить, что данную работу отличает комплексный подход, реализованный в применении различных методов естественных наук, в том числе и спектрального анализа. Спектроаналитические определения, выполненные в лаборатории экспериментальной минералогии и геохимии ТГУ (исполнитель Е.Г. Агапова), вдумчиво анализируются и интерпретируются. Это позволяет сделать ряд важных выводов относительно елунинской металлургии, источников рудного сырья. При подробном рассмотрении химического состава обнаруженной на поселении руды были установлены возможные группы месторождений Рудного Алтая, которые могли использоваться древними горняками и металлургами как рудная база металлургического производства. На основании разницы в химическом составе руд были дифференцированы типы месторождений, из которых добывалось сырье, т.е. намечены основные химические группы. Исследователи установили, что «елунинцы» разрабатывали лишь окисленные руды [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 120–123].

При анализе металла и шлака рассмотрены концентрации химических элементов в изученных образцах и обнаружено, что, помимо олова, в металле фиксируется достаточно в больших количествах свинец, а также фосфор. Был сделан вывод об искусственном добавлении свинца в медно-оловянный сплав, а также об использовании кости в металлургическом производстве в качестве шихты или топлива. Но все же большое внимание в монографии уделялось проблеме рудных источников [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 123–130]. Стоит отметить, что в данной работе были поставлены те вопросы и заложены те направления, в рамках которых металлургия «елунинцев» изучается до настоящего времени. Но необходимо указать, что не были выделены металлургические группы на основании анализа спектроаналитических определений металла. При анализе шлака не уделялось должного внимания рассмотрению проблем металлопроизводства, существующим моделям получения металла.

Прежде чем давать характеристику дальнейшим работам по изучению елунинской металлургии, необходимо отметить, что исследования в русле данной тематики интенсифицируются в связи с приобретением кафедрой археологии, этнографии и музеелогии АлтГУ рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000). С его помощью удалось создать базу данных спектральных анализов металла, руды, шлака, выполненных по единой методике, что очень важно для получения адекватных результатов.

В 2009 г. вышла коллективная монография, посвященная проблемам металлургии энеолита и эпохи бронзы, в которой металлургическому производству елунинского населения посвящен раздел [Грушин и др., 2009, с. 24–56]. Автор раздела, С.П. Грушин, собрал все имеющиеся на момент написания работы источники по елунинской металлургии: металлические предметы, все существующие спектральные анализы руды, металлургического шлака, металла. Он провел подробный морфологический анализ металлических предметов, изучил елунинский металл в связи с изделиями сейминско-турбинского облика, выделил этапы формирования сейминско-турбинской металлообрабатывающей традиции и определил место елунинского металлокомплекса в процессе его формирования как раннего комплекса. Исследователь, что крайне важно отметить, говорит о Елунинском металлургическом очаге в целом, намечая основные характерные черты, а также общие принципы функционирования системы. Типы руд, которые использовали елунинские металлурги, выделены им в отдельные химические группы: медно-свинцово-цинковые полиметаллические и медные руды. Более подробно, чем в предыдущих исследованиях по данной теме, рассматриваются месторождения, которые в силу типа содержащихся в них руд могли разрабатываться елунинским населением [Грушин и др., 2009, с. 46–48]. Изучен не только химический состав сплавов на медной основе, но и выделены бытовавшие в елунинской среде металлургические группы: оловянная бронза (Cu+Sn), группа металлургически чистого свинца (Pb) или оловянно-свинцовый сплав (Pb+Sn), медно-оловянно-свинцовая бронза (Cu+Sn+Pb) и металлургически чистая медь (Cu) [Грушин и др., 2009, с. 46]. Необходимо отметить, что также поставлена проблема экспорта оловянной руды в другие регионы Сибири и за ее пределы [Грушин и др., 2009, с. 48]. Предложена схема доставки рудного сырья из районов Рудного Алтая в лесостепные районы. В качестве таких «дорог» елунинским населением могли использоваться кромки ленточных боров и речная система, а именно, реки Иртыш и Алей, последний связывал Рудный Алтай с районами Верх-

него Приобья [Грушин и др., 2009, с. 48]. Указанная публикация, безусловно, является на сегодняшний день первым опытом обобщения всего имеющегося материала по металлургии населения елунинской культуры Лесостепного Алтая. Помимо отмеченных выше сильных сторон работы, хочется указать и на отсутствие проработанности некоторых моментов: совершенно не уделяется внимание вопросам елунинской металлообработки, хотя этот вопрос достаточно важен при выделении очага металлургии. Автор не ставит вопрос о социальной организации производства как одного из важных сюжетов елунинской металлургии, требующего дальнейшего изучения.

В том же, 2009, году коллективом авторов была подготовлена статья, посвященная специальному изучению результатов спектрального анализа руды, обнаруженной во время полевого изучения поселения Берёзовая Лука [Кирилюшин, Тишкин, Грушин, 2009, с. 108–110], где были рассмотрены 23 спектроаналитических определения руды. Полученные результаты позволили уточнить генетические типы используемых «елунинцами» руд: медные, полиметаллические медно-свинцовые и медно-свинцово-цинковые. Ставится очень важный вопрос об элементах-маркерах конкретных месторождений или их групп, также предлагаются два направления дальнейшего изучения руды. Спектроаналитическое – для получения возможности корреляции с имеющимися спектроаналитическими определениями руд, найденных на памятниках елунинской культуры. Второе направление заключается в специализированном поиске объектов елунинского горнорудного дела [Кирилюшин, Тишкин, Грушин, 2009, с. 110]. В 2010 г. появилась статья, посвященная введению в научный оборот результатов металлографического изучения восьми металлических изделий елунинской культуры [Дегтярева, Грушин, Шайхутдинов, 2010, с. 27–35]. Данная работа примечательна тем, что в ней впервые рассматриваются вопросы елунинской металлообработки. На основании изучения микрошлифов стало возможным обозначить технологические схемы, которые использовали елунинские металлурги. Безусловно, что выводы, сформулированные в указанной работе, носят предварительный характер в силу малой выборки, но и, опираясь на них, можно сформировать представление о приемах металлообработки и уровне развития мастерства металлургов.

Во втором томе монографии, посвященной введению в научный оборот результатов полевого изучения памятника Берёзовая Лука [Кирилюшин, Грушин, Тишкин, 2011], в приложениях опубликованы результаты изучения С.А. Григорьевым [2011, с. 149–169] металлургических шлаков, найденных на поселении. На основании ряда анализов (спектральный, минералогический, химический) и металлографического изучения образцов он рассмотрел существенный пласт елунинской металлургии, связанный с получением металла. Ученый считает, что на данном этапе изучения елунинской металлургии сложно делать какие-либо серьезные выводы в силу того, что на настоящий момент в распоряжении исследователей недостаточно данных.

В перспективе, для наполнения конкретным содержанием понятия «елунинский очаг металлургии» необходима реконструкция как всех этапов металлургического производства, так и социальной стороны вопроса. В этой связи актуальными станут комплексные исследования металла елунинской культуры, куда войдет не только интерпретация спектроаналитических определений, но и результаты визуального поверхностного изучения изделий на предмет выявления технологии изготовления, металлографии. Также необходимы полевые работы, включающие не только полевое

исследование поселений, но и объектов горнорудного дела. Изучение социальной организации елунинского металлургического производства может быть основано на методике, предложенной Е.Н. Черных [1976, с. 159–174]. Подобные научные изыскания позволят не только рассмотреть сюжеты социальной структуры елунинского общества, но и уровень развития самого металлургического производства.

С точки зрения концептуальных позиций все те работы, в которых, помимо демонстрации материала, предпринимаются попытки его интерпретации, написаны в рамках тех положений, которые разработал и озвучил в своих работах Е.Н. Черных [1970, с. 13; 1978, с. 53–82; 1989].

Научный руководитель – к.и.н., доц. С.П. Грушин

Библиографический список

Григорьев С.А. Шлаки с поселения Березовая Лука и проблемы металлургии елунинской культуры // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. С. 149–169.

Грушин С.П. Комплексы эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья и проблема формирования сейминско-турбинских традиций Северной Евразии // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2004. С. 158–161.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 392–395.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М. Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби (предварительные результаты металлографического исследования) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2010. Вып. 2. С. 27–35.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1992. С. 66–69.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Предварительные результаты рентгенофлюоресцентного анализа находок руды с памятника Березовая Лука // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 108–110.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.

Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 143–150.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Черных Е.Н. Металлургическая провинция и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. №4. С. 53–82.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ*

Впервые вся совокупность характерных черт, присущих памятникам северных предгорий Алтая, была обозначена А.С. Суразаковым [1989, с. 131–135]. Им также было предложено выделять их в особую чумышко-ишинскую группу. В это же время поднимается вопрос о существовании в этом районе самостоятельной «предгорной» археологической культуры [Тишкин, 1996, с. 27]. Позднее С.М. Киреев [1994, с. 118], основываясь на исследовании материалов Майминского комплекса, предложил назвать эту культуру быстрианской. Для погребального обряда обозначенной культуры наиболее важными признаками являются наличие каменных, каменно-земляных и земляных насыпей в качестве надмогильных конструкций, под которыми в большинстве случаев имеется всего по одной могиле, ориентированной по линии восток–запад. Положение погребенного – вытянуто на спине или скорченно на правом боку, головой на запад. В качестве наиболее яркого элемента отмечается обряд сопроводительного захоронения лошади в некоторых курганах, преимущественно к югу от человека. Рамки бытования быстрианской культуры определены VI–III/II вв. до н.э. [Киреев, 1994, с. 118]. Ее памятники локализуются в северных предгорьях Алтая, располагаясь в бассейнах Нижней Катунь и Нижней Бии, начальном течении Оби и среднем течении Чумыша. Это ряд могильников: Быстрианский, Бийск-1–2, Аэродромный, Юбилейный, Березовка, Красный Яр, Сростки-II, Енисейское-4, Майма-VI, VII, XIX, ЦРК, Маяцкие Бугры, Широкий Лог-2, а также поселения: Точильное-3, Образцовка, Березовка-3, Солонцы-I, Усть-Кажа и городища: Усть-Карагуж-I, Березовка-II, Усть-Иша-3а [Абдулганеев, 1992, с. 61; Киреев, 1994, с. 118; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 143, 154].

Цель данной работы – характеристика комплекса боевых средств быстрианской культуры. К настоящему времени предметы вооружения известны по материалам пяти погребальных памятников: Енисейское-4, Бийск-1, Бийск-2, Быстрианский, Боровое-5 [Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис. 1.-3, 8; 4.-5–6, 8–9; Завитухина, 1961, рис. 3.-9; 1966, рис. 2.-1, 2а–б, 12–22; 3.-12; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 3]. Помимо этого, есть ряд случайных находок, происходящих из ареала этой культуры: с горы Пикет (предположительно с разрушенных погребений могильника Сростки-II), р. Сухая Чемровка, а также из окрестностей Бийска и с. Верх-Озерное [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 10.-1–2, 5; Лихачева, 2007, рис. 1.-9].

Комплекс вооружения носителей быстрианской культуры включал защитные и наступательные средства. Доспех представлен одним видом – панцирем. «Панцирь служил для защиты корпуса бойца и покрывал, как минимум, его грудь и, как максимум, весь корпус, включая руки и ноги» [Горелик, 2003, с. 73]. На настоящий момент

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

известны две панцирные пластины. Они изготовлены из кости, по структуре бронирования являются чешуйчатými, длинной стороной направлены по вертикали, их форма трапецевидная (рис. 1.-17) и овальнопрямоугольная ярусная (рис. 1.-18). Обе пластины имеют по три отверстия, расположенных в ряд вдоль верхнего края. По аналогиям изделия датируются V–III вв. до н.э. [Горбунов, 1999, с. 48–49, 54].

Оружие состояло из предметов дальнего и ближнего боя. К первым относится один вид – стрелы. Это метательный снаряд колющего действия, предназначенный для поражения цели на дальней дистанции. Состоит из двух основных частей: поражающей – наконечника – и несущей – древко [Горбунов, 2006, с. 27]. По материалу изготовления наконечники стрел разделяются на бронзовые (15 экз.) и железные (1 экз.). Бронзовые наконечники по способу насада на древко – черешковые и втульчатые. Поперечное сечение черешковых экземпляров – трехлопастное и трехгранно-трехлопастное, абрис пера треугольный (рис. 1.-12–14, 16). Исключение составляет один трехлопастной наконечник с шипами и пятиугольным абрисом (рис. 1.-15).

Втулка у наконечников может быть скрытой или выделенной. У первых изделий есть шипы, сечение ромбовидное или четырехгранно-четырёхлопастное, абрис пера треугольный (рис. 1.-5, 11). Наибольшую серию (9 экз.) составляют наконечники стрел с выделенной втулкой. Все они трехгранно-трехлопастные с шипами, абрис их треугольный (рис. 1.-1, 3, 6–7, 9) и килевидный (рис. 1.-2, 4, 8).

Железный наконечник имеет втулку, перо округлого сечения и килевидного абриса (рис. 1.-10).

Рассмотренные наконечники стрел можно разбить на несколько серий по времени их бытования. Наиболее раннюю составляют изделия 1-й половины VI–V в. до н.э. К ним относятся бронзовые трехгранно-трехлопастные втульчатые наконечники с шипами и треугольным абрисом. Они имеют широкий круг аналогий в материалах савроматского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Смирнов, 1961, рис. 12.-A28; 13.-A23–28; 22.-B10; 23.-A29; 25.-B27–29; 26.-B27–28, 38, Г2]. Этим же периодом можно датировать наконечники стрел, близкие по характеристикам к вышеуказанным, но килевидной формы, они находят аналогии в материалах Нижнего Поволжья и у саков Приаралья [Итина, 1992, с. 37–40, табл. 4.-2; Смирнов, 1961, рис. 17.-Д8]. Ряд изделий датируется более узко, концом VI – началом V в. до н.э. Это бронзовые трехгранно-трехлопастные черешковые наконечники с треугольным абрисом пера, а также изделия со скрытой втулкой ромбовидного и четырехгранно-четырёхлопастного сечения, с шипами и треугольным абрисом и железный килевидный экземпляр. Аналогии данным типам происходят из Южного Приуралья [Смирнов, 1961, рис. 22.-A17–18; 23.-A33–34, 24.-A53–54]. VI в. до н.э. датируется трехлопастной наконечник с шипами и пятиугольным абрисом. Подобные изделия есть в материалах тасмолинской культуры Центрального Казахстана [Вишневская, 1992, табл. 52.-54–55]. К самой поздней серии относится черешковый трехлопастной экземпляр 2-й половины IV – III в. до н.э. Наконечники подобного типа известны в Южном Приуралье и Северном Казахстане [Смирнов, 1961, рис. 38.-Б7; Хабдулина, 1993, рис. 1].

Оружие ближнего боя представлено двумя видами: кинжалами и чеканами. Кинжалы – двулезвийное короткоклинковое оружие колюще-режущего действия с симметричным клинком, когда оба лезвия его равноудалены от центральной оси

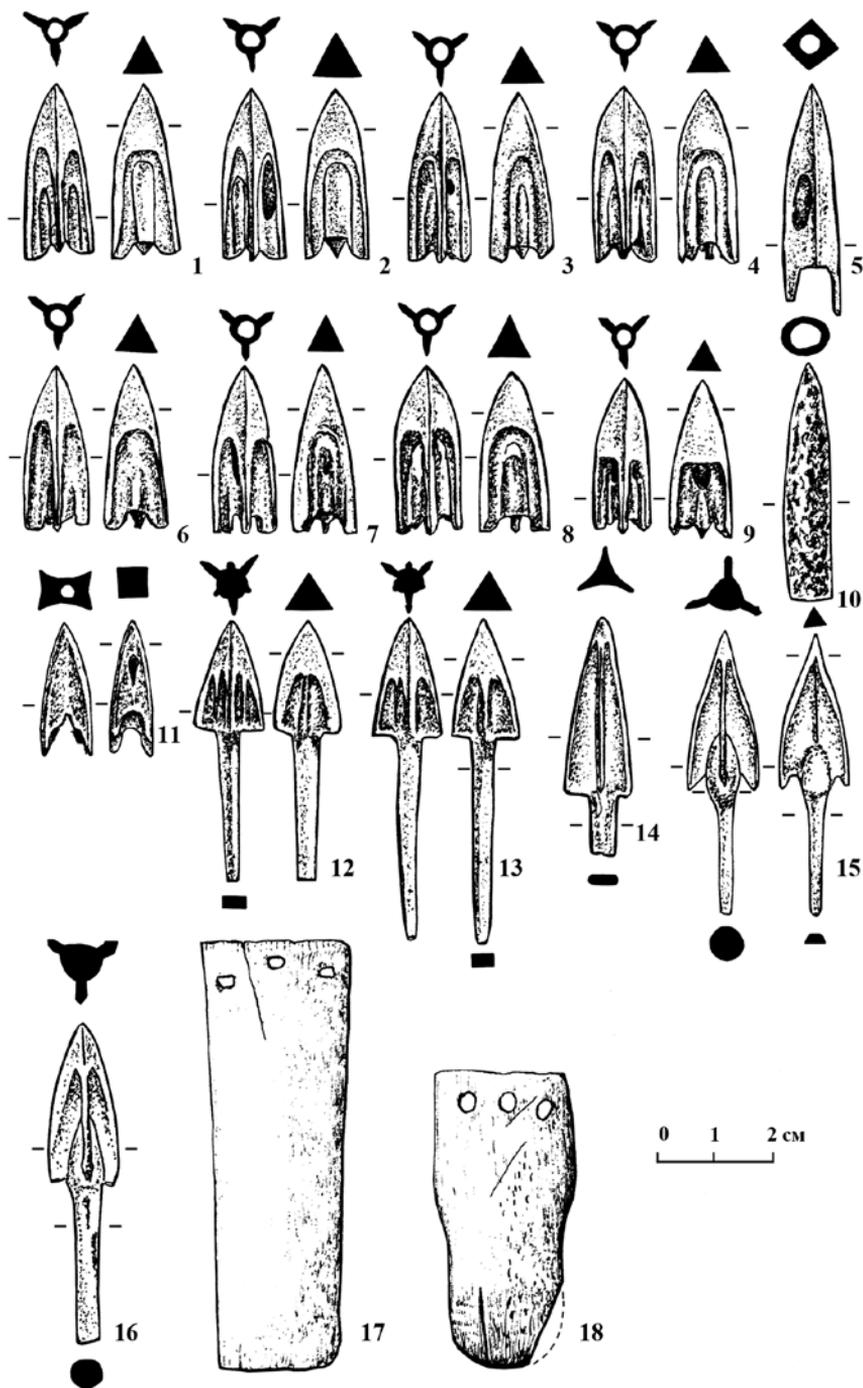

Рис. 1. Наконечники стрел и панцирные пластины быстринской культуры:

1-4, 6-9, 11-13 – Быстринское, к. №8; 5 – Быстринское, к. №14;

15-16 – Быстринское, к. №3; 10 – Енисейское-4, к. №1, м. 2;

18 – Енисейское-4, к. №4; 14 – Верх-Озерное; 17 – Бийск-1, к. №1

[Лихачева, 2010, с. 240–241]. Все кинжалы рассмотренной серии железные. Сечение клинка имеет линзовидную или ромбовидную форму. Линзовидные клинки треугольного абриса, с овальным или рожковидным навершиями на черене. У одного такого кинжала есть раскованное перекрестие ромбовидной формы (рис. 2.-1). У других перекрестие не сохранилось (рис. 2.-6–7). Изделия с ромбовидным сечением клинка также треугольного абриса. Навершия их значительно разнообразнее: рожковидное, валютообразное и дисковидное, все они имеют брусковидное изогнутое перекрестие (рис. 2.-2–4). Отдельно отметим два изделия плохой сохранности, у обоих фиксируется прорезь на черене, а у одного изделия брусковидное перекрестие (рис. 2.-5, 8).

Рассмотренные кинжалы практически не находят точных соответствий в материалах других регионов, но на основании аналогий отдельных их признаков нами выделено несколько хронологических серий. К самой ранней относится изделие с треугольным ромбовидным в сечении клинком и прорезным череном, датируемое концом VI – началом V в. до н.э. Как отмечает К.Ф. Смирнов [1961, с. 11, рис. 1.-4], такой элемент, как рукоять с прорезью, встречается у самых ранних савроматских мечей и кинжалов. Следующая серия датируется V в. до н.э. Это кинжал с валютообразным навершием и брусковидным изогнутым перекрестием и гладким череном, который имеет аналогии из Нижнего Поволжья [Смирнов, 1961, с. 19–20, 24, рис. 3.-3, 4; 7.-9–11]. К V–IV вв. до н.э. относятся кинжалы с рожковидным навершием и брусковидным изогнутым перекрестием. Указанные характеристики присущи савроматским изделиям Нижнего Поволжья [Смирнов, 1961, с. 19, 24, рис. 3.-3–4; 7.-9–11]. Аналогичны рамки бытования кинжала с треугольным клинком, брусковидным перекрестием и прорезным череном. Изделия с такими характеристиками есть среди вооружения саков Восточного Казахстана, а также тагарской культуры [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 141, табл. 56.-36; Членова, 1992, табл. 84.-17]. Самым поздним изделием в указанных рамках будет кинжал с дисковидным навершием и брусковидным изогнутым перекрестием. Аналогии подобным признакам встречаются в материалах ранних кочевников среднеазиатского междуречья и датируются II–I вв. до н.э. [Мандельштам, табл. 41.-4, 13].

Чекан – короткое древковое оружие ближнего боя с узким, горизонтально расположенным клинком, заканчивающимся острием [Горелик, 2003, с. 46]. Рассмотренные нами изделия изготовлены из бронзы и железа. Бронзовый чекан по оформлению насада относится ко втульчатым. Он имеет округлый в сечении клинок, овальный проух и обух, между втулкой и клинком присутствует декоративный элемент в виде головы птицы (рис. 3.-3). Среди железных чеканов есть как втульчатые, так и проушные. К сожалению, сохранность первых не позволяет охарактеризовать их полностью (рис. 3.-5–6). Проушные изделия имеют округлый (рис. 3.-2) или восьмиугольно-ромбический (рис. 3.-1) клинок. Проух может быть как овальным, так и округлым, обух у всех изделий достаточно высокий.

Рассмотренные чеканы также не имеют прямых аналогий, но по вышеописанным признакам мы можем выделить среди них различные хронологические серии. К самой ранней относится бронзовый втульчатый чекан. Аналогии его признакам есть в материалах VI–V вв. до н.э. тагарской культуры [Членова, 1992, табл. 84.-42]. Железные втульчатые изделия бытуют в рамках V–III вв. до н.э. Чеканы таких форм встречаются

ся у саков Кетмень-Тюбе [Заднепровский, 1992, с. 87–88, табл. 32.-10]. Железным проушным экземплярам пока не найдено близких аналогий. Отметим лишь, что Г.Е. Иванов [1987, с. 18] датирует их IV–II вв. до н.э., подчеркивая типологическую близость с изделиями из могильника Камень-II.

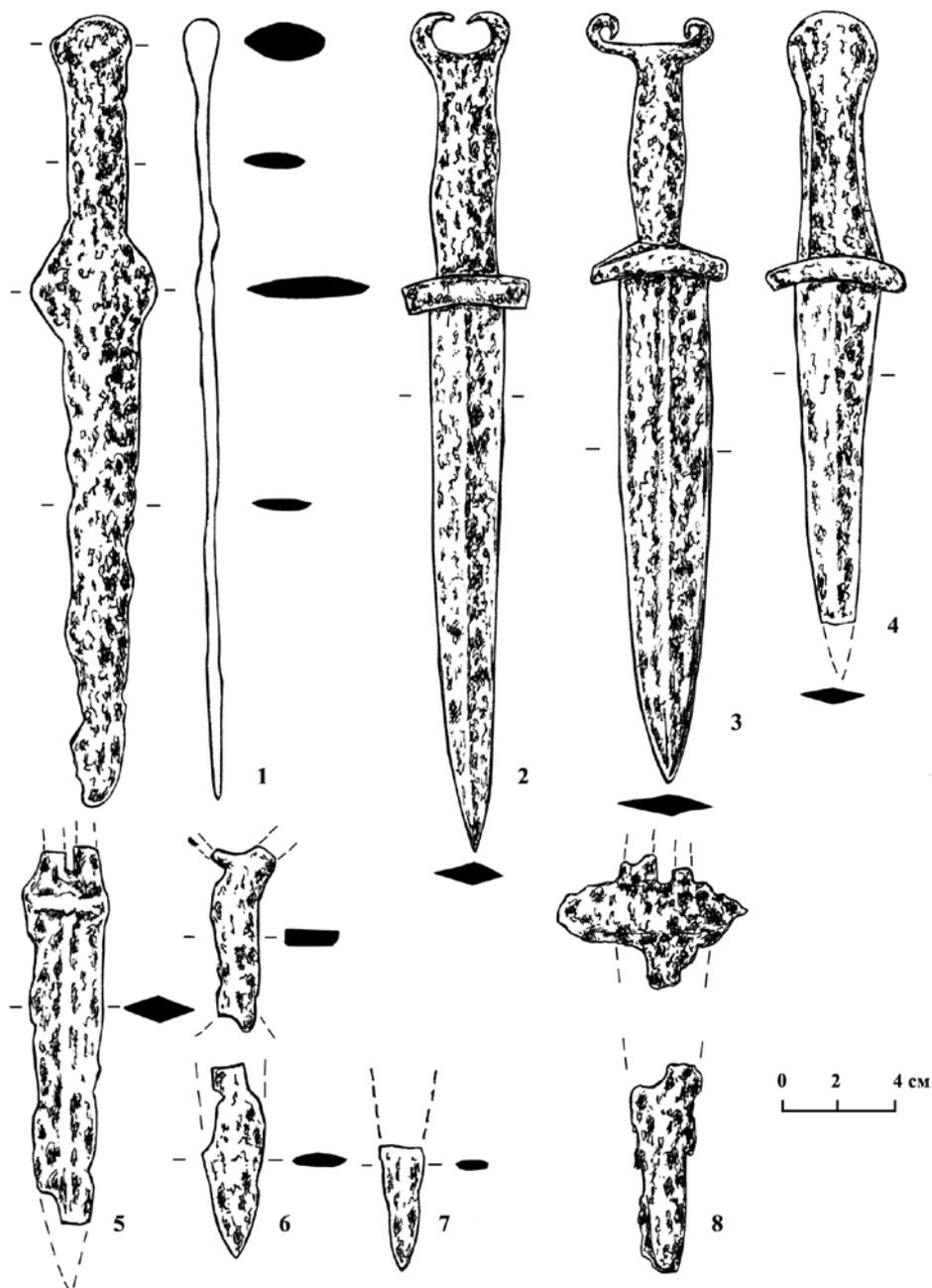

Рис. 2. Кинжалы быстрианской культуры: 1 – Быстрианское, к. №8; 2, 4 – г. Пикет (Сростки-II); 3 – р. Сухая Чемровка; 5 – Бийск-1, к. №5, м. В; 6–7 – Бийск-1, к. №1; 8 – Бийск-2

Отдельно охарактеризуем втоки чеканов. По материалу изготовления они делятся на бронзовые и железные. По профилю могут быть как симметричными, так и асимметричными. Различен и абрис втоков, в рассмотренной нами серии это подовальная или подтреугольная форма, а форма отверстия, в которое вставляется древко, округлая или овальная (рис. 3.-1, 4–6). Отдельные изделия имеют дополнительный элемент – отверстие в стенке, предназначенное для крепления к рукояти (рис. 3.-6). Бронзовые втоки описанных форм широко известны в сакских материалах и материалах Тувы VI–III вв. до н.э. [Заднепровский, 1992, табл. 32.-9; Мандельштам, 1992, табл. 74.-7; 84.-35].

Таким образом, комплекс вооружения быстрианской культуры представлен панцирными пластинами (2 экз.), стрелами (16 экз.), кинжалами (8 экз.) и чеканами (6 экз.). По материалам могильников можно выделить несколько наборов вооружения. Наиболее полный включает в себя наконечники стрел, кинжал и чекан (Быстрианское, курган №8). Следующий комплект состоит из двух видов вооружения – это панцирная пластина и кинжал (Бийск-1, курган №1), а также кинжал и чекан (Бийск-1, курган №5). Наиболее распространенными являются случаи, когда в могиле находится лишь по одному виду вооружения, причем среди них преобладают чеканы (Боровое-5, Майма-XIX, Бийск-2) и стрелы (Енисейское-4, курган №1, Быстрианское, курганы №3 и 5). Единичны погребения с кинжалом (Бийск-2) и панцирной пластиной (Енисейское-4, курган №4). Предварительно в развитии вооружения быстрианской культуры можно выделить два этапа.

Первый этап (VI–V вв. до н.э.) характеризуется значительным разнообразием форм оружия дальнего и ближнего боя. Среди наконечников стрел абсолютно господствуют бронзовые экземпляры, железные единичны. Они сформировались под влиянием савроматской традиции, к которой относится черешковый способ насада, ромбические и четырехгранно-четырёхлопастные сечения, наличие шипов, треугольный или килевидный абрис пера. Сакскими чертами в наконечниках стрел можно признать трехгранно-трехлопастное сечение, наличие втулки и пятиугольный абрис пера. На этом этапе применялись железные кинжалы савроматских форм с валютообразным и рожковидным навершием, брусковидным изогнутым или прямым перекрестием. Для кинжалов также стоит отметить наличие и сакских черт, таких как прорезная рукоять в сочетании с брусковидным перекрестием. В вооружении ближнего боя присутствуют также втульчатые бронзовые и железные чеканы. На формы первых оказывает влияние тагарская культура, что выражается в наличии прежде всего декоративных элементов между клинком и втулкой. Втулки у железных изделий говорят о влиянии сакской традиции на их формирование. В конце периода появляется чешуйчатый панцирь. По форме пластин и расположению отверстий он связан со скифским и сарматским доспехами.

На втором этапе (IV–II вв. до н.э.) происходит сокращение типов стрел, формы их упрощаются. К нему пока можно отнести только бронзовое трехлопастное черешковое изделие с треугольным абрисом пера, имеющее раннесарматские признаки. Подобные изделия получают широкое распространение среди североказахстанских племен, от которых могли попасть на Алтай. На протяжении IV в. до н.э. продолжают бытовать кинжалы вышеописанных форм. В IV–III вв. до н.э. находят применение чешуйчатые доспехи. Во II в. до н.э. появляются кинжалы с дисковидным навершием, которые яв-

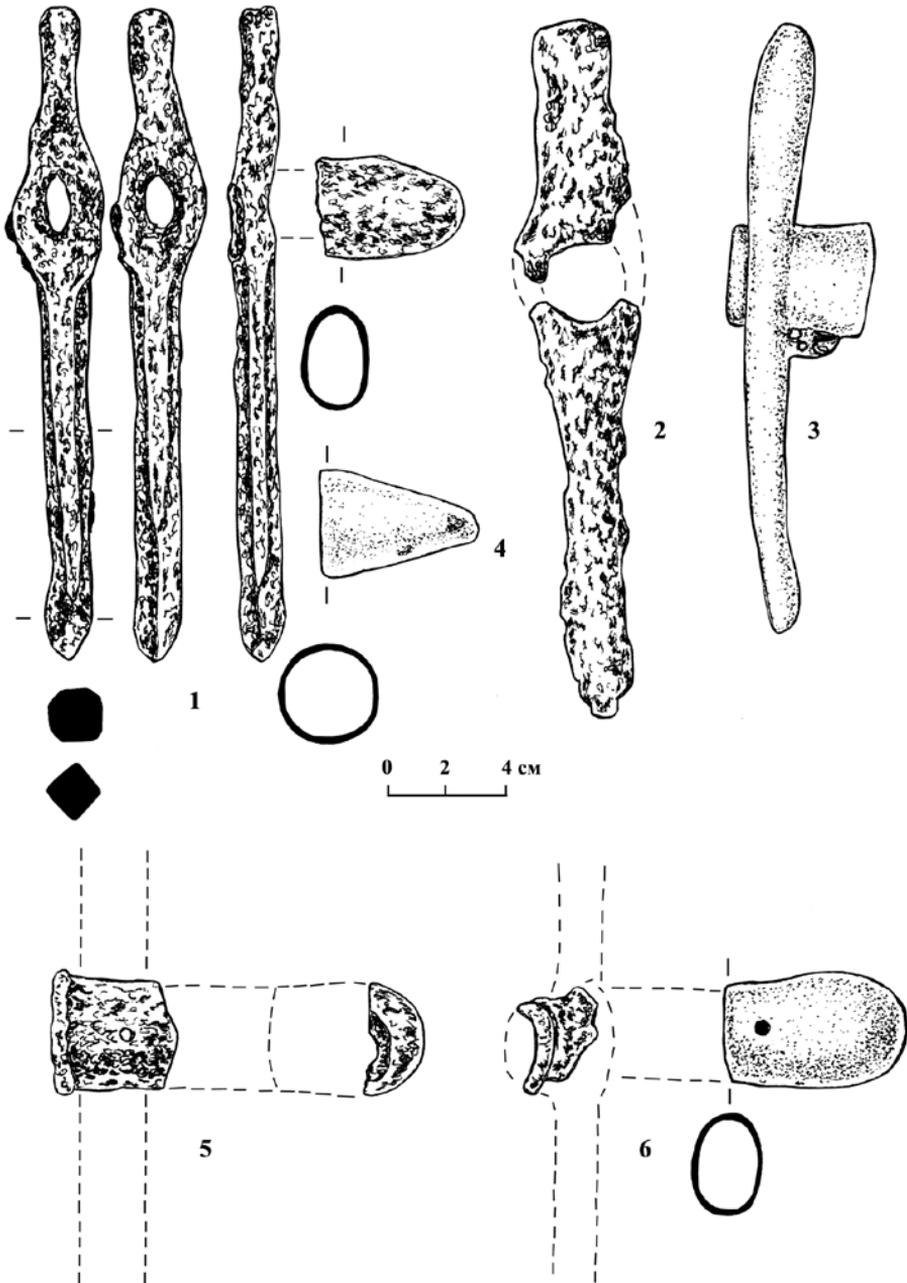

Рис. 3. Чеканы быстринской культуры: 1 – Быстринское, к. №8; 2 – Боровое-5; 3 – Бийск; 4 – Майма-XIX; 5 – Бийск-2; 6 – Бийск-1, к. №5, м. В

ляются продуктом влияния среднеазиатской традиции. Чеканы на этом этапе железные проушные, близкие к оружию соседней каменной культуры.

Научный руководитель – д.и.н., проф. В.В. Горбунов

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Сохранение, использование и изучение памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 52–53.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
- Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 140–148 (Археология СССР. Т. 11).
- Вишневская О.А. Центральный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 130–140 (Археология СССР. Т. 11).
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н.э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 47–55.
- Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесьи-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 156–166.
- Завитухина М.П. Курганы у села Быстрианского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. М.; Л., 1966. Вып. 8. С. 61–76.
- Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 3. С. 98–108.
- Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 87–95 (Археология СССР. Т. 11).
- Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31–47 (Археология СССР. Т. 11).
- Киреев С.М. Погребения быстрианской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992а. С. 54–58.
- Киреев С.М. Курганы Майма-XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992б. С. 39–50.
- Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрианской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 118–120.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.
- Лихачева О.С. Предметы вооружения и быта из археологической коллекции Верхозернинского музея Быстроистокского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2007. Вып. XVII. С. 175–180.
- Лихачева О.С. Морфологический анализ кинжалов эпохи бронзы Обь-Иртышского междуречья // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Иркутск, 2010. С. 240–242.
- Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 107–115 (Археология СССР. Т. 11).
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 168 с. (МИА. №101).
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.
- Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 25–28.
- Хабдулина М.К. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 24–43.
- Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 206–224 (Археология СССР. Т. 11).

РЕЦЕНЗИИ

О.В. Игнатьева

Пермский государственный педагогический университет, Пермь

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ К.А. РУДЕНКО «АРХЕОЛОГИЯ XX ВЕКА: ДВЕ ЖИЗНИ – ДВЕ СУДЬБЫ: О.С. Хованская и А.М. Ефимова» (Казань, 2010)

Книгу К.А. Руденко, характеризующую жизненный путь и научное наследие Ольги Сергеевны Хованской и Александры Михайловны Ефимовой, можно отнести к разряду публикаций, связанных с историей и историографией археологии, а также с гендерными исследованиями.

Учитывая, что дореволюционная российская археология была представлена главным образом мужскими именами, то представляется важным обращение К.А. Руденко именно к фигурам первых женщин-археологов в регионе. В связи с этим формулируется и основная задача работы – «показать истоки «женского феномена» в казанской археологии, обрисовать портрет женщины как в науке, так и вне ее в определенный исторический период (1920–1950-е гг.) в Татарии» (с. 7).

Несомненно, К.А. Руденко с поставленной задачей справился. Поскольку О.С. Хованская и А.М. Ефимова являются первыми казанскими женщинами-археологами, то представляет особый интерес сопоставить их биографии, показав, какие причины приводили не получивших специального археологического образования женщин к тому, что именно археология становилась их жизненной судьбой. А.М. Ефимова проработала более 20 лет в Государственном музее Татарской республики.

Самим автором книги формулируется убедительный ответ по данному вопросу: «Археология для людей, переживших военные годы, была ярким символом новой мирной жизни, обустроить которую приходилось, прежде всего, женщинам» (с. 155). Отмечается и «ключевой фактор» в появлении «женского феномена» казанской археологии, связанный с работой в Татарии в этот период известных ученых-археологов Николая Филипповича Калинина и Алексея Петровича Смирнова.

К.А. Руденко привлечены материалы личных архивов О.С. Хованской и А.М. Ефимовой, опубликованные документы, мемуары и письма, интервью, воспоминания, что позволяет объективно представить личности женщин-археологов, их вклад в развитие науки. В частности, автором формулируется отличительная особенность этого поколения женщин-археологов, которая проявлялась в «отсутствии стремления к получению степеней, так сказать, закреплению своих научных достижений» (с. 156).

Структура монографии К.А. Руденко представлена двумя основными главами, каждая из которых посвящена персоналиям О.С. Хованской и А.М. Ефимовой, и построены они с учетом историко-биографической характеристики, а также оценки научного наследия женщин-археологов. Учитывая, что исследования О.С. Хованской и А.М. Ефимовой охватывают разные направления средневековой

археологии Татарстана и вместе с тем слабо представлены в историографии, можно считать особой заслугой К.А. Руденко, что он не только собрал и привел полный список работ женщин-археологов, но и провел глубокий анализ их наследия.

Книга Константина Александровича Руденко, несомненно, заслуживает внимания и археологического сообщества, и специалистов по гендерным историческим исследованиям. Кроме того, она может быть рекомендована и широкому кругу читателей.

ПЕРСОНАЛИИ

Д.Г. САВИНОВ – ЮБИЛЯР

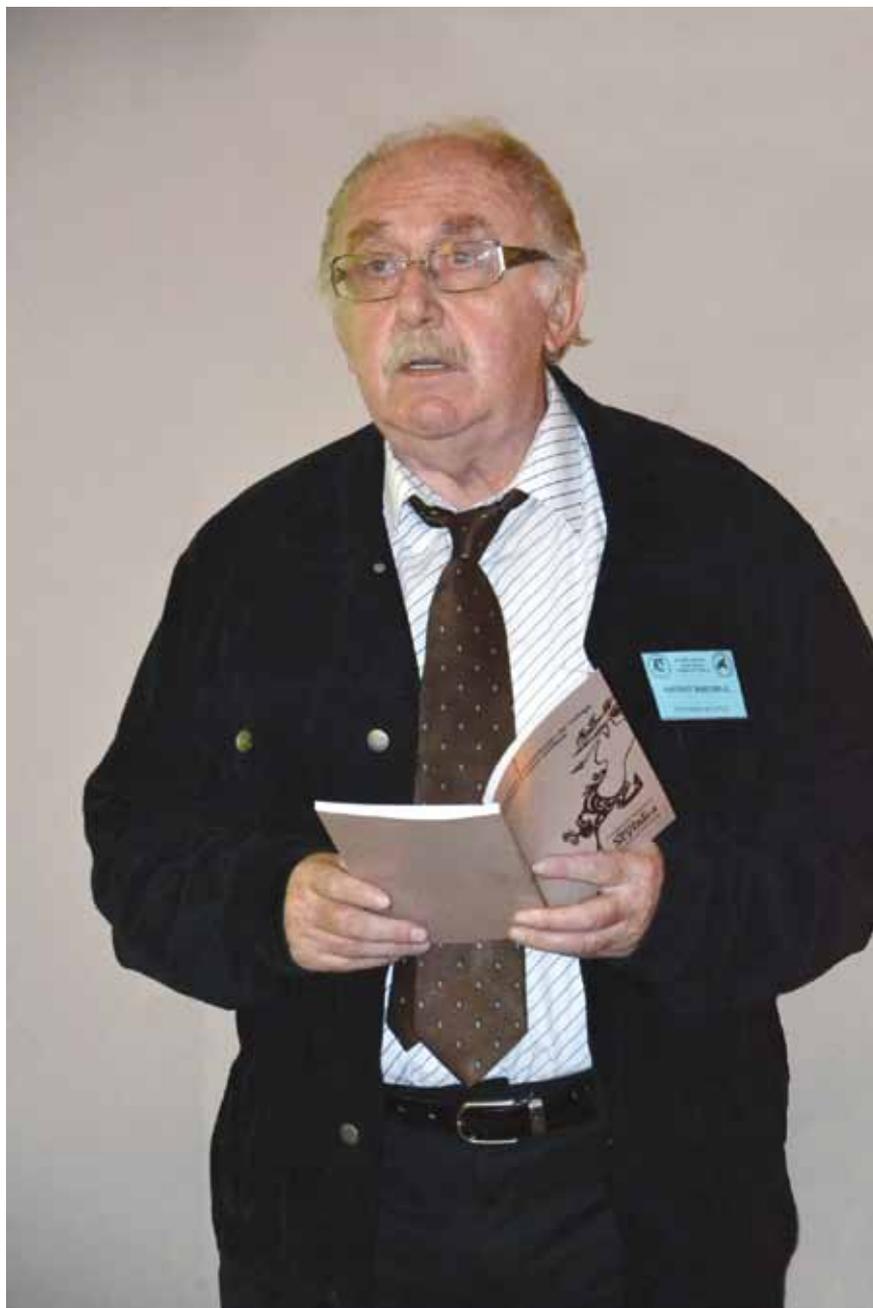
Дмитрий Глебович Савинов – российский археолог, доктор исторических наук, профессор. Он родился 20 марта 1941 г. в Ленинграде. В 1958 г. поступил на факультет теории и истории искусства Института им. Репина Академии художеств СССР, откуда в 1961 г. перешел на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского университета, окончив ее в 1964 г. После завершения учебы был зачислен в состав Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР, затем призван в ряды Советской Армии. С 1968 по 1989 г. работал на кафедре этнографии и антропологии ЛГУ. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X–XII вв.)». С 1984 по 1989 г. – старший, а затем ведущий научный сотрудник ЛО ИА АН СССР. В 1987 г. защитил докторскую диссертацию «Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири». В 1990 г. стал ведущим научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С 1991 г. – профессор, а с 1995 г. – заведующий кафедрой археологии СПбГУ. С 1965 г. проводит археологические экспедиции в различных районах Сибири. В течение нескольких лет работал на Алтае. В 1969–1970 гг. осуществлял разведки и раскопки в лесостепной зоне. В 1971–1973 гг. на территории Горного Алтая были проведены изыскания в районе хребта Чихачева, а также исследованы памятники скифского и тюркского времени в долине р. Узунтал (Кош-Агачский район Республики Алтай). Принимал участие в раскопках на плато Укок. Основная область научных интересов – культура и история древних и средневековых обществ Центральной Азии и Сибири от энеолита до монгольского времени включительно.

Д.Г. Савинов – автор более 350 научных работ, в том числе 15 монографий. В 2000 г. за цикл научных работ по истории и археологии ему присуждена Первая премия СПбГУ.

Соч.: Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984; Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994; Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994; Степные империи древней Евразии. СПб., 2005 (в соавт. с С.Г. Кляшторным); Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007 (в соавт. с Г.В. Длужневской); Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009; и др.

Лит.: Длужневская Г.В., Седых В.Н. Штрихи к портрету // Евразия сквозь века. СПб., 2001; Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая, Барнаул, 2004; Тишкин А.А. Савинов Дмитрий Глебович // Республика Алтай. Краткая энциклопедия. Новосибирск, 2010; Бобров В.В. Дмитрий Глебович Савинов – ученый и педагог // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово, 2011; и др.

А.А. Тишкин

Дмитрий Глебович Савинов, август 2011 г.

Фото 1. Большой и малый круглые алтари Северного Гонура на западном фасае.
В большом алтаре хорошо виден культовый двухкамерный очаг (2003 г.)

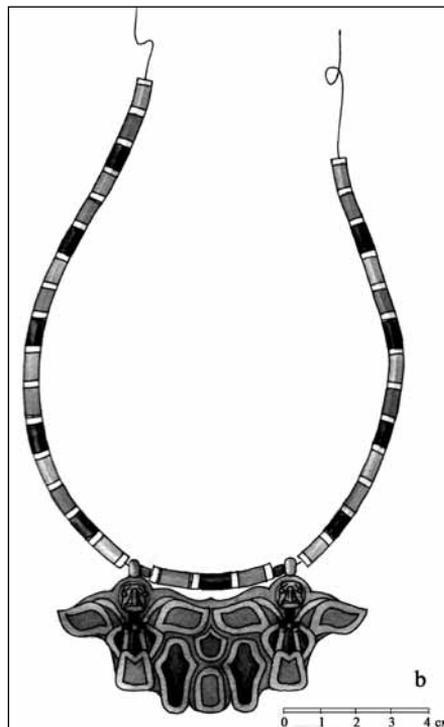

Фото 2. Бусы из полудрагоценных камней с серебряными подвесками:
a) погребение №2900; *b)* погребение №3280

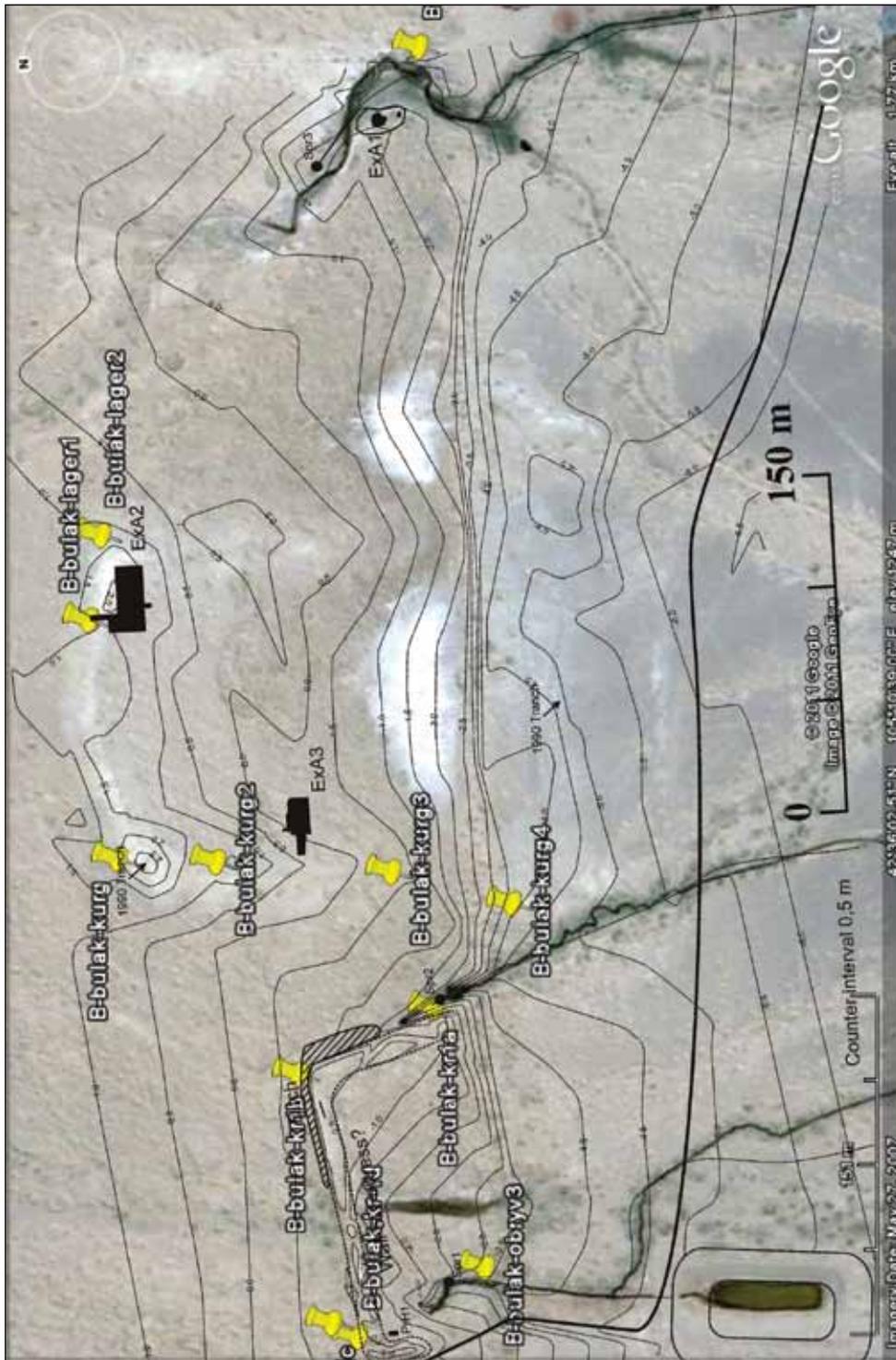

Фото 3. План поселения Баян булаг на космическом снимке

Фото 4. Баян булаг. Раскоп 2. Стена из сырцового кирпича

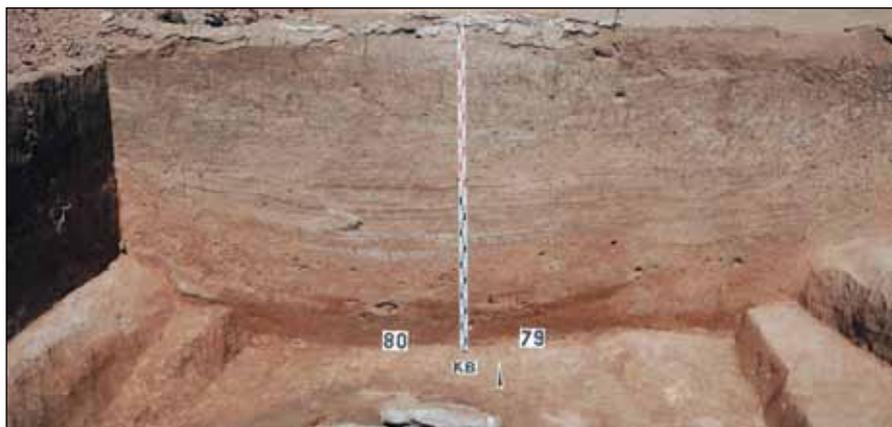

Фото 5. Баян булаг. Раскоп 2. Разрез слоев 1–3 по линии Ю–С в кв. 79, 80, котлован-1

Фото 6. Баян булаг. Раскоп 2. Линия котлованов-блиндажей

Фото 7. Баян булаг. Раскоп 1. Могила 1. Скелет S19. Вид перелома позвоночника и отсечения нижней части туловища

Фото 8. Баян булаг. Раскоп 1. Могила 1. Скелеты S17, S18, S19 (сохранившиеся in situ, части бедренных костей скелета S18 были сняты при полной зачистке нижнего уровня)

Фото 9. Баян булаг. Раскоп 1. Могила 1. Скелеты S1, S5, S10, S3

Фото 10. Телеутский Взвоз-I. Могила №32.
Фрагмент погребальной камеры с сохранившейся подстилкой из веток

Фото 11. Телеутский Взвоз-I. Могила №29.
Бронзовый наконечник стрелы
с остатками древка

Фото 12. Наконечники томаров из
памятников елуинской культуры

Фото 13. Яломан-II. Курган №57.
Фрагмент деревянного изделия,
покрытого лаком (фотоснимок
выполнен А.А. Тишкиным)

Фото 14. Яломан-II. Курган №62.
Погребение в каменном ящике
(фотоснимок выполнен А.А. Тишкиным)

Фото 15. Яломан-II. Курган №33.
Могила-1. Деревянная основа
жесткого седла (фотоснимок
выполнен В.П. Мыльниковым)

Фото 16. Яломан-II. Курган №31. Часть
каменного ящика с находками из дерева
(фотоснимок выполнен А.А. Тишкиным)

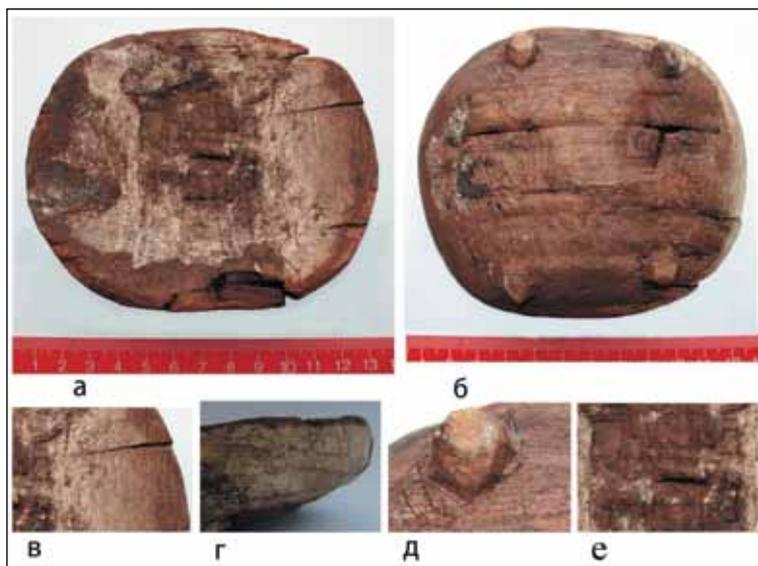

Фото 17. Курайка. Курган №48. Блюдо-столик: *а, б* – общие виды; *в* – налет на внутренней части блюда-столика; *г, д* – следы ножа; *е* – следы тесла (топора)

Фото 18. Курайка. Курган №49. Блюдо-столик: *а, б* – общие виды; *в* – следы ножа; *г* – следы тесла (топора)

Фото 19. Курайка. Курган №100. Фрагменты чашки-пиалы: *а* – фрагменты стенки с частью дна; *б* – фрагмент венчика

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей.
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию.
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
Б.и. – без издательства.
БРЭ – Большая Российская энциклопедия.
ВДИ – Вестник древней истории.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).
ИА – Институт археологии.
ИАК – Императорская археологическая комиссия.
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИФ – исторический факультет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КузГТУ – Кузнецкий государственный технический университет.
КИО – культурно-историческая общность.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет (ныне – СПбГУ).
ЛО – Ленинградское отделение.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ (Барнаул).
МИА – Материалы исследований по археологии СССР.
МЭ – Материалы по этнографии.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (Горно-Алтайск).
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
РА – Российская археология.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РОБХУ – Рукописный отдел библиотеки Хельсинского университета.
СА – Советская археология.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории.

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск 6

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 26.12.2011. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 17,0.
Тираж 350 экз. Заказ 560.

Отпечатано: ООО «Печатная компания АРТИКА»
656038, Барнаул, пр. Ленина, 54в, оф. 104.
Тел.: 8(3852) 500-072, факс 8 (3852) 500-772,
e-mail: artika27@mail.ru,
сайт: артика.рф